

Художник А. А.  
АМИРХАНОВ

Редактор В. В.  
ПРОСКУРИН

Автор благодарит за помощь в издании книги ООО «Пермрегионгаз», ООО «ЛУКОЙЛ Пермнефть», ООО «Инженерный центр «Энергоинформатика» и лично Долгополова Алексея Михайловича, ФГУ «Пермсельлес», ОАО «Минеральные удобрения», ЗАО «Прано-Полимер».

ISBN 5-88187-172-3

© Пьянков Б. Ю., 2003

## *Предисловие*

В последнее время появляется немало книг, рассказывающих о природе. Однако с сожалением приходится признавать тот факт, что далеко не все они находят путь к сердцу читателя. Одни кажутся поверхностными, другие, напротив, чрезвычайно перегружены сухой научной информацией, третьи лишены жизни, энергии...

Очевидно, что книга Бориса Пьянкова «Лесная душа» избежала этих недостатков. Автор великолепно использует накопленный им в долгом общении с лесом материал, талантливо создавая образы медведя и волка, лисы и зайца, кабана и лося, а также всем нам хорошо известных воробья, сороки, вороны... Тех, кого мы с детства знаем, видим, но не всегда догадываемся об их истинной сути. Автор понимает и передает все это со знанием дела.

Сложность написания книг о природе заключена в том, что автор должен выходить лесные рассказы, а потом уже написать. Книга «Лесная душа» — это исповедь человека, который сам прошел тысячи километров лесных дорог, выносил их в себе и создал полезную книгу о необходимости мудрого взаимоотношения людей с миром леса. В книге собран огромный материал, содержащий в себе ценные знания для школьников, студентов и людей, равнодушных к природе родного края, а также использованы русские пословицы и поговорки примени-

тельно к каждому зверю или птице. Эта книга будет интересна всем.

Что же касается поэтического вдохновения автора, то оно устремляется в самую глубину изображаемых предметов. Птичье пение, музыка природы, скрытые от человека звериные тайны — все это рождает удивительные ощущения и переживания. О чем бы ни говорил автор «Лесной души» — об осенней луне, о встречах с волками в заснеженном поле, о скрытой размеренной жизни под темным еловым пологом, он неизменно говорит о рождении высокой человеческой личности в ее общении с миром природы. Славно, что автор этой интересной во всех отношениях и полезной книги учит нас видеть природу и слушать ее. Встреча с лесным миром Бориса Пьянкова оказалась для меня далеко не рядовым событием...

**А. В. ЖОХОВ,**  
кандидат философских наук,  
доцент кафедры философии культуры  
и образования ПОИПКРО,  
лауреат премии Пермской области  
в сфере культуры и искусства.

*Когда постепенно стирается впечатление от твоего первого в жизни путешествия, которое было связано с далеким от Урала морем, и оно уже не приносит того непередаваемого восприятия и не дарит недостающие знания, так хочется не потерять все это навсегда и вновь ощутить теплоту радостных переживаний, остроту запахов, звуков и красок. Постоянно не покидает желание побыстрее отыскать для себя такой же неповторимый мир и опять отправиться в дальнюю дорогу, с головой окунувшись в ее упоительную нескончаемость, когда впереди тебя ожидает только по-настоящему родное и увлекательное. А она, оказывается, находится рядом, пролегает по безудержному раздолью полей и равнин, теряясь под таинственным пологом сказочного леса. Там, в неотразимой и близкой сердцу глуши, рождается удивительная, не замечаемая многими людьми жизнь, имя которой ЛЕСНАЯ ДУША.*

*Бесчисленные поколения глухарей, барсуков и медведей копят ее, из осени в зиму перебиваются в своем неведомом лесном царстве, чтобы когда-нибудь она приоткрылась человеку, целиком охватила его и, закружив, не отпустила, а лишь неназойливо направила к самому себе, между тем наделив древней невысказанной тайной, диковинными снами и тьмой. Однажды родившись, ЛЕСНАЯ ДУША обрекла себя во имя жизни на бесконечные, но такие сладостные мучения быть всегда загадочной и красивой, а ты, все чаще обращаясь к природе, понимаешь, что ЛЕСНАЯ ДУША — это и твоя собственная душа, которую ты почувствовал только в лесу.*

## Предзимье

Поздней осенью, когда еще не лег на землю снег, особо ощущаешь тишину, которая непроницаемо стоит над замершими деревьями, застылым озерком, уходящей вдаль пустынной дорогой...

Уже все деревья обрели листву, и только дубы жестко шелестят своими ржавыми листьями. Нескладными увальнями выглядят они по сравнению с притихшими осинами, березами и липами. Их размытые очертания еще сохраняют в себе уверенность: они не желают так скоро расставаться с теплом и крепко удерживают высохшие листья на черных ветвях.

Ветви упрямо упираются в бесцветную полосу осеннего неба, в стылом воздухе веет скорым приходом снега, над сухой подмороженной землей будто стелется чуть приметный дымок. На всем лежит покой, и природа, кажется, замерла, отдыхая от переполнившей ее жизни.

Уже давно ожидал ты первого чистого снега и знал, почти до мелочей, как это будет, но вот снег выпал, и белизна его сразу стала непривычной. Белое равнодушие заснеженных тихих полей и остановившегося пасмурного неба сначала на миг заморозило, а затем со всей ясностью обескуражило. Как серьезно то, что произошло! Вновь подступило предзимье...

...Воздух свеж, ароматен, спел. Липкий снег цепляется к подошвам сапог, и позади остаются темные следы. В них виднеются бурые примятые листья, которые прилипают к каблу-

кам, но кое-где все еще зеленеет трава. Изредка переступаешь поваленные осинки с обглоданными верхушками, и сразу представляется, как в ночной темноте здесь прыгали зайцы, обедая вкусную, сочную кору.

С первым морозцем словно сам молодеешь. Возвращаясь же в дом, расслабленно оттаиваешь, так что недавнее возбуждение и радость сменяются благостным настроением, пока опять не выйдешь во двор. Предзимняя тишина тогда быстро вселит в твою душу долгожданную уверенность, покой и надежду.

## Первый снег

*Ночью* на лес бесшумными хлопьями повалил снег. Зима пришла точно в те же числа, что и в прошлом году, только более уверенно, без надоедливых оттепелей и слякоти. Весь октябрь простоял тихим, сухим, и снег лег на чуть подмерзшую землю как раз вовремя.

Все, в особенности охотники, ждали первого снега с нетерпением. Они на разные лады пересказывали в своих нескончаемых беседах его качества, и древняя как мир страсть к охоте почему-то приобретала особое значение и интерес. Первый снег, по их понятию, представлял не что иное, как замечательное откровение природы, в котором она беспрепятственно обнажала свои самые сокровенные тайны.

Пропустить первый снег для охотника представлялось просто невозможным, подобная мысль даже не допускалась. К первому снегу начинали готовиться загодя, тщательно

перепроверяя охотничью амуницию и неоднократно прокручивая в памяти картины, которые снег когда-то щедро подарил. Первый снег олицетворял собой надежду на удачу именно в этом сезоне, и снежная чистота проясняла для человека не только отношения лесных обитателей, но и его собственную жизнь.

Первый снег — это удивительное и почти непередаваемое ощущение новизны. Ты как будто рождаешься заново, подойдя поутру к окну и неожиданно обнаружив за ним радостную перемену. Первый снег содержит в себе такой проникновенный свет, который не знает преград, хотя и быстро истаивает, уже к вечеру совершенно себя теряя. А с утра он первенствует во всем, наполняя души людей восторгом сопереживания с его чудесным появлением. Первый снег — это восхитительное открытие, которое замечательно тем, что его не ждешь, но оно рано или поздно приходит.

Хорошо встретить первый снег в деревне, где он наиболее естествен. Воздух там бывает проникнут им по-особенному — широко и раздольно. С первым снегом в деревне воцаряется тот покой, который возможен лишь рядом с лесом. Чтобы неподалеку начинались темные остроконечные ели, восторженно замершие под его кисейной пелериной, покосившийся забор только бы ожил от чуткого снежного прикосновения, как-то по-необыкновенному обрисовался, а и без того насыщенная деревенская тишина наполнилась еще большим радостным смыслом.

Первый снег всегда кстати, он никогда не бывает случаен, и если что-то способно излечить душу после нескончаемой осенней непогодицы, так это именно первый снег. Поначалу

он просто повергает своей нетронутой белизной, и ты понимаешь, что чище его ничего на свете не существует. Первый снег — это и первая, еще не окрепшая надежда, что все опять наладится, и первый праздник, с приходом которого кажется, что в жизни появляется нечто новое, чего раньше не было, и первое чувство уверенности в том, что ты все делаешь правильно. Первый снег ненавязчиво помогает разобраться в самом себе, вмиг окрыляет и в то же время успокаивает.

...Снег, открывающий собой самое неповторимое время года, тихо и величественно падал всю ночь и весь день, так что к утру следующего дня ноги утопали в нем уже по самое колено. Я тоже с нетерпением ждал его, искренне веря в пришедшую чистоту как в истинный и неповторимый небесный дар. И почему-то совсем не приходило в голову, что первый снег может вдруг обернуться настороженным белым молчанием или оторопелой боязнью для тех зверей, чье появление в эту пору представляется как нечто неминуемое, когда воцарившаяся в природе чистота неизменно манит их своей воображаемой доступностью и простотой.

Поднявшись до рассвета, я вышел в притихший лес, пронизанный трепетным лунным светом и спокойной белизной снега. Легкая туманная дымка заволакивала луну, но свет от нее не казался приглушенным. Он лился на замершую землю ровно, проникая в самые потаенные лесные уголки.

А потом манящая снежная чистота потихоньку завела и меня в глухую утробу леса, где течет скрытая от человеческого глаза жизнь, и я сразу почувствовал холодок неприступ-

ности, чуть ощутимо повеявший оттуда. Четко и ясно вдруг открылось, что первый снег может быть отрешенным от всего происходящего, оставаясь в то же время негласным защитником птиц и зверей. Он словно замораживает их, даже вроде бы намекает: не ходите пока по мне, не оставляйте своих следов, это обернется для вас непоправимой бедой!

Звери и птицы будто слышат предупреждения первого снега. Поначалу кажется, что они неразделимы с ним в своем понимании жизни, умело пользуются его мудрыми советами, предупредительно подыскивая себе место в самой глуши разлапистого елового леса, и поэтому несколько дней кряду снежная белизна остается почти нетронутой.

После недавней осени жизнь еще не приспособилась к первому снегу, и все вокруг как будто замирает. Лес стоит такой опущенный и онемелый, что от окружающей тишины становится не по себе. Слово птицы перекочевали в неведомые, труднодоступные края, порядком потревоженный зверь совсем исчез, и лес уже больше никогда и ничем не расшевелить, будто, припорошенный равнодушным ко всему снегом, он уснул непробудным тяжелым сном.

Но это, конечно, только невидимая сторона жизни лесных обитателей, которые не всегда умеют хранить свою тайну. Тайна эта заключает в себе скрытый смысл их потаенного существования, что постепенно, по мере углубления в лесную чащу, все же начинает приоткрываться, и первый снег невольно помогает в этом. Не в силах сдерживать свой восторг от воцарившейся в природе новизны, звери и птицы выбегают из своих укрытий, а где снег, там и след!

## *Косой черт*

За что только не почитали на Руси самого неприхотливого и любимого в народе серого зайку, но с неизменным уважением примечали и его дьяволицинку, так никем и не объяснимую. Люди верили, будто зайца черт сотворил и колдуны с ведьмами после захода солнца превращаются в зайцев, поедающих капусту, припасенную хозяевами в погребках. Поэтому зайчатины не пробовали, и встреча с зайцами в такую пору предвещала неминуемое несчастье.

Заслышав людской говор, топот лошадей или шум телеги, перебежит заяц дорогу, пытаясь перебраться в более спокойное место, и в этом уже видели верную неудачу. Непредсказуемые зайцы, по народному поверью, проигранные в карты одним лучшим другому и движимые их дьявольской силой, не вызывали у путников восторга и, переметнувшись ошалело из колка в колок, не только умиляли своей сказочной доступностью, но и чем-то необъяснимым пугали.

Зайца изрядно стреляли, ловили петлями и кулемами, добывали с ловчими птицами, но представление о том, что этот безобидный зверь связан с нечистой силой, тем не менее не исчезало. Оно неведомым существом до сих пор присутствует в нас и неотступно манит, так что нам отчего-то даже сладко жить с ним, по-детски забавляясь и не беря в голову ничего дурного.

Знающие люди уверяют, что, завидя в лесу бегущего зайца, нужно непременно свистнуть, отчего заяц может остановиться на минуту, насторожившись. Нехитрый этот прием усилит мет-

кость выстрела, потому как по сидящему зайцу стрелять заведомо легче.

Но в случае с нашим зайцем представляет особый интерес одна из многочисленных странностей, подсмотренных человеком у животных. Не желание во что бы то ни стало добыть зверя переполняет человека, а овладение некоей тайной, состоящей в неожиданной для зайца оторопелости от услышанного звука. Будто он грехов насотворял, да и не поплатился за то. И так давно это было, что уж позабыто все. Только некая настороженность, а более всего смиренность в зайце осталась, но если кто строго окликнет его, то заяц сразу же все вспомнит и замрет, поджавшись...

Видать, не ангельская то была душа, но и не черная. Хватало в ней и легкости с добродушием, и милого веселья. И еще казалось, что зверек этот слаб памятью только о своем полузабытом худом, отчего и выдается так его обаятельная простота.

И все же в зайце определенно сидит бесенок: гуляй-де знай, баловник, потешайся досыта, коли судьба такая уготована! Бывает, напугает беляк до смерти, выбросившись из-под самых ног, резко приостановившись где-нибудь у опушки, покосит назад, так что сердце тотчас обмирает, и задаст всю стрекача через валежник. Спohватившись, весело заулюлюкаешь ему вслед, но не можешь забыть остановившийся выпуклый глаз, глядя в который, всякий крещеный перекрестится, до того на него несветимой, будто проклятой силой повеет. Бес в зайце, должно быть, его от других зверей обороняет.

Заяц создан таким и, ровно сирота, своего загадочного рож-

дения не постигает, по чему особо и не тужит. Не замыкаясь на скрытом в себе темном смысле, он отдает волно простодушью и, напугав, тем же макарон тешит. Отдал заяц когда-то лесному богу душу, вот он его и терпит!

Необъяснимость поведения зверька в его поразительной открытости и пристальном внимании к свистящему звуку трогает человека гораздо сильнее, нежели возможность обыкновенного убийства, и он забывает про выстрел. Заяц своей доступностью словно околдовывает не перестающего удивляться человека, а сам между тем прыг-скок в пушистые елочки, да и был таков. Леший с ним, с косым чертом, сладит, говорят при этом, и на мой век еще зайцев осталось!

### *Ночная электричка*

-Хорошо отправиться ночной электричкой в зимний лес, когда внутренность вагона туманно отражается в толстых оконных стеклах. За ними еле просматриваются темные верхушки неподвижных елей и только ярко сияет месяц. В городе тоже видны огни фонарей и окон, но от их неясного света на душе почему-то становится тоскливо.

Проезжая станции, с замиранием наблюдаешь, как зажигаются на путях красные и синие огоньки. Они таинственны, и все время кажется, что огоньки вот-вот погаснут. Но они не гаснут и горят долго. Даже когда поезда их минуют, они продолжают тихо светить кому-то, как бы безмолвно переговариваясь между собой, но ни на секунду не отвлекаясь.

Моноotonно-усыпляющий перестук колес на прямых участках сменяется металлическим полязгиванием, когда вагон проходит повороты. Ярко освещенный изнутри, он бережно несет в своих стеклах отражение себя: желтые широкие скамейки, редких пассажиров, немигающие плафоны. Получается, что все внутри вагона существует еще помимо него самого, где-то сбоку, ближе к той темноте, за которой встает лес.

Туда очень хочется попасть, заглянуть под елки, пошевелить разлапистыми ветками, так что сбитый с них снег обязательно коснется щеки или угодит за шиворот. Там, конечно, никого не окажется, в лучшем случае следы, уводящие разыгравшееся воображение в чашу, но попытаться все же стоит — а вдруг?..

Это «а вдруг» тешит тебя на всем пути, и ты представляешь, как бы это было на самом деле, если вдруг застанешь кого-нибудь вот так, под елкой, и что предпримешь в первую очередь. Конечно, это будет непохоже ни на какой другой случай, ранее слышимый или прочитанный в умной и доброй книге о лесе, изучать которую наиболее увлекательно, возможно, только зимой.

За окнами электрички становится темно, когда она выезжает за город, и только изредка пробегает слабо освещенная безлюдная платформа. Иной раз мелькнет одинокая фигурка ожидающего, изо рта которого идет легкий парок, а неторопливый скрип валенок выдает хорошо сдерживаемое нетерпение сельского жителя, и, глядя на его закутанную неповоротливую фигуру, у самого в теле все начинает сладко неметь и постанывать, но приятная дорожная дрема невольно погружает в сон. И тогда уже не хочется думать ни о чем, кроме жизни леса, рождения желтого ясного месяца, пухового снежного покрыва-

ла, надежно укрывшего землю, и следов на нем, уводящих незаметно за собой...

В эти ночные часы на душе становится так хорошо, что можно ехать долго, до самого рассвета. Поезд мерно продолжает свой путь, а ты изредка поглядываешь за окно и видишь, как постепенно наступает рассвет. Станция приближается, и даже не хочется выходить, теряя накопленное тепло.

Плотный морозец ловко обхватывает все твое тело, вмиг наполняет звенящей чистотой, и вялость сразу уходит. Вместе с вялостью покидает его и суета, и, вдохнув еще несколько раз этот морозный воздух, сладкий печной дым, прямо поднимающийся в замороженное до неподвижности небо, вобрав в себя лес, чернеющий за приютившимися в глубоких сугробах домами, и отрывистый крик вороны, низко распластавшейся на мгновение над твоей головой, ты сам готов закричать от охватившего тебя восторга, как в детстве, когда кроме восхищения и веры, что они будут продолжаться бесконечно, ничего не было.

## *Веселые кабаны*

Обычно принято думать, что кабан — это крепкие клыки, мощная грудная клетка, неуязвимый загривок, называемый охотниками «калканом», и отчаянный напор зверя, перед которым не в силах устоять порой даже волки, но почти никогда не замечают его остренькие симпатичные глазки и круглый пяточок, уши-лопухи, хвостик пружинкой и очень коротень-

кие ножки с аккуратными глянцевыми копытцами, которыми он смешно семенит. Случается, конечно, что в злобе кабан топчет ногами землю, разъяренно трет о кору клыки и устрашающе пофыркивает, зато когда зверь спокоен, он то и дело сладко похрюкивает, будто от удовольствия. Не дикий кабан, а милая домашняя свинка!

И правда, у кабанов всегда такой вид, словно они только проснулись и оттого выглядят несколько взъерошенными. Их дремучие глазки смотрят на тебя недоумевая: что это такое большое, на двух ногах? Если зверь — тогда почему он так неприятно пахнет? К слову сказать, зрение у кабанов не из лучших, а вот нюх и слух — великолепны.

Кабан неотступно, не шелохнувшись, буровит тебя своим немигающим взглядом, но от этого становится не страшно, а смешно. Мохнатые уши, похожие на мочалки, торчат в разные стороны и придают грозному зверю такое выражение, что невольно улыбнешься. Довершает забавную картинку щетинистое рыло, всегда чем-то перепачканное и раздутое, будто кабан набил за щеки желудей или картошки, пережевать не успел, да так и застыл милым изваянием.

Не зря кабана в старину называли еще вепрем — значит, зверем свирепым и неустрашимым. Но не всем лесным обитателям, даже самым сильным, жизнь в лесу за счастье, особенно в зимнюю пору, когда кто-то весел, а кто и нос повесил. Кабанам бывает худо, если выпадает много снега и землю сковывает ледяная корка: не одолеть им на коротких ногах гибельные сугробы, не докопаться до желанных корешков, и кабаны нередко забираются в стога сена, где подолгу лежат, наслаждаясь теплом. Часто животные вынуждены про-

бывать в глухом снегу глубокие тропы: впереди — самый сильный секач, за ним — сеголетки и самки с детенышами. И так продвигаются кабаны до мелкоснежья, если хватит сил, и разве вспомнишь при этом, как говаривали когда-то на Руси: на медведя идешь — соломки бери, на кабана идешь — гроб теши. Слишком измождает зверей суровая зима.

Если кабанов не злить и попусту лишний раз не тревожить, то они действительно более забавны, чем сердиты, и, несмотря на свой воинственный вид, обладают добродушным нравом. Как и все свиньи, кабаны очень любят купаться в лужах. Обнаружив в лесу подходящее болото, даже по снегу, они разрывают почву и валяются в ней, пока не вымажутся грязью. После этого кабаны любят тереться спиной и боками о стволы богатых смолой деревьев. Смола, смешавшись с грязью и высохнув, образует на боках такой твердый панцирь, который не по зубам даже волкам и рысям.

Расторопные и живые кабаны беспрестанно снуют в зимнем лесу в поисках пищи. Тыкаясь мордами в корни деревьев, задевая жесткими боками их стволы, они обваливают на себя обильно скопившуюся на ветвях кухту. Прилипший снег застывает на их взмокших загривках и, постепенно обкатываясь, превращается в тугие мутноватые сосульки.

Словно сказочные бубенцы, гулко позвякивают они в лесу: далеко слышать их веселый перезвон в морозном прозрачном воздухе. Что-то необыкновенное чудится в этом звуке, за которым хочется следовать в самую глубь леса, уходя все дальше и дальше, пока он окончательно не растает в дремотной тишине, оставив тебя один на один с собственными догадками. Но истинное знание причины странного звона ничуть не разочаро-



ывает, а только прибавляет обаяния многоликой и удивительной природе.

Взвизгивающий возглас возбужденных чем-либо кабанов звучит как отрывистое и часто повторяемое «ве! ве! ве!», будто звери силятся произнести нечто веселое или восторженное, да ничего у них не получается. Но кабаны так заняты, что тебе тоже захочется, забыв обо всем, заверещать на весь лес от охватившего вдруг веселья. И если даже кабаны сами по себе невеселы, то они возбуждают это чувство, когда гуськом, как маленькие лошадки, семят друг за другом по груди в снегу, сосульки на их обмерзших боках позвякивают, и своим занятным видом кабаны способны развеселить и потешить всякого, кто, приходя в лес, видит в нем не только серьезную заботу, но и радость.

### *Войдя в морозный, зимний лес...*

Очень доступный и просвечивающий осенний лес, оглохший от тишины, наконец укрылся снежным пологом. В нем сразу появилась некая загадочность, от чего он стал еще более торжественным и притягательным.

В солнечный морозный день лес дарит ощущение вседозволенности. Маленькие обитатели леса беспрестанно щебечут, дружными стайками перелетают с дерева на дерево, беспокойно рассаживаясь на тонких ветвях, и вновь неожиданно срываются, как будто играя в непонятную игру. Все в зимнем лесу подчинено скрытому порядку, и кажущаяся пустой птичья суе-

та на деле оборачивается необходимой для поддержания жизни радостной размеренностью.

Солнце щедро, но в то же время сдержанно проливает свой желтовато-розовый свет, и придорожные кустики, уютно укутанные в снежный пух, поблескивают золотистыми огоньками.

То и дело дорогу перелетают вспугнутые сороки, ныряют в холодной голубизне дятлы, и где-то там, за верхушками елей, отчетливо раздастся хриплый крик раздосадованного чем-то воронья.

Все в лесу в такой день оживлено, и кажется, что стоит только заглянуть в него поглубже, как многое, благодаря даже незначительному усилию, в нем откроется. И ты, затаив дыхание, всматриваешься в еще неизведанную, но такую доступную жизнь и, конечно, всегда бываешь вознагражден.

Войдя в морозный, зимний лес, следует замереть на какое-то время и послушать внимательно, что происходит вокруг. Не бывает случая, чтобы ты не открыл для себя что-то новое.

Может быть, к тебе прилетят несколько гаичек и, усевшись в каком-нибудь полуметре, начнут свое звонко-скрипучее «чжиэ-чжиэ-чжиэ», как будто жалуясь на что-то непоправимое в своей неприметной жизни. А потом вдруг перейдут на требовательный свист: «пююй-ци-ци, пююй-ци-ци, пююй-ци-ци».

Неслышно порхая невесомыми серенькими комочками, они присаживаются на веточку так, словно вот-вот упадут с нее, и, помогая себе длинным хвостиком, восторженно покачиваются, готовые в любую секунду сорваться. Вездесущие, неугомонные, они напоминают о себе всюду, но их, по боль-

шей части, не замечают. Обидно им должно быть от этого, вот они и беспокоятся. Те же, кто всегда примечает этих неугомонных птичек в морозном, зимнем лесу, прозвали их «пуховичками».

Наиболее приметная фигура среди лесных птиц, особенно в зимнюю пору,— дятел. Его громкое, совсем не подходящее для него пение «ки-ки-ки-ки», сочетающееся с отрывистыми беспокойными возгласами, слышится повсюду.

Непонятно, чего в дятле больше: суетливости или трудолюбия. Дятлы беспрестанно перелетают над лесом, меняют одну сушину на другую, и кажется, что нет в их передвижениях никакой системы. Выбрав же подходящее дерево, они, забывая обо всем и не обращая никакого внимания на происходящее вокруг, начинают усердно долбить, так что сучья с трухой обильно сыплются на снег. По этим отметинам легко определить: здесь побывал неутомимый дятел.

Гнездится дятел в дупле, которое долбит сам, причем пара дятлов выдалбливает несколько гнезд, а поселяется в одном. Дятлы как бы предоставляют их другим птицам, которые сами не могут их делать.

Дятлы очень многочисленны. В морозный солнечный день их звонкое перестукивание не нарушает лесную тишину, а скорее дополняет ее. Сами же птицы, особенно большие и малые пестрые дятлы, никого не боятся. Они слишком заняты своим делом.

Их прямолинейная непринужденность откровенно притягивает. Вполне возможно, что у них даже нет врагов. По крайней мере сами дятлы относятся к ним вызывающе равнодушно. Для этого достаточно взглянуть на окраску, особенно у самцов.

Природа позаботилась о пестроте птиц, удачно скрывающей их от многочисленных хищников, но дятлы этим не удовлетворились и пожелали приобрести броскую алую шапочку и ярко-розовое пушистое подхвостье. В дополнение к своей громкой известности они хотели еще и неотразимо выглядеть.

Правда, более чем нескромными оказались только самцы, которые перед другими птицами, обитающими в зимнем лесу, рябчиками, тетеревами и глухарями, все же остались в долгу. Столько яркого, приметного цвета не имеет ни одна из этих птиц: им киновари досталось только что на брови... А кто-то не достаивается и такого природного дара.

Бывает, в самой середине января выдастся пасмурный денек, но в нем таится какое-то оживление, которое то приближается к тебе, то удаляется. Его вносят чечетки, махонькие, невзрачные птички с серовато-дымчатым оперением, которые всю зиму держатся дружными стайками. С неугомонным щебетом срываются они с одной березы на другую, и в белом отрешенном затишье начинает вдруг чудиться, будто это облетают и ложатся на снег сами верхушки...

Чечетки лишь издали кажутся невзрачными, на самом деле они замечательные! Только зимой, среди заснеженной лесной тишины, можно услышать громкое «чи-чи-чи, чи-чи-чи, чи-чи-чи» или «чет-чет, чет-чет, чет-чет». Птички немедленно облепляют именно березы, повисают на тонких веточках, часто боком или даже вниз головой, и их это нисколько не беспокоит. Главное: они нашли еду — семена березы, висящие на деревьях колбасками, и пусть маленькие птички останутся на некоторое время без нашего внимания, пробуя свое любимое блюдо. Хорошо, что они есть!

Пройдет немного времени, и стайка чечеток с громким щебетом снимется с места и улетит дальше. Чечетки кочуют всю зиму по заснеженным лесам, и ничто их не обескураживает: был бы корм. Им нипочем и крепкие морозы, и лютые метели, и отсутствие солнца. Всегда они оживлены, вездесущи, — маленькое, но неотъемлемое украшение зимнего леса.

Еще это украшение заключается и в крохотной алой капельке, которую они умудряются мгновенно перевести с самой макушки на лоб, и выглядят при этом нахохленно, даже несколько воинственно. Но, присмотревшись попристальнее, понимаешь, что ждать какой-либо рассерженности от такой птицы немислимо, и тем не менее шапочка то и дело перебегает с макушки на лоб и обратно, словно птичка отчего-то хмурится и тут же забывает об этом. Скорее всего, такое поведение — верный и, может быть, единственный признак существования у чечеток сигнальной системы, предупреждающей о присутствии друзей, врагов или же указывающей необходимое решение для большинства птиц в полете, когда красная шапочка вожака хорошо видна всем членам стаи. Перемещая ее на лоб, он дает соплеменникам предостережение, призывает их к вниманию или сообщает сигнал к снижению.

Есть в нашем лесу еще одна птичка, красная шапочка которой вызывает у всех восхищение, а для самих птиц является примером их заслуженной гордости, — королек. Поскольку короны носят короли, маленькая птичка, не без оснований, тоже получила подобное прозвище, но ее размеры не позволяли в полной мере называться таким громким именем, и она осталась всего-навсего корольком. Не выделяясь среди остальных птиц королевской расцветкой, присущей цар-

ственным особам, птица получила от природы яркий головной убор, позволяющий отличить ее от своих собратьев. Ведь многие пернатые обладают удивительной способностью голосов к подражанию, а имея к тому же и довольно распространенный в своей среде наряд — серо-зеленый, королек рисковал заблудиться в обилии представителей разных видов. Красная шапочка давала возможность быстро угадывать собственных соплеменников и выделяться среди других птиц, когда зима уравнивала всех обитателей леса в их неотъемлемых правах.

В морозном зимнем лесу всегда есть место сказке, и красногрудые клесты, напоминающие собой живые шишки на рождественской елке, — одно из ее проявлений. У опушки, на полянке, с краю укромной просеки или в глухом лесу — всюду можно услышать отрывистое вскрикивание клестов и шорох в еловых верхушках. Зима — время для них трудное, вся энергия птиц направлена на добычу пропитания и выведение потомства, но, несмотря на то, что им во что бы то ни стало нужно выжить, клесты все проделывают радостно. Так бывает всегда, когда птица, зверь или человек просто честно выполняет свои обязанности, может быть, даже не думая об этом и не постигая своей божественной принадлежности, но для природы все их заботы оказываются чрезвычайно дороги.

Может показаться странным, что в самое холодное время года у клестов появляются птенцы, за что их даже зачислили в «святые птицы», но это небезосновательно. Клюв у клестов крестообразный, что соответствует легенде, по которой птицы при распятии Христа старались клювом вытащить гвозди, дабы

спасти святого от гибели, при этом скривили себе клюв, да так, с перекрещенным клювом, и остались. За то якобы клестам и особенная награда дана: после смерти эти птицы не подвергаются гниению.

На самом деле таким клювом легче добывать семена из-под чешуек шишек, что клесты наилучшим образом и демонстрируют. Сосновые и еловые семена содержат много смолы, которая незаметно накапливается в птицах, и так, постепенно, клесты просмаливаются и могут долгое время сохраняться, не поддаваясь гниению после смерти. И все это придает клестам ореол некоторой таинственности, маленького лесного чуда.

Что же касается их появления на свет посреди зимы, когда всю трещат морозы и махонькие птенчики рождаются голенькими и беспомощными, но не замерзают, то святость клестов подтверждается их образом жизни, в частности питанием. Близкое присутствие шишек позволяет взрослым птицам не покидать своих детей, находя питание рядом с гнездом, которое, кстати сказать, надежно утеплено даже для самых сильных морозов: стенки его толщиной в два пальца, внизу теплая подстилка, сверху — заботливая мамаша, которая, сев на первое яичко, уже не слетает с гнезда, пока птенцы не покинут его. К марту шишки совсем раскрываются, усеивая снег буровато-рыженькими семенами, и это помогает клестам выколупывать их из плотно прилегающих друг к другу ячеек, а молодым, только покинувшим гнездо птенцам облегчает самостоятельную жизнь.

Правда, крестообразным клюв стал не сразу, птенцы появляются на свет с прямыми клювиками. Родители кормят своих детей образующейся в зобу кашицей из полупереварен-

ных семян еловых шишек, созревающих именно в эту морозную пору, и только когда родившиеся птенцы начинают кормиться самостоятельно, их клювы меняют форму. Верхняя половинка постепенно загибается вниз, а нижняя — вверх, и маленькое чудо природы превращается в замечательную реальность.

Сами шишки, не тронутые птицами и выбросившие весь запас своих семян на начинающий оседать снег, необыкновенно увеличиваются в размерах, набухая от влаги, и неожиданно приобретают на свежих зеленых верхушках очень выразительный, ярко-красный цвет. Шишки будто пронизаны этим радостным светом изнутри, и, глядя на такое чудо снизу, почему-то сразу понимаешь, что солнце, роняющее жаркие лучи на громоздящиеся по веткам волшебные гирлянды, тут ни при чем. Хорошо, когда человек может задуматься обо всем и все объяснить, если, конечно, захочет, потому как нет на свете ничего лучше, чем проникать в суть жизни и радоваться ей, особенно в морозном, зимнем лесу!

Лес большой, сильных и независимых обитателей в нем немало, но самые храбрые и привлекательные, как ни странно, именно крохотные. Напыженного, жарким огоньком рдеющего на белом фоне зимы снегиря знает каждый, а ему до этого нет никакого дела. Как бы подчеркивая свою неустрашимость и полное безразличие к своей судьбе, снегирь появляется в лесу казалось бы в самую неподходящую пору — поздней осенью, когда на землю ложится снег. Появление в это время и обусловило его имя — снегирь, птичка, прилетевшая с первым снегом.

Снегири — птицы не только привлекательные, но и весьма

солидные: никогда не торопятся, не суетятся и, несмотря на свой малый рост, держатся с достоинством. Неспешно перелетая с рябины на рябину, они сыплют подмороженной ягодой и очень мелодично пересвистываются. Песенка их несколько однообразна, зато всегда приятна для слуха и заметно оживляет хмурый заснеженный лес.

В отличие от вездесущих воробьев, между снегирями никогда не увидишь драки, поскольку они дружелюбны. Скромная, почти неприметная подруга снегиря, лишенная яркого наряда, похоже, не испытывает беспокойства за свой невзрачный вид, ведь весеннее солнце красит грудь самца только для нее... В общем, снегيري — это трепетные птички сердца, у которых, кажется, отсутствует всякая боязнь, и они уверены в своей вечной молодости.

Слов нет, как мы радуемся приходу зимы, и прилет снегирей — одна из ее самых красочных и любимых нами примет. Но для чего же все-таки природа наделила их такой выразительностью? Попусту она никого обижать не станет: снабдив волка силой и бесцеремонностью, она пожалует ему серую, невзрачную шкуру, а маленькому снегiry вдохнет в сердечко капельку бесстрашия и оправит гордую грудку пурпурным пухом. Снегiry от этого жить станет радостно, и никакой страх ему уже нипочем.

Ждет не дождется снегирь в холодных краях, когда можно будет рябинки-ягодки вволю поклевать, старые места вспомнить и новые облюбовать. И вот пришла наконец зима на северную землю, завьюжила колючими метелями — настала пора снегiry на юг перебираться.

Журавли или гуси всегда выстраиваются стройным поряд-

ком, острым коленом вперед, а махонькие снегيري сбиваются в дружные стаи, взвиваясь над лесом розовато-волнообразными облачками. Боязно за них: кажется, вот-вот усталыми комочками повалятся на землю, не выдюжить им дальних расстояний. Но летят неустрашимые кочевники, несмотря ни на что, потому как знают, что после многоцветного жаркого лета люди тоскуют и ждут их под своими опустевшими окнами. Как удивительны эти живые комочки, перелетающие на маленьких крыльях в холодную, зимнюю пору, а человеку, войдя в сказочный зимний лес, остается только радоваться, несмотря на самый трескучий мороз!

### *Под Рождество*

Стоит ночь, огромная тьма объяла все вокруг, а в лесах шумит ветер. Он словно говорит о своей неукротимости, которой очень гордится, настойчиво советуя обратить на себя внимание. Временами я чувствую его разгоряченное волнение, и сердце учащенно начинает биться в груди.

Тьма и холод зимы бросают в приподнятое настроение от неизвестности окружающего пространства. Оно возбуждает кровь в жилах и возвышает душу, имеющую потребность к радостному оцепенению перед ночным лесом: хотя ничего и не видно, но до жути приятно. А без сказочной тайны и правда не стоит.

Не верится, что где-то, среди этой темноты, бесчинствуют волки. В такую пору они, должно быть, охвачены неясной тре-

вогой от собственной наглости и голода, в сладостной истоме мучительно переживая его на дне глухих оврагов. Неприятный ветер и бездонная темнота одолевают мятущимся желанием неразлучимого слияния с ними или хотя бы легкого забвения в неутомимой волчьей жизни.

Через какое-то время, достаточно глубоко прочувствовав это единение, я уже не слышу монотонного завывания ветра, не вижу беспросветной темноты. Мир обременительных ночных зависимостей постепенно отходит куда-то за пределы твоего знания, так что остаются только тишина, волки, сказочно по-сверкивающие из чащи своими аметистовыми глазами, и свободный дух, который безропотно несут в себе самые выносливые звери. Непередаваема дикая глубина, растворенная в каждом волке.

Волки стаятся в это время под десятой сосной, рыщут артелями, жмутся поближе к селам. Видно, быть недороду. Повсюду встречаются их следы, они пересекают дорогу: не миновать запоздалому путнику беды!

Волчий месяц гонит зверей к силам тьмы, что оживают перед самым Рождеством. Колдуны и ведьмы — его неперемные герои, их обличья неисчислимы, и самое злое — волк-оборотень. Только под Рождество колдун втыкает нож в осиновый пенек, кувыркается через него и становится волком. Если нож унести и не дать зверю обратного хода, он навеки останется в волчьей шкуре.

В январские ночи, под самое Рождество, зима водит свои торжественные хороводы, а люди сидят у печи да тешат душу давними сказками и преданиями. Но, несмотря ни на что, тянутся сквозь снега нескончаемые санные пути-дороги. Серди-

тый мороз бодает через одежду колкими рогами, рвет холодом стволы берез и сосен, еще пуще зажигает на небе звезды, никому не дает спуска.

Мерно скрипит под санями снег. Дорога вьется между деревьев серебряным замысловатым узором, а в воздухе неторопливо кружат пушистые хлопья. Они будто остановились, отчего начинает казаться, что кто-то тихо идет тебе навстречу. По отворотам тулупа шуршат еловые ветви, сдержанно сияет с неба луна, и пахнет рождественским морозом.

## *У полыньи*

зимнее утро было неживым, мгlistым. Небо, кажется, всей грудью навалилось на землю, не давая ей хоть сколько-нибудь передохнуть, а воздух неприятно копошился, стелясь меж стволов рваными, тягучими слоевищами, отчего все время чудилось, будто кто-то бросается к тебе, пытаясь напугать, но, мгновенно отпрянув, тут же исчезает. И только свежий волчий след спокойно и твердо тянулся вдоль пологого берега реки, растворяясь в густом темном ельнике.

Желая посмотреть его выход, я обошел лесок верхом и вскоре наткнулся на уже разгоряченный звериный галоп. Волк, видимо, почувшавший меня, уходил на махах через открытое поле к дальним березовым колкам, бесприютно замершим по склонам неглубоких отложков.

Через полчаса, возвращаясь по волчьему следу, я вышел к укромной промерзшей заводи. Под самым берегом в зеле-

новато-мутном вспузырившемся льду обнаружилась прогрызенная, с изодранными краями полынья. Повсюду валялись смерзшиеся волосяные комки, лед был изрыт когтями в глубокие борозды, а снег вокруг воды был плотно утопан.

Стояли крепкие морозы, и по тому, как тщательно поддерживалась зверем открытая вода, было ясно, что приходит он сюда не случайно. Подойдя к самому краю полыньи и заглянув в неживую тяжелую воду, я вдруг увидел затиснутую между откосым берегом и льдом бесформенную грудку тел, в которых постепенно различил разбухших овец...

Лишь вечером в деревне мне сказали, что в самом конце лета коровы, привыкшие возвращаться с пастбища вплавь, увлекли за собой небольшое стадо овец. Овцы, тупо следуя одна за другой, все поголовно угодили в сильный водоворот, который прибил их под берег, в тихую воду. Холодные подземные источники сохранили мясо, так что оно пролежало до самой зимы, постепенно вмерзнув в полуметровый лед.

Волчица (судя по следу, это была именно она) всю зиму приходила лакомиться бараниной. Со временем ей все тяжелее было выволакивать одеревеневшие туши наверх, и она, охваченная неукротимым, все возрастающим раз от раза желанием, разъяренно кромсала лед острыми когтями. В бессилой злобе от невозможности дотянуться до лакомого куска волчица, наверное, с нетерпеливым урчанием грызла пресное безвкусное крошево, в оцепелом безумии проклиная у этой затерявшейся в лесу полыньи свою вынужденную угнетенность и голодную зиму.

## *Синий вечер*

Вечер — это пора между концом дня и началом ночи, время около заката солнца, та вечерняя страна, что переполнена волшебной синевою. В нее каждый может попасть, но не всякий сразу разглядит, хотя вечерует синева всегда так, словно справляет праздник души. Все не спеша подготовит, подведет к нему тихонечко и настроение поднимет, а человек ничего и не заметит: просто воспримет незаметно подступивший вечер как привычное и чудесное откровение — и обрадуется.

И хоть говорят, что утро вечера мудренее, да у вечера своя верная сметка имеется и благородное поведение. Судачит день до вечера, а слушать нечего. Только у вечера рождается потребность достойно заявить и преподать себя. Именно он покажет, каков был день. Недаром в народе замечали, что хвалить и звать день лучше по вечеру, а если он еще по-зимнему таинственный и синий, то хвалить уже надлежит саму жизнь!

Синий вечерний цвет такой глубокий, что даже не возникает мысли пересинить его, сделать еще глубже, достойнее его самого. Таинственнее может быть только ночь. Но пока не пришло ее время, наступающие сумерки постепенно подсинивают вечер, с каждой минутой все более облагораживая его.

Даже махонькая синичка своей беспрестанной песенкой «синь-синь-синь, синь-синь-синь, синь-синь-синь» синит вечер и в феврале, и в марте, и в апреле. Птичка щебечет, не уставая, — «синь кафтан, синь кафтан», так что дурак думает: «скинь кафтан», да и снимает его, бросая; умный же увидит лишь восхитительную синеву всего окружающего и тихо воз-

радуется. Спасительная синева ему душу под вечер ублажает и сказки волшебные нашептывает.

Благородство и сказочность синего вечера и в его несметных украшениях. Алмазные подвески, колье и броши высыпавших на небе созвездий торжественно венчают ниспадающий к снегам бархат вечернего платья, они ни с чем не сравнимы, это убранство, подходящее скорее женщине, чем мужчине. *И* все же вечер без манерничанья и очень сдержанно щеголяет отточенностью своего природного стиля, красуясь более всего, наверное, лишь перед собой.

Редко кто заглянет в гости именно к нему и если даже отметит его красу, то как уже нечто давно знакомое, привычное. Так проходят мимо человеческого внимания дни, в забытии остаются прекрасные утра, и совсем без сожаления, бывает, пропадают синие вечера. Вечера восхитительные, трогательные и, несомненно, очень вдумчивые, но, между тем, не замечаемые человеком. Они как будто созданы Богом для того, чтобы человек встрепенулся, взглядевшись в них попристальнее, стал более восприимчивым, потому как, погружившись в их синеву, начинаешь различать все цветовые оттенки и светоощущения, а еще нерастратившую душу природы, дорогую сердцу сказку и любовь, что ожидает своего утреннего пробуждения.

Синий вечер — это обязательно зимний или весенний вечер, потому что рождается он от сочетания насыщенного за день света и снега. А поскольку такое возможно только зимой и весной, то летом и осенью синий вечер теряется, уступая место ярко-зеленому, желтому, оранжевому или багровому цвету. Синеву с багрянцем мудро разделяют бесконечные снега и выстуженное небо со звездами.

Только бросят ели свою тень на снег, а вечер уже тут как тут: затаится где-нибудь у стога или на опушке дремучего леса и будто ждет кого или даже подстерегает. Но злого умысла в нем ни капли, потому как вечер всегда несет покой и синева заботливо его собой оттеняет. Правда, это не воздушная синь, которая более вдаль манит, а та глубокая синева, что ненавязчиво предлагает заглянуть в себя.

Поначалу синий вечер действительно только затаивается. Затем постепенно углубляется, начинает уже главенствовать во всем окружающем пространстве и вскоре всю торжествует! Только перед самой ночью он незаметно успокаивается и, полностью растворившись в воздухе, как бы укладывается спать, но долго еще несешь его в себе, пока сам забудешься в дивном предвесеннем сне. И ведь именно с синевойходишь ты в свои сновидения, а значит, и с тем ощущением, что будет сопровождать тебя до самого утра.

Расцветающее утро может быть и сиреневым, и перламутрово-лазоревым, и темно-голубым, но только ясный звездный вечер зимой представляется именно синим, более густым в сравнении со снегом и загадочным до черноты, но не черным. Синий до такой степени таинствен, глубок, что другого цвета для вечера не приходит на ум. Все в нем подчинено мудрому смягчению окружающего света при сохранении своей неизъяснимой прелести и глубины.

Она, эта прелестная глубина сини, конечно, заключена отчасти и в еле угадываемой в ней зелени, отражающейся от призмивших к вечеру изумрудных елей, и в переливающейся на западе небесной лазури, и в бархатной темноте, надвигающейся с востока. Но более всего синева богата именно сочетанием



всех этих цветовых оттенков, объединяя их в то, чем становится сама: тайной, надеждой, жизнью. При всей своей видимой многоликое™ синий вечер необыкновенно целостен. Если попытаться продлить эту синеву в ней самой, в ее кажущуюся нескончаемой синеющую даль, высинеет ли когда-нибудь синий цвет или так и будет длиться, перетекая в поднебесье, лес, горы, цветы, наполняя их чудесным синим существованием?

Синий вечер — это еще и радостная печаль, когда день, наполненный красками, не угас и будто ненадолго задержался, желая насладиться своей работой перед сном. При этом вечер не вальяжен, а собран и упруг в перетекающих то и дело синих, голубых и темно-зеленых настроениях. Вот-вот потухнет все вокруг, погрузившись в успокоительный мрак, но синий вечер еще упоителен своей непередаваемой густотой, в которой нежится и будто вспоминает.

А иногда кажется, что он напряженно, но ненавязчиво о чем-то думает. Синие мысли его копошатся у самой земли и вверх не поднимаются. Им хорошо думается над снегами, что залегли между еловых, сосновых и березовых стволов. Скорее, синие думы неслышно и мягко текут, и от их присутствия человеку всегда становится легко и приятно.

Легко и приятно думать синим вечером о том, что суровые холода уже миновали, а морозные утренники только бодрят, и если даже обжигают, то в удовольствие, по-весеннему. Синий вечер — это один из самых запоминающихся зимних образов, он вмещает в себя и затухающий день, и сиреневые сумерки, и предощущение приближающейся красавицы ночи. С ним связаны, может быть, самые приятные за зиму воспоминания, и если утро дарило серебристый иней на ветвях с нахохлившейся

вороной, а день — красное солнце, то вечер оставляет о себе память как волшебная синяя загадка, которую хочется разгадывать не переставая.

Вечерняя синева рождает в себе тот самый свет, что противен темноте, хотя и полнится ею. Именно синий свет, а не синие потемки, что дает способ видеть, чувствовать и надеяться. Этот свет воспринимается как появление в воздухе какого-то тончайшего вещества, что разливается повсюду только с приходом весны.

Синий вечер не дарит прямые лучи, как солнце, а отражает от своего загадочного, темного тела скрытое вечернее тепло, которое имеет по цвету близкие синему волны, что несут особенный, потаенный свет. Этот свет вечером повсюду, его нужно успеть выпить и насладиться, просто почувствовать его в себе, умело поддерживая взаимосвязь с синим лесом, воздухом и вечером. Прийти к вечернему синему свету, не заступая его черноты, — вожденное состояние, которого следует желать и быть к нему готовым, а делать это следует неторопливо, даже осторожно.

Ведь синий вечер — это всегда удивительно полный покой, который в состоянии нарушить легкий порыв ветра. Если ветер вдруг всколыхнет сноп переливающихся снежинок и те запляшут в мерцающем лунном свете, то что-то уже изменяет впечатление о синеве вечера. Меняется сам вечер, утрачивая нечто такое, без чего он уже не в силах очаровывать.

Может быть, это синяя тишина, удивительно трогательное и таинственное безмолвие, что проистекает под зажигающимися звездами и неслышно прокрадывается повсюду. Не потемневшая, но уже и не светлая, тишина достигает в этой своей

успокоенной соразмерности той самой доступной для всех гармонии, которой всегда недостает измученной за долгую зиму душе. Остановись, обрати на нее внимание и впитывай, пока не наполнишься этой синей гармонией до краев, поскольку синяя тишина снегов — глубокое внимание вечера ко всему живому.

В такой бархатный вечер снега никогда не молчат, как это происходит с ними днем, как бы прислушиваются к небу и звездам, впитывая их, и сокровенно со всеми обо всем беседуют. Они отзываются на малейшее прикосновение звездного луча или случайного светового отблеска, идущего от какого-либо созвездия, иногда словно резвятся и не гаснут. Даже в безлунную февральскую метель ощущается их темно-синее с белыми бликами скольжение.

И все же нет ничего лучше тихого синего свечения в заснеженном лесу, когда, кажется, все умерло, а зимний вечер жив. Жив своей неподражаемой звездной игрой, незримо отражающейся в синих снегах, радостным предощущением сказочной ночи с выбегающими на жировку зайцами, с многогранностью и глубиной длинных теней, будто выточенных из тончайшего синего стекла. Синий вечер как никакая другая пора зимнего времени будит воображение, и даже облепленные искрящимся снегом ели представляются в нем ножками диковинных бокалов, поднятых зимой во благо себе самой. Их чистый хрусталь на ее самобранной скатерти тоже не без чудесной синевы!

Не сразу и разберешь, чего больше в спокойствии вечерней синевы: праздничного торжества или сдержанной прекрасной тайны. А может быть, и того и другого, если вос-

принимать и лес, и вечер, и невидимых зверей как нечто единое, отчего хорошо быть просто в тихом восторге. Как ото сна, который, ты уверен, уже никогда не приснится, но его всегда можно увидеть, если обратить свой внутренний взор к природе.

Все соразмерно в вечерней синеве и радостно. Даже в темно-синих, до черноты, полудремотных тенях, залегших в самой глуши, ощущаются скрытые движения лесной души. В них тоже что-то свое, очень близкое и пьянящее, как это бывает в детстве, когда тебя послали за чем-нибудь в темную комнату, а ты замираешь, но все равно идешь, потому что знаешь: это твой родной дом и ничего в нем с тобой не случится.

Чем ближе весна, тем более полно и самозабвенно живет синий вечер. Тени становятся уже не такими густыми, а пронзительно-прозрачными, светящиеся же под молодым месяцем снежные блестки зацветают нежными незабудками. Все в лесу к концу зимы принадлежит перерождающейся синеве и воплощает ее.

Полыхает синева весеннего вечера, схваченная удалым морозцем, радостно обжигает руки, щеки и сердце... Весна заметно увеличивает ее цветосилу, а бирюзовые, лазоревые и голубые мазочки выгодно дополняют. Синий вечер утончается, становясь для восприятия каким-то неуловимым и оттого еще более желанным.

Перед самым закатом в марте синева теней и снегов достигает своего высшего великолепия. Даже дымки над крышами стали голубовато-синими, воздушной синевой пропитался пар Дыхания. Все эти синевато-нежные тона, окантованные крас-

новатыми верхушками берез, подступили под прозрачные небеса, и солнце мягко утонуло в многослойной цветовой полоске, протянувшейся над лесом. С появлением же Полярной звезды синева торжествующе завернула собой все оставшиеся предметы и полностью воцарилась на троне. Ее весеннее равноденствие наконец-то свершилось!

## *Черный ворон*

С еле приметным и неторопливым взмахом крыльев летит над самыми вершинами деревьев ворон, осматривая земную поверхность своим умным глазом. Никто не укроется от этого взгляда, ничто не минует его внимания. Там, где любая другая птица пролетит мимо, ворон непременно задержится, пока не разберется в заинтересовавшей его мелочи. Ворону до всего есть дело, в этом его испокон веков хранимая и никому неведомая суть.

Ворона всякий знает, и стоит ему произнести свое величественное «ка-а-рр...», как сразу же представится одинокая таинственная птица с широким клювом и пронизательным черным взглядом. При этом невольно поймешь себя на мысли, что остерегаешься загадочной птицы, хотя произвольно и не перестаешь думать о ней. Ворон привлекает твое внимание более, чем какая-либо другая птица, именно благодаря своей обособленности и необъяснимой внутренней силе.

Сила эта видна во всем облике птицы, в сказках наделенной способностью предугадывать чужие поступки, прорицая будущее. Кому как не ворону, еще в древних сказаниях, было

присуще особое видение, благодаря которому он признавался самым ближайшим родственником нечистой силы. Жуткий страх нагоняла на людей его чернота, а зловещий клекот был сродни загробному плачу! Всяк ворона боялся, уступая ему дорогу, ведь встреча с ним предвещала беду.

Вид ворона свидетельствует о глубоко скрытой в нем загадке природы, которую сам он, кажется, давно разгадал. Перья на нем лежат почти всегда так гладко, что ворон кажется словно вылепленным из какого-то удивительного природного материала, таинственно отливающего мягким металлическим блеском. Во всем его облике чувствуется слитность и нерасторжимость каких-то простых законов, по которым создана эта птица. Сидя неподвижно, он сливается со всем, что его окружает, но если обладать правильным видением, ворон хорошо заметен. Когда же птица парит над лесами, она на своем месте, там, где кроме нее никого не должно быть.

Само имя птицы уже представляет ворона в истинном смысле. Ворон... Нечто древнее, раздумчивое и неспешное в своем восприятии мира. А еще — в молчаливой посадке на вершине ели и в отрешенном парении.

Глядя на полет ворона, всякому становится ясно, что это не стоит ему ни малейших усилий. Полет его более похож на полет хищной птицы, чем на полет родственных ему ворон, галок и грачей. Он может бесконечно долго парить, описывая огромные круги, и его сильно расширенные крылья и хвост при этом ни разу не шелхнутся. Ворон наслаждается своим полетом, неспешно пролетает его до самого конца, как будто выпивает все встретившиеся ему воздушные потоки, но не пьянеет.

Ворон — крупная птица, в три раза больше голубя, а клюв острый и мощный. По земле ворон шагает медленно и важно; чаще же его можно застать парящим над лесом. Он очень осторожен, ко всему присматривается и прислушивается.

Живет ворон в старых хвойных лесах, но ему нравится, когда встречаются полянки и опушки, над которыми можно летать, чуть обозначивая себя: вроде бы ворона нет, но он здесь и замечает каждую мелочь. В этом суть ворона, чтобы все видеть и быть невидимым, а его черный цвет как будто дополняет лесной, зеленый.

Жизнь ворона хорошо угадывается, если представить себя в лесу сплошь черным. Черны твои глаза, перо, лапы, крылья, но не мысли. Просто мысли живут сообразно тому, что делает в темном и светлом лесу черное тело. Тело, которое душа леса, поглощающая его темноту. Человек же только заглядывается на диковинную черную птицу и силится понять: зачем она нужна?

Ворон живет затем, чтобы все видеть, слышать, чувствовать и есть. Обычно к добыче, которую находит один ворон, слетаются другие, и все вместе ее поедают, тем самым помогая лесу, в котором нет места нечистоплотности и смраду. Ворон — верный блюститель лесного порядка.

Вот ворон усядется на верхушку ели, прокрункает зычно и громыхнет крылом... Вороново крыло все черное, лоснящееся, словом, отражающее черную птичью масть, и ведь нет в лесу такого черного зверя, чтобы взял на себя всю черную лесную суть. Суждено это птице, именно ворону, и ворон, по-вороньему скрытно и привлекательно, несет в себе свой дар. Быть черным — его замечательная природная привилегия, и он ее замечательно исполняет.

Увидишь ворона, одиноко сидящего на дремучей ели, и сразу проникнешься к нему уважением. Вся согбенность его плечистой черной фигуры вызывает только удивление, даже отчасти испуг. Ворон — это какая-то особая чернота, повергающая в изумление своим диковинным для леса отливом.

Вороной — значит сплошной черный, но вот что необыкновенно: в этой черноте ясно угадываются черный массивный клюв, черные предплечья, крыло, хвост, лапы и черный глаз! Все черное, но в отдельности имеющее свою отличительную черту, присущую только этой части тела рельефность, позволяющую ей не затеряться. И вместе все смоляное, глубокое, живущее этой своей чернотой, которая скорее завораживает, чем пугает.

Из всего вороньего племени, именуемого в народе «черным вороньем» и включающего в себя ворона, ворону, галку и грача, ворон ставится наиболее высоко. Благодаря своему черному, «зловещему» виду ворон с незапамятных времен обратил на себя внимание человека как птица загадочная и послужил предметом разных суеверий и сказок. Но «черная» слава об этой птице идет среди людей неспроста.

Несмотря на то, что ворон считался птицей вещей и мудрой, за ним замечалась склонность к воровству. Уверяли, что ворон, как и ворона с сорокой, уносит к себе в гнездо ценные и блестящие вещи. Ворон, говорили, упрятчив: что ни утащит, все схоронит.

Еще до сих пор, особенно в сельской местности, встречаются люди, которые считают, что карканье ворона не сулит ничего хорошего. Раньше крестьяне думали, что в образе ворона летает сам черт, поджигает крыши, наносит людям всякий

вред, поэтому вороньего карканья боялись. «Всякому б ворону на свою голову каркать»,— высказывались об этой птице, ожидая от нее одни только беды. Когда хотели посулить кому-либо что-нибудь очень дурное, то говорили: «Чтоб на тебя ворон каркнул!»

Ворон всегда был олицетворением смерти. «Как ворон, крови ждет», «Спроважу, куда ворон костей твоих не занесет», «Смерть черным вороном влетает в окошко», «Ворон каркает на церкви — к покойнику на селе, каркает на избе — к покойнику во дворе» — все это очень распространенные в народе поговорки, которые воспринимались как нечто неоспоримое.

В давние времена существовало поверье, будто дурные священники после смерти превращаются в ворона. Отправляющегося в дорогу непременно наставляли: «Не начинай пути, если увидишь в небе одиноко летящего, как бы заблудившегося ворона,— постигнет неудача!» Даже надоевшую всем ворону превосходил ворон чернотой своих замыслов: «Ворон каркает к несчастью, ворона — к ненастью».

О конской масти, сплошной черной, говорили, что она ворона, бедовая. Игра в ворона заключалась в том, что мать прикрывает детей, а ворон хватает их. И опять же: «Воронных лошадей под жениха с невестой в поезде не берут». Этой воронености в народе всегда сторонились и опасались, суеверно связывая с чернотой только худое.

А нет бы восхититься этой ночной глубиной! Ведь когда ворон, сгорбившись, сидит на вершине дерева — он красив и статен. В нем необыкновенно занимает именно темнота этой непостижимой природной глубины, которая, на первый взгляд,

просто черна, без единого светлого пятнышка, будто заостря на себе внимание, и в то же время растворяя его. Нужно посмотреть на ворона попристальнее, и тогда будешь очарован его простой, бесконечной красотой.

В июньском лесу нередко попадает красивое растение вороний глаз, как бы излучающее волны таинственности. Увидев его, почему-то сразу представляется ворон, что смотрит на тебя из зеленых зарослей загадочным черным оком, в котором есть нечто гипнотическое. Будто это древние силы леса наблюдают за тобой исподтишка, провожая испытывающим черно-фиолетовым взглядом.

Древним считается и сам ворон, живущий, по преданию, триста лет. А все оттого будто бы, что питается одной мертвечиной. Он является прообразом ветра — Стрибожьего внука — и, как говорится в старинных сказаниях, не только «приносит бурю» на своих черных крылах, а и «воду живую и мертвую». Есть у воронов свой царь-ворон, и сидит он, говорят сказки, в гнезде, свитом на семи дубах.

Петь ворон не умеет, а только каркает, потому что, по древней легенде, его создал злой дух. Однажды ворон не мог отыскать себе пищу, не утерпел и съел умершего человека, за что Бог повелел ему отныне питаться мертвечиной. «Будешь подбирать только останки погибших зверей и птиц»,— молвил он птице и будто бы сделал ее черной. С тех пор ворон добыть себе для пропитания ничего не может, поедает лишь падаль и хоть очищает тем землю, но среди людей имеет худую славу. Может быть, именно поэтому держится он обособленно, порождая своим скрытым образом жизни рассказы, почти всегда подернутые мрачной тайной.

«Три человеческих да три лошадиных жизни переживает ворон, а все ему мало»,— говорят о нем в народе. Ворон — птица, о которой упоминается в священном писании: «По прошествии сорока дней (после того, как ковчег остановился на горе Арарат) Ной открыл сделанное им окно ковчега и выпустил ворона (чтобы видеть, убыла ли вода с земли), который, вылетев, отлетал и прилетал, пока осушилась земля от воды. Потом выпустил от себя голубя...».

В народной легенде про это рассказывается подробнее. «Когда после потопа вода начала убывать, Ной послал ворона искать землю на юг, но ворон, вопреки повелению, улетел на запад и не вернулся; затем Ной послал голубя на восток, и он, полетавши там, принес землю; Ной за это полюбил голубя, а ворона стал ненавидеть. Голубю за послушание дал место около строений и определил ему питаться зернами хлебных растений, а ворону приказал жить вдали от жилья человеческого и питаться мертвыми телами. С тех пор и живут голуби около домов, а вороны — вдали от них».

С детства мы верили во все, что связано с этой птицей. Такими выразительными представлялись сказки, поверья, пословицы и вообще всякие разговоры о ней. Как и многие другие дети, я любил, затаив дыхание, слушать рассказы бабушки о волшебном вороне, но больше всего меня поражала бабушкина соседка, живущая от нее через два дома: это была страшная сгорбленная старуха с большим горбатым носом, напоминающая черную птицу...

Старуха эта одевалась всегда одинаково — платок, пиджак, юбка и сапоги на ней всегда были черного цвета. Она никогда ничего не говорила, а только по-птичьи кивала головой, слу-

шая бабушку, и этим вызывала у меня еще больший страх. Держась за бабушкину руку, я то и дело норовил спрятаться за ее платье, но старуха-чернявка как будто нарочно склоняла над собой свою носатую голову и молча рассматривала своими маслянисто-черными круглыми глазами. Бабушка, казалось, ничего не замечала, и от этого старуха пугала еще больше. Все черное, воронье в своей маленькой жизни я связывал именно со страшной соседкой, а бабушкины рассказы о сказочной птице только подливали масла в огонь.

Птица народных поверий не давала покоя и в зрелые годы, мне всегда хотелось узнать правду о ней, отделив наконец истину от легенды. Поначалу я думал, что все это очень просто: достаточно застать где-нибудь недалеко от деревни или в лесу стаю кружащих воронов — и многое из их жизни сразу станет понятным.

На самом деле ворона не увидишь так легко и часто, как обыкновенную ворону, он — отшельник наших лесов, живущий в уединении, обособленно ото всех. Самый крупный из врановых, ворон — пустынный среди птиц, будто удалившийся от суетного мира в дремучую лесную обитель. Но, как говорится, «кот Евстафий в отшельники ушел, да оскоромился мышкой». Так и ворон: несмотря на свое привилегированное положение, он очень неприхотлив и ест решительно все, что только мало-мальски съедобно, подбираясь иногда близко к жилью.

В добывании пищи ворон становится нередко дерзок и кровожаден, никто из мелких зверей и птиц не застрахован от его нападений. Тут достается всем, от крошечной мыши до бедолагай зайца. Особое лакомство ворона составляют только что на-

родившиеся птенцы, чье мясо для него, наверное, необычайно нежно на вкус.

Но еще более, чем птенцы, яйца птиц и прочая живность, ворона привлекает падаль, которую он на удивление быстро находит в лесу. Можно только удивляться чутью и обонянию этой птицы, когда она разыскивает погибшее животное! Вероятно, помимо чутья ворону помогает в этом и чрезвычайно острое зрение. Завидев падаль, ворон долго кружит над ней в воздухе, тщательно осматривая окружающую местность, и опускается на землю, только убедившись в отсутствии опасности.

Ворон необычайно умен, и ум этот отражается именно в его черных глазах, в той удивительной проницательности, с какой он исследует окружающую обстановку. Застать ворона врасплох весьма сложно: он никогда не поддается даже на очень тонко подстроенный обман.

Своей осторожностью ворон, кажется, превосходит всех остальных птиц. Он невероятно предусмотрителен и, прежде чем садиться, тщательно облетает всю округу, выискивая малейшую опасность. Завидев человека даже на значительном расстоянии, он тотчас улетает, а если человек приближается к его гнезду, ворон бросает насиженное место.

В древности ворон считался самой умной птицей из всех. Старый ворон, говорили про него в народе, не каркнет даром: либо было что, либо будет.

Ворон очень величествен, когда неспешной поступью расхаживает по земле и, высоко подняв голову, озирает все вокруг своим пристальным взглядом. Величествен ворон и в полете: поднимаясь на значительную высоту, он медленно проплывает достаточно большое пространство, не шевеля крыльями. В па-

рении своем он непохож на обычную ворону, которая перемещается над лесом как-то взбалмошно, порой невпопад отмахивая бесконечные версты. При этом ворон нередко издает далеко слышный крик: «крун-крун-дон-н, крун-крун-дон-н, крун-крун-дон-н», напоминающий колокольный звон, что настораживает тебя в ожидании чего-то неизвестного, большого.

А вот когда он неожиданно переворачивается в воздухе на спину, из его горла разносится более округлый, но какой-то загадочный клеток: «клонг, клонг, клонг». В такие моменты кажется, что в вороне просыпается нечто неведомое ему самому, а может, птица таким образом более благоприятно усваивает пищу, прочищает горло или вовсе тешится впустую. Одно ясно: ворон без этой воздушной эквилибристики обойтись не в состоянии, потому как повторяет подобные движения довольно часто. Вероятно, они доставляют ему удовольствие.

По всему видать, ворон — птица необычная, что проявляется и в ее брачных играх. Первые брачные игры у черных воронов начинаются еще в январе, когда другие птицы и не помышляют о каком-либо оживлении. В фиолетовом небе над фиолетовым лесом кувыркаются два ворона, и их гортанный клеток гулко разносится на всю округу.

Морозен зимний день, все наглухо засыпано снегом и подвержено ему, а ворон плавно поднимается в холодную вышину, без усталости машет черными крыльями и восклицает что-то восторженное: все ему нипочем! Странно, но кажется, что это — живая душа, ничуть не замерзая, радуется ранней любви, клочет и рвется к только ей видимому свету.

Все выше и выше взбирается ворон в пустынную высоту, которая отзывается ему проникновенной тишиной, и неожиданно

бросается в свободное падение, так что захватывает дух. Ворон летит вольно, широко, с каким-то неудержимым размахом. Глядя на него, восхищенно думается: вот-вот птица сорвется, не вынесет ледяных воздушных струй... Но нет, через мгновение ворон замирает и вновь медленно наворачивает круги, поднимаясь еще выше, а достигнув какой-то невидимой точки, с переворотом на спину ухаает вниз, через пару секунд молниеносно выправившись и успевая издать свой гортанный звук: «крун-дон-н, крун-дон-н, клонг!» До чего проникновенно слышать эту лесную музыку, до чего хорошо парить вольной птицей!

Зависть круче мороза сковывает тогда твое воображение, так что тоже хочется взлететь над лесом, закувыркаться, разверзнуть холодящее пространство пронзительным криком... Зябко и приподнято становится на душе, и представляешь себя не черным вороном, а неведомой белой птицей, вещающей только радость.

Расчерчивая крылами немеющее от холода пространство, вслед первому весеннему вестнику, самцу, всплывает к облакам еще одна черная птица — его пара, и также стремительно, с разлету, сшибается со студеным ветром. То вверх, то вниз, то с криком, то молча летит она навстречу непроснувшейся весне и словно будит ее: так уверен и трепетен ее зов. «Крун-дон-н, крек-к-к, крун-дон-н, крек-к-к, крун-дон-н-дон-н, клонг», — звонко разносится в необозримой высоте голос необыкновенной птицы, который будто бы предостерегает...

Забытым среди зимы хмурым днем нечаянно обнаружишь в лесу такую птицу — и сразу почувствуешь, как тебе повезло. Оттого, что она одна в эту холодную пору вознамерилась провозгласить любовь, не испугалась, не остереглась, а восторжество-

вала. И все это с настроением, легко, еще более наполняя лес чудесами. Благодаря долгой птичьей памяти, как утверждают народные поверья, чудеса эти негаданно выплыли по ее сокровенным волнам из непостижимой древности, и лес как будто ожил, возвращаясь к временам своей далекой молодости.

На самом деле ворон живет семьдесят — восемьдесят лет, никак не триста, но даже этого возраста ему хватает, чтобы создать себе репутацию птицы, повидавшей виды и очень мудрой. Цвет воронова крыла — это обгорелое полено, побывавшее под дождем и жирно поблескивающее серебристыми переливками, как бы отражая его внутреннюю таинственную суть. Если ворон будет сидеть неподвижно, его несложно принять именно за такую головешку.

Обгорелость чувствуется не только в облике птицы, но и во всем ее поведении. Люди, звери и птицы ровно боятся вороньего цвета или, по крайней мере, опасаются его, а ворон смотрит на всех свысока, и в нем будто ничего не происходит. Только ветер перебирает на спине смоляные перья, шевелит такую же угольную подпушь...

Ворон, ворон... Сколько он всего видел и пережил, ни с кем не делясь, а только накапливая неведомое богатство! Но нет, невозможно держать в себе так много и долго все увиденное, когда-либо не перегорев. Ворон и перегорает, подтверждая тем самым свою неприкаемую суть и горелый цвет, оставаясь большей частью угрюмым, и как может освобождается от пережитого в высоком отрешенном парении, отдавая себя на волю неудержимым воздушным струям.

Может быть, ворон хочет разгадать какую-то тайну и не в силах этого сделать? Или ищет зорким глазом нечто завет-



ное, знакомое только ему? Наверное, он читает известные одному ему тайные знаки природы, иначе был бы ли ворон самим собой?

Да, каким бы цветным и радостным ни воспринимался мир, ворон, должно быть, так и останется черным. Но вот чувствует ли он себя в нем чужим? Пожалуй, нет... Ворон мудр и много раз видел, как жизнь тоже темнела. Он готов ко всему и понимает, что без его черноты никогда не будет света.

С мудрой печалью во взгляде поворачивает ворон к жизни свою черную голову, какой-то миг пристально всматривается и, взмахнув черными крыльями, плавно взлетает. Без всяких усилий набирает он высоту, плывет над землей величественно и там, в вышине, оглашает округу пронзительным клетотом.

Отрешенно кружа над еловыми гривами, ворон медленно уменьшается, становясь еле различимой точкой, а затем и вовсе скрывается за облаками. Он успел разглядеть все, что ему было нужно, и, охладев, горделиво взмывает в недоступное для всех пространство, как бы в отместку за недоброе отношение. Возносится, преисполненный свободой и презрев чужую ограниченность, но мир без него уже не кажется таким прекрасным.

### *Заячья забава*

^Редко когда что-либо встреченное в лесу, пусть даже самое невероятное, сразу просится на бумагу: обычно лесные рассказы долго и терпеливо выхаживаются, а затем еще и вынашиваются в себе, и только потом воплощаются в жизнь. Встретится

ли тебе медведица с медвежатами, посчастливится ли подглядеть катающуюся с горки выдру,— все увиденное должно быть постепенно пережито и осмыслено. Еще не раз столкнешься ты и с медведями, и с выдрами, и с другими зверями, пока выложится закономерная цепочка в восприятии природы и откроется занимательная картинка из жизни леса. Лес не терпит в себе чего-либо сиюминутно восторженного, прямо и скоро бросающегося в глаза, а предпочитает терпеливое вглядывание и неутомимость.

Однажды зимним днем я застал зайцев за забавной игрой: они теребили торчащий из-под снега рогоз. Рогоз — это растение, которое обычно нарезают в конце лета, после похода в лес за грибами или ягодами, и везут целыми пучками в город для украшения своих квартир. Его бархатные, темно-коричневые набалдашники хочется потрогать рукой — такие они приятные на ощупь. Не покидает желание непременно владеть ими, положить на грибы в корзину, а потом поставить дома в красивую вазу и вспоминать лес, желтое болото у самой дороги и умиротворенное августовское небо.

Зайцы потому, наверное, и обратили внимание на рогоз, что зимой любят ложиться в мелкий тростник у занесенного снегом болотца, из которого торчат его коричневые верхушки. В таких местах, располагающихся в низинке, меньше задувает, да к тому же хороший обзор. Заяц всегда увидит или услышит приближающуюся к нему опасность и успеет предпринять необходимые меры. Сидит в самой середине и шевелит ушами: никто его не видит, а он всех примечает.

Зимой под снегом не найти зеленых побегов, и приходится зайцам питаться горькой корой да жесткими ветками. Самая

вкусная молодая кора и самые нежные тонкие ветки высоко, их не достать, и потому живут косые в начале зимы впроголодь, обгладывая снизу грубую, черствую кору. Гложут ее и ждут, чтобы навалило побольше снега.

Снег падает на ветки деревьев и кустов, пригибает их к земле своей тяжестью, и они становятся доступными для зверей. В иной год, обильный на снег, отдельные деревца даже ложатся на землю, а некоторые и вовсе ломаются: вот уж когда зайцам раздолье! Получается: чем больше снега зимой, тем зайцам лучше.

Заяц ест траву, грызет таловые прутьки, любит полакомиться свежими всходами овса и зерновых. В зимнюю пору, когда меню его не отличается разнообразием, он интересуется и торчащими из-под снега коричневатыми головками рогоза. Все травянистые растения скрыты глубокими сугробами, осинная кора надоела, а тут привлекательные на вид плоды, которые, возможно, зайчишка с удовольствием объедает.

Свидетельство тому — часто встречающиеся по зиме обгрызенные стерженьки рогоза, одиноко торчащие на ветру. Вокруг них все бывает истоптано, а снег обильно усыпан серо-зелеными катышками заячьего помета. Чем здесь мог заниматься заяц, если только не жировать?!

Легкодоступные, так как растут на болотистых местах открытых полянок и просек, и хорошо приметные на белом фоне, верхушки рогоза не могут быть не замечены зайцем. Обнаружив объединенные стебельки, сразу воображаешь, как, по-смешному вздергивая зад, косою вприпрыжку передвигается между ними, замирает, а потом, зажав аппетитные верхушечки передними лапками, разгрызает их. Делает он это,

наверное, основательно, не торопясь, и выглядит при этом очень забавно.

Я решил докопаться до истины, просмотрел всю имеющуюся у меня литературу о жизни зайцев, их повадках, но нигде не встретил упоминания о том, что забавные зверьки используют в пищу именно рогоз, который, может быть, содержит для них немало полезных веществ. Вернее всего, зайцу становится просто скучно и, наевшись под утро осиновой коры, он сам придумывает себе в унылую зимнюю пору незатейливую забаву и неприхотливо тешится ею. Ведь разгрызенный пух в обилии устилает снежную поверхность, он остается несъеденным, и странной представляется мысль, что заяц питается рогозом: кроме этого пуха зимой в его плодах ничего не остается! Нет, ближе к весне заяц, наверное, скорее играет, а все остальное занимает его уже не так серьезно.

Вот бы увидеть зайца, когда он это делает, думаю я. Себе на потеху и белому свету на диво, рассказав потом своим знакомым, как заяц сидит на задних лапках и, подобно медведю, играющему на лучине старого пня, трогает верхушку рогоза, словно струну. Легкая поземка разносит пух, а заяц смотрит на него и тихо радуется, вспоминая золотую летнюю пору, когда ласковый ветерок так же легко раздувает пушистые семена одуванчиков, и они разлетаются повсюду. Скорей бы лето — то же смекает, наверное, заяц: много шелковистой травы, цветов и вкусных молодых всходов!

Забава не дает зайцу скучать и увеселяет его, когда все кажется пустым и безынтересным. Она — утешение от безделья, занятие от скуки в заснеженном лесу, где все за долгую зиму

порядком надоело. Вот зверю и хочется поиграть, тем более такому оживленному и подвижному, как заяц.

Ребенок играет куклой, кошка — мышью, взрослые — в карты, а всяк досужий человек захвачен любимой мечтой. Но чем же позабавиться такому занятому зверьку, как заяц? Забава, говорят, для ребенка, но заяц и есть дитя, взлелеянное лесом, и только лес в силах подарить ему какую-либо незамысловатую радость, на которую, кроме зайца, никто и не позарится.

У нашего молодца, подшучивали над кем-нибудь в народе, нет забавам конца. А много ли их у зайца? Весной, к примеру, зайцы играют в догонялки, когда начинают ухаживать за длинноухой красавицей, и показывают ей свои возможности. Они без усталости несутся друг за другом, привстают на задние лапки, а передними барабанят что есть мочи в грудь соперника. Выглядит все это очень забавно.

Зайцы устраивают соревнование по прыжкам и в своей безудержной весенней беготне вдруг неожиданно замирают, а потом прыгают через межу — кто дальше. Но терпения на прыжки у них не хватает, и они вновь принимаются носиться. Зайчиха тем временем уже милуется в стороне с каким-нибудь косым. В зайцах много энергии, и они без усталости могут веселиться так целые сутки. В конце февраля или в начале марта часто можно услышать их возбужденное боботание: так отмечают зайцы свои развеселые свадьбы.

Когда стаивает снег и полянки покрываются молоденькой шелковистой травкой, зайцы любят покувыркаться на ней, понежиться на солнце. Они отупело и восторженно резвятся, могут пробежать прямо перед твоими ногами, завершат и тут же

присядут. Зайцы будто сходят с ума в эту восторженную пору, и часто бывает нелегко разобрать, когда заяц играет, а когда шалает от весны.

Летом, по заверениям знатоков, зайцы, проигранные одним лучшим другому в карты, бесились и ошалело сновали из колка в колок, устраивая в лесу невообразимую кутерьму. Ведь вся сила у зайцев в ногах, без них им не то что играть, а давно бы пропасть: «Поневоле заяц бежит, когда лететь не на чем». В эту пору ягодникам и грибникам ходить в лес не советовали, связывая с заячьей суетой и бесовские игры. В народе верили, что заяц сотворен чертом и служит ему передовым.

Еще замечали, что летом зайцы любят сидеть в грибных местах: при сборе людьми грибов они, бывает, выскакивают прямо из-под ног и, что интересно, не убегают стремглав, а держатся неподалеку. Иногда они даже запрыгивали в корзину с грибами, как будто играя, чем полностью смущали крестьян, и те, в свою очередь, связывали с этим действие нечистой силы. Но особой игривостью зайцы отличались все же весной, часто забывая при этом вести себя настороженно.

Осенью зайцы тешили себя тем, что то и дело перебежали дорогу. Особенно этим славились листопадники — зайцы последнего в году приплода, появляющиеся под самую осень. Еще неопытные и бестолковые, они не в силах были переждать в кустах проезжающую мимо телегу, срывались в нетерпении и прямиком шпарили через дорогу под носом у возницы, который провожал взбудораженного косоногого залихватским свистом. Меж людей велось поверье, что, увидев зайца, перебегающего дорогу, надо было из повозки выкинуть клочок сена, в этом случае заяц будто бы возвращался, и беда отступала.

Словом, во все времена года заяц находил для себя возможность порезвиться. И если у него такое поведение складывалось в силу обстановки, а не его игривого характера, то это никак не умаляло склонность зайца к забаве. Ну а чем же заняться зайцу зимой, в самой ее глущи, когда она уже порядком всем надоела?

Если представить себе хмурый февральский лес, то, на первый взгляд, в нем нет ничего, что бы могло заинтересовать зверьков, кроме осиновой коры и занесенных снегом ивовых кустиков. Да и те, впрочем, не всегда отыщешь... Вокруг сонное безмолвие, однообразная белая тишина и наметанные горы сугробов. Впору забыть обо всем и залечь, как медведь, в спячку, но зайца ноги кормят и еще неунывающий дух.

Это только старый хочет спать, а молодой — играть. Старым в лесу можно представить себе лося, кабана или медведя, которые в эту пору действительно малоповоротливы, но не зайца, что, кажется, всегда молод. Заяц не устает играть, ибо в этом его суть. Он не в силах долгое время находиться без движения и потому всегда ищет, чем бы ему поживиться или как себя занять.

Веселость, по-моему, — состояние духа зайца, вопреки установившемуся мнению, что он трус и постоянно трясется. Одна из русских поговорок не зря отвергает боязнь зайца, приписывая ему, скорее, благоразумие и осторожность: «Заяц не трус, а себя бережет». Заяц только на себя да на Бога надеяться — ни от кого ему защиты ждать не приходится, и потому трусость зайцу только мешает. Не будь он всегда весел, несмотря на все беды, заячье племя уже давно прекратило бы свое существование.

У зайца, как ни крути, веселый нрав, а его, известное дело, не купишь. В веселый час даже и смерть не страшна, и заяц хорошо это, наверное, знает. Есть у него время плакать, есть и веселиться, но веселому, как говорится, жить хочется, помирать не можется, и ничего зайцу не остается, как радоваться.

Радость зайца в том, что он любит, а любит он немного: в суровую пору сладкую яблоневую кору поглотить да звездной ночью с другими зайцами хоровод поводить. В радости зайцы друг друга ищут и, разыскав, все горести забывают. Радость по радости — заяц с приятелями, но хоть и прост этот зверек, а знает, что по две радости в один день не бывает и сам себе только на радость никто не живет.

Рад заяц и тому, что весна настала: появилась свежая зеленая травка, подул душистый и теплый ветерок, запели птицы... Кто чужой радости не рад, тот сам себе враг, и заяц рад и за весну, и за саму природу. Это только на первый взгляд кажется, что заяц радуется самому себе, на самом деле он, похоже, рад-радешенек за всех.

Конечно, радость зайца порой выражается бестолково, но откуда же взяться большому толку в невеликом зверьке? Был бы корм и чистая водица, а все остальное само приложится. Оттого зайца легко обрадовать, так же, впрочем, как и напугать. Все в этом незлобивом зверьке располагает к симпатии и доверию.

Веселье, говорят, лучше богатства, и хоть за весельем горесть ходит по пятам, — и то правда, что терять зайцу нечего. Все самое дорогое находится при нем: пушистый хвостик, называемый в народе «цветком», зимняя теплая шубка и возможность вот так, позабыв обо всем, отдаться вольной

игре, за которой всякий увидит, чего заяц стоит. По народным поверьям, цена зайцу — две деньги, зато бежать — сто Рублев!

Но какова игра, таков и выигрыш! После всего этого представления зайцу только утеха остается, что устроил он себе, хотя бы на миг, лето, окунулся в его беззаботное лоно и обо всем позабыл среди скучной зимы. Потому как та не игра, что взаправду пошла, а где же правда в заячьей забаве? Одно лишь облегчение, которое для зайца выше всякого смысла в его непростой лесной жизни. Того и гляди на зуб волку или рыси попадешь, но косою не унывает — знай играет! Игра, как говорится, потеху любит, и заяц, несмотря ни на что, в своей нелегкой жизни ее находит.

Мы, люди, привыкли узнавать друг друга в игре да в дороге, и как нам не разглядеть в бесстрашном зайчишке, когда он играет посреди дня, сообразительного и неунывающего удальца! Снег белый, он сам тоже белый — чего же ему бояться? Только угольки глаз да кончики ушей весело мелькают на ослепительном лоне зимы, и заяц знает, что немножко рискует, а все равно безоглядно отдается своей игре. Разве его за это осудишь?

Хочется зайцу потешить себя в суровую долгую зиму, но когда заяц гуляет, он и еще кого-нибудь кроме себя потешает. Отправится человек в зимнюю пору в лес за сеном или дровами — и натолкнется на играющих зайцев. Позабыл он за своими нескончаемыми заботами обыкновенную радость, а зайцы ему про нее напомнили. То-то человеку отрада!

Вспомнит он вдруг за этой звериной утехой и свои зимние праздники, воспрянет духом и улыбнется. Осторож-

но отводя рукой еловую ветку и посматривая на зайцев, всерьез задумается: чего же ему на самом деле недоставало? Может быть, вот этой возможности находить, видеть и радоваться?!

## *Февраль -бокогрей*

Наш уральский февраль — месяц буранов, холодов и первой звонкой капели. В начале месяца еще крепко морозит, с каждым днем солнце поднимается все выше и к середине уже так пригревает, что с крыш летят торопливые капли, образуя к вечеру гирлянды прозрачных сосуллек. Февраль многолик, но более всего оправдывает себя метелями да вьюгами, которые встречает на боку.

Сладко ему так дремать, уютно свернувшись в клубок, и он вроде бы ничего не чувствует и не видит. Пока февраль лежит на одном боку, отогревает его под пушистыми снегами, над ним метели злые свирепствуют, с лютым морозом на пару тягаются, а как согреется, другой бок от холода прячет. Очень не хочется февралю сразу все накопленное тепло отдавать, и он переворачивается медленно, как бы на время забываясь, так что в эту пору случаются оттепели. Но когда придет в себя да, спохватившись, перекатится, опять по всей земле принимается мести непроглядная снежная буря и все живое погружается в сон. Сам же февраль не спит, а только вполглаза дремлет и все про всех знает.

Холодные вьюги с метелями так, бывает, одолеют в эту пору, что, кажется, нет грустнее месяца, чем февраль! Бесконечные

глухие дни утопают во мгле поземки, синевато-свинцовое, блеклое небо тяжело нависает над заснеженной землей и с каждым днем все более угасает, не принося ничего нового, а белесая даль уже не слепит глаза, которые давно ничего не вопрошают. Когда-то еще прекратятся эти нескончаемые февральские ночи! Но зловещий северный ветер затерянно бьется между домами, с остервенением наматывает на крыши жесткий снег и все задувает, задувает, задувает... В феврале и человек, словно осенние листья, чернеет лицом и лишь уповаet в молитвах на свет божий.

Даже такой важный праздник зимы, как Сретенье, о котором в народе принято думать, что с его наступлением зима с весной встречаются, и тот не вспоминается. За надоевшими метелями, смешавшими в сером вихре заснеженную землю и низкое небо, и дни сплетаются между собой в однообразный поток. Мало радости, света, и почти не верится в близкую весну, до которой, кажется, рукой подать, но все померкло в безудержном февральском мраке.

И все же что-то теплится в душе, согревает ее изнутри. Какое-то еле ощутимое приятное чувство рождается в ней, и постепенно зреет уверенность: вот-вот выглянет солнце. И сразу забываются все тревоги, и ты понимаешь, что длительные метели только готовили тебя к весне, и начинаешь приговаривать: «Февраль-бокогрей, душу перед весной согрей, растопи ее, взбаламуть, а уж синий март все в ней прояснит!»

Что и говорить, не пугает человека видимое однообразие отчаянной февральской стужи. Как вроде бы схожи между собой матушка-метель, мачеха-вьюга и бабушка-пурга, но каждая выдувает жизнь на свой лад и про всякую из них у Господа

Бога свое разумение. Кто чище да сладостней поет — ему разбирать, ну а человеку в эту бездеятельную пору всему интересно внимать. Слушает он заунывную февральскую песню, что неотступно мечется за окном, и только уповаet на Божью милость: ан и до него вдруг додует какая ни на есть привилегия и озарит его жизнь знойным пожаром неведомых чувств!

Изредка, когда февраль отходит от своей дремотной одури, он может почувствовать себя и снежным зодчим. Столько изящных сугробов повстречаешь в эту пору в лесу, словно изваянных из белого мрамора, что просто диву даешься! Никто не может помешать вдохновению февраля, он — свободный художник зимы, что ваяет и лепит из воздуха, снега и ветра.

В этом ему помогают оттепели, которые оплавливают сугробы, открывая в них целые кварталы коридоров, скульптуры, фонтаны и замки. Вроде бы все вокруг спокойно, но внутри этих дворцовых сооружений — невидимое глазу движение, белый сон из снежного камня, бесподобный мир зимней архитектуры. Глядишь на него и поражаешься способностям февраля, который только недавно дремал и ведать не ведал про свое богатство, но стоило ему очнуться от забытья — и ожила зима. Уж кто-кто, а февраль-то хорошо знает, что вся сбереженная им теплота его таланта весне достанется.

Тепло февраля — это такое невесомое и неуловимое состояние, которое рождает в каждом живом существе особое чувство. Не от солнца оно произошло, не от мягкого южного ветра, а от студеного февральского напора, безжалостно прижимающего к земле все, что только попадает к нему на пути. Из одного рта, как говорится, и тепло и холодно, но где появляется тепло, там нужно ждать и добро, а с добром всегда

кому-то становится хорошо. Февраль милостыню никогда не подаст, но уже то, что он есть,— благо!

Занося своими метелями, февраль приносит всем тепло ничуть не меньшее, чем солнце или печка. Шубы у февраля нет, зато есть пуховое снежное одеяло, что укутывает землю, деревья, птиц и зверей. Человеку же греться от него несподручно, потому как можно и обжечься. Но если надует февраль вокруг дома высокие сугробы, станет в нем всем тепло.

На дворе завьюживает, метет, вздымает ветром снежные столбы, а в доме хорошо, уютно. Чуть слышно гудит печка, изредка потрескивают березовые поленья, и метелица за окном совсем не кажется злой и безжалостной. Представляется просто, что она устраивает бурную ритуальную пляску, и музыка, которую она без усталости выдувает, уже не кажется бессмысленной. Хочется и самому поучаствовать в ее языческих танцах, но лишь в своем воображении, не покидая приятно пробирающего до костей печного тепла.

Хороша русская печь уютом, который создает вокруг себя, знатна вкусной снедью, блинами да пирогами. И так она прокаляет человека за вечер своим огнем, что хочется ему вновь ощутить на лице и руках теперь уже прикосновение безудержного февральского жара. Выйти из избы в самую отчаянную заметь и прикоснуться совсем к другой печи, которая печет не менее душистые калачи, имя ей — зимушка-зима. Февраль же — ее самый важный истопник, что снизу печет, а сверху морозит. Знай подкидывает охапками жгучие снеговые поленья, от которых в неутомимой душе всегда благодатный зной.

Что есть мочи завывает за окном февральская печь для всеобщего согрева, обжигает снежной искрой, так что дух за-

хватывает. Такой простор ей надлежит натопить, и февраль изо всех сил старается, жгучий огонь зимы раздувает. Если заста-нешь его за этой работой, угадаешь в нем ее, то становится уже не страшно: век бы и сам вместе с февралем колдовал на благо земли русской!

В иных печах часто угар случается, но февраль свою самым строгим образом блюдет и все дымоходы вовремя прочищает. Заботится неутомимый месяц о том, чтобы не угасло раздуваемое им пламя, потому как зимняя печь для февраля что мать родная. Обо всех-то ему вместе с ней надо позаботиться, укрыть, согреть и про себя не забыть. Доброе это дело, что в России есть свой неповторимый февраль и своя русская печь!

Так, притулившись боком к метельному февралю, словно у печи сидишь да ее великомудрые наставления слушаешь. О том, что где зимовать, там и на печи лежать, и что если счастье придет, то оно и на печи тебя найдет и уж, конечно, с нее стонит. А вот ежели собрался умирать на печи — все одно, что с перепоя. Около печи нельзя желать еще чем-либо поживиться, и в дорогу с печным теплом не ездят, но и по летам и по годам одно место для русского человека — зимняя печь с декабрем, январем и... бокогреем-февралем.

А иногда февральская метель, несмотря на скрытые в ней жизнь и тепло, воспринимается совершенно ненужной, какой-то даже нереальной. Декабрь, кажется, уже достаточно намел сугробов, январь сковал все живое своими морозами,— на что еще может сподобиться зима и чем удивить? Все почему-то забывают к этому времени о феврале...

Забывают о том, как он безжалостно слепит окна домов и засыпает снегом дороги, что ни пройти ни проехать. Только в

феврале по-настоящему все вокруг белеет, деревни еще более пустеют и затихают, так что даже не слышно собак. С утра до ночи носится над землей вьюга, не зная, куда себя деть. Повсюду стоят мутные сумерки, и все тонет в огупело-белесом умопомрачении позабывшей себя зимы.

Жизнь в эту пору начинает восприниматься бессмысленной. Замутненное солнце, словно бельмо на глазу зимы, показывается лишь изредка, да и то ненадолго: одним светлым бочком выглянет из-за туч и тотчас спрячется. Нет ему в феврале места на небе, и оно копит силы для марта.

Тонут в вязком воздухе звуки, мысли, ощущения, и только биение сердца не обрывается. Сердце выстукивает ритм будущей жизни, а февраль все делает, чтобы человек не обращал на него внимания и забылся в снегах. Так последнему месяцу зимы хочется первенствовать над декабром и январем, и однажды он понимает, что совершенно свободен.

Свободен по своей безудержной сути и, кажется, даже не осознает в полной мере этой воли. Вот и люди, постепенно убаюканные декабром и январем, к февралю вроде бы тоже обо всем забывают, но в мечтах все же остаются непобедимы. Им хочется рваться, подобно неутомимой февральской вьюге, к чему-то недостижимому в своей жизни и никогда при этом не угасать.

От вьюг да метелей, что в феврале откуда ни возьмись налетели, дни будто начинают толпиться меж собой, весело подталкивать друг друга и хороводить. Сколько удали вдруг проявляется в последнем месяце зимы, что, кажется, уже исчерпала свои силы! Но февраль с каждым днем будто оживляет ее и, несмотря на свои непроглядные бури, все более прибавляет свету.

По сравнению с первым зимним месяцем, декабром, он уже на три часа длиннее.

Нет во всю зиму слаще этих бокогрейных деньков февраля! Жизнь, кажется, ослаблена бесконечной зимовкой, дух и плоть так нарушены, что не верится, будто они вынесут навалившуюся тяжесть мороза и тьмы, а тут еще Волчий сват подкрался со своими волчьими свадьбами. Но какое счастье переживать всю зиму с декабром, январем и февралем и не сломаться, каждый день лишь набирая недостающих знаний и сил! Утвердившись душой в декабре, закалив ее в студеную январскую пору, в феврале хочется дать ей забыться и отдохнуть в преддверии долгожданной весны.

И февраль действительно ублажает душу своим скрытым вниманием и теплом, и в руках у него не коса и не грабли, что обычно часто случается в черный зимний мор, а пуховое опахало. Как февраль теплыми устами, руками и боками наладит свою предвесеннюю заботу, так земля летом будет радовать человека дарами. И никогда не услышишь при этом, чтобы февраль взял да и заохал. Даже в сильную оттепель незаметно заляжет он в укромной тени буераков и терпеливо пережидает тепло, которое сам же и надул. Что бы ему не быть самым удивительным месяцем зимы, справедливо завершающим ее?

Недаром и птица обретает гнездо именно в феврале. Но не всякая, а только та, которая не покидала родного края в суровую пору, вынесла зиму вместе с нами, вот ей первой и гнездо. Долгие птичьи ночи, хоть и на пороге весны, но под холодной луной высиживает она это первое тепло. Как почувствовать его человеку, который не может ничего разъяснить пока даже в собственной жизни?!



Птица, которая, не покидая своего родного края, бесстрашно переживает нашу зиму и даже выводит в самую ее лютую пору птенцов, совсем маленькая, размером чуть крупнее снегиря, а зовут ее клест. Клест замечателен своеобразным строением клюва, благодаря которому и обрел свое имя. Надклювье и подклювье у клеста скрещиваются между собой и образуют острые клещи, с помощью которых птицы ловко раскрывают чешуйки шишек хвойных деревьев. Используя их семена в качестве основного питания в течение всей своей жизни, клесты до такой степени просмаливаются, что тела их не поддаются гниению даже после смерти. Это еще одна примечательная черта, отличающая клестов от других пернатых.

Но самая интересная особенность в жизни буровато-малиновых птичек — появление у них птенцов в самые отчаянные морозы. Время это совпадает с наибольшим обилием семян ели и сосны, и гнезда строятся птицами именно на этих деревьях, под прикрытием густых ветвей, защищающих постройку от непогоды. Ни декабрьское обилие снега, ни январская стужа, ни февральские вьюги — все им нипочем.

На первый взгляд кажется, что жизнь в лесу замерла на всю зиму. Идешь на лыжах сквозь морозную мглу, и не слышать ни единого постороннего звука. Только лыжи изредка поскрипывают, да гулко ударяется в груди сердце, даже жутко становится одному. Вокруг — безмолвная тишина!

Но вот упала одна шишка, другая, то и дело осыпается селей снег: это разбившиеся на пары клесты оживленно принимаются за строительство своих гнездовищ. Правда, лишь серые самочки таскают в клювах сухие еловые ветки, яркие же самцы, оживленно вертятся на верхушках деревьев, больше распевают

свои несложные песенки. Гнездышки свои клесты устраивают прочными, глубокими, чтобы птенцам было уютно и тепло: благо пуховая подстилка, толстые стены и мама сверху от мороза согревают, еловая каша, которая всегда у птиц в изобилии, — изнутри, а вьюги февральские их своей музыкой убаюкивают. Знай живи и не тужи, и все же большинство наших птиц в эту пору предаются спасительному сну.

Спят в заснеженном февральском лесу и глухарь, и тетерева, и рябчик, и так это сказочно у них получается, что всегда хочется разгадать тайну их зимних снов. Правда, иногда февраль как будто не желает, чтобы человек проникал в эти тайны, и за ночь переметает их. Хорошо тогда спать птицам, уютно.

Нет, наверное, для них большей радости в зимнем лесу, чем ночевать так в глубоком снегу, под ярко мерцающими звездами. Деревья от мороза глухо потрескивают вокруг, но птицам все нипочем: пухлый снег спасает, и не тревожат их ни филин, ни рысь, ни лиса.

Что-то удивительно сокровенное и в то же время доступное каждому таится в глухаринной, тетеревиной и рябчиковой лунке. Добра к ним зима теплыми снегами и задушевными вьюгами, она любит птиц и заботливо их лелеет. Лишь изредка, на время вынужденной кормежки, отрываются птицы от своего отрешенного забытья, а насытившись вдоволь ароматной хвоей и почками, опять окунаются с головой в снежный сон, что уносит их к сладостным весенним, летним и осенним воспоминаниям.

На боку встречают последний месяц зимы и многие звери. Издревле переживает каждую зиму в теплой берлоге медведь,

лесной владыка. Созданный лесным богом для дремучего звериного обаяния и неспешности внутренней лесной жизни, он при своих размерах и запасах зиму перемочь без сна, конечно, не в силах, оттого и спать ложится. Легче ему перележать ее в берлоге, чем преодолевать со своим весом в гибельных сугробах. В народе даже говорят, что зима студеная по медвежьему хотению длится: как повернется он в своей берлоге на другой бок, так и зиме ровно половина пути до весны осталась.

Лежит медведь зиму в берлоге не умываячись и дела ему никакого нет до чистоты. Талая вода весной всю грязь со шкуры вымоет, травы молодые ее очистят, а ветерок просушит. Только бы не помешал никто сну сладкому прерваться.

В самых глухих уголках леса устраивает медведь себе на зиму логовище. Непроходимый валежник и бурелом спасают его от непрошеного гостя. Правда, иной раз залегает зверь, чтобы было не так скучно, поближе к деревне и слушает, чтобы было не так скучно, поближе к деревне и слушает, чтобы пегухи распевают. Лежит, дышит на свои стоптанные лапы да палец сосет. Хорошо ему в берлоге, уютно, шуба и жир греют.

В сладком сне пребывает всю зиму и барсук. Основательно поработал он для этого летом и осенью: на случай бегства от врагов нарыл множество отнорков, аккуратно расчистил жилую камеру и натаскал в нее пахучей травы и мха. Толстые земляные стены укрывают зверька от лютых морозов и ветров, загодя накопленный слой жира уберегает от голода.

Прочен и долговечен распорядок барсучьей жизни. И еще неспешен в своем замечательном лесном течении. Это хорошо понимаешь, когда стоишь в феврале над его засыпанной сне-

гом норой и ощущаешь под ногами неприхотливый звериный уют. Радостно оттого становится на душе, покойно.

Поудобнее обернувшись своим пушистым хвостом, крепко спит почти всю зиму в своем теплом гайне белка, но в февральские оттепели она просыпается и вспоминает, что кончились у нее припасенные с осени грибы и орехи. После ночной пороши хорошо видны на снегу следы пушистых зверьков, разыскивающих свои кладовые. А как отыщет она припрятанные шишки, перетащит их к себе в гнездо, так и опять засыпает до следующей оттепели. Метели да выюги раскачивают над ее головой могучие верхушки елей и убаюкивают, а белочка смотрит свои спутанные сны, и зимняя жизнь уже несколько ее не пугает.

Декабрь укутал землю снегами, январь заковал реки, ручьи и озера крепкими морозами, а февраль, оставшийся без дела, кажется, только забавляется: за день надует огромные сугробы, а за ночь вновь разметает их. Или возьмется проверять на крепость молодые деревца, безжалостно гнет их, надрывает, и столько в нем нескончаемого напора, что удивишься: как это деревца выдерживают его неудержимый натиск?! В конце концов примется февраль и за человека: подкарауливает вечерами запоздавшего путника да норовит его так окрутить, что тот дорогу домой забывает. Ровно нечистая сила в февраль в такие ночи вселяется, и не дай Бог перейти ему дорожку: запутаешься, осечешься и сам в себе пропадешь, не ведая никакого просвету.

Позабывшись в своей игре, февраль бывает свиреп и неукротим. Он может быть жестоким, злым и не в меру тяжким. Горе лютое — его непроглядные метели, а в лесу — хищные

звери, особенно голодные в эту пору и потому опасные для человека.

Сам человек тогда становится лютым, леденеет его сердце. Лютые морозы и метели, лютая скорбь по красному солнышку то и дело надрывают душу человеку. Люторожий, лютозрачный, лютосердый, лютоярый — лишь немногие эпитеты, которыми наградил народ последний зимний месяц. Вот когда вспомнишь, что помимо бокогрея февраль имел и такое прозвище, как лютень.

Правда, «лютый» означает в русском языке не только злобный, но и проворный, быстрый. Февраль шибко гонит поземку, бойко бежит ей вслед: он лют в своей предвесенней работе, лют петь хоть и заунывные, но по-своему мелодичные песни, прислушавшись к которым, обязательно разберешь сладко убаюкивающие мотивы. Что и говорить, лют февраль, как Бог, да и сам не плох: рисует, малюет и красную весну чувствует.

В глубокой древности февраль имел еще одно название — сечень, потому что был завершающим месяцем года и как бы отсекал его. Правда, не с размаху, одним ударом, а как-то потихоньку, незаметно, за своими вьюгами да метелями. Передом, говорили про него, сечет, а зад волочет.

А еще его так прозвали, наверное, за то, что он безжалостно сечет всех снежной крупой, колючей поземкой. Хлещет, словно хлыстом, после гораздого на морозы января, будто оправдывая себя перед зимой. Иной раз начинает казаться, что он сам себя бичует, так люта бывает его нескончаемая заунывная работа. Сечет до изнурения своей фиолетово-серой плоти и, наконец, однажды под утро изможденно угасает. Нет безмолвной

и трогательней тишины после такой отчаянной февральской бури!

Да только коротко февральское затишье, ибо уже через день-два вновь принимается февраль за старое. Словно розгами сечет воздух, дома, деревья, притихший лес за околицей, но до смерти не засекает — знает меру. Лишь попугает изрядно, испробует на крепость и отпустит. Обижаться на него не стоит, лучше с ним дружить, принимая нрав февраля как нечто должное, чем он великодушно наделен от природы. Не для сеченья живет февраль, а для ученья, и своими секущими метелями словно расчищает пространство для грядущей весны.

Но выдается раз в четыре года такой февраль, что лучше бы его и не бывало, и зовется он високосным. В високосный год к февралю прибавляется двадцать девятый день, накопившийся за четыре года от шестичасовых годовичных остатков времени. Этот день не случайно исстари называли именем завистливого и злопамятного Касьяна, немилостивого и скупого недоброжелателя. «Касьян на что ни взглянет — все вянет», — замечали в народе. Касьян на народ — народу тяжело, Касьян на траву — трава сохнет, Касьян на скот — скот дохнет. Худ приплод в високосный год!

И все же сколько бы метелям ни лютовать, февраль рано или поздно уgomонится и уляжется на боковую. Вот где ему всего теплей и уютней, а человеку радостней! Неправедное-то житье когда-нибудь боком выпирает, но разве можно такое о феврале подумать с его неутомимостью, предопределяющей обильный рост трав и цветов, очаровывающими снами, приносящими надежду, и убаюкивающими метелями, выдувающими мелодию скорой весенней любви?

Нет, праведно живет последний месяц зимы. Оттого он и гладок, что хорошо поработал, поел да и на бок. На боку февраль остаток зимы проводит, но пролежней у него от этого не бывает: лежит себе на боку да глядит вполглаза на замерзшую реку. И хоть нет ничего в эту пору под зуб, особо февраль не тужит. Во всем чувствуется приближение весны, которую он сам готовит в свои оттепели, что стали совсем частыми. Февраль в них воду целебную для всего живого копит, а март ее подберет.

Человеку обычно говорят: «Боже поможет, только ты на боку поменьше лежи», но вот к февралю это не относится. Даже мороз в феврале продвигается когда скоком, когда боком, а когда и ползком. Чего не досмотрит январь оком, то, говорят, дотянет февраль боком. Кто чем, а февраль отдувается только боками: ни спины, ни брюха у него нет,— один нагретый зимой бок.

Февраль прозвали бокогреем не только за то, что большую часть времени он лежит на боку под завывание вьюги, но и потому, что один бок у него оттаивает быстрее. К концу февраля налипший снег на стволах деревьев сохраняется только на северной стороне, а с южной его сгоняет жгучее солнце. Солнечный бок охорашивается и выглядит совсем уже не позимнему, тогда как с севера взирает на всех хмуρο, невесело.

В оттепели, когда воздух полон сонной одури и влаги, снег изрядно оседает и на крутобоких склонах логов и горок. Здесь он становится рыхл, зернист, а в редкие окошечки начинает проглядывать сырая земля. Идя на лыжах, всегда обратишь внимание на темнеющее на снегу пятно и не сразу дога-

даешься, что это такое, а подойдя поближе и разглядев, обрадуешься: скоро весна! И хоть не раз еще занесут метели эту случайную проталинку, но ты про себя обязательно улыбнешься и непроизвольно, по-теплому, назовешь февраль бокогреем.

То на одном, то на другом боку спит суровый февраль, а как только выдастся тихое утро, тотчас принимается будить его наша большая синица. Пинькает одна на весь двор, да так призывно и громко, что не верится, будто она на самом деле такая маленькая. По нескольку раз за день обратишь внимание на ее неугомонную песню и поразисься: как ей не надоедает?! А синица, несмотря ни на что, знай без усталости продолжает: «Пинь-пинь-пинь, цвиг-цвиг-цвиг, пинь-пинь-пинь, цвиг-цвиг-цвиг, пинь-пинь-пинь...» Февраль же дремлет крепко и хотя сквозь сон слышит неугомонную птичку, она ему нисколько не мешает.

Разбудить самый дремотный месяц зимы суждено лишь звонкой капели. Тут уж, кажется, не одна, а тысячи птиц призывают всех не спать и выходить встречать весну, что уже на дворе, и февралю удается забыться только за полночь. Но лишь до раннего утра продолжается его недолгий сон, когда тишину вдруг раскалывает брачный крик ворона: «Крун-н-дон-н, крун-н-дон-н, крун-н-дон-н», которым он уже с января призывает к себе самку. И опять все повторяется сначала: розово-перламутровые лучи солнца, по которым мысленно можно подниматься к небу, первые звонкие капли с крыши, мутновато-хрустальные льдинки, весело поблескивающие по краям оттаивающих ручьев, а сладкое забытье февраля становится совсем коротким. Своим неукротимым упор-

ством он наконец-то сшиб рог зиме, и пришло ему время уходить на покой, но февраль об этом, должно быть, не особо печалится: вот уж когда отлежится он на боку в далеком царстве зимы и никто не потревожит его целый год!

## *Большая Медведица,*

*Посвящается К. Ш.*

*Уже* не помню, чем у меня тогда был набит рюкзак, но сидел я на нем как на настоящем кресле, откуда можно было видеть то, чего с самого удобного места никогда не увидишь. Рюкзак стоял на насте, на краю маленькой полянки в ночном апрельском лесу, а я сидел на нем в ожидании глухариной песни и смотрел на звезды. Над головой сияла Большая Медведица, и среди множества звезд в этом необозримом пространстве я не чувствовал себя затерянным. От такого неожиданного ощущения на душе становилось необыкновенно хорошо, и весело искрящиеся звезды удивительно успокаивали, хотя ничего и не обещали. Большая Медведица будто знала, для чего я тут сижу, и не то чтобы одобряла, а просто не мешала, живя своей неведомой звездной жизнью.

Глухарь, оказывается, тоже не спал, и когда я поднялся, чтобы размять ноги, он улетел. Его черный силуэт только на мгновение распластался на фоне черного неба, и если бы не звезды, я бы ничего не заметил. Все это время он сидел рядом, настороженно вслушивался в морозную тишину и, должно быть, чувствовал мое присутствие, но ничего пока не предпринимал.

Ему не хватало лишь маленького поводка, чтобы в мгновение сорваться, и глухарь, наверное, наслаждался подступившей весной, этим звездным свечением и возможностью жить так, как ему хочется.

Мне и самому хотелось подарить ночному небу звездочку своей души, которая изо всех сил тянулась к нему. Это было очень приятно переживать вместе с ощущением закрадывающегося под одежду мороза и какой-то замечательной приподнятости во всем теле. Мороз стремился к человеческому теплу, и оно, как ни странно, готово было его принять. Тепло ожидало мороз и тоже хотело, чтобы все вокруг было так, как захотели того глухарь и звездная ночь.

А Медведица по-прежнему сияла в бездонных небесах, так что звездочки ее казались чудесными фонариками, подвешенными на невидимых нитях, и почему-то воспринималась самой живой среди других созвездий. В морозную апрельскую ночь всегда так светло, будто зажигаются все звезды Вселенной... Небо высоко и торжественно, и сколько бы ни смотрел на него, заглядывая в самую глубину, везде звезды. Яркие, крупные, есть просто ослепительные, другие — поменьше, что то и дело вспыхивают и на время куда-то исчезают. Все они будто подыгрывают друг другу, устраивая в восторженной вышине волшебную карусель, и все это головокружительное движение не прекращается до самого рассвета. Звезды и тебя приглашают в свой хоровод. И разве можно оставаться к ним равнодушным и не посмотреть в апреле на звездное небо?!

Большую Медведицу даже не сразу и отличишь в этом обилии звезд. А сколько различных, самых причудливых созвездий украшают в эту пору сказочный небосвод!

Звезды в них дрожат, горят и блещут многоцветными камнями, а ночь тихо и радостно внимает своей очаровательной темной судьбе. Звездное небо в апреле — это выгнувшийся хвост павлина, все в нем возвышенно и волшебю. Видится там еще и зимний чум из звездной россыпи, перехваченный алмазными ожерельями, и заволаживающие вспышки яхонтов, и мягкие жемчужные отсветы... Я гляжу на это переливающееся небо, и мне представляется, что все в мире удивительно божественно.

Я знаю: пленительный сонм звезд — это не неведомые светила, а те огни, что освещают человеческие пути. Их далекий свет — свет немеркнувшей жизни, в которой угадывается возрождение недостающих человеку тайн, знаний и событий, а перламутровая пыль от них — непередаваемая красота самой Вселенной. Неизвестно-прекрасной, величественной бабочкой возникает она из каких-то космических глубин, и все звезды прилипают к ее бархатным крыльям, что несут на себе рисунок неугасимой жизни.

Один за другим вспыхивают бесчисленные изумруды, сапфиры и рубины иных миров, и хочется отправиться к ним, не теряя времени, какими бы недостижимыми они ни казались, потому что представляются они нам живыми. Правда, только для тех, кто обращает к звездам свои взоры, как бы бесконечно далеко они ни находились. И если ты отправился в путь и ничто тебя не удержало, ты непременно их достигнешь.

Стояла уже третья декада апреля, а снегу в лесах еще оставалось немерено. Мало того что он почти не таял, лишь после обеда чуть-чуть маслялся под яркими лучами солнца,

так с раннего утра и до полудня каждый день в течение всего марта держались крепкие утренники, что намертво сковали его поверхность. Постоянный ветер и частые февральские оттепели порядком уплотнили снег, и постепенно образовался наст, по которому можно было ходить в валенках до самого вечера, ни разу не провалившись.

Еще наст держал на своих плечах весенний воздух, солнце и замирающую тишину. Держал так крепко, будто не хотел отпустить от себя всю силу, накопленную им за долгую зиму. Даже днем снег таял с неохотой, все же неминуемо слабея, а ночью вновь наверстывал утраченную крепость.

По утрам он отливал нежно-перламутровым светом, а когда солнце поднималось над лесом, его заливала розовая глазурь. Тогда наст напоминал красиво запекшуюся корочку большого сладкого пирога, которая приятно слепила, и от этого идти по ней было еще более радостно. Лыжи закинута на плечо, легкий ветерок еле приметно гонит голубовато-дымчатую поземку и на сердце легкая услада. Можно целый день ходить по этой волшебной глазури, даже не присаживаясь, и ничуть не устать.

Под вечер снег, кажется, совсем окаменевал, и не верилось, что он когда-нибудь растает. Он искрился разноцветными отблесками, был упруг на вид и совершенно не тронут, так что все время хотелось скользить по нему взглядом, ни на чем не останавливаясь. Но все эти ощущения исчезали ночью, когда упругий наст воспринимался просто и без него невозможно было представить себе притаившийся апрельский лес, рассыпавшиеся по небу звезды и выгнувшуюся над головой Большую Медведицу.

Будто из ее волшебного ковша просыпались в вышине все эти драгоценные жемчуга и камня. Ковша, из которого не пьют, не едят, а только все на него глядят. Глядят и не могут никак оторваться, как когда-то древние звездочеты, которые для облегчения своих наблюдений разделили бесчисленное множество звезд на созвездия.

Самые заметные, самые яркие звездочки они соединили воображаемыми линиями, будто рисовали по небесному своду, а потом смотрели, на что похож рисунок, кого напоминает: зверя, птицу, человека или, может быть, какой-либо предмет. Так появился на небе целый зверинец, и самым крупным зверем в нем оказалась Большая Медведица. Впрочем, оставались еще Большой Пес, Заяц, Козерог, Лев, Телец с Овном, Орел и Лебедь, и многие из них были гораздо крупнее ее, но все же Большая Медведица была самой приметной только потому, что рядом находилась еще и Малая, в хвосте которой сияла Полярная звезда.

Прекрасным ориентиром служила она путешественникам, которые отправлялись в дальнюю дорогу. Чтобы отыскать Полярную звезду, надо найти созвездие Большой Медведицы, которое напоминает ковш из семи широко расставленных довольно ярких звезд. Через две крайние звезды этого ковша мысленно провести прямую линию, примерно в пять раз большую, чем расстояние между звездами, и тогда можно увидеть звезду, которая называется Полярной. Она находится в хвосте другого созвездия, именуемого Малой Медведицей, и тоже имеет форму ковша. Чтобы получить направление на север, нужно стать лицом к Полярной звезде.

Но почему-то никогда сразу не замечаешь Малую Медведи-

цу, а определяешь для себя именно Большую. И уж только потом, если возникает потребность отыскать Полярную звезду, обнаруживаешь Малую. Полярная же звезда светит как бы исподволь, из небесной глубины, и не блистает при этом особой красотой. В ней скрыта недоступная для всех тайна, которую она заслуженно открывает только достойному.

Какое торжественное чудо была эта Большая Медведица! Яркими брызгами изумрудных камней искрились все ее семь звезд, и тишина стояла восторженная, морозная. Небо над Медведицей выгибалось темным куполом, откуда просачивалась глубинным светом драгоценная россыпь, черно-фиолетовый бархат ночи был усеян ею, а созвездия блистали на нем, будто подвески и броши.

Вся вышина представлялась тончайшей вуалью, сотканной из серебряных и черных кружев, где множество бриллиантов сливалось в бесценную пыль, прозрачный жемчуг мягко лучился и звезды напоминали рождественские свечи на елке, которую, как куклу, укутывали серебристые нити и золотистый шелк. Невозможно было описать это восторженное смятение от удивленного, и все же неизмеримое звездное пространство, казалось, спокойно укладывается в твоей душе.

Сменялись царства и народы, преображалась человеческая душа, но Большая Медведица светила неизменно, ни на секунду не угасая. Ее несметное убранство всегда было великолепным, а ночное безмолвие красноречивым. Она хранила какую-то тайну, что неотступно манила своей неизвестностью.

Всегда хочется смотреть на нее, и, поднимая голову к небу, обращаешь свой взор в первую очередь почему-то на Большую Медведицу! Никогда не приходится искать ее, как другое созвездие, она у всех на виду и всеми любима. Сдержанно сверкает в морозной вышине, рождая только светлые думы и сладкие грезы. Как много снов осенила она своим ненадоедливым присутствием, сколько милых догадок и самых серьезных вопросов появилось благодаря ей!

В сильный мороз Большая Медведица забирает обычно хвостом книзу, выгибаясь еще круче, и от этого становится похожей на молодую и сильную кобылицу. Почему ее назвали Медведицей, если она ее совсем не напоминает? А звезды в ней всегда яркие, добрые и так ненавязчиво заглядывают в душу, будто желают предупредить о чем-то. Они словно переговариваются между собой: «Смотрите, человек зачем-то пришел к нам ночной порой, но ничего не предпринимает. Разве это не странно? Может быть, он чего-нибудь ищет?» Но хорошо было просто сидеть под звездами, не спрашивая у них какого-либо совета.

В их сиянии было много покоя, ласки и вдумчивого свечения. Не верилось, что это только холодные бездумные миры, равнодушно простирающие свои лучи через бесконечные пространства. Хотелось молча вглядываться в их незатухающие образы, в каждом угадывая его характер и внимание к человеку. Настоящий волшебный полог раскинула апрельская ночь прямо над моей головой, и всем звездам там было очень просторно и уютно.

Иногда казалось, что звезды точно тают в сумраке ночи, куда-то ненадолго исчезают, но затем вновь появляются, только

уже обновленные, как будто умытые. А может быть, они и в самом деле приводили себя в порядок, тогда как другие за них в это время светили? Нужно было очень пристально смотреть на небо, чтобы различить незатейливые звездные ухищрения, но это никак не влияло на всеобщую переливающуюся радость.

С каждым мгновением становилось еще светлее, и некоторые звезды казались величиной с хорошее яблоко. Они так ослепительно сверкали, что порой приходилось опускать глаза, с удивлением разглядывая безжизненные снега и застывшие ели. А взгляд опять неудержимо поднимался к звездам, и не было желания противиться этому нахлынувшему чувству. Даже присмиревшие ели будто пробудились на время ото сна, вытянулись верхушками к небу и стояли вокруг как почетная стража. Похоже, и они готовы были неутомимо переживать в этом ослепительном ночном мире все то, что переживал я.

Но что же такое этот Ковш, вроде бы давно привычный для всех предмет, что в ночном небе обретает некую притягательную загадочность? Не многим, наверное, известно, что такое название имеет в мельнице четырехугольная воронка, откуда хлеб течет под жернов; в трюме судна, прямо посередине, находится льяло-ковш, куда стекает вода; среди охотников издревле существовала своеобразная ловушка на тетеревов, навреде рыбачьей морды, которая устанавливалась стоймя и обставлялась снопами. Еще так называют округлый залив с пережабиною, узким проливом. Чаще всего это одноручный



сосудец с рукоятью для черпанья жидкости или для питья. В нашем случае Ковш — небесная посуда, что, как ни странно, воспринимается к месту и служит для содержания иных ценностей.

Про богатого человека обычно говорят: он золото и серебро ковшами меряет, но душа, как известно, дороже такого ковша. Ковш, переполненный подобными драгоценностями, беду ладит, да только не небесный. Из него не брезгуй пить и напиваться, потому что он хранит в себе не тягостную брагу, от которой мутно на душе, а хрустальную чистоту, что омолаживает ум и сердце и никогда не истаивает.

Небесный Ковш — ковш особенный, с какой-то сказочной задумкой и скрытой тайной. Он только на первый взгляд представляется обычным, на самом же деле в нем угадываются волшебные свойства. Ковш так притягивает, что другие звезды, может быть только кроме Венеры, заметно блекнут в сравнении с ним. Семь самых заметных звезд, все вместе и каждая по себе, вырисовывают в ночном небе нечто в высшей степени неопишное и, между тем, очень доступное, простое.

А ведь кто-то первым углядел в этих звездах Ковш и Большую Медведицу, и для всех это стало понятно и близко. На веру и радость взяли люди чье-то меткое волеизъявление, и никто не усомнился в истинности этого откровения. Звездная линия, вовсе, оказывается, и не напоминающая могучего зверя, все же была принята за такового. Может быть, вслед за первооткрывателем всем тоже захотелось видеть в большом красивом созвездии что-то удивительное и родное, а мать-медведица, всегда близкая народу, как никто лучше олицетворяла

эту чуткую догадку. Итак, самое заметное созвездие северного неба, ко всеобщему согласию, постепенно обернулось самым заметным зверем.

В большом дому, говорят, чего нехватишься, всего нет, но только не у Большой Медведицы, у которой вдосталь и воздуха, и неба, и неисчислимого богатства, что никогда не переводится. Это неправда, что большому больше и надобно: небесная медведица, сияющая над головой каждого и видимая отовсюду, ни в чем не нуждается. Но если это действительно медведица, то чем она на небе занимается?

Рыбу не ловит. Не охотится. Следы свои не скрывает. От врагов не обороняется. Сладкой ягодой не лакомится. Ни от кого не хоронится. Берлогу не копает и сало не копит. Может быть, тепло неведомое хранит? Иначе зачем ей обладать этой необъятной, отливающей серебром невесомой шубой, в которую она, наверное, всех незаметно укутывает и, неслышно урча свою звездную колыбельную, ласково усыпляет?

На первый взгляд холодно светят ее звезды и ни на кого не заглядываются. Века веков их нескончаемому блеску! Порой они даже могут исчезнуть, никто, должно быть, и не вспомнит. А затем опять повиснет над землей бесконечная тишина, загадочно чернеющая высь и смерзшийся хрустальный воздух. Ночь постепенно оборачивается волшебством, что, оказывается, всегда находится совсем рядом. Но что же по-настоящему завораживающего таит в себе Большая Медведица?!

Лишь иногда, в какие-то особенные моменты жизни, проникновенное молчание Большой Медведицы вдруг достигает твоей души, и в ней будто просыпается непередаваемая радость. Та земная и небесная радость, которую Большой

Медведице надо в людских сердцах пробудить, а она одна на все небо! Недаром ей поэтому Господь помощницу определил в лице малой сестрицы, что и медвежат-звездочек понянчит, и морозным ароматом душу исцелит, и путь заблудшему укажет.

Главное достоинство Большой Медведицы в том, что она есть. Никуда не убегает, не торопится, знай вспыхивает острожно каждый вечер, ласково переливается... И все это в ней невероятно манит, так что ничего больше не хочется желать. Только смотреть, впитывать ее неясный свет и тихо радоваться в душе. Радоваться, наверное, тому, что и Медведице хорошо там, в морозной вышине, где ей не холодно и она совсем не стремится на землю.

В том, что окружало меня в эту ночь, не было ничего жуткого. Деревья, сугробы и темно-синие замершие тени только радовались происходящему, как-то сокровенно, про себя, переговаривались и вроде бы даже тянулись к звездному небу. Все в лесу было настроено на торжество сияющей обстановки, и в то же время ночь выглядела самой обыденной.

Больше всего поражало то, что ни разу сердце не замерло в тоске, от страха. Здесь, в двенадцати километрах от деревни, посреди ночи, мне было необыкновенно уютно. И даже если морозец покалывал щеки, забирался к самой спине, он, скорее, веселил, чем пугал. Хорошо было ощущать его здоровые прикосновения и чувствовать при этом, что холод не злится, не усердствует в своем привычном стремлении заморозить, а просто играет.

Лес же стоял неподвижно и молчаливо, но в этой сдержанности тоже чувствовалось желание поиграть. Играл мороз, играли в небе звезды, и вокруг все весело потрескивало и сверкало. Я сидел на рюкзаке, крутил головой, и мне казалось естественным, что я нахожусь в лесу, посреди звездной ночи, а не в теплой постели своей городской квартиры.

От сияния звезд и снега лес весь просветлел, и было хорошо видно, что он полон скрытой жизни. Лес радовался возможности еще немножко покрасоваться перед таянием снегов, до которого оставалось совсем немного. А мне было радостно ощущать его красоту и силу, освещенную звездами. Радостно оттого, что я пришел сюда и увидел все так, как это можно было увидеть обычной апрельской ночью.

Если бы не апрельские звезды, их особенный ласковый свет, можно было подумать, что стоит зима. В самую зиму, может быть, даже в Рождество или на Крещение, о звездах, наверное, думают больше, чем о чем-либо. Вспоминают в первую очередь про Вечернюю звезду, чистую и праздничную красавицу, что одаривает всех своей ясностью и чистотой. Не забывают и про Большую Медведицу, которая лежит всю зиму и весну не переворачиваясь и медвежат вроде бы не приносит, но всегда полна желанием разродиться неповторимым и чарующим светом. А вот Малую упоминают в самом конце, напоследок, но с достоинством обращения к таинству вековых открытий, к которым она ведет за собой людей.

Большая Медведица намного крупнее и ярче своей сестры, но только лишь для того, чтобы привлекать и озадачивать людей. Будить их способность так выстроить жизненный путь, чтобы не было скучно. И еще, чтобы они были готовы поде-

литься многим, из чего складывается, горит и не угасает ее звездное сияние. Неопишимо почувствовать в себе и Большую Медведицу и Малую и остаться при этом просто человеком. Вот если бы самому обернуться маленькой звездочкой, что загорается не сразу, а постепенно, из жизни в жизнь, тысячелетиями копя в себе волшебное свечение!

Наверное, все так и происходит: ты мучаешься, ошибаешься и ищешь, как лучше взглянуть на звезды, которые и так уже давно взирают на тебя и терпеливо ожидают твоего внимания. Ждут бесконечно, пока ты обратишь к ним свою душу, что сначала замрет от счастья в этой звездной тишине, а затем возрадуется. В восторге соприкосновения со звездным миром душа рано или поздно преодолет любую беду, незнание и обретет наконец недостающее внутреннее свечение.

И вот звезды дождались меня... Я пришел в ночной апрельский лес и тихо обратился к ним внутренним взором, а они откликнулись мне. Я сидел и ждал неизвестно чего, глядя на сверкающую Большую Медведицу, и как-то постепенно до меня доходило, что вот здесь, на этой маленькой заснеженной опушке, в прекрасную полуночную пору находится сердце Вселенной, и оно бьется в моей груди.

## *Линии леса*

*Идя* в лес, пусть даже самый замкнутый и неприступный, всегда хорошо иметь наблюдательность и воображение. Стоит только задаться определенной целью и сосре-

доточить на чем-либо свое внимание, и любая встреча с лесом обернется открытием. Радостное переживание рождающихся в лесу откровений является, несомненно, одним из источников творчества, а непрерывающаяся цепочка замечательных природных образований не только развивает внимание, но и обогащает душу самыми тонкими, порой фантастическими догадками.

Так, в один морозный и чуть ветреный день я вдруг почувствовал в природе результаты ее невидимой глазу работы — вполне законченные линии. Начертанные природой знаки, как оказалось, пересекались с движениями моей собственной души и, может быть, даже являлись ее продолжением. Слияние это порождало подлинную красоту.

Скрытые подробности лесной жизни, по каким-то неведомым законам познания, на сей раз возникли из неустанной и довольно однотонной ходьбы на лыжах, когда открывающиеся виды как бы сливаются в один сплошной, и снежная белизна расплывается в глазах, слепя и лишая их верного восприятия. Постепенно ты начинаешь изредка оступаться, теряя равновесие в этой размытой белизне, не ощущая под ногами невидимый, но существующий бугорок или укромную впадину. И вот когда твое внимание полностью сосредоточивается на мерно поскрипывающих под лыжами сугробах, их стремительно взлетающие и плавно опадающие линии, изо дня в день к тому же изменяющие свой рисунок, внезапно околдовывают.

Эта неуловимая снежная нескончаемость, может быть, как ничто другое в зимнем лесу наполняет душу здоровьем, доводя внутреннее спокойствие до своего наивысшего гармо-

ничного состояния — покоя. Не безжизненного, отрешенного от всего земного, а полного красок, звуков и света. Ведь главное — скрытый смысл очарования, создаваемого в природе, и линии леса, в особенности — очертания сугробов, мягко подчеркивают его.

Еловый лес на пригорке трогает, скорее, не заключенной в себе тайной, а своими неповторимыми линиями в общем лице природы. Линиями, не принадлежащими никакому другому дереву, запечатленному в памяти еще с незабываемой поры детства, когда дурманящее еловое облако сладко убаюкивало, а редкие уколы настырно топорщащихся иголок лишь с томительным замиранием сердца забавляли.

Ель всегда была, пожалуй, самым завораживающим деревом, и линия всевозрастающей многоступенчатости разлапистых изумрудных веток только подчеркивала это обаяние. Исключительная форма дерева объяснялась сокровенностью назначения его в природе, предполагающего беспрепятственное размножение и продолжение своего рода с помощью удивительной плодовитости. Прежде чем розовые спелые шишки, гроздьями жмущиеся к краешкам веток, свободно рассеют над землей невесомые семена, елка должна была еще пробиться сверху сквозь серьезное сопротивление, оказываемое ей своими же собратьями. Вклиниться в еловую гущу деревце способно было, лишь имея определенную коническую форму, в которой нацеленное острие верхушки надежно поддерживалось бы подпирающими ее со всех сторон упругими ветвями.

Неповторимые линии дерева вместе с его чудесным запахом и чистотой пришлись по душе людям. Расположение сказочных

игрушек на нем не было затруднено и выглядело всегда уместным. Увенчанная переливающейся стеклянной короной — самой бесценной, недостижимой, елочка протягивала свои ветви все ниже и ниже, постепенно одаривая каждого тем, что он заслужил.

Если встанешь на цыпочки и все же дотянешься, — значит, твое, не хватает роста — придется потерпеть, зачарованно любясь снизу бесценным недосыгаемым. Эта воспитываемая деревом постепенность, конечно, никогда не чувствовалась, никак не воспринималась, но была по-своему замечательна и незаменима.

Укромные коридоры просек, непреклонно пронизывающие лесную черноту, разного рода визирки и путики образуют заветные квадраты хвойных массивов, обежать которые за недолгий зимний день оказывается доступным. Доступность эта позволяет сделать выводы о нахождении зверя или птицы, а это важно. Важно знать сегодня, сейчас, не перекладывая на потом.

Окаймляя таежные массивы линией открывшегося пространства, просеки ненавязчиво выделяют и подчеркивают то, о чем долго умалчивал глухой лес. Линии просек неразделимы с ним, они порождены его мощью и необъятностью. Им суждено разобрататься в переплетениях самых потаенных уголков.

Желая еще более приоткрыть себе доступ к лесным богатствам, человек с помощью этих простых и недвусмысленных линий, на какое-то время оставленных им в покое, с каждым разом подступает к заветной чаще все ближе и ближе. Потом, через много лет, затянувшиеся и неузнаваемые, они сослужат должную службу любому, кто окажется неравнодушным к лес-

ной судьбе, навсегда оставаясь в пытливей памяти как самый короткий и верный путь.

Пригнутые верхушками к земле березы продолжают замысловатую анфиладу необычайных мазков природы. Подобно несравненным сугробам, вздыбившим дугой свои белоснежные спины, молодые березки пытаются быть под стать старшим собратьям, которые непоколебимы в своей зрелой устремленности. Строго застывшие посреди заснеженного леса, они, кажется, ни у кого не спрашивают разрешения, свободно упираясь своими сиреневатыми верхушками в бездонное небо. Стройность их неподражаемых линий, на первый взгляд, не впечатляет, потому что неприметна.

Медленно плывут по небу тугие от мороза облака, и, кажется, дунь ветер посильней — легкие березовые стволы зацепятся за них и, сладко прогибаясь, улетят в небесную голубизну. В их прозрачных кронах ветер не застаивается, а просеивается невидимыми струйками, звонко и нежно вздрагивая. Тонкая музыка берез, рождаемая ветром среди их безукоризненно белоснежных линий, безотчетно пленяет.

Линия полета вспугнутой птицы тоже заставляет пережить незабываемое волнение. Взметнувшийся из лунки рябчик приходит в себя молниеносно, неподражаемо лавируя среди частых веток. Делает он это легко, без единого взмаха крыльев, словно наполненных воздухом. Мягкий росчерк его невесомого тельца, словно дымчатое облачко, повисает в темно-зеленых хвойных верхушках, и, глядя на него, ты сам будто летишь.

Был только что рядом незабываемо пегий, живой комок — и уже его нет, только короткое, как полет птицы, воспоминание да надежда насладиться им хотя бы еще раз. В линии паре-

ния рябчика прослеживается его игривая уверенность, с которой он ненавязчиво обозначает свое жизненное пространство. И она непременно отзывается в душе, как будто вторит птичьему вспархиванию еле уловимым лесным эхом.

А начинаются тревожащие душу очертания с лесной избушки, которую покидаешь под скрип перекосившегося от мороза крыльца, с уютно расстилающегося в звездном небе дымового коромысла. Прямо из трубы над заснеженной крышей оно перекатывается за самый дальний край леса, без видимой натуги подпирая собой холодную и сказочную ясность январской ночи.

И еще с наглухо затиснутой в сугробах изгороди, слегка припорошенной перестылым снегом, вдоль которой весело вьется выпуклая твердость нахоженной тропки. Пронзительно и тонко повизгивает она под ногами, в морозной дымке угадываются рассеянные тени от звезд, все схвачено предугртенней тишиной и покоем. Переживая в себе здоровую приподнятость, с лыжами через плечо и рюкзаком за спиной бодро выходишь на укромную лесную дорогу, что ведет в особенный заповедный мир, где слышно, как длится мгновение, а в душе трепетно отзываются каждая линия и звук.

## *Господин дятел*

Дятел — хорошо заметная, простая и всем знакомая в лесу птица, не лишенная завидного благородства. Того самого благородства, которое определяют присущие сему состоянию черты и поступки, дарованные Богом, и так получилось, что дятлу

были отпущены только благородные, потому как польза, приносимая этой замечательной птицей, и манера держаться, всегда настороженная и вместе с тем возвышенная, наверное, и обусловили ее высокое имя «господин». Кстати, в народе оно чаще всего употреблялось как вежливое упоминание и обращение.

Не купец, не дворянин, а своему дому господин, живет дятел в нем, то есть в лесу, исправно и со знанием дела. На Руси господин, говорят,— кто за многих один, и, конечно, это в полной мере относится к дятлу. В самом облике дятла чувствуется строгость и какая-то глубокая порядочность, так напоминающие нам добрую господскую косточку, а еще чувство собственного достоинства от совершаемого труда. Дятел — истинный работяга и очень горд этим, но при этом не кичится и лишь торжествующим возгласом «кви-вик» напоминает, что каждому в лесу следует не покладая сил трудиться на всеобщее благо.

В этой работе дятел очень аккуратен, подтверждая тем свою благородную сущность. К слову сказать, он никогда не разбрасывает раздолбленные шишки по лесу, а сносит их обыкновенно на одно и то же дерево, служащее ему как бы верстаком. Поудобнее устроив шишку или орех в подходящую щель, дятел усердно орудует клювом, выедавая питательные семена, и затем сбрасывает на землю.

Часто в лесу натыкаешься на целые кучи раздолбленных сосновых и еловых шишек, напоминающие об озабоченной птице. Как будто кто-то неведомый пришел, сложил их заботливой рукой и неслышно для всех удалился. Это знаменитые дятловы «кузни», что завораживают основательностью, с которой дятел их обустроивает.

А вот летают дятлы неохотно, как бы понимая, что созданы для иного, но очень быстро, желая, наверное, поскорее оказаться там, где они нужнее всего. Полет у них тяжелый и в то же время стремительный: птица делает резкий взмах крыльями, поднимающий ее ввысь, затем складывает их и стремительно, словно брошенное копьё, пролетает некоторое расстояние, быстро теряя высоту, затем вновь взмахивает крыльями, и так до тех пор, пока наконец не усядется на какое-нибудь дерево и не возобновит работу.

В основном дятлу приходится летать от дерева к дереву, то есть на расстояние в несколько шагов, и потому это скорее перепархивание, чем полет, в котором всегда угадывается вынужденное напряжение, как будто лететь ему не хочется, и он летит только потому, что надо. Но в те моменты, когда дятел взмывает после очередного взмаха крыльев, он словно вспоминает о своей возвышенной сущности и, кажется, стремится хотя бы на короткий миг побыть птицей, которой просто и замечательно летится.

Своеобразен и брачный полет дятла, что сразу становится понятным, если хотя бы раз его увидел. Так не летают, да, видимо, и не могут летать другие птицы. Вот когда открываются его самые красивые и яркие перья, что растут у птицы под хвостом! Поставив хвост торчком и распушив ярко-алое подхвостье, дятел, часто трепеща крыльями, летит словно по натянутой струне, и ты уже не знаешь, чего еще ожидать от этой птицы.

Но на самом деле дятел как добропорядочный семьянин и гражданин леса живет размеренной оседлой жизнью. Ему нет нужды улетать в теплые страны и кочевником его также на-

звать нельзя. Дятел придерживается той части леса, в которой находится его гнездо, и тщательно следит за тем, чтобы деревья в охраняемой им вотчине не болели.

Во всем облике дятла видна обстоятельность, когда он усядется, расщепив узорчатые крылья, на ствол, упрет в него свой многоступенчатый упругий хвост и давай пробовать дерево на звук. Шею изворачивает, мелкой дробью кору на клюв пробует и как бы прислушивается: тут ли зловредный червь? Ну чистый доктор!

Являясь грозой для жуков и короедов, дятел — птица очень миролюбивая, хоть и не весьма общительная. К обществу даже себе подобных дятлы не тяготеют, но и ссор не затевают. Не любят дятлы «водить компанию», а знай только работают лесу на радость да другим пернатым на утешение и ничего за это не требуют. Доброму забота не в тягость, как говорится, а только в удовольствие.

Именно поэтому, наверное, дятла и величают «великодушным»... Мало того что он долбит многочисленные домики, которые используют другие певчие птицы, так он еще и щедро им их уступает, тотчас принимаясь за изготовление новых. Синицы, мухоловки, горихвостки, вертишейки должны быть благодарны дятлу за то, что он снабдил их теплыми и уютными квартирами, которые оберегают их в лютые зимы.

Дятел удивительно благороден... Совместно с самкой в течение десяти — пятнадцати дней он неустанно готовит гнездо для будущих птенцов, помогает их впоследствии высидывать, а когда на гнезде находится мать, никуда не улетает и ночует по соседству в прошлогоднем гнезде или нарочно выдолбленной «спаленке», причем спит в всяческом положении, прицепившись

лапками к отвесной стенке. Он не может допустить, чтобы его подруге и птенцам было неловко, нехорошо, и всеми силами старается обустроить их уют.

В общем, в отличие от других птиц, многим людям совсем неизвестных, дятел действительно всем хорошо знаком, и его благородная суть ни у кого не вызывает сомнений. Он, может быть, именно поэтому и должным вниманием обделен, поскольку прост по своей замечательной сути. Все привыкли видеть его поблизости, за работой, и уже, кажется, не обращают на него никакого внимания. Но не меркнет слава дятла для любознательного человека, охочего до лесных загадок. Оттого человек, наверное, и величает эту птицу «господином», что вызывает она только уважение.

Прозвище «господин» напрашивается и из-за ее оперения, напоминающего фрак. Таков большой пестрый дятел, что наиболее распространен в наших лесах, и оперение его под стать именно господскому: щегольский черный сюртук, белая манишка, на шее нечто вроде бабочки... Вылитый джентльмен, призванный не только охранять жизнь леса, но и украшать его.

Впрочем, и другие дятлы, хотя и окрашенные иначе, имеют такое же благородное платье. Самый крупный из них — желна, никогда не снимает с крутых плеч свой черный смокинг. Строгость и тайна всегда заключены в его настороженном облике, когда он неожиданно и бесшумно появляется где-нибудь поблизости. Несмотря на темноту, которой дятел овеван в народных сказаниях, он вызывает уважение этими загадочными передвижениями по лесу. Особенно если присаживается на шероховатый ствол старой ели, широко взмахнув черными крыль-

ями, как фалдами своего одеяния, и замирает в горделивой позе, наострив рассерженный желтый глаз.

Зеленый, или, как его еще называют, седой дятел удостоен пепельно-оливкового камзола цвета молодой весенней листвы. По всему видно, что дятел вовсе не гордится им, а просто носит, за что-то дарованный ему лесом. Это даже, скорее, изысканный зеленый плащ, легко перехваченный у горла и так же ненавязчиво ниспадающий по его округлой, чуть вытянутой фигурке. Хотя дятел и не придает ему значения, увлеченный охотой за любимыми муравьями, чувствуется, что он не забывает о том, какой он все-таки благородный и красивый.

Жизнь белоспинного дятла связана больше с березняками, и потому он имеет расцветку, близкую березовой коре. У белоспинного дятла будто мантия магистра наброшена для какого-то торжественного момента, который уже давно закончился, но птица ее почему-то не снимает. Скорее всего дятел не может прекратить свою любимую работу, желая оставаться при этом и незамеченным, и неотразимым.

Есть еще и трехпалый дятел, у которого тоже, как и у белоспинного и большого пестрого, на плечи накинуто что-то вроде строгого пиджака — опрятного, подчеркивающего деловитость птицы и ее аккуратность. Даже буровато-черные пестрины, неприятно разбросанные по нему, не означают безвкусицу и не портят первого впечатления. К тому же желтая шапочка на темени дятла отличается редким изяществом и скромностью, что в полной мере можно отнести к этой обаятельной лесной птице.

Вообще, все дятлы, хотя и принадлежат к одному семейству, имеют самую разнообразную одежду, которая, между тем,

в каждом из них отличается рабочей строгостью и не теряет элегантности. Облюбовав какую-либо сосну или елку, птицы в скором времени могут переместиться на березу, осину и даже, может быть, ольху, но на коре всех этих деревьев они должны оставаться невидимыми. Ведь по одежке, утверждают в народе, протягивай и ножки, а она у дятла куда как не самая последняя!

Рад дятел, что нажил себе такой знатный кафтан. Правда, он, наверное, и не замечает дарованной ему одежды, потому как весь в заботах. Шишку разбитую надо отнести, новую принести, дупло выдолбить, птенцов выкормить, другие деревья проверить — дел у него невпроворот! Разве разглядишь за всем этим свой наряд?! И вот именно поэтому кафтан дятлу сшит точь-в-точь по его плечам, чтобы дятел не отвлекался от работы, было ему удобно, а выглядел бы он всегда молодцом!

Не зря у дятла кафтан еще и с подкладкой, чуть виднеется из-под хвоста розовато-алый подбой, будто спелая заря, с рождением которой он уже начинает свою бесперебойную долбежку. И если о человеке говорят, что его сначала по платью встречают, а по уму провожают, то дятла рады принимать и по тому, и по другому. Когда житье у кого скупое, то он и платье носит худое, чего не скажешь про дятла, который по достойному труду и платью имеет заметное.

Дятлы постоянно заявляют о себе голосом. Издавая призывный крик, они, очевидно, извещают соседей о месте своего пребывания. Так, например, большие пестрые дятлы, которые держатся обычно поодиночке, издают короткий и высокий вы-



крик: «квик-квик». Чаще всего дятел повторяет его, сидя на вершине сосны или ели, реже — на каком-нибудь лиственном дереве, и разносится он в течение всего дня.

Но самый голосистый, пожалуй, черный дятел, или, как его еще называют, желна. Огромный, с алой шапкой, он то и дело перелетает над опушкой, вытянувшись в воздухе наподобие черной лодочки, и кричит одинаково часто как осенью, так и весной. Обычно желна последовательно издает два звука: первый — громкий протяжный возглас, выражающий неизъяснимую тревогу, даже плач: «киу-у, киу-у, киу-у», а второй — резко прерывающееся и очень зычное вскрикивание: «крю-крю-крю-крю-крю-крю-ю». По голосу всегда можно довольно точно определить, какой это дятел, куда он летит и где сделал остановку.

Несмотря на свой достопочтенный вид, дятел очень забавен и имеет довольно-таки веселый характер. Конечно, особенно утонченных манер от него нельзя ожидать, потому что у дятла все-таки привычки лесного жителя, призванного выполнять «черную» работу, но своим опрятным обликом и образцовым поведением он производит очень привлекательное впечатление. Кто бы мог пожелать, чтобы дятлов не было и чтобы они исчезли из наших лесов? Уже один их голос, который напоминает громкий хохот и разносится далеко по лесу, звучит замечательно весело, и потому не мудрено, что дятлы принадлежат к одним из наиболее любимых человеком птиц.

Но голос у дятла не единственное средство звукового выражения его весеннего возбуждения. Дятел еще и великолепный музыкант, что тоже получается у птицы достаточно возвышенно и громкогласно. Когда приходит весна, по лесу раз-

носится торжественная барабанная дробь, которой дятел вещает о своем чувстве. Это громкий раскатистый звук, возникающий от частых ударов клювом по сухому стволу или суку. При этом отдельные удары, составляющие дробь, хорошо различимы: они следуют один за другим со скоростью более десяти раз в секунду, и вся дробь звучит как долгое раскатистое «трр-ррррр-р-р-р...», затухающее в конце.

Чем меньше дятел, тем меньше ударов он совершает за одно и то же время. Например, желна ударяет клювом очень размеренно, степенно, а у малого пестрого дятла удары сливаются в сплошную трескотню. Интервалы между ударами бывают настолько малы, что звук воспринимается как трель, громкое и раскатистое лесное эхо, проникающее в самые глухие уголки.

Дятлы намеренно выбирают «барабан» с наиболее сильным резонансом. Постучав сначала по одному суку, потом по другому, третьему, они затем чаще всего играют именно на том «инструменте», который позволяет производить самую громкую трель. Когда дятлу попадаются консервные банки на дереве, он использует даже их. Конечно, каждый сук или банка звучат по-своему, но это не мешает птицам находить друг друга: тут важна продолжительность звучания.

А еще дятел-самец издает подобные звуки для того, чтобы доставить удовольствие самке. Барабана по суку, он вызывает на бой других самцов, которые, услышав этот звук, прилетают издалека, чтобы сразиться с соперником. Подражая этому звуку, можно, наверное, легко подманить к себе много дятлов, а слышится он в лесу на расстоянии целого километра.

Дятел в лесу будто запевала многоголосого лесного хора, к которому прислушиваются все птицы, и как только он нач-

нет — принимаются на разные голоса прославлять весну. Правда, голос дятла на самом деле просто барабанная дробь от частого удара его мощного клюва по сухому суку, но воспринимается всеми обитателями леса именно как песня. Да дятел и сам, наверное, думает, что поет, оглашая лес звонко разносящейся трелью.

Барабанную трель дятла не перепутаешь ни с какой другой птицей, потому что она очень своеобразна. В ее простом ритме сотни оттенков, разносящихся самыми непредсказуемыми мелодиями по всему лесу. Как наши ноты рожают удивительные звучания, так и трель дятла неповторима по многообразию музыкальных переливов. Стоит хотя бы раз оказаться в весеннем лесу, лучше — утром, и ты будешь очарован ими.

Сначала дятел, как дирижер перед оркестровой ямой, на мгновение замрет, сосредоточится и, осмотревшись, ударит первый раз, так что лес загудит, заволнуется и окончательно проснется. Лес для него — это торжественный концертный зал, необычайно проникновенное пространство, где воплощаются в жизнь все его восторженные задумки. Он счастливо может выражать себя в них, наслаждаться ими и, призывая в то же время поклонниц своего таланта, дарит обитателям леса ощущение прекрасной нескончаемости от их великого дома.

Таким возвышенным и проникновенным образом дятлы выражают свои чувства, и если они не особенно хорошие певцы, то многие из них оказываются зато великолепными виртуозами по части инструментальной музыки. С самого рождения жизнь дятлов вращается преимущественно около дерева, и потому становится понятным, что ксилофон является их любимым инструментом, на котором они с большим желанием начинают иг-

рать весной. Тот, кто часто бывает в лесу, всегда обратит внимание на эту музыку, естественно принимая ее за любовную серенаду дятла, но долгое время в народе считали, что она является предзнаменованием дождя. В этой странной привычке пользоваться сучком как музыкальным инструментом хорошо угадывается утонченная натура дятла.

Именно благодаря ей дятел, наверное, не преминет воспользоваться любым подходящим для этого предметом, чтобы выразить все устремления своей маленькой, но возвышенной души. Если представить себе какое-нибудь волшебное дерево, увешанное чудесными сосудами или игрушками, дятел, должно быть, непременно воспользуется ими и попробует на звучание. Такая основательная, все примечающая и свободная птица не может не заинтересоваться чудесными вещами, будучи сама неподражаемой и чудесной.

Рассказывают, будто бы дятлы даже научились раздалбливать пошире леток в скворечню и устраивают в ней зимой свою постель. Ко мне в огород тоже повадился большой пестрый дятел, но скворечник он, слава Богу, пока не тронул, а вот дом, кажется, во всех углах простучал. И все это опять же без спешки, с толком, хоть и в непосредственной близости от человека.

С точки зрения его «господского» положения в лесу дятлу подобное поведение вроде бы не пристало, но присутствие меня его ничуть не смущает. Хлопнет дверь — дятел тотчас перелетит на черемуху, свесится боком и, кося одним глазом на вход, уже выуживает личинок с дерева, а как только все успокоится, он опять что-то выискивает на стене конюшни... Дятел, говорят, никогда не натывается, и что же на него обижаться, если он от жуков-древоточцев дом оберегает?!

Правда, в старину, смотря по тому, что он клюет, делались разного рода предсказания. Например, если весной дятел долбил по преимуществу изгородь, то наступающее лето обещало быть червивым, если стены холодных строений, это предвещало много мышей, а вот жилые помещения — к смерти одного из членов семьи. Когда дятел настукивал в переднем углу дома, это означало смерть самого хозяина!

Но что поделать — дятла нос кормит, и от него же он пропадает, так как по далеко слышному в лесу тюканью дятла его и находят хищники. Кабы дятлу не свой носок, никто бы его в лесу не нашел! Но кому может помешать дятел, стукотня которого никогда не бывает надоедлива и, пожалуй, более умиротворяет, нежели вызывает раздражение. Вроде бы размеренная, работа дятла даже отличается восхитительным остервенением!

Да, у дятла завидный жизненный настрой, с которым он всегда нацелен на работу; и ни хмурое небо, ни надоедливый дождь не способны вогнать его в тоску. Это присуще лишь избранным, потому как ко многому обязывает. Дятел с лихвой оправдывает силу, благосклонно вложенную в него природой, и всегда держится молодцом. Сколько деревьев ему надо осмотреть, чтобы найти то место, где под корой поселились жуки и личинки!

Дятел невероятно трудолюбив и при этом очень внимателен к тому, что он делает. Часто можно видеть, как он не переставая долбит дерево, весь день озабоченно перебегает по его стволу, что-то внимательно высматривает, настороженно оценивает и вновь принимается за работу. Все он делает очень основательно и не раз перепроверив.

Клюв дятла, несомненно, одно из главных его достоинств. Но как приспособить его к господскому званию птицы? Клювом дятел долбит дерево, выдалбливая дупло для гнезда, которым пользуются многие птицы, и уже тем подтверждает свое благородство. Клюв служит дятлу и «музыкальным инструментом»: им он стучит весной по сухому суку, извлекая похожие на барабанную дробь звуки, и эта «весенняя песня» дятла, обращенная к даме сердца, выказывает его не только истовым музыкантом, но и истинным джентльменом.

Вдобавок дятел — искусный акробат, ему позавидует любая птица, обитающая, как и он, в среднем пологе леса. Помогают ему лапки с острыми когтями, причем два пальца выдаются вперед, а другие два обращены назад. Ловкое лазание по деревьям обеспечивает дятлу и упругий хвост, на который он удобно опирается, передвигаясь по стволу скачками. Скачки дятел может совершать вверх, в сторону, и часто перемещается по стволу винтом.

Эта неспешная, даже размеренная манера дятла передвигаться по деревьям очень в нем привлекает. Хвост же играет настолько важную роль и несет такую большую нагрузку, что за год стирается на одну десятую часть. Но никто этого не замечает: на всеобщее обозрение дятел выставляет все самое броское и лучшее, показывая тем свой изысканный вкус.

Его милая приземистая фигурка то и дело мелькает между стволами деревьев. На вид строгий, по-деловому озабоченный, но не замкнутый, дятел вызывает уважение своими постоянными перемещениями по лесу. Он действительно кажется очень озабоченным, когда, как доктор больного, «прослушивает» дерево, и в то же время дятел открыт, для всех доступен.

Дятел не боязлив и всегда галантно выдерживает паузу, прежде чем ретироваться. К нему, как правило, можно подойти достаточно близко, порой почти вплотную, и он не выкажет особой боязни или настороженности. Даже тогда, когда птице грозит опасность, она не спешит улетать. Так, прислушается, взглянет черным глазком, склонив голову набок, и продолжит свою стукотню. В крайнем случае перелетит на соседнее дерево и вновь огласит лесную тишину барабанной трелью: дятел весь в работе!

Заметив обычно приближение человека, дятел как бы непреднамеренно, ничем не выдавая того, что заметил опасность, переползает, продолжая что-то искать в неровностях коры, на противоположную сторону ствола и, поднимаясь по стволу вверх, лишь изредка выглядывает из-за него, будто невзначай наблюдая за человеком. Если попытаться обойти дерево, то птица опять переместится так, что между ней и человеком окажется ствол. Если человек попытается приблизиться к птице, она перелетает на соседнее дерево, выражая недовольствие громким резким вскрикиванием. «Квик-квик, клек-кле-клек-кле-клек», — именно так дятел передает свое негодование по поводу того, что его все-таки оторвали от неотложного и очень важного дела, а он, со своей стороны, проявил достаточно терпения, пока его не лишили.

Как тут не позавидуешь его способности сосредоточиться, не упуская при этом связи с окружающим! Времени даром не теряет, но и примечает всякую мелочь. Быть внимательным и вдумчивым наблюдателем скрытой от глаз жизни леса — его замечательное предназначение. Дятел не может позволить себе

расслабиться хотя бы на минуту, а если такое случается, то только весной.

В эту восторженную для всех пору дятлы как будто сбрасывают на время свои благородные фраки и становятся какими-то оголенными. Целыми днями они без усталости носятся друг за другом между деревьями, пронзительно вскрикивают и, кажется, вот-вот сойдут с ума от охватившего их возбуждения. Весь год, и в снег, и в мороз, и в осеннее ненастье, они самозабвенно работали, добросовестно исполняя свою лесную службу, а теперь словно опомнились и... очумели. Где их хваленая выдержка, достоинство и гордость?! Дятлы превратились в обыкновенных птиц, охваченных весенним возбуждением.

Но простим их и вспомним себя, когда приходит весна... Не теряем ли мы, как дятлы, голову от ощущения непередаваемой свободы?! Помним ли, что происходило с нами, и отдаем ли отчет всем своим переживаниям?!

Весна безудержным и радостным ветром охватывает нас и, оторвав от земли, так же неугомонно возносит в сияющее небо, а мы не в силах противиться ей. До благородства ли тут, когда в лесу всякой твари по паре: бравый косой бесстрашно отправляется на поиски зайчихи, мудрый лисовин с замиранием сердца подбирается к своей огнеподобной и лукавой красавице, чутко улавливает носом желанную медведицу недавно поднявшийся из берлоги медведь... Вот и дятлы, вконец одурев, устраивают свою весеннюю кутерьму.

А как дятел оживляет лес зимой, когда он пустеет и в нем уже не слышно радостных песен! Сладостный зимний сон сковал все живое, улеглась даже безудержная вьюга, что намела за ночь горы сугробов, а под утро выдохлась, и только дятел, не

обращая ни на кого внимания, размеренно долбит старую березу, и звук от этих ударов отражается от стволов по всей роще: «тук-тук, тук-тук-тук, тук-тук, тук-тук-тук, тук-тук...».

Все, что слышит ухо в зимнем лесу, это только дробный перестук дятла. Стукотня дятла скорее выводит из охватившего зимнего оцепенения, постепенно отрезвляя и в то же время приятно озадачивая: как же неугомонна эта птица, что не успокаивается даже в такую глухую пору! Зимой удары дятла в лесу звучат особенно хорошо, хотя и не так громко, как весной.

Будто неведомый старичок-лесовичок ходит меж березок и елочек, ударяет своей легкой колотушкой по стволу, проверяя его на звучность, но особо не шумит. Это лесной сторож, который знает, где и как стукнуть, чтобы отозвалось серебряным звоном. Ведь как стукнешь, так и отзовется, а дятел впустую стучать не станет, потому как всех, если захочет, перестучит: и стука, и работы у него вволю!

В народе про дятла бытовала такая история. Когда Бог задумал моря, реки и родники, он поручил эту работу пташкам небесным, и все за нее дружно принялись, кроме дятла, который по упрямству Божьему повелению не подчинился. Господь, чтобы наказать дятла, отказавшегося копать землю вместе с другими, обрек его на то, чтобы вечно долбить клювом дерево, а так как он никакого участия в выкапывании земных водоемов принять не захотел, Господь запретил ему пить из них воду и приказал довольствоваться только той водой, которая во время дождя с неба падает и которую он должен ловить в воздухе как сумеет. Оттого-то дятел вечно кричит перед дождем.

Среди людей существует еще такое поверье, по которому дятел будто бы знает способ вызывать дождь. Для этого ему только стоит разбросать муравьиную кучу. Вполне возможно, кто-то когда-то примечал, что так оно и было, но нам-то сейчас доподлинно известно, как охочи до муравьев дятлы, в особенности зеленый, или, как его еще называют, седой.

Дятел долгое время терпеливо сидит на ближайшем от муравейника дереве и ждет, когда муравьи вытащат своих куколок просушиться. А как только это произойдет, поедает их, ловко слизывая своим длинным клейким языком. Суть приметы, по видимому, кроется в том, что чуткие насекомые угадывают скорое приближение сырости и прячут яички в муравейник. Дятел же, не желая обременять себя ожиданием и стремясь побыстрее полакомиться, разбрасывает муравьиную кучу, и вскоре начинается дождь.

Вообще-то, про дятла в народе ходит сравнительно немного рассказов, причем почти все они вращаются вокруг его свойства долбить дерево. Известно, что дятел, подолбив дерево с одной стороны, тотчас же перелетает на другую, там подолбит, и опять обратно. Это объясняется тем, что, потюкав дерево, он спугивает насекомых, гнездящихся в расщелинах коры, и те перебираются на противоположную сторону, где дятел их ловит, повторяя такой прием постоянно. В народе в этой особенности видели то, что дятел летит на другую сторону, чтобы посмотреть, не прошел ли насквозь его клюв.

Обычно я отношусь к таким историям очень терпимо, ибо все они больше слагаются из любви к лесу, рядом с которым всегда жил русский человек, чем ради пустого краснобайства. Все эти неправдоподобные рассказы про годовалого медведя-

пестуна, помогающего медведице нянчить ее несмышленишей, про глухаря, который будто бы не топчет копалуху, а продолжает свой лесной род с помощью разбрасываемой им слюны, которую она сглатывает,— больше вызывают улыбку, чем неприязнь или справедливое возмущение.

Вот, к примеру, еще одна легенда про дятла, что бытовала раньше среди крестьян. Согласно ей дятел — птица скорее зловещая, утверждали они, нежели приносящая удачу, и своим стуком предвещает несчастье. Во многих местностях дятлу приписывалось свойство находить некую разрыв-траву. Поверье гласило, что дятел знает такую траву, которая может отомкнуть всякий замок, и чтобы отнять у дятла эту траву, нужно найти его гнездо и заткнуть вход деревянными колышками. Дятел попробует сперва силу своего клюва, чтобы проникнуть в гнездо, а затем полетит и принесет добытую им разрыв-траву.

Под деревом, где находится его гнездо, нужно расстелить красный платок. Дятел примет его за огонь, разложенный под деревом, и упустит на него траву, сказочное зелье, от которого не только замки и запоры распадаются, но и клады даются. Самому обнаружить эту траву очень не просто, потому как цветет она только в полночь на Иванов день и держит цвет не долее, сколько нужно, чтоб прочитать «Отче наш», «Богородицу» и «Верую». Разрыв-трава обладает невероятной силой, и если бросить ее в кузницу, уверяли старики, то кузнец даже не сможет работать.

Раньше о дятлах говорили и писали только доброе, отличающее их как главных хранителей леса. «Лесной доктор», «музыкальных дел мастер», «лесной кузнец» — все это очень спра-

ведливые и меткие прозвища, действительно отличающие дятла как истинного врачевателя, непревзойденного исполнителя самых необыкновенных лесных звучаний, старательного и вдохновенного мастера. Не зря издревле замечали, что для того же лесничего дятел, как собака для охотника.

Но сейчас о дятле, несмотря на все его благородные свойства, стали появляться довольно противоречивые мнения. Чаще всего такое: труженик-то он, вроде бы, большой, зато семян сосны и муравьев поедает изрядно, а это уже не на пользу лесу. Или еще по-другому: хорошо, когда еды в лесу вдоволь, но вот если ее мало — дятлы, ко всему прочему, будто бы начинают хищничать: раздалбливают летки у многих синичников, вытаскивают оттуда птенцов и убивают их. Особо же сердобольные не упустят случая упомянуть о якобы нездоровой тяге дятлов к целительному березовому соку: нередко можно обнаружить, что нежная береста пронизана аккуратными рядами маленьких дырочек, которые как бы окольцовывают ствол, и это, мол, небезопасно для жизни дерева. Но что с того, если семья дятла лакомится по весне сладким березовым соком, который не только приятен птицам на вкус, но еще и витаминное лекарство после их самоотверженной работы на благо леса в течение всей холодной зимы. Разве много среди лесных обитателей таких, что приносят одну только пользу?!

Нет, даже когда дятлы долбят сухое дерево, которое спасти уже невозможно, они все равно делают очень нужное и важное дело: избавляют лес от вредителей, стремящихся перейти на здоровые деревья и погубить их. Усердие дятлов не знает границ там, где они достают вредителя из глубины ствола, а не

только из-под коры, то есть оттуда, где никакие яды не достигнут насекомое. Что же касается дупел, которые дятлы делают, то и здесь только польза.

Во-первых, дятлы выдалбливают их в старых и сухих деревьях. Во-вторых, дуплами этими пользуются только один раз, оставляя потом другим птицам, которые часто страдают из-за отсутствия подходящих для гнездования мест. Кстати, зимой дятлы часто сдирают ударами клюва кору с зараженной личинками короеда ели, что позволяет другим зимующим птицам поедать этих личинок. Дятел очень выручает голодающих птиц, и, наверное, никто не видел его хотя бы однажды скучающим.

Теперь доподлинно известно, что дятел долбит только зараженное дерево. Последовательно простукивая его с разных сторон, он запускает в проделанные маленькие отверстия длинный клейкий язык — гарпун с зазубринкой на конце, выуживая оттуда не только личинок, но и взрослых короедов. Дятел не терпит суеты в этом ответственном для всего леса деле и сосредоточен до предела. Словно господин со своими безропотными подданными ведет себя дятел, нисколько не задумываясь о их судьбе. Все существо птицы направлено на то, чтобы выискывать необходимый ему корм, выуживать его из-под коры и тотчас поедать.

Как крепко прилепляется дятел к стволу дерева, без которого просто не может существовать! Даже здоровое и полное жизни дерево, кажется, ждет, когда птица подлетит, присядет на ветку и тщательно прослушает его. Дерево замрет на короткое время, будто боясь помешать преисполненному долга дятлу, и если птица улетит, облегченно и с благодарностью

вздохнет. Дятел ничего не обнаружил, и оно может продолжать спокойно тянуть свои ветви к свету, ласково шелестеть ими на душистом ветру.

Скучно без дятла в лесу, пустынно и грустно. Приятно любоваться этой живой птицей, наслаждаться ее присутствием, переживать маленькие лесные события. Хорошо думать под размеренную дятлову стукотню, когда сидишь, скажем, на крыльце лесной избышки и вслушиваешься в пробуждающуюся весну.

Вообще, дятел — необыкновенная птица, и ты никогда не ведаешь, что от него можно ожидать в следующий момент. Вот, например, совсем недавно я узнал, что в Сибири в лютый мороз птица прыгает с высокого дерева в глубокий сугроб, зарывается с головой в рыхлый снег и отсиживается там всю ночь в относительном тепле, наподобие рябчиков и тетеревов. Ну это ли не свидетельство того, как непредсказуем и занимателен дятел!

Слово «господин» происходит от Всевышнего Владыки, государя нашего Создателя, Господа Бога. Господа, который богатит и высит, убажает и смиряет. Слава ему, что белый свет наш открыл, подарил удивительный мир птиц, зверей и растений!

«Господином» чествуют людей по званию и должности, по их великим заслугам. А разве дятел не достоин такого обращения за свое благородное усердие?! Дятел необыкновенно украшает наши леса, поражая всех достоинствами, за которые и получил среди лесного люда, не шибко падкого до красивых слов, высокое и уважительное прозвище «господин».

Сам себе господин, с честью служит дятел и великому ба-

тюшке-лесу: крепок в делах, верен в помыслах. Служит — не угождает, потому что превыше всего ставит в лесу порядок: на то ему и Господня воля. Не по дому господин, говорят среди людей, а дом по господину, и это в первую очередь относится к дятлу, который обустроивает его в лесу по своему образу и подобию на славу!

### Весенним днем

Солнечный весенний день с беспощадно вскрытыми им самыми дальними уголками, кажется, не предвещает ничего, кроме суетливого щебетания птиц. Солнце быстро выкатывается из-за леса, и звери торопятся укрыться подальше от ослепительно заливающего просеки и поляны света. Самое интересное время суток неслышно ускользает, но еще немало следов оставляют за собой лесные обитатели.

С каждым днем оседая и становясь от этого только крепче, наст выдерживает даже такого крупного зверя, как лось. Не рискуя изрезать ноги, лось может позволить себе прогуляться по нему, спокойно пожевать у ночной опушки пахучих осиновых веточек. За день поверхность наста настолько обтапливается, что недавние следы различить совсем непросто. К вечеру они обычно оплывают, превращаясь в еле приметные вмятины. Через пару дней уже и вовсе невозможно определить, проходил ли этим местом сохатый или нет.

Но иногда наст все же не выдерживает нагрузки, и лось проваливается одной ногой, оставляя в глубоком снегу ее от

четливый слепок. У такого провала замечаю я окоченевший пушистый комочек, а наклонившись, разбираю в нем крота, с распростертыми голыми лапками замершего на животике. Одеревеневшее тельце его кажется почти невесомым, но жидковатый мех приятно разглаживается под пальцами, бархатится. Видимо, лось, оступившись, слегка придавил подземного обитателя в его норке. У слепого крота хватило сил лишь выбраться наверх, к весеннему теплу и свету, которого ему никогда не суждено было увидеть.

А солнце щедро расплескивает свое тепло, так что воздух светится, создавая над землей почти невидимую ласковую дымку. Воздух весь пропитан благоухающим дыханием: зима притаилась под снежным покровом, за дремучими еловыми ветвями прижалась к самой земле, а весна нахлынула неумолимо и, как бы весело наблюдая за уловками зимы, не спешит всерьез браться за нее. Весна в лесу словно приглядывается, с какой стороны ей подступить, чтобы начать свое сокрушительное движение.

Радость и восхищение переполняют сердце, усталость уходит из тела, потому что душа поет от сопричастности с происходящим в природе, и воспоминание о крохотном несчастном зверьке тому не помеха.

Все более осаживаясь, снег оголяет тетеревиные лунки, которых по лесу неожиданно стало попадаться великое множество. Раньше их можно было разглядеть только с какой-нибудь одной стороны, откуда тетерева пробивали снежный покров, теперь же в нем сохранились лишь неясные овалы с горстками коричневатого подсохшего помета. Обаяние лесных птиц так сильно, что долго стоишь над лункой, с легкой грустью



вспоминая, какую неторопливую и притягательную жизнь вели зимой тетерева, глухари и рябчики.

Тогда как тепло разрушило домики боровых птиц, норки зайцев в снегу еще вполне надежны. Подняв в частых елочках крупного беляка, я заглянул в одну из них и убедился: чувствовал он себя здесь очень уютно. Норка была вместительна, глубоко уходила под крепкий наст, а на дне ее виднелся оголенный бок толстенького осинового поленца, которое служило зайцу лакомой закуской. Серая сочная кора была сплошь обглодана, а на белом гладком стволе отчетливо были видны ровненькие борозды от зубов. Крепкими потрескивающими утренниками зайцу, наверное, не хотелось покидать насиженного места, и он устроил все быстро и просто, втайне радуясь своему неприхотливому и скромному счастью.

Медленно продвигаюсь я в умиротворенном весной лесу, не упуская ничего из виду, и вскоре обнаруживаю свежие останки рябчика. Тонкие невесомые перышки, вздрагивая от малейшего дуновения, словно не знают, куда им дальше лететь. Буроватые рыжие, вперемешку с дымчатым нежным пухом, густым пятном устилают они искрящийся снег, и вокруг не заметно чьих-либо следов или отметин. Видно, филин подстерег птицу на ветке и, уцепив когтями, мгновенно разделался с ней.

Еще при входе в лес натолкнулся я на следы белки, только что спрыгнувшей с дерева и не успевшей пробежать каких-нибудь двух метров. Взбитый снег и отпечатки крупных крыльев с подмерзшими шариками крови свидетельствовали о том, что здесь тоже побывал филин и на сей раз не упустил своей жертвы. Для любого пушного зверька или птицы филин страшнее

лисы, потому что полет его неслышен и обрушивается он сверху всегда неожиданно.

Все ослепительнее разгорается над заснеженными лесами солнце, воздух становится резок, чист, и этот ясный свет приятно бьет в глаза. Весеннее солнце неумолимо вытапливает белизну, но тишина с чистотой остаются, и сердце улавливает струящуюся в воздухе музыку — неподражаемую радость, славящую этот чудесный покой.

Не слышимая, но глубоко чувствуемая, музыка охватывает своим необыкновенным звучанием, душа непроизвольно сливается с ней в неопишемом восторге, и вспоминается об этом только по возвращении из леса. Там ты не отдаешь себе отчета в происходящем, становясь одним целым с весенним пристальным светом и хвойными запахами, густой волной накрывающими тебя с головой.

Приятно идти по осевшему под солнечными лучами лазурному снегу. К концу марта наст утрамбовался до невероятной гладкости, и лыжи скользят легко, нигде не задерживаясь. Ярко блистая на свету, матовая корочка глухо надламывается под лыжами, маслянисто и чуть рассерженно шипит, а небольшой ком соли в рюкзаке за спиной, который нужно отнести на солонец, приятно оттягивает плечи, время от времени наводя на мысли о лосях. Лоси потом будут лизать эту соль своими твердыми шершавыми языками, осторожно приходя поутру к желанному деревянному корыту, уже порядком высохшему и потрескавшемуся на солнце.

К полудню в телогрейке и свитере становится жарко, хочется совсем раздеться, но знаешь, как коварно весеннее тепло, и потому терпишь, идешь, пересиливая желание рас-

стегнуться. Лишь изредка сдернешь шапку, зажмурившись, помотришь на солнце, на небо, на поблескивающие отлоги выпуклых горок, поросших редкими черными елями, поводишь задубелыми от легкого морозца скулами, чувствуя, как успело за день обгореть лицо, и, передохнув малость, двигаешься дальше.

У вытянувшейся светлой поляны, окруженной соснами, весь снег испещрен глухариными набродами. Следы спускаются в глубь лога, поднимаются по соседнему склону, а сосны стоят величественно — молчаливые свидетели недавнего глухариного присутствия. Про себя я завидую увиденному. Мне самому хочется стать глухарем, жить поблизости от этого лога, токовать на высоких густых соснах, выводить потомство, расхаживать, важно распушив хвост и налив малиновые брови, кхеркать идеально выточенной гортанью в весенних неясных сумерках, от которых всегда почему-то слезятся глаза и сердце томно охватывает неизъяснимая тоска по чему-то прекрасному и несбыточному. И я уже с нетерпением желаю приближения тока, возможности послушать неподражаемую глухариную песню — древнюю, как этот мир, и глухую, но восхитительно зажигающую, искрометную, поистине лесную.

Бывает, встречаются весной такие места, в которых хорошо остановиться, присесть и оглядеться: далеко впереди синеют необъятные леса, широкие поля и пологие горы кажутся пронизанными светом, а весеннее марево вьется еле уловимой дымкой над уходящей к горизонту дорогой. По этой дороге я вскоре пойду к железнодорожной станции и, проходя по поселку, буду говорить каждому встречному: «День добрый!», чего бы никогда не сделал в городе, и несколько удивленные сельские

жители будут отвечать мне пожеланием доброго здоровья. Настроение от этого еще более поднимется, так что уже совсем радостно будет наблюдать, как хозяева неспешно копаются у себя во дворах, что-то подделывают у ограды, изредка доносится глухой, тотчас вязнувший в сочном весеннем воздухе удар топора или колотушки.

Хорошо глядеть, как весна берет свое в деревнях. Еще сверкают кругом глубокие снега, а дорога из туго накатанной уже превратилась в глиняную, разъезженную. Под заборами постепенно оголяется черная пахучая земля, в воздухе стоит до одурения свербящий печной дымок, и дома веселой гурьбой лепятся по склонам большого, еще заснеженного косогора. Снег словно горит на его южной стороне, местами открывая прошлогоднюю прижатую траву и одуванчики. Неудержимо вступая в свои права, весна питает живительными соками не только землю, воздух и небо, но и солнце вместе с этим ослепительно сверкающим весенним днем.

## *Заячьи свадьбы*

каждую весну, не в силах сдержать взволнованного ожидания, отправляюсь я в лес, и он не перестает одаривать меня незабываемыми откровениями. Жадное сердце торопится вдохнуть проникнутый забытыми ароматами воздух, разгоряченное воображение охватывают восторг и смятение, а ноги сами несут к заветным полянам, на которых одурманенные весной зайцы устраивают под вечер свои неугомонные свадьбы.

Солнце клонится к западу, и будто еще теплее становится вокруг. Уже издали замечаешь, как белеют на опушке затаившиеся в своей тихой радости живые комочки. Мягко вздрагивающие уши то появляются, то исчезают за холмиками свежей травы. И близко зайцы, а не достать...

Но не одолевает сердца эта их недосыгаемость, потому как знаешь: стоит подойти поближе и немного подождать, и зайцы вновь выбегут на поляну. Если сидеть в лесу неподвижно, то звери вовсе перестают замечать тебя. Только в весеннюю пору можно подсмотреть жизнь животных, обычно скрытую от глаз человека, недоступную для него.

Первый заяц проковылял мимо меня в двух шагах и, усевшись неподалеку, стал с аппетитом объедать молодую зеленую травку. Розовый нос его чувственно шевелился во все стороны, и когда зайчишка поворачивал голову к солнцу, то казалось, что лучи пронизывают нос насквозь, наполняя его нежным соком.

Вскоре за спиной послышался шорох, и через минуту на полянку выбежал еще один косой. Он чутко прислушивался, настороженно вздрагивал всем телом, а его темно-карие выпуклые глаза отражали в заходящих солнечных лучах невероятно таинственную жизнь, хоть постоянно и хоронящуюся, но в чем-то непреклонную. Наверное, эта жизнь устала от вынужденного напряжения и, не в силах ничего изменить, оставалась для леса не доброй и не злой, а по-обыкновенному звериной и еще очаровательно неприхотливой и нужной в своей скрытой от людей незатейливости.

Встрепенется в ветвях тревожный ветерок, вскрикнет где-то неведомая птица или прошелестят в воздухе чьи-то упругие крылья — и насторожится зайчишка, сожмется в трепетный комок:

вот-вот выпрыгнет его сердечко на весеннее раздолье. А может, мне это только кажется, и заяц, охваченный весенней радостью, на миг погружается в свое тихое заячье счастье, ничего не замечая вокруг. На зайцев весной словно находит что-то такое, с чем они совладать не могут, и они обо всем забывают.

Еще стоят крепкие мартовские утренники, а неподалеку от деревни с утра и до позднего вечера уже слышно заячье возбужденное боботание: «бо-бо-бо, гу-гу-гу, бо-бо-бо, гу-гу-гу, бо-бо-бо-о, гу...» «Бо-бо-бо да гу-гу-гу, не проговаривайся никому», а заяц ровно и не помнит себя в отупелом весеннем забвении, без опаски оповещает всю округу о своих спутанных чувствах. Добрая свадьба, замечали в народе, неделю празднуется, у зайцев же она, почитай, с февраля по май длится!

Когда говорят, что вор как заяц: и тени своей боится, то это никак не относится к зверьку, когда он охвачен любовной страстью, хотя и то верно, что весной заяц на слуху сидит. Вроде бы место у зайца тут, а его нет: пляшет косою, подпрыгивает, одним словом,— беса тешит. Хорошее слово лежит, худое — бежит, в зайце же по весне, кажется, ничего хорошего нет: одна только дурь, которая не позволяет ему посидеть спокойно минутку. Но если и не красен в эту пору у зайца бег, зато — здоров. Засиделся он зимой в густом чапыжнике, надоела ему бездвижная зима — мочи нет!

Любят зайцы эту весеннюю пору и всегда выбегают на освещенные солнцем поляны, чтобы посидеть на них, погреться, пощипать только-только выбивающуюся травку. Белье, в темно-пестрых и коричневых пятнах, они кажутся такими доступными, что никак не можешь к этому привыкнуть. И даже когда проходит весеннее очарование, ты еще долгое время не в силах

прийти в себя, нет-нет да и вспоминая встречи с этими милыми существами.

В глубине зимы, когда леса наши покоятся под снежным покровом, заяц бывает совершенно белого цвета, так что его трудно отличить от снега, только кончики ушей остаются черными. Но уже с марта месяца благодаря действию весеннего солнца в цвете его шерсти происходит замечательная перемена. Прежде всего сереет спина, а на боках начинают проявляться неопределенные пятна и крапинки, число которых с каждым днем увеличивается. Заяц становится похожим на какого-то диковинного и легкого зверька, подаренного весной людям.

Вместе с одежкой меняются в эту пору и повадки зайцев. На протяжении большей части года они ведут себя очень осмотрительно, но весной благоразумие покидает их. Бывает, весь день носятся они по угодьям в поисках пары. Зайчиху преследуют обычно несколько зайцев и так этим увлекаются, что подпускают совсем близко, а то и сами набегают чуть ли не вплотную.

Как только какая-нибудь парочка находит друг друга, между ними начинается любовное заигрывание, заключающееся в бегании большими кругами и сидении на задних лапах. Только самый быстрый и ловкий заяц добивается внимания длинноухой красавицы. Другие зайцы при виде счастливицы бесцеремонно спешат оттереть его от самки или по крайней мере помешать ему наслаждаться. И дело в таких случаях не обходится без драки.

Борьба самцов бывает очень забавна: они бесстрашно бросаются друг на друга, упираются лапами в лапы, затем разбегаются в стороны и садятся столбиками. А потом с разбегу опять устремляются навстречу один другому, кувыркаясь по мягкой траве. Кажется, будто зайцы сбегаются со всей округи, так их

бывает много, громко лопочут, стучат лапами о землю, приподнимаясь и смешно прискакивая.

Выбирая какую-нибудь одну поляну только по им известным признакам, зайцы из года в год неизменно посещают ее, если их не тревожить. Поляна эта вроде бы самая обычная, ничем не отличающаяся от других, находящихся рядом, но зайцев привлекает именно это место, будто оно заколдовано. Только на ней они окончательно теряют голову, без толку бегают взад-вперед, и в народе об этой поре в заячьей жизни судачили так: «рубль бежит, а десять других догоняют». Много к зайчихе зайцев сватается, да только одному она достается.

...Отдохнув на ласковом солнышке, мои зайцы тоже забежали маленькими кружками один за другим, присаживались голубоко в травку, как будто ненадолго затихая, и вновь начинали свои забавные игры. Я сидел неподвижно, наблюдая за ними. Незаметно ускользал теплый весенний день. Может быть, на какое-то время он замирал от переполнявшей его жизни и затем опять тихо струился над оживающей землей, уплывая и растворяясь в розовеющем свете исчезающего за горизонт солнца.

Неизвестно, сколько длился этот безмятежный покой, и я даже не помню, что чувствовал тогда, о чем задумывался. И никак не могу вспомнить теперь, будто то был сладкий и неприкаянный сон, который может присниться только один раз в году, весной...

Еще долго вслушиваюсь я в неохотно укладывающуюся вокруг жизнь. Но вот гаснет последний отблеск зари, смолкли дрозды, да и зайцы мне порядком надоели. Поднялся я, и зайцы, как будто им самим давно эта беготня наскучила, тут же убежали в лес.

Возвращаясь в холодеющих сумерках домой, я про себя улыбаюсь и никак не могу забыть их трепетные розовые носы, чуть вздрагивающие, готовые вдыхать долгожданные свежие запахи. И еще мягкие уши, которые хочется подержать в руках, чтобы заяц не испугался и не разозлился, а только замер, не шелхнувшись, так, что было бы слышно, как ударяет в груди, взбодраженное весной, его маленькое упругое сердце.

### *Первый ток*

Я иду по белому, залитому солнцем лесу и с каждым шагом убеждаюсь, что никого здесь за всю зиму не было и ничто не потревожено. Больше всего я боюсь, что кто-либо мог нарушить эту вневременную тишину, надломив первозданный голубой наст. Но тихо вокруг, и наст цел, и ни единого следа не видно на нем... Только желна вольготно сорит шелухой за старыми выворотнями, в укромных тенях елей посвистывают невидимые гаички, и в насыщенном весенними запахами воздухе, помимо всего, витает ощущение некой тайны, способной неожиданно открыться.

Снег постепенно становится нежно-сиреневым, а верхушки сосен ласково румянятся в выплывающем над лесом солнечном свете. Погасли последние звезды, туманные очертания месяца размыла в высоком небе холодная пронзительная голубизна, но воцарившаяся еще с ночи застыл ость уже не обжигает тела, не отбирает у него тепло. Она растекается в воздухе студеным пахучим облачком, приятно касаясь кожи лица, губ и наполняя глаза весенней ясностью. Эта студеность приносит в

душу какое-то тончайшее возбуждение, наподобие вкрадчивого прикосновения ветерка на ранней заре.

Легкий морозец приятно забирает подмокший от осыпавшегося снега маскировочный халат, лыжи шелковисто поскрипывают в тишине, и ни на минуту не покидает знание, что углубляешься ты в чашу не зря, а будто по какому-то необъяснимому, но верному чутью, которое рано или поздно выведет к глухариному току. Я стараюсь понять причины выбора именно этого пути и почему сегодняшним утром все кажется таким ясным. Словно ты в свое время приходишь на свое место, заслужив его всеми прежними поступками и, может быть, даже просчетами. Не опережая времени и не отставая от него, тебе предоставляется право увидеть нечто такое, с чем виденное ранее оказывается несравнимым.

Но пока это только чутье. Я иду по застывшему руслу реки, и черные еловые леса будто валятся на меня с обоих крутолобых речных берегов. Под ними тонкой ниточкой синеют следы норки, а где-то вверху, подставляя надутые грудки первым солнечным лучам, пронзительно посвистывают рябчики. Река ежеминутно петляет, даря неповторимые виды, и дремучие ели, кажется, все более заваливаются над головой, переплетаясь могучими верхушками. Изредка оттуда сыплется шелуха от шишек, там перепархивают клесты, длиннохвостые синицы и большие пестрые дятлы.

Хотя все здесь так необыкновенно и укромно, но все-таки находится как бы в преддверии чего-то главного, еще по-настоящему не подступившего. Ожидая с ним встречи, я даже сомневаюсь на какое-то мгновение: может ли быть что-либо лучшее, чем то, что ты сейчас видишь? Речка должна вывести меня туда,

где обитают птицы, без которых самый потаенный лес не может оставаться лесом, где из глубины времен возникает то удивительное, что дарует на долгие годы вкус к жизни.

Когда за одним из поворотов река выворачивается длинной петлей и берега отступают перед царством света и диковинной тишины, я начинаю верить в эту необычайную лесную сокровенность. Воздушность окружающих линий вмиг охватывает, приподнимает над притаившейся поляной, разлегшейся в форме огромного снежного языка, и кружит в мягком свете ее девственных снегов.

Мне хочется закричать от неопишуемого восторга и охватившей сладостной жути, забросить в поднебесную синеву свою потрепанную шапку и выпить всеми органами чувств, вбирать эту не замутненную ничем светоненность, ощущая нечеловеческую свободу. Но крик вдруг встает в горле, и только глаза неторопливо скользят, не останавливаясь ни на чем конкретно, примечая между тем каждую мелочь.

Я чувствую себя спокойным, всемогущим и счастливым, и время отступает куда-то, и остаются застывшие на южном склоне древние сосны, успевшие стряхнуть со своих раскидистых ветвей снег, не менее пушистые древние ели, не угасшие в суровую зиму, а лишь задремавшие перед радостным пробуждением весной, и белое ослепительное солнце в вышине, и нежный синеватый отсвет оседающего наста... И было еще то, чего ни за что не выразить в словах, как бы остро ты ни пережил свое слияние с этой первородной силой, тем более что главного в ней пока не открылось...

Все утро я ходил по предполагаемому току и искал на снегу чирки глухариних крыльев, в возбуждении чуть оттопыренных

и округлых, следы разбросанного под соснами помета, неторопливые наброды этих величественных птиц. Старый сосняк вперемешку с березой и елью раскинулся у края обширного болота метров на двести, чуть спускаясь по южному склону к реке. Сосны здесь полностью отряхнули с ветвей снег, стараясь к весне выглядеть опрятными, молодыми, а вокруг стволов на редколесье уже углублялись и росли вширь синеватые лунки, в которых угадывались уют и теплота. Все, казалось, было готово к прилету на ток глухарей.

Снег, наливаясь за день влагой, порядком тяжелеет и неожиданно ухал целыми оседающими полянами, вспугивая на миг озабоченных весной лесных птах. Повсюду засоренный мелкой шелухой, старыми иголками и аккуратно надкушенными белкой еловыми веточками, он между тем был никем не тронут. Лыжи громко скребли по его ноздреватой утренней корке, с хрустом обламывая мельчайшие кусочки, и от этого шума становилось неуютно, даже напряженно. Воображение постоянно рисовало, что ненароком вспугнешь притаившегося на лесу глухаря и он унесет с собой что-то важное. То, в чем ты должен обязательно разобраться, глядя на него спокойно, без помех.

К полудню, когда снег уже начал порядком вязнуть, я присел отдохнуть. Студеный воздух незаметно лиловел в бору, понимался к небу, меж сосен меркли еле уловимые голубоватые тени. Парок изо рта, с утра ядреный, теперь на глазах рыхлел, от разгоряченного дыхания становился размытым. Во всем теле появилась липкая ломота, ноги становились ватными.

Ошалелый от неудачи, я никак не мог успокоиться. Ни малейшего намека на присутствие здесь когда-либо глухарей не было. Что-то завершающее отсутствовало в моих расчетах, но

это было странно. Ведь именно чутье привело меня сюда, и я повиновался ему, потому что оно было закономерным плодом поисков последних лет. Однажды открывшееся знание спокойно нашптало место в лесу, время и даже число. Это было необъяснимо, и тем не менее все происходило именно так.

Прихлебывая горячий чай из термоса, я вдруг обернулся. Что заставило меня это сделать, я, пожалуй, тоже бы не смог ответить, тем более что за спиной все было голо — обширная болотина покоилась под метровой снеговой толщей. Дальний угол обследованного сосняка соединялся с ней узкой березовой пуповиной — невысокие чахлые деревца ютились совсем рядом, чуть ли не касаясь серенькими стволами друг друга. У края этой неприметной рощицы темнели в снегу глубокие витиеватые борозды...

И сразу все внутри сначала поджалось, замерло, а затем, наконец, хлынуло с торжествующим надрывом. Лыжи певуче и неуклонно несли к заветному месту, и сердце гулко толкалось в груди, выстукивая в висках желанное: «ток-ток, ток-ток, ток-ток...»

Искристый снег слепил, но не глядеть было невозможно. Весь наст поблизости был испещрен уверенными ленточками крестиков-следов, каждый величиной с добрый кулак. Следы, я заметил, ни разу не пересекались между собой. Смелые росчерки упругих крыльев вдоль них придавали живым цепочкам некую воздушность. Каждая такая цепочка брала начало из продолговатой лунки, образующейся после того, как птица слетела в снег с дерева.

Почти на всех выходах из лунок красовались горки подстывших рогаиков, слагающихся из сухих хвойных жилок, а

под тремя соснами в радиусе двух-трех метров от каждой вьелся в снег, по всей видимости недавний, жидкий глухариный помет. Он свидетельствовал о распалившейся страсти сидящего на суку самца и о нахождении на этом месте глухариного токовища. Радости моей не было предела...

В поселок я возвращался через заброшенную деревню, которая не казалась на первый взгляд нежилой. Издали, с высокого противоположного берега, она выглядела скорее старинной. Серые обветренные срубы изб могли таить за собой только теплый печной уют, чистоту широких половиц и нехитрую обстановку.

Ослепительное мартовское солнце весело высвечивало редко разбросанные по склону горы дома, и я не сразу обратил внимание на то, что над их крышами не поднимаются печные дымки, не тявкают по дворам обезумевшие от безделья собаки. Беспричинная радость запекалась на губах талым привкусом снега, весны, молодости. Мыслей не было, не было и усталости. Главное заключалось в чуть искрящемся свете, ровно поднимавшемся над чистыми полями.

И еще сердце мое навсегда было поражено покосившейся избой на краю деревни, в самой приметной и высокой ее точке. Так что уже не забудешь и не разлюбишь ее никогда, в какие бы дальние дали ты не ушел. Увиденная отсюда, со старой заброшенной дороги, неловко выбегающей к необъятному простору, в пору ослепительного сияния снегов, эта простая изба почему-то воспринималась как единственное и самое дорогое для тебя место на земле. Место, в котором сосредоточена вся красота родной стороны.

## Жизнь в лесу

Весь день ветер не ослабевал, и я уже начал опасаться, как бы он не повлиял на прилет глухарей. Ветер мощно гудел во тьме лесов, с легкостью сгибая тридцатиметровые ели. Он то улетал куда-то за реку и приглушенно надрывал там себя, то возвращался к избушке — озлобленный и непреклонный.

Вслушиваясь в его неутомимые надрывы, я не замечал, как забываюсь и даже теряю ощущение собственного тела. Тело становилось как будто невесомым, ненужным, оно улетало вместе со всей кружащейся землей в выстуженное ветром апрельское небо.

Отовсюду неслись какие-то колдовские звуки, и невозможно было понять, что они означают. Ветер творил свою неразбериху, в которой, несомненно, жил какой-то смысл, и лишь некто неживой, но существующий и очень могущественный, в силах был его разгадать.

Изредка во мне просыпалось острое желание открыть суть этой силы, но, слегка коснувшись сознания, она тотчас ускользала. Как будто ее вообще не было.

Ветер сокрушал стволы деревьев до позднего вечера, и когда уже на замутненном небе начали проступать звезды, он вдруг как-то внезапно захлебнулся и исчез. Я не сразу заметил произошедшую перемену и еще долго сидел, глядя на успокаивающееся пламя костра, пока не ощутил подступившие откуда-то из темноты теплоту и легкость свободы. Будто этот самый ветер выдул из души все наносное, никчемное и, слегка коснувшись на прощание лица, несказанно успокоил.

Да, подлинная жизнь была только здесь: среди древних щети-

нистых елей, животных, птиц, щемящих душу отголосков самозабвенного ветра, смены разноликих времен года. Непохожая ни на какую другую, из века в век остающаяся сама собой, она вселяла веру в любого, кто не противостоял ей, стремился ее понять. Никто из людей так толком и не мог объяснить, откуда эта жизнь черпает свою веру, каким богам поклоняется и приносит жертвы. Слишком недосыгаемыми казались ее опыт и векамч накапливаемое могущество.

Я не мог запретить себе думать о том, на что не было пока ответа. Не мог запретить, наверное, потому, что не успел потерять способность удивляться. Удивлению же всегда сопутствовало наслаждение.

Всю ночь и весь последующий день находилась во мне эта тишина, наступившая после ветра. И даже очутившись в городе, когда стихло в сознании эхо убегающей электрички, несколько померкли запахи и краски пробуждающегося живого леса и растворилось ощущение удивительного полета при взгляде на плавно парящие круги ястреба над макушками старых осин, ее отголоски еще продолжали копошиться в душе какое-то время, то утихая, то вспыхивая под воздействием случайно увиденных в городской жизни картин, в чем-то, быть может, схожих с лесной жизнью.

Но только на время задерживалась во мне тишина, и вскоре уже опять ощущалась острая потребность в ней, потому что в городе она исчезала. К сердцу подступало очередное нетерпение, и воображение рисовало укромные лесные тропинки, на которых ты должен был непременно столкнуться с их обитателями, и не было сил, способных удержать тебя дома.

Сегодня тишина была со мной. Вечным и мудрым покоем



веляло от нее. Дрозды, предчувствуя приближение темноты, дружно взялись высвистывать на чернеющих макушках елей, а потом неожиданно стихли. Апрельская ночь неохотно, будто вынужденная, напоминала о себе еле различимыми шелестами, что незаметно прокрадывались в душу, и становилось непонятно и одиноко.

Но только на миг закрадывалась отчужденность. Из укромных оврагов, где дотаивал грязный лед, тягучей дымкой поднимался издыхающий зимний дух. Едко ударяя в голову и выжимая невольные слезы, он отрезвлял, вынуждая быть ко всему окружающему внимательным и неторопливым.

И вот ночь наступила: туманная, прохладная, большая. И опять все кругом стихло, но ненадолго. Когда весной не спишь всю ночь, дожидаясь утра, и встречаешь его пробуждение, то понимаешь, что для лесного человека все дни и времена года слиты воедино, и он с ними неразделим. Встречая в лесу раннее утро, ты постигаешь неисчерпаемость времени и то, как скуден сам по себе световой день в сравнении с сумерками в лесу.

Здесь, в лесной избушке, можно было спокойно подумать и даже попытаться объяснить, почему такая жизнь некоторым людям представляется более настоящей, чем в городе. Не потому ли, что люди не используют свои человеческие возможности максимально, живут недостойно собственного знания, а животные, птицы и деревья достигли в этом смысле необходимой мудрости и красоты?!

Задуманный чрезмерным, но не используемым в достаточной мере интеллектом, неправильным воспитанием, а вернее,

отсутствием всяких обязанностей перед самим собой и обществом, человеческий разум уже не может направить себя на путь свободного слияния с природой. Для этого он должен быть еще достаточно силен. Человек же как существо довольно ленивое всегда предпочитает наименьшие усилия, и только сохранивший звериную тоску по своему далекому прошлому, знающий цену настоящему и верящий в прекрасную бесконечность будущего способен быть поистине неутомимым.

Таким всегда не хватает гармонии, и они уходят в леса и оказываются там счастливы, но поскольку это в высшем смысле люди, они не могут жить без людей, и рано или поздно возвращаются в город. Потом наступает момент, когда они вновь испытывают потребность в природе.

Их вера, знание, мужество и любовь разрывают им душу на части. Не однажды познавшие удивительное состояние покоя, допустимое только среди дикой тишины лесов, камней, бегущих по небу облаков, они на всю жизнь становятся их пленниками. Ведь из всех испытаний, ниспосланных на человека судьбой, соединение с природой — чуть ли не самое благословенное.

В эту ночь я позволил себе забыть о глухарях и крепко уснул. И ничего, кроме того, что я ощущал вокруг себя, не приходило ко мне во сне. Только свежесть елового лапника, редкий дым, уносящий и сливающий со звездами мириады оранжевых искр, неизбывные и грустные порывы ветра, неловко путающиеся в самых верхушках, чистота открывшегося ночного неба.

Тело было невесомым, сердце, словно непутевый щенок, мягко и успокаивающе толкалось в груди, и все в этот вечер казалось простым и понятным, так что никуда не хотелось идти.

Пробуждение должно было принести на птичьих голосах уже рождающийся где-то день.

Птицы пели свои песни все утро. Легкий ветерок разносил их над лесом, и я не думал о том, что они означают, просто это пение дивно было слушать.

Две трясогузки перепархивали над входом в избушку, по-свистывали что-то свое, неистребимое и очень важное. Одна из них, посмелее, держалась поближе к крыльцу. Смешно и неразлично для глаз перебирая ножками, стремительно перебежала по вросшим в землю бревнышкам то туда, то сюда озабоченная весенней суетой кроха.

Булькающее токование тетеревов плыло откуда-то из-за реки. Колдовские звуки разошедшейся птичьей страсти набегали волнами: то становились слышнее, яростнее, то утихали, словно птицы удалялись все дальше и дальше, охваченные своей любовной игрой. Даже в этот ранний час солнце припекало сквозь штормовку достаточно сильно, с присущим только весне размахом. Я вдруг представил, какое шелковистое и теплое перо может быть сейчас у тетерева, если погладить его рукой.

Когда тетеревиное бормотание совсем пропадало, так что невозможно было определить, откуда оно идет, я осторожно припадал ухом к земле, напряженно вслушиваясь в бегущие над травой звуки. И тогда всплывало откуда-то грудное, воркующее, загадочно-глубинное пение, летело над освещенными солнцем полянами и утопало в дальнем еловом лесу. Лес в тени казался темно-зеленым, почти черным. В этой его

видимой черноте, должно быть, еще таились остатки недолгой весенней ночи.

Солнце все более разгоралось, время переваливало уже за девять, а птицы не прекращали своего самозабвенного бульканья. Но и к тетеревам мне сейчас тоже не хотелось приближаться. Лишь слушать пока их волнительную песню, вдоволь насыщаясь ею и успокаивая себя мыслью, что когда-нибудь потом, в конце апреля или начальные дни расцветающего мая, ты обязательно подберешься ползком к жарко чуфыкающему краснобровому косачу шагов на двадцать и увидишь то, что для большинства людей остается недоступным. Легкий прохладный туман затопит собой всю ложбинку, так что сначала покажутся только отдельные ветви кустарника и мохнатые верхушки молодых сосенок, затем быстро растечется над землей молочная кисея, а ты, затаив дыхание и позабыв обо всем, будешь наблюдать за ним, воображая и себя ослепительно красивым тетеревом, охваченным любовью к желанной тетерке. И появлялась вдруг спокойная уверенность, что все это еще обязательно придет, и жизнь в лесу не минует тебя вниманием, поскольку ты уже давно заложил ему свою душу, а вышло это само собой.

### *«Красная горка»*

Любой зверь или птица с приближением весеннего тепла находит в лесу такое потаенное место, в котором он наиболее радостно и полно встречает свою любовь. Чаще это происходит почему-то на горке или южном склоне крутобокого

лога, словом, на какой-нибудь небольшой возвышенности, представляющей собой иной раз самую обыкновенную кочку, но всегда выгодно приподнятую над окружающей местностью. Птицы и звери словно стремятся непроизвольно возвыситься, чтобы быть ближе к небу и солнцу в своих восторженных чувствах. В любую другую пору обычно прячась, скрываясь в чаще от чужих глаз, сейчас они странным образом забывают об осторожности и, наоборот, будто норовят, чтобы их заметили и оценили. Лесные обитатели, казалось бы, полностью теряют привычный облик и превращаются в никому не знакомых ранее птиц и зверей, которые наконец-то обретают по весне свою «горку».

В народе такую горку издавна прозвали «красной». «Красная» — значит, прекрасная, лучше которой нет на всем белом свете! Но не внешней красотой славится она, не добрым лесом или поляной, а радостной взаимосвязью с окружающей природой. С горки, пусть даже самой маленькой, все воспринимается гораздо осязаемее и ближе.

Звери и птицы неспроста выбирают именно это место, на том самом холмике, возле того полубившегося сосняка или болота, под пологом той раскидистой дубравы, потому как оно для них и раздольное житье, и довольство. На «красном» месте и денек становится «красным», а настроение прекрасным. И как бы сердце ни рвалось весной к недостижаемому горизонту, но успокаивается оно своей, даже не всегда приметной, «красной горкой». На чужой стороне, говорят, и весна не красна!

«Красная горка» — это место встречи весны для птиц и зверей, которые так же, как и люди, выбирают для себя какую-то свою, удивительную и между тем очень простую точку воспри-

ятия всего самого доброго в своей жизни. Не гору, а именно горку, чуть выдающуюся над всем окружающим пространством вершинку, может быть, только самую малость, но обязательно виднеющуюся, хорошо угадываемую! Здесь лесным обитателям суждено продлить свой красный род.

На «красной горке» птицы и звери издают такие мелодичные звуки, которые могут родиться только в приподнятости духа, весной. Музыкально и радостно, во имя весны, продолжения рода и как будто заново начинают жить птицы и звери на родной земле, и это торжество чувств важно найти и увидеть в лесу. Но не всегда птицы и звери откликаются на наше внимание и следует, наверно, самому весной обратиться зверем или птицей, чтобы они тебя приняли. Вернее, чтобы позволили себя обнаружить и допустили, поскольку в человеке весной тоже просыпается желание нахождения своего чувства и места, где оно может быть выражено, и если он связан с природой, постоянно с ней общается, то его «красная горка» соединяется с «красной горкой» зверей и птиц. Человек приходит к тому месту, которое выбрали звери и птицы, и сам вместе с ними как-то более радостно и полно встречает свою весну.

«Красную горку» он всегда отметит в лесу, запомнит ее местонахождение и, обнаружив, возрадуется. Что-то удивительное произойдет в его душе, то, что так неожиданно перевернет ее, даже вознесет и облагородит. Ему захочется слиться с этой душевной приподнятостью птиц и зверей и понять то, чего он раньше не понимал. А еще поверить в какую-то удивительную природную занятость всех в общем жизненном потоке — и птиц, и зверей, и людей. В том потоке, что приносит нас к долгожданному единению с лесным миром.

Для человека такое «красное» место присутствовало раньше в любой деревне. Оно было свято, неизбежно, люди стекались туда только в самые великие праздники, и всегда это было связано с чем-то очень значительным в жизни крестьян: с приходом весны и сжиганием чучела зимы, с началом посевных работ или сбором урожая. «Красное» место и располагалось на виду, о нем знал и стар и млад, и все его, конечно, чтили. «Красным» местом для людей оказывалось то самое радостное состояние души, к которому они стремились весь год и достигали, обновляясь, только весной.

Весной в природе всегда присутствует приподнятость. Она и в душе, и в каком-то особом отношении леса к жизни животных. Все в нем создано так тщательно и разумно, что следует только прийти туда и увидеть. Но прежде чем обрадоваться обретению, нужно быть к нему готовым. Нужно однажды самому приподняться над своей ленью и равнодушием и отправиться весенним мартовским утром в дальнюю дорогу, как это случилось однажды со мной, когда я одновременно угадал и время начала глухариного тока, и его место.

Мартовское солнце уже с самого утра слепило нестерпимо, густые синие тени от широких елей убегали в глубь леса, играючи прятались за деревьями и сливались, образуя загадочную затаенность, а крупные крестики от глухариных лап на снегу почему-то удивительным образом зачаровывали. Ни у рябчика, ни у тетерева следы такого воздействия не оказывают. Только глухариные, с палец толщиной, следы манят за собой, будто обещая что-то необычное. Идешь по ним и не можешь налюбоваться, так же как и не можешь объяснить, отчего так происходит.

Но еще более загадочно то, что в мартовском утреннем лесу

следы глухаря почему-то всегда выводят тебя на какую-либо горку или открытый солнцу угор. Привязанность птицы к такому высокому месту очень интересна и удивительна. Ведь глухарю не приходит на ум усесться на какой-нибудь раскидистой сосне, повыше, подставив перламутровую грудь ласковым солнечным лучам, а хочется потоптаться именно на вершине горки, там, где снег подтаивает в первую очередь.

Снег с каждым мгновением все более вязнет, тяжелый глухарь проваливается, но не покидает свою «красную горку». Раскинув в стороны крылья и раздув шею, он начинает выписывать свои чертежи, что выгнутыми серпами тянутся вдоль следа, указывая приблизительное местонахождение будущего тока. Глухарь, как индюк, по-косолапому переставляет в зернистом снегу лохматые лапы, время от времени гордо выпячивает грудь и на мгновение замирает, настороженно склонив голову набок, а через секунду вновь, еще более оживленно, наворачивает свои мудреные петли. И все норовит пройти по самому крутому гребню склона, где, кажется, вот-вот скатится или оборвется, но ничего не происходит, и глухарь благополучно минует опасное место, уже через мгновение нацеливаясь на более рискованное. Редко когда удается подсмотреть это сокровенное лесное таинство, ну а если уж посчастливилось, радости нет предела!

И разве может быть предел в сопереживании с птицей ее весны, когда гордый самец торжественно одевается в праздничные одежды?! Наливаются брусничным соком его брови, отливают зеленоватым перламутром выгнутая грудь, распушается и без того роскошный веерообразный хвост, горбятся в любовном напряжении крылья, а карий глаз косит безумным возбуждением, блестит. Все в глухаре — великая весенняя страсть, словно припод-

нимающая его над самим собой. Еле сдерживаемая радость со смятением и такое восхитительное нетерпение!

А где-то неподалеку слышится и тетеревиное бормотание, что настойчиво разносится над землей. То затухая, то все сильнее разгораясь, оно, кажется, переливается через край, захлестывает своей самозабвенностью и увлекает за собой. Хочется бросить все и идти на этот призывный звук, позабыв обо всем. Искать ту самую «красную горку» своей долгожданной весны.

Среди частых кочек потаенного лесного болота, что уже почти высохло, происходит весной неведомый многим дупелиный ток. Возбужденные самцы от переполняющего их волнения привстают на цыпочки, гордо выпячивают грудь и как будто тянутся в недостижимые для них выси. При этом они в возбуждении прихлопывают крыльями, клацают клювами и без устали вертятся на месте, то и дело подсакивая. Все их маленькое птичье существо прорывается наружу в радостной песне.

Радость свою лесные кулики всегда стараются преумножить за счет того, что забираются на какую-нибудь ближайшую кочку и уже с нее с еще большим азартом принимают провозглашать весну. Порой начинает казаться, что от этого они даже становятся крупнее. Так хочется, наверное, дупелям приподняться выше, причем не отрываясь от земли, не взлетая.

Такие высыпки удивительно подвижны и действительно вызывают у наблюдающего ощущение приподнятости. Будто это стайка диковинных буровато-кремовых бабочек восторженно приплясывает над укромным лесным пространством, а улетать почему-то не желает. Хочется без конца смотреть на них и вместе с ними восторгаться весенним праздником жизни.

Весенние брачные игры этих маленьких птиц в нем, может быть, самое удивительное и незабываемое таинство.

Токование лесного кулика — это именно таинство, в отличие от токования тетерева, которое похоже скорее на массовое шумное игрище, когда вокруг все кипит, гудит и катится по округе нескончаемым звуковым шаром. У дупеля же все его движения напоминают ритуальные танцы, загадочные, как сами птицы, волшебные и очень трепетные. Трепещущие нотки их нежных голосов создают тоненькие нити серебристых трелей, что невидимо разносятся в поющей синеве весеннего воздуха и не тают. А очаровательные птички вновь и вновь взбегают на выбранную для себя возвышенность, свою «красную горку», и дарят всем незатухающую нежную песню.

И все же тетерева, несмотря на свою удаль и какую-то неподражаемую весной отрешенность, оказываются не в меньшей, а, может быть, даже в большей степени устремленными к возвышенности птицами. Все в них по весне нацелено на эту непоколебимую приподнятость, жар их чувств угадывается уже в налившимся алым соком бровях, в устрашающих, но вместе с тем и очень забавных позах, когда самцы, набычившись, наклоняют голову вперед, вытягивают надувшуюся шею и, выгнув веером лирообразный хвост, отчаянно нацеливаются друг на друга. Со стороны такое поведение тетеревов выглядит и угрожающе, и смешно, но птицы всецело охвачены своей «игрой» и без конца кружат по поляне, подпрыгивают и ударяются грудь в грудь, так что летят перья!

Вот какой-то краснобровый красавец в ладно скроенном и сидящем на нем иссиня-черном «сюртучке» вознамерился всех устрасить своим решительным видом и бросился что было мочи

в самый крут токующих птиц. Выгнув спину и распушив хвост, он для начала гордо выпятил грудь, отрывисто прочуфыкал и мелким семенящим бегом ринулся вперед. Неожиданно двигаясь «галсами» то вправо, то влево, он ловко оббегал других самцов, надеясь, наверное, таким образом их запугать, резко останавливался и быстро поворачивался вокруг себя. Невозможно было при этом никого из птиц не зацепить, и раззадоренные тетерева тотчас переключались на бросившего им вызов обидчика, вскрикивали, бесстрашно налетали на него, так что уж ничего было не разобрать. И тогда ток превращался в сплошной черный ком, бубукающий, чуфыкающий и гремющий на всю округу. Попробовал бы тут какой-нибудь косач спокойно усидеть в стороне!

Но даже охваченные страстью, вроде бы ничего не замечающие тетерева все-таки умудряются двигаться так, чтобы оказаться на каком-либо возвышенном месте. Какая-то неведомая сила исподволь неотступно тянет их сюда, и птицы подчиняются этому скрытому зову, а вернее, не противятся ему. Они в гармонии с окружающей весной и природой, и им нечего выгадывать в своем восторженном чувстве. Заняв возвышенную позицию, они еще более самоотверженно бросаются в священную для себя драку.

«Красная горка» для косачей — это оплот их приподнятых по весне чувств, осуществление заложенного самой природой желания во что бы то ни стало добиться любви и продлить свой тетеревиный род. Это счастье вот такого, незаметно просыпающегося весеннего дня, которому каждая птица готова отдать себя без остатка, а назавтра с неутихающей силой все повторится вновь. Пронизывая очищенный апрельскими дождями и

крепкими утренниками воздух, тетеревиная песня слышится далеко, но если ток протекает на горе, то, бывает, его отзвуки разносятся даже на несколько километров. Возвращаясь не спеша с глухариного тока и заслышав зачаровывающее тетеревиное бульканье, всегда остановишься, присядешь и, невольно замечтавшись, вдруг радостно отметишь про себя: это косачи непременно облюбовали для себя свою «красную горку», отчего песня их льется весело и без перерыва.

Бестолковые по весне зайцы тоже устремляются с наступлением тепла к чему-то высокому в своей жизни. Правда, получается это у них опять же весело, по-смешному. Выбрав для себя к вечеру удобную поляну, они потихоньку направляются к ней, незаметно выбирают на опушку и, затаившись, ждут чего-то. Их розовые носы двигаются в такт проистекающих вокруг ароматов, вдыхают долгожданную весну, и зайцы не торопятся что-либо предпринять. Зайцы ждут появления длинноухих красавиц, что взбудоражат в них ту недостающую им резвость, когда они как бы встрепенутся в себе, сбросят приятную сонную одурь и вдруг оживут.

Все в них возжелает только им присущей по весне раскрепощенности, когда они вмиг могут одуреть, и зайцы начинают беситься. Бегают по кругу, прижимаются к земле, восторженно о чем-то лопочут... Могут даже перебежать под самыми ногами, присесть неподалеку и взвизгивать без удержу. Что-то они сообщают друг другу, требуют и не всегда обретают. Сколько подолгу сдерживаемой силы выплескивается из обезумевших от весны зайцев, и их необъяснимо тянет к какой-то высоте.

Может быть, к высоте над собой, а вернее, в себе, что таилась долгое зимнее время, когда зайцу приходилось довольство-

ваться малым, но в то же время таким приятным. И все же зайцу захотелось взбрыкнуть, выбежать на открытое пространство и во всеуслышанье объявить о своем существовании. Что жив он, радостен и неустрашим, несмотря на подстерегающие его каждый день тревоги. Заяц будто обретает давно забытую смелость, которая никогда не покидала его и только ждала своего пробуждения. Заяц сразу представляется всем очень смелым зверьком, способным, когда этого ему захочется, воспрянуть загнанной заячьей душой и просто, по-весеннему, обрадоваться.

Как и птицы, он почему-то желает отвоевать у своих собратьев хоть небольшую возвышенность, а когда отвоеует — уже ни за что не уступит, остервенело обихаживая понравившуюся ему зайчиху. Горка маленькая, с еле приметный земляной пятачок, но заяц держится за него цепко и ведет себя очень неустрашимо. При этом он может доставить облюбованной зайчихе массу неприятных хлопот, поскольку, видимо, не в силах удержать в себе проснувшуюся страсть. Любя свою подругу, заяц может в порыве чувств вырвать у нее с бока целый клочок, а то и хвост! Нелегко даются озадаченной зайчихе его весенние ласка и тепло!

А другие зайцы, не обращая внимания на счастливица, носятся без задних ног по приподнятой от весеннего настроения поляне и все норовят достигнуть ее венца. Вот бы взлететь в своем восторженном чувстве над этой поляной, а лучше прямо за густой еловый лес, где им откроется нечто непостижимое, но такое же восторженное, как их теперешняя жизнь! И зайцы носятся как угорелые, куда-то стремятся, и весна не разочаровывает их. Она по-доброму движет отрешенными заячьими душами, не сдерживает их и даже иногда, наверное, обещает то, чего им на деле никогда не достигнуть. Хороши бы были зай-

цы, если б не верили в невидимую ни для кого, но все-таки возвышенную и легкую заячью судьбу!

Свою своеобразную «красную горку», тщательно скрытую от чужих глаз, выбирают для своих свадеб в весеннем лесу и волки. Где-нибудь на небольшом пригорке, посреди густо заросшей старой вырубке, облюбует себе волчица такую плешинку, маленький островок любви, и держится его с самцом какое-то время. В весеннюю пору волки много перемещаются по округе, и, обнаружив какую-либо удобную открытую площадку, чаще почему-то хотя бы немножко приподнятую, волчица обильно метит ее ярко-желтой мочевиной. Всегда случайно натолкнешься на такое место и поразись его дичью!

Весь снег на такой площадке тщательно вытопан, тогда как кругом не тронут, и эта четкая грань представляется нереальной. Как можно сохранить подобную четкость для сильного, неустойчивого зверя в пору любовной необузданности?! И все же волки не нарушают какую-то условную, понятную только им самим границу, в которой околдовывает именно эта скученность, а вокруг белеют необъятные снежные просторы, остающиеся девственными. Волки, должно быть, так сильно сосредоточены на охватившем их чувстве, что не в силах выскокить за его рамки, хотя бы чуть-чуть в сторону. Звери самозабвенно схватываются в любовном танце, и им достаточно крохотного островка, чтобы насладиться своей близостью. Еле приметный бугорок при этом, кажется, даже вдавливаются в землю, с такой остервенелостью звери любят друг друга.

А вообще, волкам, как и многим другим животным и птицам, во время свадеб свойственны игры. Звери, уединившись, бегают друг за другом, припадают на передние лапы,

и самки прижимаются головой к груди самца. В этой позе они вытягивают хвост и бьют им по снегу, оставляя отчетливые отпечатки, а встречаясь мордой к морде во время прыжков, становятся на задние лапы, упираясь передними в партнера. В таком положении волки часто падают вместе набок и снова начинают гоняться друг за другом. По ночам, в разгар гона, самцы часто садятся на своих маленьких возвышениях и воют так, что услышать их можно очень далеко.

Но все-таки что же вынуждает волков подыскивать в лесной чаще именно этот, еле приметно возвышающийся бугорок? Кроме как восторженной приподнятостью чувств от переживаемого, трудно объяснить происходящее. Зверям точно так же, как и птицам, хочется, по-видимому, быть в это время немножко выше и в себе и в лесу, и они тянутся к своей горке, что красна их необузданными действиями, чувствами и долгожданной весной!

Когда на такой горке весной происходит радостное возвышение звериных и человеческих душ, всегда светит солнце, а восторженность их чувств создает над ней волшебный венец. Он тоже всегда солнечный, но почти невидимый: его можно угадать только сердцем, равнодушным отношением к себе и природе.

Венец то ярко вспыхивает, то ненадолго меркнет, но при этом никогда не ощущается его отсутствие. Он пик торжества, что совершается весной в сердечной слитности всех с «красной горкой», которая показывается лишь видящему. Все зависит от твоего чуткого отношения, незамутненного ничем чувства.

А чувство это ведет именно к «красной горке», где всегда происходит рождение чего-то нового. Не каждый день, а только в

какой-то особый весенний момент, в который надо суметь попасть, почувствовать его, слиться с ним. Чем больше думаешь, чувствуешь и видишь в лесу, тем радостней воспринимается это удивительное весеннее чудо — «красная горка»!

## *Дневник глухоря*

НЕ знаю почему, но весенние наброды глухаря меня удивительным образом зачаровывают. Бывает, наткнешься на них солнечным мартовским утром, остановишься и засмотришься. Вспомнишь вдруг, что косачиные и рябчиковые отпечатки такого интереса никогда не вызывают. Чем, казалось бы, могут привлечь обыкновенные птичьи наброды, пусть и превышающие все остальные по размеру? Тянутся себе непринужденно среди берез, ничем особым не выделяясь, а между тем притягивают. Так бы бросил все да отправился за ними в глубь леса, позабыв про заботы.

Глухариные наброды — это следы, которые оставляют после себя взрослые петухи, что в предвкушении скорых токов пока только пробуют свои силы. Уже в феврале они слетаются в места будущих токовищ, и более опытные самцы преподают уроки молодежи. В эту пору сеголетки еще не отгоняются стариками и могут находиться рядом, постигая все степени мастерства.

Если тока еще не начались, следы обычно тянутся однообразной цепочкой вдоль какой-либо опушки или по склону лога, ничем замечательным не выделяясь. Они лишь настраивают



знающего человека на необходимый лад ожидания скорого токовища и указывают на его приблизительное нахождение. Именно в начале марта, по насту, следует разыскивать подобные скопища глухарей, определяя по следу их численность.

Как только время для тока подступает, вдоль набродов, по обеим сторонам, появляются короткие чирки от крыльев, которые и являются верным признаком того, что ток всю весну будет проходить именно здесь. Сначала это действительно просто коротенькие росчерки, едва различимые и очень неуверенные, через несколько дней росчерки превращаются в крутые дуги, впрочем, еще изредка прерывающиеся, неглубокие, но в конце концов они оборачиваются сплошными бороздами, когда глухарь уже не чертит, а волочит крылья, не отдавая себе отчета в охватившем его весеннем возбуждении... Борозды бывают трех-, четырех- и даже пятиполосные, что зависит от количества маховых перьев на крыльях птицы и, конечно, от ее возраста.

А с середины апреля вдоль отпечатков глухариных лап и крыльев начинают попадаться аккуратные следы копалухи, что свидетельствует о начавшейся любви... Раньше самочки тоже держались неподалеку, радостным «бабаканьем» и «котканьем» то и дело возвещали о своем присутствии, но приблизиться не решались. Они как будто ждали какого-то верного сигнала, по которому можно было броситься без оглядки на зов взбудораженного токовика и, услышав его, уже не могли с собой совладать. Глухари же с каждым днем все более разжигали себя, матерели, и тока вступали в свою самую жаркую пору.

В это самое время на укромных лесных полянах появляются утопанные площадки, к которым с двух сторон ведут

наброды взрослых петухов. Здесь глухари оспаривают между собой право на продление глухариного рода именно одного самца, более красивого и сильного, и рядом со следом победителя в скором времени можно будет увидеть трогательный следок копалухи. Даже по отпечаткам ее лап несложно определить, как она ластится к нему и насколько горда его силой. С середины апреля глухарка тоже принимает участие в глухариных заметках, но старается сделать это как можно более ненавязчиво.

Правда, начинается глухариный дневник задолго до весны, в заснеженной утробе декабря. Там, в глубоком и рыхлом снегу, глухари оставляют свои потаенные лунки — снежные домики, в которых проводят две-три морозные ночи. Тогда глухари еще ничего не пишут, а лишь задумывают свои лесные повести, во снах же, наверное, видят одну весну.

Но когда на самом деле приходит весна, глухарь работает старательно, на совесть, ни дня не пропуская без строчки. Только если вдруг завьюжит последняя апрельская метель, прекращает он свое снеготворчество. Ждет глухарь следующей оттепели, чтобы опять начать отчет о своих душевных секретах.

Спешит глухарь сообщить о них и горке над самым логом, и занесенному снегом моховому болоту, и прихорашивающимся на ласковом солнце соснам. Даже за логом побывает, исчертит там всю солнечную опушку, а затем взлетит на любимую сосну и в возбуждении окропит с удобного сука снег под деревом своим токовым пометом. Это тоже его визитка, и по ней можно прочесть о том, где вернее всего встретить глухаря на следующее утро и как он переполнен охватившим все живое весенним настроением.

При такой приподнятости духа недалеко и до танцев, что тоже становится хорошо заметным на снегу, если не торопиться и быть внимательным. Вот глухарь выгнул шею, вынес тело вперед, издал свое тэканье и побежал, да все быстрее, проворнее. Смешно со стороны наблюдать в этот момент за птицей! И вдруг как выпрыгнет вверх, подавшись чуть вперед, да захлебнется в токовании, а через миг вновь прыжок, распушив перья, с растопыренными крыльями, весь содрогаясь от переживания неподвластного ему чувства. Борода трясется, коричневый глаз осоловело косит в сторону, будто и сам глухарь не понимает, что с ним происходит и зачем он прыгает на месте, изгибает шею и топорчит веером хвост.

Танец любви, казалось бы, не предполагает каких-либо записей, но на языке природы и самого глухаря он предельно лаконично отображается на снегу в виде глубоких, чуть осыпавшихся и съехавших в сторону крестов от лап, когда полупудовая птица приседает на землю. Глухарю не в диковинку просто взлететь, а хочется подпрыгивать, восторженно встречая долгожданную весну. Здесь уж ему не до обстоятельных росчерков-записей, лишь бы не уронить свое древнее глухариное достоинство!

Знаки, которые глухарь оставляет весной на снегу,— это радостная примета, предвестие скорого торжества, чувственное изъяснение своих скрытых с древности устремлений. Обнаружить эти знаки, оставленные глухарем на снегу,— значит причаститься к тайне леса, которую в немалой мере созидает и глухарь. Знаки глухаря на снегу — это еще и своего рода тавро, его фирменное клеймо, без которого этой птице не обойтись весной.

Ни букв, ни слов нет в глухарином письме, только округлые черточки, крестики и линии. Глухарь вычерчивает свои весен-

ние чувства, а снег, как бумажный лист, все запечатлевает и сохраняет до первой метели. Оттого глухарь и ведет дневник лишь по утрам и как можно раньше, когда ночная поземка уже улеглась, дневная же еще не начиналась. Глухарь как будто боится, что кто-то подсмотрит это его вековечное таинство или просто помешает, и он, не унимаясь, все строчит и строчит, строчит и строчит...

Но азбука в тридцать с лишним букв велика для глухаря, да он ее и не учит в отличие от детей, что, одолевая грамоту, во всю избу кричат. Точнее даже — он совсем ее не знает, но писать принимается с удовольствием, так же как и ребятишки, провозглашая свое знание во всеуслышанье. Поначалу глухарь только кхеркает, изредка пощелкивает, а уж затем точит без устали, чуть не захлебываясь. Азбука у него скорее нотная, чем буквенная, и ее чарующие звуки радостно разносятся по всей округе.

В народе всякое письмо, записку или даже исписанный клочок бумажки звали грамотой, но хотя глухарь и неграмотен, он бывает точен в своей снежной звукозаписи: умение писать в нем от природы, которая лучший учитель. Живет глухарь в лесной тиши и пишет нам свои грамматики, будто на память, чтобы мы знали о скрытой в лесу красоте, хранили ее и не забывали. Любознательному человеку глухарина грамота всегда пригодится.

Грамота глухаря тверда на снегу, в особенности по утреннику, да вот язык шепеляв. Шипит глухарь от возбуждения, даже петухом квохчет, и все его слова-нотки сливаются в сплошную какофонию. А поскольку память у глухаря стара, то и грамота его простая мудра. Нет в ней ничего лишнего: только самое

главное — любовный порыв, радость и восхищение от переживаемого. Глухарь, должно быть, и сам не ведает, что грамоте горазд.

Глухаринные росчерки чем-то сродни восточным иероглифам, мастерству китайской росписи по влажной бумаге. Встающее солнце все сильнее жарит — росчерки оседают, плавятся и постепенно становятся совсем неразличимы. С раннего утра четкие, отражающие малейшее движение крыла, после полудня они почти незаметны. К вечеру же и совсем исчезают. Даже объяснить невозможно, чем завораживают эти росчерки поутру, в ясный мартовский день, когда стоишь, смотришь на них и не можешь понять, куда уводят они тебя и зачем.

И все же это очень приятно: находить глухаринные следы, идти вдоль них, наклоняться и разглядывать. Представлять, как глухарь бродил здесь, среди разреженных сосен, горделиво вздрагивая бородой, и тоже, наверное, мучился чем-то. А может быть, и не ведал никаких забот... Так, радовался своей жизни и ничем не томился. Ему было замечательно от того, что вокруг весна, и иного он не желал. Откуда ему было знать, что все близкое и дорогое ему дорого и близко еще и человеку!

Пишет глухарь своим пером, что китаец кистью, — все любят и ничего не понимают. При этом глухарь ничуть не сочиняет, а излагает свои чувства, описывая переживаемые им события присущим ему способом. Письмо его совсем не диковинное, вполне обычное для леса и птицы, самой по себе необычной. Просто так глухарю сподручней вести свой рассказ о делах глухаринных и лесных, о загадках тайных и явных. Весна — лучшее время для творчества!

Иной пишет стихами лучше, чем прозою; многие говорят хорошо, а пишут бестолково; кто-то пишет, словно рожает; у кого-то аж перо скрипит... Глухарь же в своем творчестве не торопится, а будто картину рисует. Не спеша, с толком и расстановкою, чтобы по достоинству оценили его весенние способности. Глухарь по весне, должно быть, чувствует себя поэтом, и ничто ему не может в этом помешать!

Про глухаря бы можно было сказать и такое: пиши не пиши — от этого ничего не прибудет, но разве допустимо подобное о птице, в письме которой ни греха, ни поклепа, только сокровенные лесные чувства? Попробуй-ка добудиться их у других зверей и птиц, когда они ничего после себя не оставляют: ни пера, ни следов, ни помета с погадками... Глухарь же ни о чем не умалчивает, расписывая разными красками в узор то, на что давно никто не обращает внимания. Ему бы писало вместо крыла получше — он бы настроил историю какую хочешь!

Глухарь — словно мудрый писец, что пишет по обязанности, званию и должности, дарованным ему природой, а не простой писарь-переписчик, выделяющий причудливые колена. Тот, кто составляет необходимые всем писцовые книги о расцветающей земле, — ее надеждах, снах и совершающихся событиях, способных перевернуть все в душе. Глухарь своими письменами живой дух творит в том, кто себя однажды не упустил и так же, как глухарь, на творческий путь решился.

Крыло у глухаря вместо пера, заснеженная поляна — белая страница. Бежит по ней глухаринная строка то поперек, то вдоль, может и столбцом вывернуть! Вольное глухаринное письмо — не

рябчиковая строчка, что незаметно тянется тоненькой стежкой, оно — у всех на виду!

Иной раз петух так раздухарится, что нотную грамоту в пять черт, с диковинными знаками по снегу распишет, и ну по ней без запинки чесать: «тэке, тэке, тэке, тэке-е, тэкерре-тэкерре-тэкерре-тэкерре-цирси-цирси-цирси, чикивря- чикивря-чикивря, чек-уо-о-кк!» Всякое, хоть махонькое настроение у него в строчку идет, ничего не пропадает. И пишет глухарь, и тут же поет: только успевай читать да на ус наматывать, а он знай строчит!

Настрочит глухарь, кажется, целую поэму, места свободного не видно, тогда он на ближнюю ветку подскочит и давай на ней туда-сюда ходить, уже на память свои сочинения декламировать. Ей-богу, про все на свете позабудешь, если на него в эту пору заглядишься!

Распустив крылья, глухарь не размахивает ими широко, а поводит с изяществом, не разбазаривая себя понапрасну. Принять кого под свои крылья, то есть взять под защиту, глухарь не намерен, но, чуть растопырив их и приспустив, он становится похож на горделивый корабль с парусами, поддуваемый ветром. Вот-вот распустится во всей своей красе и поплывет — только держи! И хоть говорят, что птицу за крылья не хвалят, у глухаря они по весне заместо рук: и пишут, и рисуют, и счет любовным победам ведут, и в схватке с чужаками выручают, и, с неиссякаемой бодростью по бокам прихлопывая, лес диковинной музыкой оживляют. Со своими незаменимыми крыльями глухарь выше себя самого и леса вырастает, а потом опять на снег опускается, и все пишет, пишет, пишет.

Пишет глухарь свой весенний дневник, как и любой поэт, по-разному: то с настроением, восторженно, то более сдержанно, с вдумчивой расстановкою, а иной раз и вовсе как придется, лишь бы чего-нибудь нацарапать! Хулить его за такое слабосильное сочинительство не с руки, потому как силы свои глухарь черпает, как и человек, в природе, а она порой, особенно по весне, бывает достаточно строптива. И на глухаре отзываются порядком затянувшаяся оттепель, студеной северный ветер, нескончаемые холодные дожди или неожиданные снежные бураны. Разве тут до писания!

Дневник свой глухарь любит вести, когда вокруг упоительное тепло, торжество звуков, запахов и света! Глухарь кладет свои кресты на снег как по-писаному, не торопясь, будто поклоны веские бьет. Да все по-ученому, не просто так, скороспелкою, а добротню, с загадкою на всю оставшуюся весну. Не знаю даже, чем привлекают меня его крестообразные следы толщиной в палец, четко отпечатавшиеся в подтаивающем насте? Может быть, своей диковинной величиной, необычностью того, что большая и чуткая птица ходит вот так, открыто, по снегу и не таится?

Как бы там ни было, но глухарь времени зря не теряет: знай барином между сосен выхаживает, владения свои осматривает, все примечает. Там строчку черканет, тут вензелем распишется, не сразу и разберешь его задумку. Было бы, главное, желание, а о чем писать, у него найдется.

Да вот хотя бы про труды свои праведные, что не дают глухарю покоя ни днем ни ночью в весеннюю пору! Работа, его заветное по весне занятие, требует от глухаря особых усилий, старания и заботы. Напрягаясь телом и своим таинственным

духом, глухарь себя не утомляет, а совершает все в радость, с превеликим упоением. Бровью водит, крылом пишет — откуда что берется!

Он рожден на этот весенний труд — просыпаться задолго до зари, потаенно сидеть в сосновых ветках и ждать, когда что-то неуловимое сдвинется в предрасветном воздухе, и он тотчас проверит горло гулким щелчком, будто кто ударит пальцем по спичечному коробку. А потом, постепенно, заточит, запоет только с ему присущими свободными росчерками в конце и будет так греметь своей неукротимой влюбленной волей до самого восхода солнца. Слетев же на снег, пройдет забиякой-франтом, важно выгнув грудь, подскочит раз-другой для остратки невидимого соперника, и вдруг бросится стремглав к краю поляны, где настороженно замрет. Глухарь переполнен охватившими его чувствами, и он горд за тот труд, что доверила ему весна.

Без весеннего творческого труда для глухаря нет добра. Труд этот, в первую очередь, ему удовлетворение дарит, затем копалуху восхищает и, наконец, род глухариный продолжает. Длиться ему, как и прежде, века веков!

Но для того чтобы не иссякли силы, глухарь должен сосновой иглы пощипать или с елки, когда же появятся проталины, он слетает на землю и выискивает прошлогоднюю сладкую клюкву. Весенние заботы укрепляют не только дух глухаря, но и тело, и хоть говорят, что от трудов праведных не наживешь палат каменных, так они ему и ни к чему. Был бы лес да копалуха, а для них — и труд не в труд!

Велики труды глухариные только для лесного бога, который труды эти любит. Бог с трудов глухариных еду и дом птице

дает, себе же духовную силу оставляет. Их совместное терпение и труд все перетирают, и получается мука, из которой спеет лесное богатство.

Работает глухарь не покладая крыл и, кажется, знать не знает, что служит не только лесному богу, но и человеку. Человек, разбирая по весне глухариные записи, радость обретает, будто и сам в этом творчестве участвовал. Ему тоже хочется что-нибудь такое написать, чтобы все узнали о его жизни и любви. О том, как он шел к своей весне и не ошибся.

Идет человек вдоль глухариного наброда и думает: глухарь весне радуется и об этом дневник пишет, моя же работа — ходить, всматриваться, познавать и находить то, что звери и птицы не в силах передать человеку. И еще молиться, чтобы лес никогда не кончался и глухари не переводились, через которых лесной бог дает знание и силы. Древо доброе и плоды добрые плодит: спасибо Богу за богово, а глухарю за его увлекательный дневник, который он каждый год по-новому набело переписывает, и это никому не надоедает.

## *Журавли*

В тихий вечерний час, когда кажется, что мир людей исчез, существует лишь глухой лесной уголок и оживленная переключка вспархивающих в еловых ветвях кукушек, — я сидел у выцветшей от времени избушки и вслушивался в предночную птичью кутерьму. Все, что было до этого, кажется, никогда не существовало и позабылось, а сейчас моя душа жадно вбирала, вслу-

шивалась и торжествовала, обретая бессмертие. Неповторимая и единственная жизнь, по многим причинам однажды упущенная, благодаря этому тихому майскому вечеру возвращалась. Когда-то здесь была делянка, но, разработав ее, лесорубы оставили после себя небольшой деревянный балок на санях, с печкой, и он уже третий год служил мне обиталищем на время глухариных токов.

За две недели моего отсутствия перед избушкой открылись моховые кочки, усыпанные щепой и хвойным мусором, отчего все сразу приобрело до непривычного оголенный и какой-то неустроенный вид. Талая вода заполнила пространство, занимаемое старым, каждый год высыхающим болотом, и когда я попробовал осторожно ступить в студенисто-бурую, чавкающую массу, высокие ели, покачиваясь, накренились в зыбко переливающейся поверхности и стали как будто досягаемыми. Ручьи бесшумно струились по склонам, подтачивая ноздреватые снежные глыбы в глубоких логах, и все вокруг приходило в неопишимо восторженное движение.

За болотом напротив затрубили журавли, а через миг я увидел, как две величественные птицы, неловко, но до удивления в такт друг другу взмахивая сильными крыльями, протянули на фоне огромного закатного солнца,— такого же, как их полет, недосягаемого и величественного. И в душе что-то неожиданно перевернулось, как будто все зимнее наконец-то отступило, а новое и жизнеутверждающее — пробудилось.

В их больших телах не чувствовалось никакой тяжести, только уверенность прожитых птичьих лет, постоянная готовность к размеренному полету и какая-то нестигаемость. Журавль, как, наверное, и любая другая птица, не копит в себе ничего ненуж-

ного. Журавлю требуется лишь плавно взлетать невысоко над землей, чтобы кому-то полет его был хорошо виден, а ему самому можно было бы спастись от чьих-то зубов. Неприхотливое и умиротворяющее парение птицы, не желающей оставлять землю,— вот все, что нужно журавлю в его жизни.

Но иногда кажется, что только не терпящая отлагательств необходимость поднимает журавлей в небо: до того обременительно для них все это выглядит на первый взгляд, со стороны. И все же, преодолев на подъеме свое недовольство по поводу нарушенного кем-либо размеренного покоя, журавли с удовольствием выпрямляются в воздухе и, словно стряхивая с себя нечто надоевшее, успокоенно наслаждаются ровным и независимым парением. И тогда уже думается, что птицы живут только во имя вот такого невесомого состояния, в котором благословенная земля до конца никогда не уплывает из-под крыльев и предстоящая жизнь под небесами представляется прекрасной в своей ясности и простоте.

Журавли неторопливо плыли над лесными полянами, как бы не замечая всего, что происходило внизу и вокруг. Время от времени они пронзительно оглашали округу и тут же отрешенно умолкали, так что слышался лишь вкрадчивый шорох их крыльев. Эти задумчивые, романтические птицы всегда почему-то вселяли в людей добрую надежду, обогащая их души.

Журавлей было двое, и поднялись они в воздух неподалеку от гнезда у старой березы, на которое я наткнулся случайно в прошлую поездку. Гнездо было никем не занято, и я, помнится, долго стоял, всматриваясь в верхушку дерева, пока не услышал тревожащий душу крик, разносящийся над лесом. Обхватив березу руками и прижавшись к ней щекой, я при-

стально вслушивался и никак не мог понять: кому он принадлежит?

Вечером, за два часа до захода солнца, угнетающий крик утраты вперемешку с жалобной надеждой вновь повторился и будто заглушил все лесные звуки. Начинаясь с торжествующей ноты, он в своем исходе как бы захлебывался в нежности одного живого существа к другому, и даже когда источник его куда-то удалялся, звук изливаемой кем-то горечи, кажется, повисал в воздухе, цепляясь за лохматые ветви елей, и будто не желал просто так растворяться. Он жил во всем, требовал к себе внимания, но при всей своей удрученности не был обременителен.

Поначалу я подумал, что это где-то у самой реки, под ветром, плачет старая береза или рядом растущие деревья трутся друг о друга белой ядерной корой, издавая такой заунывно-пронзительный, завораживающий звук. Стоя как вкопанный, я пристально вслушивался в мерно плывущее над рекой звучание и не мог понять: что меня в нем так очаровывает? Будто бы кто-то надрывал свою и без того растерзанную душу, изливая ее в неудержимом плаче и тоске. Чья-то неведомая лесная боль рождалась, во всеуслышание заявляла о себе и, не найдя ни в ком отклика, тут же умирала. Но что-то все-таки оставалось, будоражило и не давало покоя, и только позже я догадался, что это горечь оседала в моей душе.

По небу плыли легкие розоватые облака. Подняв голову, я, к своему удивлению, обнаружил на одной из берез большое гнездо. Оно принадлежало цапле и казалось нежилым. И тут меня осенило: уж не журавль ли это подает свой тревожащий душу голос?

Только я об этом подумал, как голос переместился вверх по реке. Он нисколько не переменялся, был такой же монотонный и жалобный, но не просящий. В нем чувствовалась удивительная проникновенность птицы, ее неиссякаемое терпение.

Еще с полчаса постояв под гнездом, но так никого и не дождавшись, я двинулся вдоль берега вслед за растаявшим над рекой звуком. И тотчас между берез мелькнула большая птица и с трубным призывным криком стала удаляться, все время заметно забирая на восток. То было, конечно, журавлиное курлыканье — большая редкость по нашим временам, тем более вот так открыто, совсем рядом. Застигнутый врасплох охватившей радостью, я не сразу придал значение тому, что птица в такую ответственную пору находится одна...

Только поздно вечером, когда солнце уже опустилось за горизонт, опять послышалось одинокое, мягко терзающее сердце курлыканье. Журавль летел также над рекой, но уже с противоположной стороны, как бы замыкая невидимый для меня круг. Он отсутствовал ровно два с половиной часа, и я впервые подумал о том, что птица кого-то ищет.

Журавль, видимо, разыскивал подругу, надрывно звал ее и не находил. В своих поисках он придерживался одного и того же направления, какому они вместе, должно быть, следовали раньше, и даже не помышлял хотя бы немного отклониться. Журавль будто верил, что самка не могла далеко улететь, она где-то рядом и ее просто нужно получше поискать.

Подобные полеты журавль совершал и в течение всего следующего дня, четко ограничивая время своего отсутствия тремя часами. Неизменно, с утра до вечера, несмотря ни на что

надеясь отыскать возлюбленную, журавль с надрывом оглашал округу своей болью, и мне начинало порой казаться, что лес несколько замкнулся в себе, не вправе проявлять всю полноту рождающейся в его недрах жизни. Птица почему-то осталась совсем одна в этом пустынном сейчас для нее мире, и это было противоестественно.

Уже возвращаясь на станцию, в деревне я случайно узнал, что кто-то подстрелил самку журавля, и самец, только прилетев, остался один.

В городе я постоянно думал об этом журавле, что остался в весеннюю пору один, и одиночество его мешало мне жить. Я пытался представить, чем он сейчас занимается, и очень надеялся на то, что он все-таки найдет себе пару. Так было горько сознавать, что журавль в одиночестве может погибнуть и никто не в состоянии ему помочь.

И вот нашлась новая подружка,— невероятное событие для весны, когда птицы уже разбились между собой! Но, может быть, просто два одиноких сердца отыскали друг друга и мир охватившего их отчаяния рассеялся, уступив место нежности и надежде?

С особенной радостью встречаем мы весной именно журавлей, возвращающихся на свою родину. Еще не сошел до конца снег, не истек ручьями говорливый апрель, а они уже появляются в высоком небе стройными косяками, изредка вскрикивают в вышине, и, услышав их голоса, сердце отчего-то переворачивается в груди. Появление ни одних птиц по весне мы не воспринимаем так остро, как прилет журавлей.

Завидев в небе торжественные ряды этих величественных птиц, и стар и млад оставляют все заботы, подолгу всматриваются в небесную высь и не могут оторвать глаз. Чем-то необъяснимым приковывают журавли внимание людей, вынуждая позабыть суровую зиму и предстоящую нелегкую работу. Своим неспешным полетом птицы будто возносят души людей, но не отнимают их, вынуждая тоже попробовать полететь, наслаждаясь силой свободы.

«Журавли! Журавли прилетели!» — обычно кричат вездесущие мальчишки, бегут спотыкаясь по раскисшим улицам и машут шапками. Великую радость приносят птицы в сердца людей, возвращаясь из теплых стран на свою родину, и будто отогревают застывшие души. Журавли устали после дальнего пути, и, может быть, не все из них достигли родимого дома, но прежде чем сесть для отдыха где-нибудь на болоте или у реки, они обязательно немножко покружат над полем у деревни и прокричат приветственное «курлы-ы-ы!»

Трудно не любить журавлей за их степенную красоту и какую-то затаенную щемящую боль, которую они всегда несут в себе. Боль эта чувствуется в каждом взмахе их крыльев, крике, неудержимом стремлении к величественному полету. Всегда почему-то кажется, что им самим совсем не хочется его прерывать, насколько это возможно, птицы продляют свой полет, а присаживаются только по неотложной надобности. Так бы всё парили, оживляя воздух и землю теплым дыханием устремляющейся на север весны...

В народе испокон веков замечали, что журавль прилетает и отлетает сообразуясь с теплом. С прилетом журавлей обычно совпадает открытие полевых работ, выгон скота на пастьбу



и даже начало весеннего рыболовства: «Когда прилетят журавли, скотину можно выгнать в поле, а в пруду ловить рыбу». И хотя сам журавль, по народному поверью, утверждает, что это он тепло принес, а не весна, люди ему все прощают, потому как любят.

Весной торжественно радостные, проникновенные, под осень голоса птиц становятся печальными. И хоть летят журавли такими же стройными косяками и уже не на север, а на юг, что-то щемящее появляется в их призывной песне, которой они прощаются с людьми до будущей весны. Журавли чуть заметно покачивают им кончиками крыльев, поднимаются все выше и выше, и прощальные голоса их постепенно растворяются в бескрайнем осеннем небе, так что чудится, будто птицы неслышно произносят: «Прощай, матушка Русь, я к теплу потянусь!» И каждый, уже про себя, так же неслышно повторяет им вслед: «Прощайте, дорогие журавушки, доброго вам пути-дороги! До скорой встречи, до будущей весны!»

В народе примечали, что перед отлетом журавли собираются большими стаями на болотине и долго между собою курлыкают, будто совет держат, каким путем в теплые страны лететь. Еще журавлям под осень одна забота — это угадать время отлета. Существует такая примета, что если журавли в осенний пролет долго кружатся на одном месте, улетают как бы нерешительно, то осень будет продолжительная и теплая. Но вот когда журавли потянутся на юг к третьему Спасу, то на Покров будет мороз, а нет, так зима придет позже. Чем позднее улетают журавли, тем, по народным наблюдениям, и зима позднее наступит.

Отлет журавлей всегда знаменует конец лета и начало скучной осенней поры, когда те же мальчишки, завидя журавлиную стаю, бегут за нею по убранному жнивью и кричат: «Колесом дорога!» В этом пожелании, по-видимому, заложено стремление заставить журавлей вернуться назад или, может быть, просто на время сбить их с пути, чтобы они целый день кружили без толку на одном месте, предвещая тем самым еще долгое время хорошую погоду. Но мешать журавлям в их пролете, однако, не следует, и лучше прокричать им напутственное приветствие: «Путем дорога!»

Осенью, где-нибудь в середине сентября, когда порядком надоели холодные проливные дожди, хмурое небо всей своей тяжестью навалилось на озябшую землю и кажется, что оно никогда не распогодится, заслышишь вдруг над полем тревожный крик журавлей и встрепенешься. Все в тебе сразу подымется, заиграет, и ты как будто избавишься от охватившей тебя осенней одури. Мокрое жнивье уже не производит такого мрачного впечатления, почерневшие стожки соломы не вызывают уныния, жизнь, оказывается, не умерла, а только на время затихла, чтобы с новой силой пробудиться. Ее возродили в твоём сердце журавли.

Журавль — птица дикая, осторожная и близко человека не подпускает, но в народе ему уделялось много внимания. В первую очередь отмечали его длинные ноги и походку. Когда журавль чувствует себя в безопасности, он важно разгуливает по полю на своих длинных ногах, землю меряет, как говорили крестьяне, — только ему и дела.

По этому поводу в народе сложили немало метких поговорок. Например: «Перемерял журавль десятину, говорит — вер-

но». Или: «Пошел бы журавль в мерщики, так не берут, а в молотильщики — не хочется». А еще так: «Журавль межи не знает и через нее знай ступает».

Крестьяне часто даже надсмехались над манерою журавля передвигаться по болоту: «Шел журавль по болоту — нос завязил; нос вытащил — хвост завязил». Они утверждали, что журавль ходит по болоту, будто нанимается на работу, а на самом деле он корм для птенцов таким размеренным способом добывает, а если уж замрет на одной ноге, то всякого перестоят! Одним словом, журавль — птица очень приметливая и сторожкая, да к тому же летает высоко и видит далеко.

В отличие от многих пернатых журавли с присущей им цельностью одинаково величественны как на земле, так и в воздухе. Журавля не без оснований ценят за его высокий красивый полет целыми стаями, правильнее — косяком, когда впереди летит старый опытный журавль. Так как передовому журавлю лететь труднее других, то птицы меняются между собой. Даже в самых серьезных ситуациях эта птица никогда не теряет достоинства и уверенного спокойствия, как будто давая всем почувствовать свою скрытую силу.

А что происходит у нас в душе, когда осенью или по весне мы вдруг услышим этот не сравнимый ни с чем плач или зов птицы, который переворачивает все внутри и куда-то зовет? Для человека трубный журавлиный крик, может быть, самый желанный из всех весенних и осенних звуков, потому что возбуждает радость близких русскому человеку переживаний. О том, что пришла наконец-то долгожданная весна, которая всколыхнула в каждом внутренние силы и надоумила на настоящий душевный подвиг. А еще о том, что лето минуло

за чередой непрерывных забот и скоро грядет лютая зимушка-зима, и вот сейчас на дворе колченогая осень с проливными дождями, слякотной землей под ногами, нескончаемыми темными ночами... Благо, что урожай собран, закрома наполнены, и журавлиное курлыканье в вышине не воспринимается обездоленно, как нечто непоправимое. Скорее, оно свидетельство неугасающей жизни, что просто готовится стать еще более выносливой и сильной.

И великая негибкая сила в журавлином голосе, и сладостная грусть, все, без чего немислима наша жизнь. Журавли своим присутствием будто преподносят человеку подарок судьбы, которым он должен благоразумно распорядиться, не разбазарив его понапрасну. Птицы напоминают людям, чтобы они не сулили журавля в год, а хоть синичку, да в рот, ибо журавль в небе — не добыча. И хотя встарь журавль почитался лакомством, он, по меткому замечанию народа, не каша, еда не наша, потому что эта птица тепло нам приносит. Как, говорили, журавль прилетит с моря, так и убавит нам горя.

Кстати, все эти завораживающие крики, похожие на отдаленное звучание труб, издают одни самцы. И крик журавлей, и одновременно их полет имеют в себе что-то необъяснимое и привлекательное. Как осенью, так и весной журавлиные голоса доносятся до нашего слуха не сразу, а постепенно, теряясь в других, не менее приятных звуковых тонах, что порождает в эту пору природа.

Журавли никогда не летят сумбурно, неопределенным скопищем, как многие другие птицы, а всегда выстраиваются треугольником, одна сторона которого, по большей части, гораздо длиннее. В этом построении журавлей есть нечто

простое и в то же время недостижимое, как если бы мы хотели дотянуться взором и мыслями до любимых птиц, но улететь вместе с ними, при всем желании, не смогли. Журавли как будто угадывают устремления людей и прежде, чем отлететь в теплые края, дают возможность каждому посмотреть на их торжественный полет и неторопливо обо всем подумать. Журавли в своем неспешном прощании с родиной настраивают души людей на такой же неторопливый и вдумчивый лад. Скоро долгая зима, время необходимых раздумий, и кто, как не она, призвана оздоровить и, может быть, даже излечить человеческую душу, а журавли, хотя бы отчасти, помогают ей в этом.

В народе не зря многие названия связаны с их журчащим и каким-то необыкновенно трогательным именем. Журавль — одно из южных созвездий, журавчики — долгоносые щипчики, журавец — рычаг для подъема тяжестей и воды, устраиваемый обычно на колодце. Журой или журкой называлось в старину короткое женское верхнее платье, вроде куртки.

Жура, журка, журанька, журочка, журушка, журавлик — какими только именами не называют у нас журавля! Журавлей на земле становится все меньше и меньше, и только счастливый человек может радостно воскликнуть, что, действительно, хотя бы раз в жизни ему привелось видеть косяк пролетающих птиц или даже подсмотреть их танцы на болоте и кормежку. «Погоп кораблям, песок журавлям!» — говорят о неумолимом для птиц времени, которое безжалостно утекает от них, отнимаемое человеком.

Вообще, журавль — очень общительная птица, и насколько он старательно избегает человека, настолько же сильно

привязывается к нему, быстро привыкая к его дому и двору. Он выказывает удивительное понимание порядка, не терпит ссор на птичьем дворе и, оберегая домашних птиц, как собака, в то же время наказывает их окриком или ударом клюва за провинность. К человеку журавль может проявлять удивительную ласку, но очень долго помнит незаслуженные обиды. Журавль хорошо уживается с любыми птицами и животными, но постоянное общество себе все же выбирает с разбором.

Журавли очень сторожки, и подойти к стае или семейству птиц, затевающих где-либо поблизости гнездо, очень непросто. Ночевку журавли выбирают, как правило, на открытых местах, во время нее все птицы спят стоя, заложив голову под крылья. К тому же журавли выставляют одного или двух сторожей, которые дремлют чутко, не закладывая голов под крылья, а как только заметят опасность, так тревожным криком будят своих товарищей и тотчас улетают.

В давние времена благодаря этой необычайной восприимчивости журавлей содержали на птичьих дворах. Неспешно разгуливая среди сытой и изрядно отупевшей от изобилия корма домашней птицы, журавли заметно выделялись своей сдержанностью. Отведенное им человеком положение сторожей обязывало их к этому.

Ничто обычно не нарушало воцарившегося довольства и покоя до тех пор, пока в небе не появлялся ястреб. Зоркие журавли первыми замечали хищника и громогласно предупреждали об этом многочисленных обитателей птичьего двора, предоставляя им тем самым возможность укрыться. Журавли в этом отношении были незаменимы и потому всегда заслуженно почитаемы на Руси.

Но не только в России журавли символизировали бдительность. В трактате о любви и преданности Леонардо да Винчи описывает журавлей, которые, охраняя своего повелителя, держали в поднятой лапе камень. Держали на случай, если на минуту-другую его, пернатого стража, одолеет предательский сон. Тогда камень, падая, мог бы разбудить всех своим шумом. На гербах и гобеленах серого журавля неизменно изображали стоящим на одной ноге, с камнем, зажатым в другой.

Помимо необыкновенной чуткости, журавли обладают таким грозным оружием, как крылья. Природа снабдила их удивительной крепостью и силой, способными нанести серьезное увечье как собаке, так и человеку. Бывали случаи, когда раненый журавль, защищаясь, переламывал руку охотнику, а твердым и острым клювом мог выклевать глаз.

Из-за своих немалых размеров журавль не может подняться в воздух сразу, ему нужна дюжина метров, чтобы разбежаться. Поначалу он только вытягивает шею, наклоняет вперед туловище и, неторопливо передвигая ногами, помогает себе размеренными взмахами крыльев. Так журавль совершает несколько шагов, но когда корпус его слишком наклоняется и он начинает запинаться, крылья уже набирают силу и отрывают птицу от земли. Свесившиеся длинные ноги при этом выглядят несколько смешно, зато мощные крылья и устремленность журавля вызывают восхищение. Летит он всегда ровно и неторопливо, но решительно.

Еще журавль птица очень жизнерадостная, и, несмотря на внушительные размеры и присущие ему грациозность и достоинство, он любит забавляться, когда придет охота. Он обычно весело подпрыгивает и занимает странные позы: то согнет шею

и кружится долгое время на одном месте, то распушит крылья и буквально танцует. Играя, журавль подбирает с земли камешки и ветки, бросает их в воздух и ловит клювом, при этом быстро бегаёт взад и вперед, самыми разнообразными движениями выражая беспредельную радость. Но если в этот момент ему грозит опасность, он замечательно быстро умеет оценить обстоятельства и сообразовать с ними свои поступки.

Несмотря на величественность поведения и внушительность в размерах, он не такой уж и большой, но длинные перья на спине, боках и величина крыльев дают ему вид самой большой птицы. Ко всему прочему, журавль очень высок на своих ходулях-ногах, шея его также достаточно длинна, а клюв, в довершение всего, как бы составляет их логическое продолжение. Журавль поневоле кажется таким, каким он на самом деле не является, но так или иначе пользуется любовью среди людей.

К тому же внешний облик птиц с их стройной шеей, грациозно повернутой головой и важной осанкой, необыкновенно уравновешенные повадки и кроткий нрав вызывают у людей симпатию. Но только так ли безоблачно следует относиться к птицам, которые в своей природе, в этой их видимой и очаровательной привлекательности, несут, между тем, и истинную силу? Силу, какой бы следовало поучиться порой не в меру восхищающимся журавлиной верностью людям, на самом деле ей не обладающим. Ведь в ней, в этой верности, заключены простота и мудрость жизни, так недостающие человеку.

Самка журавля обычно сносит два яйца, и из двух птенцов один, как правило, погибает. Ученые даже предполагают, что ро-

дители, внимательно понаблюдав за птенцами какое-то время, выбирают наиболее сильного, а слабого уводят от гнезда куда-нибудь в сторону и оставляют. Вот как заботятся птицы о здоровье рода, не проявляя ложной доброты в отличие от человека!

Вдобавок журавли — очень предусмотрительные и умные птицы. Они не только с достоинством себя ведут, но так же достойно и, главное, очень надежно для будущего потомства думают. В ковыльных степях Казахстана, где открытое пространство тянется до самого горизонта и сильный ветер может раскатить и разбить отложенные птицами яйца, журавль-красавка обкладывает свою кладку кольцом из гальки. И это при том, что поблизости никаких камушков нет, и журавлю, чтобы раздобыть их, приходится летать за многие километры на реку!

Что и говорить: журавль — птица знаменитая! Недаром он часто упоминается в народных сказках, баснях и пословицах. Журавлю не без оснований приписывали чуткость, простодушие и неприхотливость, которыми он обычно смущал других зверей, пусть даже и страдая за это. Вспомнить хотя бы басню про волка, что подавился костью, а журавль, оказавшийся поблизости, не испугался, вытащил ее и попросил за труд, но волк разгневался и стал грозить благородному журавлю...

Не во всех сказках, конечно, журавль оказывался на высоте, но везде проявлял скромность и великодушие. Как в истории с цаплей, когда они ходили друг к другу свататься, но все безрезультатно. То журавль придет и цапля ему откажет, то цапля передумает и отправляется к журавлю, да тот опять сгоряча не соглашается, а когда успокоится, вновь пробует удачи. С одной стороны, мы видим порядочность, достоинство и основательность журавля, предложившего сердце цапле, с другой — непо-

стоянство, отсутствие твердости и... все же нечто милое, когда несмотря ни на что журавль шел к ней, рассчитывая, что цапля рано или поздно согласится. И ведь отправлялся всегда первым, на что зачастую не могут решиться многие люди!

Простим журавлю эту слабость и, может быть, даже гордость, с которой он однажды стремился стать царем птиц, но не был им избран за то, что рассердился на малую птаху за непослушание! Бог ему судья! Во всем остальном эта птица всегда выказывает удивительно покладистый характер, и если ее не тревожить и не обижать, она попусту никогда и ни перед кем головы не преклонит, в первую очередь объявит себя с самой выгодной стороны и будет только радовать человека своим присутствием.

Обнаружив неподалеку от избышки небольшую полянку, которую облюбовали для себя мои журавли, прилетая туда неизменно на рассвете и в пору тихих вечерних сумерек, я все последующие дни восхищался, наблюдая из укрытия за тем, как птицы были бережны и нежны друг к другу. Как будто вкрадываясь в лесную тишину и желая вовремя предотвратить малейшую угрозу своему существованию, журавли неспешно выступали на укромной опушке, чутко прислушивались и замирали. В то время как самка была занята поиском корма, самец, изящно приподняв ногу и выгнув шею, застывал, трепетно вслушиваясь в лесные шорохи. Такая предусмотрительность придавала птицам важность, но важность не напыщенную, а какую-то отрешенную, в своей невозмутимости очень мудрую. Наделенные удивительной чуткостью птицы могли ее себе позволить.

Покормившись с утра или вечером, птицы обычно предавались играм: красовались друг перед другом, подпрыгивали, распустив широкие крылья, пощелкивали длинными клювами, задрав головы кверху. Все их движения были грациозны, лишены суеты и исполнены какого-то таинственного смысла. Журавли, словно радуясь возвращению на родную землю, уединялись и начинали свои ритуальные священнодействия, кажется, забывая даже про весну. Вернее, все их движения были проникнуты чувствами, которые она приносила, птицы жили только весной и ей одной поклонялись.

Терпеливо дождавшись, когда самка утолит голод, самец принимался азартно приплясывать вокруг нее, с каждой минутой все более наращивая темп танца. Журавль, конечно, старался очаровать свою подругу, сопровождая танец поклонами, приседаниями и неожиданными выпадами-прыжками, и это ему, похоже, удавалось. Обычно журавли решаются на такие откровенные ухаживания уже после выбора гнездового участка, когда весна вступает в полную силу, но не забывают при этом выставлять бдительных часовых, невозмутимость которых на фоне безудержного веселья танцующих собратьев невольно вызывает уважение.

Этих птиц было двое, и они так любили друг друга, что не обращали ни на кого внимания. Ведь они нашли друг друга не сразу, а после длительных мучений! Журавли, вероятно, догадывались о моем присутствии и великодушно терпели его, допуская, правда, лишь на безопасное для себя расстояние. И я старался не переступить этой невидимой черты, очень чутко воспринимаемой птицами, но журавли неизменно улетали, когда я пробовал приблизиться. Они не позволяли подобраться к ним

вплотную, тактично напоминая о границе, которую переходить человеку все же не стоит.

Что-то во мне как будто обрывалось, когда вспугнутые мной журавли с пронзительным курлыканьем поднимались над землей, делали в воздухе плавный разворот и размеренно удалялись в туманной утренней дымке за реку. Никакой неловкости при этом я в своих действиях не чувствовал, она подступала гораздо позже, а в душу закрадывалась только сладкая неразрешимость от охватывающего вдруг забвения в этом огромном лесном мире и слитности с удивительными птицами, что дарили ощущение бессмертия. Посещая каждый год глухариные тока, я всегда слышал журавлиное курлыканье, наблюдал из-за ветвей, как они кормятся, играют, и был счастлив.

### *Дружные тетерева*

Обитая годами на какой-то территории, тетерева дружными стайками перемещаются по ней от одного березового перелеска к другому, независимо от того, потревожат их или нет. Временами они куда-то исчезают, так что местные жители о них даже забывают, но затем вновь объявляются в каком-либо колке, пугают грибников с ягодниками своим взрывным взлетом в конце лета и ублажают взор в печальную предзимнюю пору, когда усаживаются на тихие березы и замирают там красивыми черными силуэтами. Оседлая жизнь тетеревов незамысловата и проста, чуточку обаятельна по понятиям

увлеченного лесом человека и даже отчасти таинственна, хотя тетерева у него почти всегда на виду.

Видимыми ориентирами для тетеревов всегда служат при-садочные березы — наиболее удобные и любимые деревья, где птицам приятно сидеть, кормиться и время от времени поглядывать вокруг: не крадется ли лиса, не парит ли поблизости ястреб, способный камнем упасть на зазевавшихся косачей, не приближаются ли хитрые охотники на саях, которые будто бы едут мимо, а на самом деле норовят незаметно подобраться на выстрел. Ничто не должно миновать внимания тетеревов, которые самой природой призваны быть чуткими, чтобы сохранить свое иссиня-черное атласное перо и неподражаемое белое подхвостье. А бархатно-брусничные брови? Кто позаботится об этой птичьей красоте, кроме самого тетерева?!

Красота для самого тетерева — та необоримая сила, что побуждает самок на самое восторженное дело их жизни: во-время устремиться на зов расфуфыренного весной петуха, перед которым невозможно устоять, на какой-то миг быть повергнутой его красочным платьем и любовным порывом и затем понести в себе несколько будущих, таких же красnobрово-синих жизней, призванных очаровывать всех своим весенним обаянием, продолжая тетеревиный род. В своей любовной игре петухи, кажется, трудятся даже больше самок, растрчивая всю энергию на поединки и стремление понравиться, тогда как тетерики, незаметно зачав, так же неприметно куда-то вскоре исчезают и появляются уже под осень. Но велик и благороден их невидимый труд по выведению потомства, которому предстоит когда-то украсить жизнь.

И осенью, и зимой, и в благодатное весеннее время тетерева украшают наши березовые колки, что выглядели бы без них безжизненными, немymi. Стоит хотя бы раз увидеть, как косачи взрываются в этих березовых крепях, тугими черными мячами стремительно удаляясь над макушками деревьев, и все в тебе встрепенется. Что-то такое же неведомое и стремительное проснется в твоей душе, яростно рванется за исчезающими птицами и словно остолбенеет. Разве угнаться человеку за таким сокрушительным великолепием, слепленным природой из двух килограммов мышц, перьев и какой-то невообразимой нацеленности на бросок себя в пространство, а не полет?!

Но главная красота тетеревов — в их сплоченности, пусть небольшом табунке, но только чтобы вместе. А еще лучше в многоголовой, повергающей в сладостное оцепенение стае, вырывающейся из-под самых лыж, что заночевала еще с вечера в снегу, и ты ее нежданно-негаданно разбудил. Стая взорвалась, осыпав тебя золотистыми искорками снега, взмыла в выстуженную синеву, но не улетела, рассевшись по березам, и лес сразу преобразился. Его оживила красота чудесных птиц, их удивительно приятная на вид тяжесть, как будто невиданные зимние плоды по мановению волшебной палочки украсили замершие деревья — и те очнулись ото сна.

Поздней осенью и ранней зимой охотники используют эту черту тетеревов — дружно подлетать на опушившиеся снегом березы, устраивают под ними удобные шалаши и прикрепляют к ветвям длинные шести с суконными чучелами птиц, набитыми соломой. Тетерева один за другим присаживаются к такой нехитрой, но очень правдоподобной приманке и оказываются их легкой добычей. Даже зоркий ястреб-тетере-

вятник, не в силах разобрать подвоха, часто камнем бросается на неподвижно сидящих птиц и, зацепившись за грубую материю острыми когтями, повисает в бессилии вниз головой... Всегда непривычно наблюдать эту грозную птицу в таком поверженном и жалком состоянии!

Когда тетерева дружно переживают зиму под снегом, она им — за ночь. Перед самыми сумерками птицы, словно по чьему-то сигналу, валятся с берез в сугробы, и уже через мгновение кажется, будто их и не было. Лунка от лунки обычно отделена какими-нибудь полутора-двумя метрами, и независимо от количества голов в стае птицы ложатся очень кучно. Могут они разделиться при этом и на небольшие табунки, но все равно держатся одной потаенной просеки или полянки.

Однотонное шипение снега под лыжами всегда настраивает на определенный успокоенный ритм, и потому косачи, дружно взрывающие тишину полусонного зимнего дня, воспринимаются с холодящим душу восхитительным испугом. Птицы и укладываются на ночлег одновременно, и поднимаются на крыло тоже вместе. Такова их неистребимая тетеревиная суть, благодаря которой они еще живы и до сих пор радуют нас своим обаянием и силой.

Однажды мне попалась по-настоящему дружная стая, насчитывающая около сотни голов, и по теперешним временам ее можно было назвать огромной. Первый испугнутый десяток, оторопело прорвавшись сквозь корку снега, с будоражающим шелестом крыльев взмыл в золотистый от солнца воздух, поначалу как-то недружно рассеялся, но уже через мгновение сбился в черный ком и, преодолев какие-нибудь полторы сотни метров, расселся на березах. Пользуясь маскхалатом, я решил

тотчас подобраться к ним на максимально допустимое расстояние, но не успел преодолеть и десяти шагов, как из-под снега, с таким же очумелым хрустом, поднялось уже две дюжины птиц. Эти тетерева, в отличие от первых, совершили в воздухе большую вытянутую петлю, пока уселись на те же деревья, что и их приятели. Они как бы оживленно переговаривались между собой, но быстро успокоились.

Очарованный увиденным и ощущая приятный трепет от нетерпения подкрасться к птицам поближе, я совершенно исключил возможность нахождения под снегом других птиц, полагая и такой табун вполне достаточным, и даже более того — поразительным, поскольку за последние годы не встречал более десятка тетеревов за один раз. И тут вновь тишину разорвал отчаянный треск крыльев, который смешался со стоящим в ушах шумом ранее сорвавшихся птиц, и вместе все это совсем сбило с толку, бросило в какое-то отупелое созерцание происходящего, а из-под аккуратных елочек, взметая радужные облачка мельчайшего инея, все поднимались и поднимались необыкновенные, ни с чем не сравнимые тетерева, мелькая в солнечных лучах чудесным белоснежным подхвостьем, как бы поддразнивая и изводя душу охотника своей недоступностью. И еще я непроизвольно отметил, что даже напуганные, со сна, тетерева не разлетаются в разные стороны, а устремляются от опасности одной дружной стаей.

Находясь в каком-то необъяснимом возбуждении и не в силах сдерживать себя, я выстрелил в воздух. Сухой протяжный треск прокатился над поляной, завязался где-то за дальним еловым бором, а тетерева тотчас снялись с берез и темной тучей, неторопливо, потянули в размытую зимним солнечным светом го-



лубизну, вскоре окончательно слившись с ней. И стало немножко грустно.

Подобные встречи с тетеревами всегда очень приятны, случаются довольно редко и запоминаются на всю жизнь, но к ним нужно быть готовым, зная наверняка место ночевки, посадочные березы птиц или пути их перелетов с ночлега на жировку. Лучше всего подходить к тетеревам в сумерки, когда они уже спят наверное, против ветра, желательно в глубокий снег, в котором птицы чувствуют себя более безопасно, и, наконец, в пасмурные дни, как ничто другое располагающие тетеревов к некоей заторможенности, замедленной реакции на шум. Если же птицы сидят на березах — лучше приближаться к ним с груди или сбоку, но ни в коем случае не с хвоста.

Переполненный радостным ощущением, как бы желая продлить удовольствие и удостовериться в истинности только что произошедшего, я тогда вернулся к лункам. Оставленные птицами, они в беспорядке темнели между елями своей уютной синевой. Ясные отпечатки крыльев по краям лунок создавали видимость полета, и ни на секунду не покидало впечатление от какой-то сокрушительной стремительности птиц. К каждой ямке тянулись, словно вылепленные, узоры нехитрых тетеревиных набродов. Уже порядком заметенные, они свидетельствовали о том, что тетерева провели под снегом после оттепели несколько дней.

Сабанеев в своем «Календаре природы» упоминает о реальной возможности для тетеревиной стаи иметь два-три, а то и более излюбленных мест ночлега, где птицы обыкновенно ночуют из года в год. В каждом месте, по его мнению, тетерева проводят от двух до десяти ночей, смотря по тому,

будут ли на нем потревожены. Самому мне никогда не приходилось в течение зимы или нескольких лет подряд поднимать птиц с ночлега примерно в одном и том же месте, и потому ясности в этом вопросе я для себя не обрел.

Вероятно, фактор участвовавшего беспокойства оказывает известное воздействие на образ жизни тетеревов, и они сами не представляют, что им принесет новый день, поэтому и место ночевки они выбирают как придется, вернее всего там, где их застигнет необходимость. К концу зимы, с началом постоянных оттепелей, а значит, и неминуемым затвердением снежного покрова ночами, тетерева начинают садиться в снег по чащам, где снег рыхлее, или прячутся под коряги и кусты. Но если снег в феврале мягкий, глубокий, тогда тетерева, как и прежде, ложатся спать на открытых пространствах, делают это по привычке рано, что можно использовать, побывав в гостях у птиц, и не раз, засветло.

Отбившиеся по каким-либо причинам от табуна тетерева ночуют в самых неожиданных местах, а потому всегда несколько ошарашивают, стронутые с ночлега, и ты начинаешь постепенно сомневаться в истинности их повадок. После таких столкновений всегда держишь себя настороже, и проходит долгое время, пока до тебя дойдет, что это всего лишь рядовое исключение из правил. И все-таки в следующий раз ты вновь поддаешься на подложенный тебе природой подвох, веришь в то, что птицы выбрали своим временным убежищем именно эту опушку или край лесной дороги, что они вот-вот затрещат прямо перед тобой сильными крыльями по мерзлым березовым ветвям, удаляясь в только им ведомую даль, и сердце твое учащенно забьется... От тетеревов можно ожидать чего угодно.

Вообще тетерева, в силу того, что держатся дружными многочисленными стаями, склонны к обширным полянам с глубоким и мягким снежным покровом, с разбросанными по их краям густыми елочками, возле которых особенно любят устраивать свои домики. Словом, птицы предпочитают пространство в достаточной степени открытое и удобное к немедленному отлегу в случае внезапной тревоги. За то, что тетерева чаще обитают в поле, а не в лесу, их и называют полевиками.

Вот и токует тетерева, в отличие от тех же глухарей или рябчиков, вместе, на одной полянке, как будто боясь что-то утратить в себе, разделясь. Тетерева распускают веером лирообразные хвосты, волоча по земле широко распушенные крылья, устремляются навстречу друг другу и, вытянув надувшиеся шеи, пригибают головы к самой земле. Их алые брови, кажется, разгораются ярче зари, что незаметно подымается над лесом, бормотание то надвигается, то удаляется, а охваченные страстью птицы зачарованно кружат в преддверии яростной схватки.

И вот хлопанье сильных крыльев будто выводит птиц из этого оцепенения, тетерева приподнимаются, выпятив грудь, на мгновение замирают, и в следующий момент начинает казаться, будто все это восхитительное видение с косачами, поляной и маленькими березками вокруг нее неудержимо отрывается от земли и летит. Тетерева вроде бы и мешают друг другу, сгрудившись на какой-либо делянке или старом покосе, но без этой дружной слитности нет тетеревов, нет тока, нет весны. Только в равном поединке с себе подобными птицами проявляется бойцовский, слаженный характер тетеревов, которые, на короткий миг превозносясь над своими собратьями,

все-таки не в силах с ними разъединиться. Да и происходит это лишь весной, в остальную пору птицы дружны и неразлучны.

Дружным эхом разносится надо всей округой тетеревиное бормотание. Музыка, переливающаяся из одного колодца жизни в другой, а вместе они составляют гармонию, ту радость, что проявляется и наполняет тебя только весной. Дружная весна — один колодец, взбудораженные ей тетерева — не менее важноеместилище красоты, таланта и силы, сопутствующее ей. А еще есть высокие облака, безжизненное от апрельской нежности небо, сиреневые кустарники бузины и малины, только что открывшиеся от снега и оттого какие-то напружинившиеся, колючие. Дружно все, что составляет по весне пробуждающуюся жизнь, опять вознамерившуюся, кажется, перевернуть само свое существование.

И опять ты в лесу. Как будто не было долгого года, полного тревог и волнений. Опять будоражат твою душу замечательные птицы тетерева — красивые, чудесные, с трудом достижимые человеком в своей сплоченной устремленности и любви. Только счастья желаешь птицам, доброго потомства и завидуешь их неистребимому желанию находиться всегда вместе.

Правда, попадается порой какой-нибудь закоренелый одиночка и каждый год токует на одном и том же поле в гордом уединении. К нему не присоединяются другие тетерева, и даже самочки почему-то не обращают на него внимания, а он неизменно токует всю весну, как будто ему ни до кого нет дела.

Выдастся ли радостное утро или мягкий пасмурный день — это никак не влияет на тетерева: с восходом солнца или же в подходящий для этого час над долиной разносится знако-

мое: «бу-бу-бу-буль, бу-бу-бу-буль, бу-бу-бу-буль...» Пение то разгорается, то притихает, то иногда вовсе исчезает, но через какое-то время вновь вспыхивает. Тетерев как будто забывается порой или отвлекается на что-то не менее важное, чем прославление очередного весеннего дня, а спохватившись — опять продолжает.

Одиночество, кажется, никак не влияет на него, и часто такой пегух ведет себя очень своеобразно: бегает по полю, прыгает, выбирая самые диковинные позы, будто соревнуется с невидимым соперником. Но происходит подобное редко, и в основном тетерева держатся по весне целыми стаями или веселыми табунками. Тетерева — осторожные птицы, но в одиночку им не выжить. Рано или поздно такого отбившегося косача настигает коварная рысь или хищная лисица, поскольку никто не предупредит его в случае приближающейся беды. Один в поле не воин, и стоять всем за одного и одному за всех гораздо сподручнее.

К концу августа тетерева обычно сосредоточиваются в березово-еловых колках, тяготеющих к старым лесным дорогам, как-то незаметно соединяющим собой большие лесные массивы. В это время птицы подпускают к себе близко, неожиданно взмывают свечой вверх и, преодолев верхушки невысоких березок, мгновенно ложатся на крыло, с шумом исчезая над лесом. Причем тетерева поднимаются в воздух не все скопом, как осенью или зимой, а поодиночке, в разделенной короткими паузами последовательности, и паузы эти иногда кажутся нескончаемыми.

Нужно стоять тихо, не шевелиться, и только тогда среагируешь на неожиданный взлет птицы, почувствовав его в

полной мере. Сердце неудержимо стучит от ожидания следующего тетерева, который вот-вот сорвется, и эта разорванность, неожиданная разъединенность в поведении птиц представляется странной, несмотря на то, что они находятся вместе. Скорее всего тетерева еще молоды, оттого и разобщены, но это не мешает выводкам упорно держаться в таких местах по многу лет, и покидать их без особой причины дружные птицы не собираются.

Тетерева пока не обрели свое исконное темно-синее платье, не сбросили рыжеватопегие и какие-то не настоящие сюртуки, и оттого разглядеть птиц на фоне еще не опавшей листвы довольно трудно. Хвосты их не до конца загнулись в лирообразные косицы, не почернели и, отливая шоколадной густотой, совершенно неразличимы среди побуревшей черемухи, липы и березы. Отправившись по грибы, неожиданно для себя вспугнешь, бывало, пару каких-то необыкновенно раскрашенных птиц и не сразу угадаешь в них молодых тетеревов... В дополнение к необычному оперению молоденькие петушки еще и ведут себя несколько необычно, и это тоже поначалу сбивает с толку, когда пытаешься определить, косачи-сеголетки потревожили грибной августовский покой, юные глухарята или, может быть, куропатки.

Быстро минует ранняя осенняя пора, листва срывается ветром, и тетерева становятся хорошо заметны. Теперь они почернели, округлились и увесистыми грушами висят на березах. Тетерева прилетают на них только затем, чтобы поживиться березовыми почками и, склевывая их, неспешно коротают тягучее осеннее время. Нет для них в эту пору корма слаще!

Прибывают тетерева на кормежку неизменно с одной и той же стороны, тотчас, как окончательно наступает рассвет, и могут просидеть на деревьях целый день, если их никто не потревожит. Время от времени птицы настороженно поглядывают по сторонам и опять неторопливо принимаются за свою нехитрую трапезу. Вся забота для тетерева сейчас — себя сохранить, чтобы весной своими песнями жизнь прославлять, потому как за зиму он столько снов под снегом насмотрится, что впечатлений на весь год с избытком хватает!

Но пока зима не укрепилась и снегу еще нападало мало, тетерева живут оседлой успокоенной жизнью вблизи полей и перелесков, где в обилии произрастает береза — любимое дерево тетеревов, несмотря на то, что они не прочь поклевать перед зимой оставшихся на стерне зерен. Их не увидишь на сосне или пихте, редко — на ели и осине, а за обычай тетеревам именно березовые леса.

Даже среди людей береза всегда подразумевала согласие, тогда как сосна, ель и дуб — отказ. Что уж говорить о птицах, которым береза никогда не была угрозой: где она стоит, там и шумит, да еще кормит тетеревов всю холодную пору — с поздней осени до первого весеннего тепла.

Тетерева подлетают на березы всегда внезапно и почти бесшумно. Вдруг что-то неуловимое заставит тебя поднять голову и удивиться той стремительности, с которой появляются эти ладно скроенные природой птицы. Тетерева летят наподобие утки, часто взмахивая легкими и упругими крыльями, обычно невысоко над землей и очень целеустремленно.

В полете птицы всегда кажутся несколько взбудораженными, но стоит им обсесться да осмотреться на березе, и они опять

становятся самими собой. Шелестящие ветви берез, их вкусные почки дают тетеревам силу, которую слагает и крепкий лес, и обильные ягодники, и родниковая вода. Но без березы, укромно замершей на краю какого-нибудь перелеска, вдающегося мягким клином в убранный поле, а затем и вовсе присмирившей с появлением снега, трудно представить себе тетеревов.

Сидят тетерева шеей против ветра, всегда на слуху, будто чутко подстерегая кого-то, и, увидев издали приближающиеся сани или идущего к ним человека, особенно настораживаются. К ним не подобраться даже очень опытному охотнику, и требуется отменное знание данной местности, поведения птиц и какая-то особенная природная изощренность, чтобы усыпить внимание тетеревов. Тетеревам ничего не стоит в любой момент дружно сорваться и так же дружно переместиться туда, где им будет спокойней. Там они вновь усядутся на березы, осмотрятся и начнут клевать свои любимые березовые почки. Сидячий стоячего всегда перетянет.

Ближе к зиме тетерева хорошо различимы на холодно-сиреновом фоне сливающихся веток, и они очень оживляют застывший предзимний пейзаж. Какой безликой казалась без них совсем недавно заснеженная пустыня, каким беспросветно одиноким представляется собственное нахождение среди примолкших березок и черных недвижимых елочек! И вот, в одно мгновение, все может перемениться: задышит, задвигается, затрепещет... Или это в тебе самом закипает примолкшая было жизнь, разбуженная неподражаемыми и удивительными птицами.

Замечено, что когда снег на деревьях заиндевет, а происходит это обычно в начале ноября, тетерева всегда подпускают ближе обыкновенного. К ним можно подойти на верный выс-

трел, как это позволяет, к примеру, рябчик. Тетерева сидят высоко над землей, так что их сразу и не увидишь, и когда срываются, у тебя возникает ощущение, будто поднялись птицы, разбуженные на лунках.

Вот и эти семь черно-бурых косачей, встреченные мною под утро, также незаметно снялись с берез и, плавно развернувшись в перламутровом недвижимом воздухе, уверенной вереницей потянули над лесом. Вскоре, на значительном расстоянии от них, промелькнул среди застывших верхушек еще один косач и куда-то исчез. Поначалу я не обратил на него внимания и только удивился про себя: что он мог делать там, на таком удалении от других тетеревов, один, и куда самым неожиданным образом пропал?

По опыту зная, что часть тетеревов может оставаться где-то неподалеку, я снял на дороге лыжи и, стараясь ступать по глубокому снегу как можно мягче, направился к тому месту, откуда только что сорвались птицы. Но, не сделав и пяти шагов, вынужден был замереть от очередного замешательства: с приятно похрустывающим шелестом вспороли застоявшуюся за ночь тишину еще восемь косачей и, в точности повторив маршрут предыдущих птиц, быстро исчезли из виду.

Вернувшись на дорогу и продвинувшись по ней полсотни метров, я неожиданно выяснил причину странного появления, а затем и исчезновения одинокого тетерева. Толстый и круглый, он сидел по левую сторону дороги на самой высокой березе, возбужденно покачиваясь и что-то бормоча себе под нос. По всей вероятности, это был тетерев-сторожевик, во время кормления птиц внимательно наблюдавший со стороны за всей округой, и, когда сорвалась первая партия, он незамедлительно

переменил свой наблюдательный пункт, перелетев и усевшись поближе. Даже вторая группа поднявшихся косачей не испугнула его, так как, следуя своему долгу, этот тетерев должен был выявить и проследить причину возникшей тревоги до самого конца, а уже потом переместиться за остальными.

Маскхалат надежно скрывал меня среди заснеженного пространства, что позволяло свободно наблюдать за поведением дотошной птицы. Тетерев никак не мог понять, что же на самом деле взбудоражило кормящуюся стаю, и, не в силах одолеть это свое непонимание, выглядел со стороны очень забавно. Наконец, удостоверившись, что ничего серьезного его собратьям вроде бы не грозит, тетерев, сложив крылья, сорвался с верхушки дерева вниз и, прочертив над поляной плавную линию, скрылся за глубоким логом, спускающимся к замерзшей речке.

После того как тетерева улетели, он просидел на березе не менее двух минут, и я подумал о не предполагаемом ранее чувстве ответственности у этих птиц, которая родится, наверное, из переживания ими своей беспредельной свободы, призванной между тем пристально себя оберегать. Мне вдруг стало грустно и в то же время хорошо от того, что в лесу живут замечательные птицы, которые равнодушны и с такой преданностью умеют заботиться друг о друге. Это было удивительно, но вместе с исчезнувшими из тихого зимнего утра тетеревами пропало что-то очень надежное и трепетное, без чего обходятся не менее замечательные рябчики и глухари. А вот тетерева не могут, поскольку где потеснее, там и подружнее.

Тетеревов дружат согласное восприятие опасности, их не-

хитрый быт и еще какое-то неуловимое состояние дарованной от природы спаянности, без которого, наверное, они не в силах представить себя раздельно. Впрочем, птицы всегда так слитны, что об этом даже не помышляется. Вместе спят, вместе кормятся и вместе с самозабвением встречают весну, несмотря на свой боевой дух.

Тетерева дружны с весной так же, как и с зимней порой, их не напугаешь осеннею непогодицей и мучительной сменой пера в летнюю пору, которая на время разъединяет птиц, но не надолго. Стоит только первому зазимку прихватить березовый лист и подрумянить клюкву с брусникой, как тетерева дружно семьей высыпают на ягодники. Нравится птицам, когда им и так хорошо, ощущать еще и присутствие своих собратьев: золотисто-пегим курочкам — иссиня-бархатных петухов, горделиво-осторожным самцам — чутких самочек. Держатся дружно бок о бок, друг за другом приглядывают и наслаждаются благодатным осенним покоем.

Ведь только в дружбе правда и для людей, и для зверей, и для таких замечательных птиц, как тетерева. И они, конечно, понимают, что кому счастье дружить, тому и долго жить, и какову дружбу заведешь, такову и жизнь поведешь. А она у тетеревов еще как дружна, ибо дружно — не грузно, а врозь — хоть брось.

## *Ночной гость*

*Лес* находился в предутренней глухой дреме. Не было слышно ни звука. Вязкий сон не отпускал до конца и меня: не верилось, что в этой мертвой тишине могут возникнуть какие-либо

голоса, тем более пение такой таинственной птицы, как глухарь. В какой-то миг показалось, что утро даже может не наступить: безжизненность воздуха притупляла восприятие, не давая воли воображению, сковывала.

Именно поэтому мягко прохрустевший и тотчас растаявший где-то в глубине леса звук показался неестественным, настораживающим. Сознание все еще не могло опомниться от сладкого забытья весеннего дня, но тем не менее чутье было обострено, впитывая любые шорохи. Изредка потрескивая, кто-то неторопливо приближался к опушке, и вместе с приближением этого неведомого ночного гостя возрастало неясное напряжение.

Застоявшийся воздух был до предела насыщен смутной тревогой. Казалось, в следующее мгновение должно что-то произойти, и ожидание этого неведомого подступающего, уже совсем близкого, приятно завораживало.

И вот на дальнем конце поляны зароились просачивающиеся сквозь ветви сумерки, навстречу плавно заколебалось и поплыло все более увеличивающееся темное пятно. Зловеще-отрешенной, мерно раскачивающейся походкой вышел на опушку крупный медведь, кажущийся в этот ранний час ядовито-черным. Пагубность его неспешной походи заключалась в том, что весь облик медведя напоминал большую мохнатую гусеницу, которая, словно вынужденная, не зная зачем, все время двигаться, успела приобрести неприятную изощренность. Вот именно она и околдовала меня в медведе.

Зверь еще какое-то время не воспринимался серьезно, был нереален в своем неожиданном появлении, как приснившийся среди ночи дивный сон, удающийся при жизни, может быть,

только раз. Осторожно ступая по прошлогодней щепе и сучьям, медведь вразвалку направился к осиновой поленнице в противоположном конце делянки. Брел он к ней равнодушно, как бы желая лишь удостовериться в ее прежнем нахождении, и мимоходом поразила мысль, что медведь почему-то не чувствует меня, а если и угадывает присутствие чужого, то никак не обращает внимания. Все это было удивительно.

У поленницы медведь, низко опустив голову, начал нехотя приноживаться. И тут я вспомнил, что прошлым вечером, придя со станции и разбирая рюкзак, я выбросил в ту сторону испортившуюся ливерную колбасу, запах которой, видимо, и привлек зверя. Поводя мордой и чуть слышно пофыркивая, он быстро разделался с ней, а затем как-то неприметно и ловко развернулся, так что сразу оказался в каких-нибудь десяти—пятнадцати шагах от избушки. Вновь низко прижав голову к земле, медведь остановился и настороженно повел носом в мою сторону.

Темный мех его мягко колыхнулся при этом, и на какое-то затяжное мгновение почудилось, будто зверь совершил прыжок. Я обмер от одного осознания возможности подобного, и тут же в нос ударил его крепкий утробный дух. Меня вдруг охватило чудное ощущение близости к звериной жизни и даже некоторой сопричастности с ней. Медведь разбудил во мне что-то очень глубинное, почти неизведанное. Так остро человек нуждается в нем и как редко оно приоткрывается ему...

А медведь не уходил, он только повернулся ко мне широким чернеющим боком, который, конечно, не было возможности разглядеть: все внимание, очарование и исступление от близости зверя сосредоточились на самом его присутствии, оголенной реальности происходящего. Вероятность

гибельности этого присутствия витала перед избушкой, копошилась холодящим восхищением в душе, сердце сладостно и робко замирало.

Медведь, кажется, что-то почуял, но был, словно усыпленный предутренней тишиной, развалист и дремуч. Ему незачем и некуда было спешить, все необходимое он мог без труда отыскать для себя в возвращающемся к жизни лесу. Не избалованное обилием летних запахов восприятие зверя было притуплено, оно еще дремало, и требовалось, по-видимому, какое-то осязаемое раздражение, чтобы встревожить его. В эту пору медведю будто суждено бродить отрешенным лесным путником по глухим потаенным отрогам, изредка выбираясь вот на такие молчаливые поляны, и его неведомая звериная душа была загадочно темна.

Я сидел не шелохнувшись: в нескольких метрах от меня замер лесной исполин, а вокруг незаметно рождалось многообещающее весеннее утро. Сонно роящиеся сумерки — самые гибельные и затяжные перед тем, как уступить открытому чистому свету,— в этот час еще надежно скрывали зверя, и он не чувствовал никакой тревоги. Судьба благосклонно дарила мне лесное утро с медведем, и это казалось таким неожиданным, что я даже не успел толком ощутить своего счастья. Лишь восхитительно щемящее оцепенение, неловкая боль в груди и таинственное забытие от этого маленького кусочка лесной жизни, застигнутого мною врасплох.

Так, с обмершим и удивленным сердцем, смутно помня себя, вбирал я душой увиденное, не зная, что становлюсь умнее и терпеливее. Неожиданно насторожившись, видимо что-то почувствовав, вполоборота повернувшись в мою сторону, медведь выражал собой частицу той таинственной и

желанной жизни, что постепенно обретала для меня очень важное назначение. Тем более обидно было вспугнуть это приключившееся лесное откровение, не оставив ему никакого завершения.

Неловко подавшись плечом к старому дверному косяку и еле уловимым звуком развернув затаившуюся тишину, я, кажется, безвозвратно обделил себя чем-то большим и нужным, напроочь сокрушив воцарившуюся было гармонию.

Как я позволил себе шевельнуться в эту сокровенную минуту?! Отчего не набрался воли и должного трепета в своем потаенном наблюдении?.. Может, это ночь, уходя, вспугнула мое сердце, в предрассветном последнем движении гулко и отчаянно толкнула его, так что волнение передалось зверю, и хлынул между деревьев серый свет, и пробудились в их кронах птицы.

Медведь вмиг пришел в себя от привольного ночного покоя, размашисто вскинувшись, ринулся в глухой кустарник, но не нашумел, а проскочил сквозь него на удивление легко. Беспрепятственно преодолев сухие заросли малинника, зверь угодил в топкое болото и прошел его так же бесшумно, только пару раз чмокнув при этом застоявшейся тяжелой водой.

Почти не оставив после себя никаких звуков, медведь растворился в ускользящей темноте — как будто его и не было. Придя в себя, я вдруг ощутил неизъяснимую утрату, как это порой бывает после внезапно растаявшего и чем-то полюбившегося сновидения.

В народе утверждают, будто увиденный во сне медведь — грубое, злое и страшное предзнаменование. Ну, а если зверь приходит к тебе наяву?!

## *Голос природы*

Есть в лесу много таких птиц, чьи голоса можно без особого труда передразнить. Например, ворона, когда она, забираясь в поднебесные выси, начинает играть в воздушных потоках и издавать свое: «крум-крум, крум-крум, крум-крум», а то просто и доступно для любого подражателя: «кар-р-р, кар-р-р, кар-р-р...» Или, скажем, всем хорошо известная синица, без остановки принимающаяся будить нас за окном каждое мартовское утро: «пинь-пинь, синь-синь, пинь-пинь, синь-синь, пинь-пинь, синь-синь», но может и рассыпаться, будто дробной капелью с крыш: «ци-ци-ци, ци-ци-ци, ци-ци-ци...» Дятел-желна всегда устремляется в полет с тревожной озабоченностью: «крю-крю-крю, крю-крю-крю, крю-крю-крю», и потом плачуще, с жалобой: «киу-у, киу-у, киу-у». Но вот песню глухаря, как ни старайся, никак не передашь: слишком уж она мудреная!

На первый взгляд, голос глухаря, конечно, не сравнишь с пением соловья, но и поговорка, что у кого голосу нет, тот и петь охоч, к нему тоже не подходит. У глухаря свой голос, не похожий ни на какой другой, да к тому же бережно скрываемый природой под покровом темноты. Его не услышишь просто так, а нужно отыскать птицу в раздольную весеннюю пору, прокрасться к ней и остаться при этом незамеченным. Иначе древний житель лесов не удосужит тебя своей тайной, и звук его великолепной гортани не проймет тебя до самых глубин души. Всяк в природе своим голосом славится, и важно проснуться с зарею, почувствовать сердцем, что природа тебя поджидает, и каждому звуку в ней обрадоваться.



Самое начало глухариной песни как будто несложно, ровно капли падают в какой-то невидимый металлический сосуд: «тэк-е, тэк-е, тэк-е...». Так глухарь только принаравливается к пению, как бы настраивая свой музыкальный инструмент, которым является его гортань. Вытянув шею и вздрагивая всем телом, он сообщает ей эти капли-звуки, что, падая, будят весенний лес.

А вот сама песня невероятно сложна и требует уникального музыкального слуха, соответствующей подготовки и досконального знания глухариного образа жизни, чтобы хотя бы попытаться воспроизвести ее. Представьте себе древнего лесного исполина, чей возраст превышает возраст человека! Безукоризненно вылепленное природой горло и мощный клюв, широкая грудь, загадочное и сильное нутро этой птицы, что зачаровывают и повергают своей тайной... И все это оттачивалось веками, пробовало себя из весны в весну, и ничто не мешало такому неторопливому и вдумчивому самосовершенствованию.

По глубоким летам птицы и ее безупречно отточенный голос, в котором нет ничего лишнего, только восхищение, переданное глухарем доступными ему средствами, прекрасная лесная глушина и нескончаемая мощь! За долгое время ученичества глухарь действительно бесподобно отшлифовал свое мастерство, не переставая каждую весну наслаждаться этим природным умением. Может быть, именно поэтому лес сберег его песню, и глухарь начинает петь только ночью, когда многие птицы еще видят сны.

Это даже не песня, а какой-то неведомый лесной голос, который вещует в ночи о непостижимом. Мало того, что он человеку непонятен, так к нему еще надлежит добраться через

лесные дебри, отыскать в необъятных просторах, потратив на это немало времени и усилий, а обнаружив — постараться слиться с лесом, стать незаметным, чтобы вслушиваться и постигать голос самой природы, сокровенно повествующий о том, во имя чего она, не покладая сил, трудится. Голос Природы — это и вековая память леса, а провозвестником ее она выбрала именно глухаря, такую же древнюю, как лес, птицу, призванную восхвалять самую главную лесную тайну. Хорошо бы когда-нибудь открыть ее и так же, как глухарь, самозабвенно и радостно поведать о ней людям.

### *Весенние шарманки*

Еще до конца не истек снеговой водою молодой братец-апрель, не прилетели с юга наши любимые птицы и только-только выклюнулись в редких проталинах долгожданные подснежники, а все болотца, озеринки и лужицы уже до отказа забиты лягушачьим студнем-икрой. Стояла бы влажная весна да было бы доброе болото, а лягушки никогда не переведутся!

Лягушка встречается везде, и всем она хорошо знакома, но в разных местностях ее зовут по-разному: лягуха, лягуша, ляготка, лягва, скакуха, квакуша... А иной раз просто: болотное четвероногое земноводное, что передвигается прыжками. В народе лягвой прозвали неуклюжую и плоскую рыбу-черта, лягливую лошадь и еще род потешного огня, пускаемого на воду, навроде шутихи. Даже непросушенная лужа, обычная колдобина, яма с водой или мочажина с львами,— словом, менее топкое

болото, чем тот же кочкарник, заваленный перегнившим сором, называлось не иначе как ляга. Нечто очень близкое самой лягушке, обитающей в подобной среде.

Весь весенний вечер напролет, а затем и всю ночь квохчут лягушки на луну, глаза свои немигающие тарашат, пыжата, и вид этих животных при лунном свете самый завораживающий. Ни дать ни взять таинственное лесное чудище! Но как ни дуйся лягушка, а до вола далеко.

В народе отчего-то издавна ходило поверье, будто лягушка квохчет, когда свой недуг тешит, но какой у лягушки недуг, кроме отсутствия тепла и влаги? И того и другого у нее по весне в достатке. Лягушка всегда в свое время голос подает, если родное болото под боком, а самец находит себе самку. Странно было бы не услышать в погожий апрельский вечер дружного квохтания лягушек.

Молчание лягушек послужило бы, скорее, дурным предзнаменованием, чем вызвало недоумение. Ежели в который год лягушка не квакает, поучали старики, то будет голод. Да вот и в холерный год лягушкам не пелось: они обычно в худую пору немели.

Когда земля выпускает из своих нор лягушек, они радостно скачут и квакают: «Пор-ра, ква-ква-а, сеять, пор-ра, ква-а-ква-а, сеять...» В народе про это говорили так: «Лягушка квачет — овес скачет». Покуда лягушка с голосом — успевай сеять овес.

С кваканьем лягушек даже связывались удоиность коров и урожайность хлеба. Если весной лягушки заквакали в скоромные дни, летом коровы будут давать много молока. Коли же лягушки заквакают и опять замолкнут — от холодов, то выйдет

такая же помеха и хлебу. А вот когда лягушки «затурлычут» по лужам, это значит, что в самом разгаре тетеревиные и глухариные тока, началась богатая вальдшнепиная тяга.

Еще лягушки квакают к дождю, но к сильному ненастью сидят на дне, а к вечеру поднимаются на поверхность. До первой грозы лягушка обычно не квакает, потому как жизнь ее по весне связана с громом. Ударил гром, и лягушки ожили, уже спаренные, возбужденно запрыгали, посверкивая скользкими спинками. Во множестве сидят они теперь по берегам и дорогам, с любопытством высовываются из воды... Наступил невидимый поворот в природе к теплу, и легче всего его угадать по нашим лягушкам.

Каким бы это ни казалось странным и неожиданным, но у многих лягушек голос по весне обладает невероятной силой... Это тем более неправдоподобно, поскольку тела у них небольшие, тщедушные, и приходится лишь поражаться способности лягушек к громкому крику. Кваканье лягушек порою оглушает, и, бывает, проходит целая ночь, а тебе так и не удастся сомкнуть глаз. Виной тому мощные резонаторы лягушек, которые усиливают звучание их брачных песен.

Когда лягушки кричат, пленка, которая выстилает ротовую полость, выпячивается в углах рта наружу и по бокам головы вздуваются два полупрозрачных пузыря. Их стенки резонируют, и звук, возникающий в голосовой щели, усиливается. Когда же брачная трель завершается, голосовые мешочки сдуваются и лягушка снова принимает обычный облик. По-настоящему, в полную силу, голос у лягушек начинает звучать лишь по достижении ими половой зрелости, то есть в свою первую весну.

Но самая громогласная лягушка живет не у нас, а в Се-

верной Америке, и зовут ее лягушка-бык. Мало того, что она громко квакает, так она еще и настоящий гигант среди лягушек и достигает сорока сантиметров в длину. По утверждению очевидцев, голос ее слышен аж на несколько миль! С удовольствием выказывая таким образом все свои музыкальные таланты, лягушки эти квакают всю ночь без перерыва и, наверное, могут довести до отчаяния слабонервного человека, живущего поблизости от их местонахождения. А вот в тропической Америке водится лягушка под названием глазастый свистун, которая испускает очень короткий и высокий звук, будто кто-то и в самом деле зовет свистом собаку или человека. Среди же жаб, в обилии проживающих по берегам водоемов, встречаются и такие, голос которых отчасти похож на скрип двери...

Несмотря на то, что жабы крупнее лягушек, они обладают довольно нежным стонущим голосом. Знатоки уверяют, будто жабы выводят вот такие мелодичные трели: «уоэк-уоэк-уоэк, уррррр-уррррр-уррррр». Жабы трели и кваканье звучат лишь в период размножения, в остальное же время они не тратят силы на пустое сотрясение воздуха. Скромное жабье урчание несравнимо с бурными лягушачьими концертами.

Отойдешь вечером от костра к болоту, остановишься на его берегу и тотчас отовсюду, будто из-под земли, послышится уже не урчание, а отчетливое клокотание: «кло-кло-кло-о-акс-с! кло-кло-кло-о-акс!» Замерев, хочешь отыскать источник этих небывалых звуков, сразу не подумав на лягушек, то и дело оборачиваешься, но чем пристальнее вслушиваешься, тем более теряешься: вот клокотание доносится откуда-то издали, а через мгновение совсем рядом, спереди, сзади, прямо у тебя под но-

гами. Делаешь шаг навстречу — и звуки будто отодвигаются в сторону или совсем прекращаются, пройдешь несколько шагов вперед — и за спиной вновь возобновляется необычная звуковая дорожка. Это — лягушки.

Лягушки так ловко прячутся в болотной траве, что доискаться их невозможно, а тем более увидеть. Даже увлеченные своей брачной музыкой, они улавливают шаги человека издали, тут же замолкают и как сквозь землю проваливаются. Все проточные болота с мелководьями в это время забиты студенистой икрой: повсюду разносящаяся первозданная музыка есть результат лягушачьего жизнетворчества.

Клокочущие звуки сливаются в сплошной гул, что заряжает весь окружающий мир своей языческой энергией. Солнце заходит, а гул над болотом только еще более ширится, растет и к ночи уже течет над землей сплошным потоком, без перерывов. Так продолжается две, порой даже три майские недели, и это, несомненно, самые звучные дни в году, когда лягушки, кажется, способны перещеголять даже тетеревов.

Весна и лето для лягушки — это веселая и шумная жизнь, полная удовольствий, зима же — непробудная спячка на дне, в холодном иле. Весенним вечером, куда бы ты ни обернулся, отовсюду доносится: «ква-ква-гонк, кло-кло-акс, ква-ква-гонк, кло-кло-акс, ква-ква-гонк-к...» Тысячи лягушек сидят по берегам, плавают, ныряют, — словом, ликуя, приветствуют долгожданное время, когда можно вдосталь наслаждаться жизнью. «Брекеке! Брекеке! Брекеке! Коакс-туук! Коакс-туук! Коакс-туук! Брекеке-коакс! Ква-а-а, ква-а-а, ква-а-а...» — все более учащаются их переливчатые трели, вслушиваясь в которые, только умиляешься от утверждающейся повсюду весны. Эти забавные животные не

могут не нравиться, и потому кваканье лягушек так же уместно для весеннего вечера, как и пение соловья.

Если до наступления сумерек лягушки ведут свои «партии» вразнобой, то с темнотой начинается общее, повальное кваканье. В течение всей ночи кваканье нарастает и завершается порой под самое утро. Но даже потом какая-нибудь из лягушек нет-нет да и произнесет свое вибрирующее «ква-ар-ква-ар-ква-ар...», не в силах, должно быть, дотерпеть до вечера. Весенняя ночь благодаря такому активному лягушачьему присутствию становится только богаче.

Ночью, кроме лягушек, слышится так же бляение долгоносика-бекаса, именуемого за это в народе «барашком», да редкое пересвистывание мохноногих сычей, отстаивающих между собой свою территорию и призывающих самок,— остальные лесные обитатели хотя бы ненадолго забываются, а оживляются только с рассветом. Правда, еще по темноте вкрадчивым хорканьем возвещает о начале своей утренней тяги кулик-вальдшнеп, еле уловимым силуэтом промелькнув прямо над головой, слышится пощелкиванье глухаря, будто кто-то неведомый роняет таинственные капли в лесу, лягушки же продолжают свои песни бесперебойно, до самого утра. И даже утром слышится их неустанное побулькиванье, которое, между тем, никому не досаждают и воспринимается всеми как нечто обычное.

По-видимому, лягушки квакают от полноты чувств, и их песня — это древнейший призыв к поддержанию лягушачьего племени. Лягушки радуются именно происходящему с ними по весне событию, а не просто предупреждают о частной собственности на любимое болото, где собираются продлить свой род.

От переживаемых эмоций некоторые из них, например американские жабы, умудряются издавать звуки наподобие свирели, тогда как японская веслоногая лягушка поет даже как птица и ее специально держат дома для услаждения слуха. Не то что наша прудовая квакуша, которая способна лишь громогласно призывать своего возлюбленного, метить территорию, давать сигнал о высвобождении икры и просто кричать от ужаса, когда ее хватает цапля или барсук.

«Не поет, так свищет, не пляшет, так прищелкивает», — лучше и не скажешь о лягушках, которые, кажется, обижены Богом во всех отношениях, но не желают с этим мириться. Конечно, лягушка поет, что нищего за суму тянет, но, как говорится: голосу нет, а душа ликует. Именно о лягушках в весеннюю пору размножения можно сказать такое, потому как они не в силах сдерживать своих чувств. Все, что дано лягушкам, — это превозносить весну доступными им способами, и разве возможно отнять у них подобное стремление?

Правда и то, что лягушки поют каждая на свой лад: одна — басом, другая — баритоном, а третья — дискантом. Вместе получается настоящий лягушачий концерт. А лучше — шарманки, веселые, милые, хоть немножко и надоедливые, что не прекращают своего звучания в течение всей весенней ночи. Лягушки одаренными музыкантами никогда и не были, в природе встречаются исполнители куда более талантливые, но все же лягушкам следует отдать должное почитание, ибо у каждого певца, даже если голосу нет, душа поет, и у лягушки она в эту пору, кажется, просто разрывается.

Именно шарманка, как никакой другой инструмент, напоминает звуки, издаваемые по весне лягушками. Есть в ней не-

что схожее с неприхотливой музыкальностью лягушачьего кваканья. Некая, присущая и лягушкам и шарманке, ненадоедливая монотонность.

К тому же на валике шарманки можно было «записать» только одну пьесу, из всех же качеств звучания передавались лишь звуковысотность и ритм, что и сообщало нежному и мягкому звуку шарманки некоторую «застылость»,— отсюда заунывное пиликание, не лишенное, впрочем, обаяния. Так и лягушки что-то бормочут весь вечер напропалую, а затем еще и ночь, и их терпение, должно быть, объясняется неудовлетворенностью от собственной незначительности — ведь лягушку никто всерьез не воспринимает, исключая только тех, кому она идет на обед.

Но до чего же хорошо, наверное, быть по весне обыкновенной лягушкой! Сидеть по самые глаза в теплой воде, вожделенно взирать на окружающий и очень желанный для себя мир и пускать пузыри. Утробно уркая, пузыри растут, медленно отрываются от лягушки и постепенно сбиваются в целые гирлянды, напоминающие ее икру. А поскольку лягушек много, то все болото или лужица покрывается мутноватой пузырящейся массой, которая то и дело лопается, и от этого чудится, будто шелестит прибрежный камыш. Лягушки же, чуть высунувшись из воды, упорно продолжают нагонять свою воздушную пену и сквозь нее представляются какими-то нереальными земноводными, появляющимися только в весну.

Весной лягушкам самое раздолье, а главное, что их все слышат! Вот с ближнего болота доносится: «ур-ур-ур, ур-ур-УР, ур-ур-ур-р...» Это урчат в живот лягушки. Урчат, ворчат или бурчат — словом, издают глухой звук, напоминающий то, когда

кто-нибудь засовывает трубочку в воду и начинает выдыхать через нее воздух: воздух превращается там в большие пузыри, которые с трудом выбиваются на поверхность и гулко лопаются. Ощущение — будто неведомо кто сердится или, может быть, играет, но от этого совсем не страшно.

А то чудится, будто где-то вода переливается через край... Весенняя, она обильна, шумна и звуки ее доносятся отовсюду, как и ворчание лягушки. Впрочем, нельзя сказать, что лягушка ворчит, потому что ворчат обычно невнятно и всегда себе под нос, а лягушка больше воркует, чем ворчит. Она издает ненавязчивые, вкрадчивые и нежные звуки. И правда, разве скажешь, что грудное воркование лягушки надоеливо?! Нет, скорее оно приятно слуху и поначалу именно из-за этой ненавязчивости даже не воспринимается. Утробное лягушачье воркование незаметно вплетается в общий и радостный весенний гул, без него весна как бы ненастоящая, а радость неполная.

Весна бывает разная, и в зависимости от того, какая она, и лягушки подают свой голос по-разному. Порой случается весна, когда лягушек вроде бы и не слышно, но уж если они разворкуются, то не уймешь. Причем лягушки издают не сердитый, а вкрадчивый голос, свойственный лишь благостному настроению, расположенному к удовольствию и беспрепятственному размножению. Они не брюзжат, а превозносят и болото, и весну, и собственное незамысловатое существование, не требующее ничего, кроме возможности просто быть. И если говорят, что худое молчанье лучше доброго ворчанья, то это не о лягушках. Звуки, издаваемые разными лягушками, а их в нашей стране насчитывается более двадцати видов,

невозможно ни запомнить, ни с достаточной точностью воспроизвести: они удивительно многообразны. Даже у одной жерлянки или какой-нибудь чесночницы их несколько, к тому же лягушки издают звуки с учетом той обстановки, которая их окружает. В пору размножения, например, брачные крики самцов — это средство распознавания своих собратьев и привлечения самок. В свою очередь у самок существует особый сигнал облегчения, когда они выметывают последнюю икру.

Вполне допустимо, что лягушки могут квакать от испуга или даже кричать, испытывая смертельный ужас. Когда журавль схватит лягушку, она верещит скрипучим голосом до тех пор, пока он ее не заглотит.

В отличие от многих птиц и зверей, которые регулируют плотность своего населения и строго следят за облюбованной для себя территорией, лягушки стремятся быть во время тока вместе. Причем чем больше их соберется на каком-нибудь болоте, тем больше самок они привлекут. В брачный период, то есть в конце апреля — начале мая, на некоторых лесных водоемах можно наблюдать сотни самцов, и в этом случае их голоса сливаются в сплошной булькающий гул, разносящийся по всей округе. Одним словом, лягушки предпочитают петь хором, а не солировать в одиночку, и потому весенние брачные крики помогают им сосредоточиться, что благоприятствует развитию икры.

Икра должна попасть в стоячую и хорошо прогреваемую воду, для чего лягушки собираются не только на болотах, но и в канавах, в прудах и в заводях рек. Места их тока, как и у глухарей, бывают постоянны, и, если благоприятные ус-

ловия не меняются, лягушки посещают их из года в год, каждую весну. К местам размножения они перемещаются обычно ночью, выбирая для этого еще не просохшие лесные дороги.

Со всех сторон устремляются к клокочущим самцам рыжеватые самки. Они прибывают на ток позднее и ориентируются по призывным голосам самцов. Самцы же все время перемещаются, то направляясь друг к другу, то расплываясь. По всему видно, что лягушки ищут встречи.

Бывает, еще по темноте отправишься за дорогими сердцу глухарями, спросонья спотыкаешься о смерзшиеся земляные комья, ноги то и дело поскользываются, и, вконец вымотавшись, засветишь прихваченный с собою фонарь. Желтовато-расплывчатый в весеннем роящемся воздухе луч тотчас выхватит из темноты одну буроватую спинку, другую, третью, и так целый шлейф, до бесконечности, в своей замершей лягушачьей сосредоточенности. Лягушки попадают почти на каждом шагу и, освещенные, будто окаменевают.

В своих замерших позах лягушки напоминают непроницаемых восточных божков, и их вечно раздувающиеся подбородки сейчас почему-то не вздрагивают. Лягушки даже не мигают, когда начинаешь рассматривать их вблизи, и с ними можно делать что угодно. Им, видно, очень сладостно переживать происходящее в природе торжество, и они, со всеми своими лягушачьими потрохами, погружаются в умопомрачительное весеннее блаженство.

При приближении к лягушкам они резко перестают урчать и остекленелым взглядом долго провожают твои шаги, а когда ты достаточно удалишься, вновь продолжают свое утробное бормотание. Не надрывное, не недовольное, вроде бы даже равно-

душное ко всему, оно между тем полно жизни. Только проснувшись, но еще до конца не осознавшая себя жизнь уже достаточно настырна и в этой своей туповатой устремленности даже несколько неприятна. Неприятна тем, что большинство лягушек сидят попарно, будто сросшиеся в любовном экстазе, а некоторые и по трое. Хочется поскорее миновать это бородавчатое мокрое сплетение, и почему-то с недоумением вспоминается, как в деревнях хозяйки, чтобы не скисло молоко, опускают в него на ночь такую склизкую, неприятную на вид лягушку.

В народе говорят, что весной лягуха на лягухе ездит, а то и по две на одну усядутся. Это — самцы, которые обжимают самку для быстрого освобождения ее от икры. Объятия бывают такими пламенными, что нередко самка околевает. Стремление же самцов к спариванию неистребимо, и они возбужденно призывают самок, ищут их, а обнаружив, уже не отпускают. Неисповедимы пути любви, тем более лягушачьей...

Очень скоро лягушки надоедают, и ты уже только стараешься не наступить на какую-либо из них, отчего начинаешь сбиваться с шага, и это понемногу раздражает. Ужасно не хочется именно раздавить безобидную и в общем-то беззащитную лягушку, суеверно связывая с ней возможное невезение в будущем. Вездесущие лягушки отвлекают твое внимание, сбивают дыхание, и ты просто стараешься забыть о них, сворачивая на сырую обочину. Еще пройдет немало времени, прежде чем неутомимые земноводные преодолеют свой нелегкий путь, не окажутся при этом добычей какого-нибудь зверя и не попадут под колеса мотоцикла, а все же достигнут ближайшего болота или канавы и дадут свое многочисленное потомство. Только

затем, в полном лягушачьем удовлетворении от сотворенного, они успокоятся.

Но это все потом, когда отшумит весенняя вода, растопят оставшийся снег чистые апрельские дожди, отгремят первые майские грозы... А пока всеобщая лягушачья какофония! По логам, по борам, по болотам — везде можно в эту пору встретить обыкновенную лягуху, как ее часто называют в народе. Кроме чертей и водяного, только лягухи еще водятся в тихом болоте.

«Святи не святы, а оно все в болото лезет», — говорят обычно про поросю, но кто еще так любит грязь, как лягушка! «Купили воз болота» — это про лягушачье семейство в народе замечено, что облюбовало болото весной и уже не покидает его до самой осени. «Тут такое болотище, что и не вылезешь!» — с удовольствием заявили бы лягушки, если бы умели говорить.

Кстати, лягушке желательна непросыхающая грязь, то есть низкое место, постоянно заливаемое водою, чаще — родниками, отчего и образуется болотистая растительность и кислая почва, — словом, болото. Болото бывает твердое, если близкая подпочва тверда; топь — глубокое и вязкое; кочкарник — с выросшими, часто плавающими кочками; моховина — если мох глушит иную растительность; окончатое — с глубокими окнами, разводьями-озерками; торфяное — толсто, глубоко заросшее тиной, постепенно образующей торф; трясина — если зыбучая жижа заросла наплавным слоем, коркой, а еще тростниковое — покрытое кустарником и камышом, и чистое — болото обыкновенное, без зарослей... С зарослями, или с лягушачьей травой, называемой брылена, болото для лягушек самое что ни на есть отменное.

Иной раз привольным майским вечером взбормочет, кажется, все болото и воздух задвигается, забулькает на разные тона, загундит... Не скоро различишь, что это: вкрадчивое бормотание, возделенная воркотня, утробное урканье или голое турлыкание?! Вслушиваешься пристально, даже к самому болоту подойдешь, а водяной гул только усиливается: пуще прежнего перекликаются между собой лягушки, ничего вокруг не замечая. Только они, весна и родное болото.

...Весенняя ночь тепла, укротна, все в ней ненадолго угомонилось и замерло,— не спят лишь лягушки, вышедшие из воды на дорогу: повсюду слышится их низко монотонное урчание. «Ур-ур-урррр, ур-ур-урррр, УР-ур-урррр-рр---» — это голоса отдельных самцов, находящихся в непосредственной близости. Голоса доносятся как бы волнами, удивительно органично сочетаясь и взаимодополняя иные весенние звучания. Например, отдаленное клокотание тетеревов, которое тоже наплывает отдельными, причем неравномерными, потоками. То затухают бесследно, то неожиданно возгораются неугомонные весенние шарманки и, кажется, способны повергнуть своей неиссякаемой настойчивостью, поднять над землей и унести в неведомые весенние дали: так безоглядно отдаемся мы их околдовывающему звучанию!

Земля же вся парит, благоухает пряной сыростью скрытых в темноте овражков, и запах этот до боли ударяет в нос, после чего выступают слезы. На душе становится жарко, как-то даже неопратно, и ты несколько теряешься в переполняющих тебя чувствах. Но лишь на мгновение забывается душа, пока тревожащий ночной холодок не обдаст лицо и руки и не поманит за собой. Куда-то он приведет, если отдаться на его волю беспре-

кословно, не сдерживая себя, а как придется?! Должно быть, к чему-то замечательному, такому же восторженному и проникновенному, как незабываемые трели лягушек, что умудрились своим настойчивым и вольным существованием однажды допроситься у богов самого царя!

Да, лягушка по-своему замечательна и, как сказал о ней один знаменитый биолог: она гораздо больше, чем лягушка. Во-первых, лягушка — самое удобное лабораторное животное, признанная царица эксперимента, заслуженно заработавшая это звание миллионами жертв своих собратьев, принесенных на алтарь науки. Во-вторых, если заглянуть в даль времен, можно прийти к неожиданному выводу: первыми живыми звуками, некогда раздавшимися на континентах, были концерты лягушачьих предков и, возможно, наша речь — это кропотливо измененное и отшлифованное эволюцией кваканье древних земноводных. В-третьих, на Западе в большой цене задние лягушачьи лапки, из которых изготавливают соответствующие консервы, для чего даже специально разводят лягушек. В-четвертых, одна лягушка за лето съедает в среднем более тысячи вредных насекомых, а некоторые из них закусывают как раз теми вредителями, которых не трогают даже птицы. И, в-пятых, благодаря слизи, которая не дает развиваться микробам на влажной коже, лягушка поддерживает в чистоте свое платье, и именно из-за этого родился деревенский обычай — пускать лягушек в молоко, чтоб не скисло: слизь мешает молочнокислым бактериям делать свое дело. И еще: слизь страшна не только микробам, она способна вызвать паралич задних конечностей у крыс, обморок у птиц, временное отравление у собак, то есть является для лягушек успешным средством защиты.



К слову сказать, у каждого животного существуют какие-то приемы, которые служат ему для защиты от врагов. У одних это острые, как бритва, когти, огромные сильные крылья, мощный загнутый клюв, у других — схожая с местом обитания окраска или быстрые ноги. В Колумбии же обитает крохотная, в длину менее пяти сантиметров, лягушка, яд которой, возможно, самый сильный из всех ядов лягушачьего царства. Индейцы брали иногда эту лягушку на охоту, укладывая ее в особый футлярчик, и, перед тем как пустить стрелу, охотник чуть прикасался ею к лягушке. Яда, попавшего на кончик, было достаточно для того, чтобы убить человека, а не только зверька или птицу.

Спрашивается, зачем такой неприметной амфибии иметь столь грозное оружие, тогда как остальные лягушки спасаются от врага, обжигая его полость рта своей слизью, достаточной лишь для того, чтобы оказаться изрыгнутым, а значит, целым и невредимым? В чем причина необыкновенного природного дара, данного, казалось бы, ничем не примечательному существу? Может быть, виною тому чрезвычайная доступность лягушки для многих птиц и зверей, ее повышенная уязвимость, и природа изо всех сил старается предупредить исчезновение вида, который, несмотря на опасность, во всеуслышание заявляет о себе в долгожданные весенние дни?!

Как бы там ни было, песня лягушек по весне — еще одно их достоинство, которое привносит особый колорит в зарождающуюся повсюду жизнь. Жизнь без лягушек, несомненно, была бы скучна, и они необыкновенно оживляют местность, когда начинают свои незабываемые концерты. Весна будто ждала, затаившись, в ней чего-то недоставало, и вот с появлением ля-

гушек она наконец успокоилась, облегченно вздохнула и с удовольствием пробормотала: «ква-ква-а...»

## *Костер жизни*

Скучно в лесу без костра, и вся прелесть похода теряется, если не ощутил первобытного тепла огня! Сколько помню себя, а хоть раз за день да запалишь небольшой костерок, особенно под вечер, и подвесишь на него закопченную банку на одну-две чайные кружки... Вода в ней закипает мгновенно в любую погоду, и ты с наслаждением отпиваешь чай маленькими глотками и благодарно посматриваешь, как вздрагивающий огонек уносит в небо невесомые искорки. Холодные звезды оттого становятся теплее и ближе.

До чего же иной раз прекрасно бывает просто сидеть у лесного костра, молча глядеть на его потрескивающее пламя и ни о чем не думать! Особенно весной, когда оттаивающая земля резко шибает в нос забытыми за зиму ароматами, а из оврагов протягивает ледяным холодком. Все в тебе поджимается от охватывающего восторга, и хочется лететь на трубный зов журавлей за рекой, и так же призывно, с тревогой, плакать о чем-то несбыточном в сгущающихся сумерках. Но костерок трепетно бьется живым огоньком, изредка постреливает угольками, и те, недалеко отлетев, с легким шипением мгновенно гаснут в зернистом снегу. Костер как будто держит тебя и не отпускает, и ты зачарованно всматриваешься в его мятущую огненную душу, и, как обычно случается в такие минуты,

время, кажется, замедляет свой ход, а затем и вовсе останавливается.

Дневная жизнь уже замерла, ночная еще не начиналась, и только костер уверенно вздрагивает в сухих сосновых ветвях, бросает слабые отблики на давно осевший, грязноватый снег. Приближается его долгожданный сумеречный час, когда он разгорится во всей своей красе, как солнце, садящееся за лесом, и будет гореть жадно, отстаивая перед сгущающейся темнотой одному ему ведомую волю. Вечер подкрадывается к костру незаметно, но огонь бесстрашно отвоевывает у него свое пространство, приветствуя снопом взметающихся искр угасающее на западе стеклянно-зеленое небо.

Когда же ты остаешься на ночлег, то костер необыкновенным образом озаряет внутреннюю жизнь леса и становится видно то, чего ни за что не заметишь днем, а если и обратишь внимание, так только мельком, совсем не как ночью порой. Ночь в лесу долга и темна, и у размеренно похрустывающего огонька хорошо и уютно. А еще рядом с ним приятно думать о том, что если отойдешь от костра подальше, в непроглядную темноту, то обязательно увидишь что-нибудь страшное, и ты никуда не отходишь и только представляешь с замирающим сердцем, каким оно может тебе явиться.

В лесу, у костра, всегда укрепляется связь с родной землей и пробуждается жажда путешествовать. Когда переживаешь ночь или непогоду, костер навеивает самые таинственные и сокровенные думы, строятся самые решительные планы. У лесного костра как нигде хочется мечтать...

История костра утопает своими непогасшими очагами в глубочайшей древности, когда первобытные люди хранили огонь как

зеницу ока. Огонь озарил их жизнь нелегкими достижениями и потрясающими открытиями, а нас он возвращает к истокам понимания окружающего мира, и мы так же взволнованно переживаем рядом с ним самые важные события своей души.

Ничто, кажется, не может нарушить мерного потрескивания костра в ночной тиши: ни дождь, ни ветер, ни снег. И хотя костер трепетен, он в то же время неукротим, даже деревья уважительно склоняются над ним и что-то вкрадчиво нашептывают в такт его утробному гудению.

Метнувшиеся от костра тени наполняют темноту сказочными существами, которые смотрят на тебя из лесной глубины страшными глазами, и ты тоже начинаешь всматриваться в замерший лес и вслушиваться в незамечаемые ранее шорохи. Самые неожиданные звуки подстерегают тебя в ночном лесу, если чуть удалиться от костра... Именно в ночном лесу, у огня, происходит причащение человека к истории жизни его далеких предков и природы.

Тихо и неторопливо льется у костра ночная беседа, ярче переживаются воспоминания. Про то, как сам еще в детстве разводил свой первый в жизни костер, и он не погас. Мало того, костер разгорелся сильным, ровным пламенем и, не переставая, горел везде, где тебя заставала темнота и непогода. Костер всегда оставался твоим спасителем и другом, на которого можно было положиться в самую трудную минуту, и общение это согревало и радовало.

Только у жаркого, размеренного огня в лесу услышишь самые неправдоподобные истории и навсегда их запомнишь. Хорошо за таким вкрадчивым разговором изредка подбрасывать в костер тонкие хворостинки, ощущая его разномлельный жар, и

наблюдать, как их охватывают жадные языки пламени. Приятно с восхищением следить за снопом ярких искр, уносящихся в черное небо: как они смешиваются со звездами, образуя новые созвездия. Приятно просыпаться в темноте у потухающего костра и, подбросив суши, ощущать прибавляющееся тепло, смотреть, как огонь схватывается в ветках, восторженно шипит и взмывает к небу пляшущие отсветы.

Почему-то чаще не ожидаешь утра, а все больше думаешь, что ночь эта и костер будут нескончаемы. Пока не обозначились на предзвездном небе черные вершины деревьев, не померкли вдруг звезды и легкий ветерок затаенно не дохнул в лицо предутренним холодком, ночь ступает неслышными шагами, то и дело затаивается и вдруг неожиданно ухает. Ей не хочется отпустить от себя человека, и она поддерживает его костер, обогревая им мимолетные, порой неведомые ей самой думы. Костру понятно это скрытое устремление ночи, и он радуется вместе с человеком ее нескончаемости.

Но вот падает первая роса, постепенно покрывая костер тонкой пленкой пепла, и он с легким шипением незаметно угасает. Угольки неохотно догорают, время от времени вздрагивают и окончательно потухают. Легкая туманная дымка стелется над землей, а костер еще раз вздыхает, сухо выстрелив при этом последним угольком, и замирает. Какое-то время место это будет еще источать тепло и необременительно для окружающего леса вскоре иссякнет.

Но даже от малой искры рождается большой огонь, на который дров не напасешься. А лучшее топливо для костра — елка: она горит ровно, медленно и без искр. Худшее же — осина, которая сгорает быстро и дает мало тепла. Неважное топливо и

пихта, что издает громкий треск и «стреляет» искрами. Такой костер, словно красный горячий цветок, глядя на который, забывают о его коварстве и вовремя не тушат. Про него обычно говорят, что при нем семь шатров цыган вымерло!

Не случайно строптивного и неуживчивого человека на Руси звали костеря. Костеря, замечали, не улежит на одной постели... Так и костер, рвется, мечется, стремится к чему-то, но оно остается для него недостижимым. И все же костер неутомим в своем жарком стремлении биться неизвестно с кем, полахать и в этой полной отдаче себя сгорать.

А слово «костерить» означало в народе ругать, бранить и поносить. Костер, действительно, бывает часто бранчивый, будто сердится на что-то, а порой и просто ругается, когда не может навязать свою силу. Он поносит всех на чем свет стоит и уживается, наверное, только с ветром, который подхватывает его и разносит повсюду на своих неутомимых крыльях. Костру этого только и надо... Он был бы рад, должно быть, и буре, готовый сравниться с ней в отрешенной неугомонности. Недаром примечали: Бог с рожью, а черт с костром!

Что и говорить, по характеру костер бывает чаще буйный, нежели ровный и спокойный, но, случается, и он как будто отдыхает в себе самом и горит как-то отрешенно, никуда не стремясь. Запалишь такой костерок на какой-нибудь укромной весенней проталинке, когда на оттаивающих бугорках уже тянут к солнцу головки мать-и-мачехи, и жжешь его в свою радость, тоже никуда не торопясь. Так, полено к полону, хворостинка к хворостинке слагается постепенно костер твоего неугасаемого чувства преданности лесу, родной природе.

Но костер не только согревает и кормит, будит воображение и чувства, он еще и спасает от вездесущих комаров, уберечься от которых можно... спокойным сидением у огня. За один раз натаскай дров и садись. Больше не ходи, не тревожь и не привлекай к себе их внимание.

Отойдешь на минуту, а за собой обязательно приведешь полчища надоедливых насекомых. Надо перетерпеть их первое нашествие, и уже потом они не будут досажать тебе. Маленькая хитрость, подсмотренная однажды в июньском лесу, пригодилась мне на долгие годы.

А еще по костру определяют приближающуюся погоду... Дым от костра валит клубом — это означает скорое ненастье. Когда в безветренный день дым льнет к земле — непременно быть дождю. Если же летом дым подымается столбом — к ведру, зимой — к морозу.

Огонь никогда не живет без дыма, который человека чистит, тогда как жар прокаливает, а пламя посвящает. Где дым, там и огонь, а где огонь, там и зола. Схлынул огонь, потух, но то, что осталось, несет в себе плодородную жилу, которая если попадет в землю — сделает ее богаче.

Вообще, огонь — это чудесное явление неукротимого горения, наивысшая степень жара, проявляющаяся в необычайной сгущенности всей его сути. Природа, соединяющая тепло, свет, красоту и силу, способная обнять все живое. И пламя, и жар, вспыхнувшие всего лишь от одной искры, но искры божественной, что живет и в людях.

В огне и живость, и горячность, и рвение с быстротой, и запальчивость нрава, как в человеке, что легко вспыхивает, по натуре страстен и кипуч. В этом человеке, говорят, много огня,

он огонь огнем. Огонь в делах, во взоре, и все же огонь — не человек!

Но бывает и живой огонь — огонь, вытертый из дерева или пойманный на увеличительное стекло от луча солнца... Он скрыто живет во всем, и его только надо уметь добыть. Но, добыв, нужно суметь сохранить, управляя его неукротимой стихией.

Огонь обладает такой скрытой силой, что если возьмет, то все пропало. Огню верить нельзя, он — беда, как и вода. Огонь — беда, вода — беда, но и то беда, когда ни воды и ни огня! Ведь без огня даже хлеба не высушишь.

С огнем, словом, не шути, с водой не водись, ветру не верь, а дружись только с землей: от земли вышел, земля кормит, в землю пойдешь. Земля, говорят, матушка, небо — отец, ветер — господин, дождь — кормилец, солнце — князь, луна — княгиня, а огонь с водою — царь да царица. Но и в батраках огонь с водой хороши, да только не дай им Бог своим умом зажечь! Тогда с ними не поспоришь, поскольку без ума ходить у огня — значит обжечься, у воды — замочиться, а у сажи — замараться.

Когда с огоньком, когда с водицей живет человек на белом свете, если себя и людей не забывает, но несправедно нажитое добро огню предается. Огонь в дом человека приходит, когда тот у нищего отнимет, и если такое случится, то сам с сумой по свету пойдет. Тогда из огня, говорят, да в полымя. Огонь не вода — охватит, не всплывешь; только праведное в огне не горит и в воде не тонет.

Знак огня, снизошедшего с неба, — свет и тепло, что сопутствует человеку, невидимо находится рядом, и если человек

пожелает, то всегда может взять его и владеть. Это родной огонь, предназначенный стеречь человеческую жизнь, чтобы она не затухла. Знак огня — начало начал, суть зарождающейся жизни, которой без него не быть.

Человек во все времена желал огня и не мог без него жить. Он добывал его, хранил, восторгался и в то же время преклонялся перед ним. В огне было нечто выше тех понятий, которыми человек ежечасно располагал. Огонь и пугал, и манил человека своей вековечной тайной, и человек тянулся к нему, усугубляя свою печаль. Печаль от невозможности постигнуть скрытую суть огня, космическую силу этого символа жизни, потому что если под разумом понимать свет, то под жизнью — огонь, а свет, собираясь в пучок, всегда становится огнем, истребляющим, таким образом, самого себя.

Костер — это маленькое подобие солнца на земле, которое человек способен разжечь сам. Тому, кто связан с природой, не хватает его тепла всегда. И человек разводит огонь и греется рядом с ним, не забывая, что он порожден Вселенной. Костер для человека — чуткое напоминание того первородного начала, от которого проснулась на земле жизнь, подтверждение ее неугасимой силы, радости и красоты.

Хорошо сидеть у такого лесного костра, долго смотреть на его огонь и все про всех понимать. И не терять себя при этом, а только обретать. Уноситься в глубину времен и через дыхание потухающих углей возрождаться к новой, бесконечной жизни, что оградит от бед. Сухой жар постепенно проникает в голову, руки и грудь, кровь начинает вскипать в жилах древними воспоминаниями, и наступает прозрение: в тебе воспылал мудрый костер жизни.

## *Зависть*

(Весенний день ласково струился над оживающим лесом. Ослепительно припекало солнце, а дорога упрямой лиловой лентой убегала к манящему горизонту. С маленьких придорожных лужиц, подпуская почти вплотную, пугливо срывались юркие кулички-черныши, и над полузатопленным в низинах тальником неслись их отрывисто-восторженные вскрикивания.)

Одинокий ястреб-тетеревятник плавно кружил над еловыми гривами, наворачивая круг за кругом, медленно уменьшался, становясь постепенно невидимым.

Нельзя было различить, шевелил ли он кончиками крыльев. Должно быть, ястреб уже успел рассмотреть во мне незваного гостя и, охладев, гордо взмыл в недостижимое для человека пространство. Вознеся, наслаждаясь собственной свободой и презрев любую ограниченность. В его глазах сейчас, наверное, стекленело презрение ко всему. На какой-то миг мне вдруг стало себя жаль.

Открывающаяся в лесу человеческая растерянность бывает постыдна. По некоторым причинам она не всегда становится достаточно ощутимой. Главной виной тому порастраченная или пока так и не пробудившаяся совесть — свойство, которого лишены животные.

Совесть — робкое, а порой и довольно требовательное напоминание человеку о его душевном превосходстве над зверем. Но как мучительно оказывается постижение безвозвратной утраты им прекрасной звериной силы. И тогда человека начинает снедать тоска и неудовлетворенность, он заболевает полетом и уже не мыслит себя без высокого неба.

Казалось, одиноко парящему в вышине ястребу нечего предпочесть своему отрешенному парению, и эта отторгнутость гордой птицы сначала незаметно окрыляла, унося вместе с ней в необозримую высь, а затем повергала в ошеломительную зависть.

Земля под тобой становилась вдруг невесомой, какая-то неведомая сила приподнимала тебя над лесом, и ты уже не отдавал себе отчета в своих чувствах, все они сливались во всепоглощающее переживание дикой свободы, которую можно было ощутить только вот таким, тревожащим сердце, весенним днем, превращаясь в мыслях в легкокрылого и недосягаемого ястреба.

### *Ночной переполох*

Пришла мне однажды нужда отмахать весенней ночью дорожкою до станции верст двенадцать с гаком. Дорога ухоженная, наезженная, удобно ложилась под ногами серой лентой в брезжущих майских сумерках, а поодаль, по обеим ее сторонам, почти невидимыми темными гривами тянулся замерший лес. Скучно как-то идти душной майской ночью по такой безжизненной дороге и, привыкнув к ней, кажется, что ничего интересного впереди не предвидится.

Идешь, вдали, за холмом, прыгают разноцветные огоньки поселка: то покажутся, то надолго исчезнут. Там светло, огни поселка притягивают, манят, но сколько я ни шагаю, поселок все кажется недосягаемым. А вокруг меня темнота, и хоть глаза

давно привыкли к ней, все равно ничего не видно, кроме вертушек телеграфных столбов, слабо вырисовывающихся на фоне неба.

Шаги гулко отдаются в этой темноте, и насыщенный ею воздух будто сотрясается, на мгновение оживает и тут же опять замирает. По-настоящему его смогут пробудить только рассвет да птичьи трели, но пока темно, и лишь у горизонта еле розовеет узкая полоска. Насыщенный пробудившимися запахами воздух окутывает с головы до ног и словно замедляет движение.

Летом вокруг дороги стрекочут кузнечики, волнуется невысокая трава вперемешку с васильками и ромашками, захлебываются в вышине жаворонки, а сейчас тихо, темно и только изредка проносится над равниной упругий прохладный ветерок, после чего опять все стихает. Еле различимые на фоне темнеющего неба шеренги телеграфных столбов по-прежнему неспешно ползут вдоль дороги, и отчего-то чудится, что им не будет конца. И все же, несмотря на наскучившее однообразие дороги, легко идти, дышать и ни о чем не думать. Легко вообще быть наедине с ночью, что призвана успокаивать очарованием своих запахов, тайн и ощущений.

Я шел, чутко ловя в тишине каждый незначительный звук, вслушивался в себя и никак не мог соразмерить свое приподнятое настроение с укромностью затаившейся ночи. Что-то в этой околдовывающей темноте все же настораживало меня, какое-то неясное присутствие, и я неожиданно останавливался и, задержав дыхание, пристально вслушивался в ночную тишину. Тишина отвечала мне еще большей настороженностью.

Наконец мне удалось различить еле угадываемое цоканье коготков об асфальт. Я резко обернулся и увидел метнувшийся

на обочине силуэт, что тотчас прижался к щебенке и замер. Это была лиса. Кормится она преимущественно вокруг людского жилья, но логовище свое старается устроить подальше, в уединенном месте, и эта кумушка, по-видимому, как раз от-правилась из такого логова на охоту. А если учесть, что близ норы лиса на промыслы не ходит, то моя рыжая попутчица, судя по позднему часу, порядком убежала от своего убежища и возвращаться еще не спешила.

Лиса, кажется, не замечала не только время, но и меня, бежала неторопливо в такт человеческим шагам и собственным устремлениям и сразу замирала, когда я останавливался, продолжая путь только вместе со мной, чтобы оставаться незамеченной. Я бы ни за что не расслышал ее шагов, если бы не цоканье коготков об асфальт. Этого хитрая Патрикеевна, при всем своем желании, предотвратить не могла и почему-то не стремилась сойти с трассы на обочину. Позднее до меня дошло, что не делает она этого только из-за опаски замочить лапы в разлившейся вокруг талой воде.

Лиса часто пускается на такую хитрость: она использует шоссе и даже железнодорожное полотно, чтобы сбить людей или гончих собак со своего следа. Опьяненные погоней, собаки рыскают по дороге, невзирая на транспорт, и попадают под поезд или автомашину. К тому же их отвлекают многочисленные запахи, которыми изобилует любая транспортная линия. Так лиса чужими заботами избавляет себя от преследования. Да и бежать по проложенной дороге намного легче, чем преодолевать препятствия в лесу или в залитом вешними водами поле... Кстати, в народе всегда бытовало убеждение, что встреча с лисой на дороге предвещает удачу.

Так мы и шли в ночи вдвоем, и мне становилось приятным это необычное соседство. Лиса не отставала, держалась позади шагах в тридцати и чутко реагировала, когда я замедлял шаг, а потом опять продолжала преследование. Поначалу поведение лисы меня даже очень удивляло, но через некоторое время несколько надоело и вскоре я уже воспринимал происходящее как вполне обычное для майской ночи событие. Занимала лишь одна мысль: почему лиса, как всякое осторожное животное, все же не бежит лощинами или не скрывается за торфяными буграми вдоль дороги, а передвигается открытой местностью, даже по асфальту?

Что-то, видимо, привлекало лису, представляя для нее желанный интерес, и лиса, затаив дыхание, терпеливо переждала, когда я вновь двинусь по дороге, чтобы невидимой тенью последовать вслед за мной, вернее, в том же направлении. Я шел и никак не мог сообразить: что именно привлекало зверя там, куда он не боялся идти рядом с человеком?! Конечно, это могла быть только добыча, потому как для человека в ночи — сплошная темь, хоть глаз выткни, а лиса в ней все видит.

Еще днем, когда я ехал в автобусе, на горизонте появилась неясная гусиная стая. Развернувшись строгим крылом, стая налетала из-под солнца шеренга за шеренгой и казалась бесконечной. Гуси неторопливо тянули очень низко над полем, прямо вдоль дороги, и люди в салоне указывали на них руками, что-то радостно восклицали. Всем было легко и хорошо от того, что птицы летели совсем рядом, преодолев невообразимо дальнюю для них дорогу, и каждый, наверное, думал о чем-то своем, давно наболевшем, а вот сейчас, может быть, вмиг разрешившимся благодаря неутомимым птицам. По лицам людей

было видно, что, заметив в небе гусей, они будто окончательно поверили в пришедшую весну, встрепенулись душой и улыбнулись.

Упитанные широкогрудые птицы с оранжевой перевязью на темных клювах всегда вызывали у меня уважение своей целеустремленностью, а увиденная в весеннем небе строго выстроенная стая надолго сохранялась в памяти. Она была олицетворением незыблемости жизни, преодолевающей любые препятствия. Может быть, именно этими препятствиями был жив гусиный род, так же как и утиный, и журавлиный, и лебединый... Птицы не только были преданы родной земле, но, несмотря на тяжести пути, оставались еще и красивы.

Именно с гусиным гоготом и журавлиным кличем окончательно встречаем мы весну, что уж, кажется, не принесет никаких сюрпризов. Эти большие птицы как бы воцаряют своим появлением недостающие покой и размеренность в происходящих вокруг бурных событиях. Если они прилетели, весна полностью вступила в свои права. И хоть еще не один день тянутся в небе гусиные косяки и журавлиные клинья, что-то самое главное в природе произошло.

Гуси летят гнездиться на север, в тундру, причем по десять—пятнадцать часов непрерывно, покрывая за это время до тысячи километров. Присаживаются покормиться или переждать непогоду там, где облюбуют себе сверху место, и могут даже пожить на нем какой-либо период, пока неумолимый зов вновь не повлечет их в дорогу. Если что-то спугивает чутких птиц, они просто перелетают чуть поодаль и опять неспешно пасутся. Такие «присадки» для диких гусей, наверное, в радость, поскольку не доставляют им никаких хлопот: птицы еще не

сидят на гнездах, не обременены выводением птенцов и могут позволить себе расслабиться. Но однажды, в один миг, вся стая вдруг поднимается на крыло и, выстроившись строгим косяком, устремляется на север.

Теперь на дороге было пусто, прохладная ночь объяла окружающие поля, столбы, разливные луга и мелкий, полузапленный кустарник, а я шел и вспоминал, как гуси летели днем, светило солнце и все вокруг было пронизано весенним оживлением. Изредка в темноте поднималась какая-то возня, слышались звериные и птичьи вскрикивания, шум затерявшегося ветра, и опять наступала настороженная тишина. Но затишье это не страшило, если только самую малость, потому как таинственная жизнь ночного леса необыкновенно захватывает.

Видеть ночь, слышать ее — огромное удовольствие, и его лишены многие люди. Я всегда радовался всему, что она в себе несет. Ведь за ночью, что за годом, не знаешь, что будет, но не на век она темна, в особенности весной, когда все в ней отражает незабываемое светлое время. Иногда мне даже казалось, что ночь благосклонна к человеку, не побоявшемуся ее, она чувствует его душевные устремления и отчего-то согласует с ними свое дыхание. Ночью, как известно, все дороги гладки.

А лиса, должно быть, еще с вечера заметила, как гуси присаживались у дороги, запомнила их местонахождение и под покровом темноты устремилась к ним. Она без труда, конечно, могла бы сцапать задремавшего гуся, используя этот способ охоты во все время полета птиц, когда они присаживаются на отдых. Вдобавок взлетающие гуси могли побить-



ся о металлические провода, и раненые вновь становились ее легкой добычей... Лиса бесшумно семенила вдоль обочины, вынюхивала дичь и, обнаружив, стремительно нападала. Нелегко было спастись ночной порой от ее цепких зубов!

Но сейчас я не подозревал о нахождении рядом гусей и от однообразия пути решил напугать лису, желая посмотреть, что она будет делать. Лиса, по-видимому, тоже привыкла к соседству со мной и, ошарашенная моим выпадом, рванулась в сторону от дороги, где возле самого кювета, под проводами, оказывается, сидели гуси... А тут еще заяц куцехвостый, будто чумовой, прыснул из-под придорожного валуна, да как шарахнется прямо лисе в ноги! Что после этого началось!

Вообще, издаваемые гусем звуки очень характерны, и потому его легко отличить даже при ночном перелете, когда птиц не видно. Гуси обычно гогочут в отличие от утки, которая такает, а журавль курлычет. К тому же у гусей очень развито стадное чувство: что делает один, то и все другие, один гусь не гогочет. А как птицы соберутся вместе, так что бабы: гусь да баба — торг; два гуся, две бабы — ярмарка; ну, а уж если ватага — целый переполох!

Вот и сейчас вместе с пронзительным гогогом послышался сначала глухой шум, как от сильного водопада, затем звон, бесперебойное лязганье и опять шум, пробивающийся сквозь металлическое дребезжание, — это испуганные гуси бросились с придорожных луж вверх и угодили прямо в провода... Птицы, видимо, отдыхали от утомительного перелета, кормились на невысоких гривках посреди разлившейся воды и под вечер, незаметно, перебрались к телеграфным опорам, где и уснули.

Я сразу представил, как взбудораженно сорвались в воздух десятки и сотни гусей, напряженно вытянули шеи, мешая друг другу, захлопали крыльями... Вырвавшиеся вперед ударились с грохотом, остальные налетали на них и падали на только что поднимающихся... Получался невообразимый кавардак, и первой возникшей мыслью было только одно: чтобы гуси не побились и не переломали себе крылья.

Беспокойство гусей в мгновение обернулось вынужденной толкотней, в которой лишь немногие бросались в сторону, основная же масса рвалась вверх и натывалась на провисшие металлические дуги. Дуги перехлестывались между собой, превращаясь в гигантские струны, и издавали невообразимую какофонию. Лишь немногие гуси, быть может, самые опытные, с отчаянной решимостью и чутьем бросались в промежуток между проводами и, угадав его, с торжественным хлопаньем удалялись в ночь. У гусей был только один выход — вверх, и они упорно пробивались навстречу своей свободе. К тому же рядом находились лиса и человек — главные виновники случившегося переполоха, и птицы стремились как можно скорее избавиться от этого опасного соседства.

И я сразу представил себе рыжую хищницу: как она замерла, ощерившись, и ее зеленые глаза остро блеснули в темноте, заструились внутренним алчным светом. А может быть, лиса не на шутку перепугалась от приключившегося гама и неслышно юркнула с дороги в сторону леса. Сотворенный нами переполох явно испортил ей охоту, и лиса, наверное, озлобленно озиралась, удаляясь восвояси. Поначалу добрая ночь неожиданно обернулась зверю в убыток.

Но более всего поразило то, что все это происходило молча,

и только редкие из птиц взволнованно вскрикивали и тотчас замолкали. Казалось, будто они пытаются пробиться, не привлекая к себе внимания, и эта скованная нацеленность тоже удивила. Гуси по характеру выглядели настоящими бойцами, готовыми ко всему во имя спасения. В их поведении, несмотря на охватившую тревогу, чувствовался организованный ум, и это в мгновение успокоило.

Но сначала все-таки обуял страх, так что я даже растерялся: поджилки дрожат, ноги подкосились, а во рту все пересохло. Казалось, неопишущий ужас взрывается в ночи невидимой жуткой птицей, что есть силы молотит руками-крыльями, будто норовит коснуться души и околдовать. Ночь вроде бы даже вспыхивает какими-то неясными зарницами, и эти всполохи действительно околдовывают и парализуют. Стоишь как вкопанный и ощущаешь внутри себя липкий страх. Недаром говорят: у страха глаза велики, да ничего не видят.

Ночь потеряла свой покой, все задвигалось в ней, зашумело, и сердце мое, взбудораженное весной и зверьми, тоже заухало в груди, не в силах успокоиться. Оно вместе с зайцем, лисой и гусями устроило майской ночью маленький переполох, и я, опомнившись и прислушавшись к установившейся тишине, уже весело зашагал дальше по дороге. Больше я не считал ее скучной, втайне про себя вспоминая все случившееся и улыбаясь в предзвездных сумерках.

И вот уже остался за спиной пугающий шум, гуси, лиса,— спало первое оцепенение. Гулко и холодно обдала опять лицо ночь, чуть заметно повеяла какими-то новыми, скрытыми сомнениями. Все встало в ней на свои места, и она с неясным

вздохом улеглась над землей утомленной за день охотничьей собакой... Но сон весной всегда тревожен, потому что весна полна жизни.

## *Лесной бог*

Если знаешь с лесными обитателями, говорили старые люди в деревнях, значит, знаешь и с лесным богом, который живет в самой глубине чащи. Бог всех своих жителей привечает, в них его суть, и все-таки он есть нечто необъяснимое, хоть и сильно ощущаемое. Глухарь со своей тайной и древностью очень напоминает его, иногда мне даже кажется, что в глухаре его более, чем в других обитателях.

Я давно ищущу этого бога, почему-то мучаюсь и в то же время радуюсь его присутствию. Кто он и как его воспринимать? Обращаясь к лесу, обращаешься ли ты и к нему? Слышит ли он, наконец, тебя и как реагирует на твоё внимание?

Лесной бог — это, наверное, один для всех нас Бог, только приобретший лесное обличье. Или он нечто особенное, именно лесное, доступное лишь тому, кто не мыслит себя без леса, хотя иногда и забывает про него.

Ходя в лесу, замечали всегда в народе, ходишь и под лесным богом... Он там — напоминание человеку, чтобы остановить его в неправедном слове и деле и помочь обрести истинный путь. Он милостив и любого простит, если тот признает свою вину против зверей или растений, попросит у леса прощения и обратится к нему со всей душой. Лесной бог такого

человека непременно порадует: приютит, обогреет и, если тот заплутает, ликом к дому повернет.

Только лесной бог знает то, чего никто в лесу, кроме него, не знает, и еще видит, чувствует и хранит. Хранит проявленное к себе внимание человека, которому не даст подаяния, а доверит всю свою несметную силу, если тот научится так же видеть и чувствовать лес, неустанно познавать его, находить, изумляться легкости овладения и радоваться. Если человек, изумившись легкости овладения знаниями, обретет постоянную потребность петь песню, переживая счастье воспарения ястребом или воспринимая происходящее волком.

Лес весь преисполнен божьей благодати, пронизан ей насквозь, и как бы ни был он обижен человеком, в нем всегда бьется восторженное, зеленое сердце, а мудрость его заключается в том, что он терпеливо ждет к себе прекрасного человека. Он ежечасно, если сам человек того пожелает, предоставляет нам прекрасную возможность взглянуть в себя, через лес, и наконец-то начать расти.

Недаром самый заповедный лес называли божелесье. Бог в нем все собою наполняет, объемлет и зиждет, невидимо и твердо. И когда мы входим в такой лес, то непроизвольно поклоняемся в душе лесному богу. Он — наше самое близкое и родное представление о величии и беспредельности жизни. Но, обращаясь к лесу, моля лесного бога о внимании, мы забываем, что он и без того живет в глубинах нашего сердца.

Что-то порой завораживает человека в лесной чаще, кровь толкается в висках и сердце стучит, а пальцы, живот и все в груди немеет. Откуда-то за тобой продолжает следить пристальный взгляд, неотступно, так что не вымолвить слова. Ты как

будто улетаешь, возносишься неведомой силой и теряешь рассудок. До того испепеляющ и могуч этот взор, противостоять которому невыносимо.

Почудится в какой-то миг, что наплывает на тебя из глубины леса бескровное старческое лицо, губ не видно из-за усов и бороды, не вздрагивают веки, но глаза не холодны, по-молодому колки и ровно спрашивают: «Кто ты? Зачем ты?» Можно утонуть в их глубинном тумане, в этом густом настое дикой белены, и в то же время ничего нельзя противопоставить их удивительной ясности и чистоте. Зрачки вмещают и поляну, и облака над ней, и раскидистые сосны, и тебя самого. Глаза как бы стерегут все живое, но делают это ненавязчиво, с достоинством.

Сбросить их колдовство невозможно, и лучше подчиниться и робко впитывать происходящее. И тут в мгновение обнесет каким-то жутким дуновением, на долю секунды совершенно обессилит и уж после этого сам на себя пеняй: если спасовал, страху поддался — оставит тебя еле угадываемая сила в оскорбительном неведении; выдержишь, не сломаешься — чуточку приподнимет. Тогда зриай во все глаза, впитывай сердцем и не говори, что не желал тайны. Счастлив твой лесной бог, если только ты силен, радостен и весел.

Правда, чаще ничего не видишь в дремучем переплетении ветвей, а лишь угадываешь неясные передвижения, вскрикивания, вздохи... Охнет нечто неуловимое за спиной и тотчас растворится в воздухе: станет он еще прозрачнее, тоньше. Или повиснет безжизненной немотой надо всем, будто ожидая достойного отношения к себе. Лучше не поддаваться необъяснимому в лесу, идти заранее избранной дорогой, и если жив лес-

ной бог, значит, и твоя душа будет жива. Ведь где, говорят, жить, там и Богу молиться, а уж он обязательно человека услышит.

Но человек одно что гадает: звериное или людское у лесного бога обличье?! А может быть, нечто чудное, в полном смысле несусветное, что даже невозможно себе вообразить? Оборотень с окаянными глазами, медведь-супостат или ветер-ветрило, который неугомонен и жаден до всего, но ничего не сохраняет? Обмирает душа от самых немислимых предположений, заходится разгоряченное сознание... Лесной бог на всех угодить не может, а воображение человека в отношении его многолико.

Вот он представляется громовой тучей, что крадетя по земле зловещей тенью и время от времени замирает, извергая огненные стрелы. А то смотрится в душу древним стариком со светлым образом, зовет за собой и ничего не обещает, приводя тебя, в конце концов, к самому себе. Сдержанное, еле приметное дыхание вековой чащи тоже, кажется, его излюбленная ипостась, что неожиданно порождает страшный сон, черноту, дремучие прогалы. Будто не бог это вовсе, а призрак его блуждает, и будет блуждать бессмысленно, бесконечно, до скончания веков.

Иногда лесной бог воплощался в крутящиеся вихри, так он будто бы «показывался», и не к добру было это появление... Вздымались, бежали по лесным дорожкам безудержные вихри, сталкивались друг с дружкой и пугали птиц и зверей. И вот из самой их середины поднимался лесной господин: сивый, как вихрь, высокий, сухой старик с пыльной бородой и развевающейся во все стороны копною волос. Покажется так только на

миг, отчего-то погрозит старческой костлявою рукой и скроется. Беда тому путнику, который, не благословясь, выйдет из дому, да в полдень попадет туда, где крутится пыльная толчея вихрей! Седое народное слово гласило, что человек этот обязательно пропадет.

Облик лесного бога был довольно неопределен и видоизменялся по воле тех или иных верований людей. Чаще представлялось, что окруженный своим лесным народом — русалками, лешими и прочей лесной нежитью, служащей у него на побегушках, он живет в глухой трущобе, где у него стоит дворец-хата на курьих ножках, а вокруг да около виснет по зеленым мшистым ветвям все его таежное племя. Во все стороны леса рассылает он подвластных ему лесовиков, чтобы те оберегали его пределы от человека, который вторгается в боговы владения с топором и с ружьем, сбивали с тропы и заставляли плутать в трех соснах, заводили нерадивого путника на такие заколдованные тропинки, по которым сколько не иди, все к одному и тому же глухому месту выйдешь.

Оттого-то и старались люди жить с лесным богом в добром согласии, и тогда он не только не враждовал с человеком, но и оказывал ему всякое покровительство, награждая в лесу своим местом и пищей. Охотникам оставляет на жертву в чаще первую добычу, а лесорубам строго-настроено наказывает не зачинать дела без слов «Чур меня!», бабам же или девкам, гробовщикам да ягодницам повелевает задаривать «доброего дедушку» куском хлеба и щепотью соли, а то каким-нибудь украшением, до которых большой охотник. Но перед началом зимы, поздней осенью, лучше вообще не соваться в лес: хозяин его, перед тем как залечь на зимний подневольный покой,

никому не дает пощады. Тогда от него не отчуждаешься и даже хлебом-солью не отделаешься.

Чудо-юдо, маханная губа... Нелюдская сила! Да сколько бы воплощений лесной бог не переживал — все богово дорого, а что дешево, то бесово. Но даже в облике лешего он может и помиловать, и сохранить, и избавить. Лишь один лесной бог без греха.

Священно и таинственно существование лесного бога. Оно исполнено множества загадочных перевоплощений, которые помогают хоть одним глазком заглянуть в великую книгу природы, наглухо закрытую для тех, кто не пытается припасть душой к груди леса. И вековая печаль, и тихий свет радостей, и грозные вспышки стародавних обид, и невысказанные мысли — все это чудится в дыхании лесного бога. Он пробегает ветром по вершинам старых богатырей-сосен, обступает захожего человека могучей лесной крепью, перекликается с ним сохой и филином, перебегает ему дорогу бесоватым зайцем и хитрой лисой, еле уловимым прикосновением навевает на душу светлые думы о том, что человек вступает в лес, зовущийся таинственным садом божьим.

И еще, не в пример морю или реке, лесной бог говорит человеку намного откровеннее и понятнее, как все кровное, родное. Слишком долго, наверное, русский человек хоронился в родных лесных местах со всей своей верой в их бога, ревностно оберегая ее. И оттого бог иногда снисходил до него, овевая его душу благодатным, неизреченным покоем, а особо просветленных и радостных препровождал в свою «святая святых».

Недаром в самом сокровенном уголке души человек всегда

испытывает благоговейное смущение при входе в лес, при соприкосновении с лесным богом, и такой заповедный лес он называет своим храмом. Раньше в его священных уголках совершались жертвоприношения воплощенному в природе Богу. Под страхом незамолимого смертного греха человеку запрещалось там охотиться за зверем и птицей, не позволялось рубить ни одного дерева. Под вековой сенью божественных деревьев благословлялись жрецами брачные союзы, а в особо отведенных местах устраивались кладбища, где находили себе вечный покой завершившие свой томительный жизненный путь.

Вступить в храм лесного бога не подготовленному к встрече с ним человеку непросто. Бог всегда ставил на пути страждущего по семь неодолимых преград, и борьба эта затянулась на целые века. Люди, в большинстве своем, доходили до невидимой границы, которую уготавливал им лесной бог, но вот перейти ее доводилось немногим...

А приходишь к лесному богу, чтобы подышать его древней силищей и, может быть, угадать в ней что-то свое из далекого прошлого, что для тебя кажется всегда близким и родным. Сам находишь тропу в его зеленый терем, переживаешь непроглядную темь и самоцветные зори, пока доберешься до места. Подступы к нему стережет седовласый старинный бор, в чьих мохнатых вершинах затерялись вещи думы, и радость, и боль.

Вороны старухами-староверками перелетают от дерева к дереву, но не вскрикивают, как обычно, а многозначительно молчат, что-то скрывают... Во всем окружающем угадывается властный дух, который в то же время не тяготит. Хочется идти,

впитывать и радоваться вызванным из земли шепотам, дыхание же леса обдает живым покоем. Его зеленые волны неслышно клубятся под сводами леса и рождают в душе смутный, чарующий звон. Невозможно при этом не отпустить лесному богу поклон, а повсюду мерещатся сказки, сон и великая благодать. Судьба ли тебе войти в долгожданный терем?!

Вот когда захочется прочесть лесному богу свою самую сокровенную молитву и поблагодарить его, от чего жизнь сразу воспротивится затаенному страху и станет лучше. Ты вдруг ощутишь рождающееся в тебе знание, сольешься с ним и полетишь. Но лучше все же приземлиться и посмотреть, как возвращается с ночной охоты барсук, входит в свою сокровенную нору и что-то там делает, таинственное и простое, очень необходимое ему... Как до конца завладеть расположением дремучей чащи, которая тоже не прекращает своего наблюдения за тобой?!

Так, неожиданно встрепенувшись сердцем, ты воспылаешь неудержимой мечтой и спокойно отойдешь от всего того, что еще вчера непонятно будоражило и мешало. Ведь цветы в душе появляются всегда заслуженно, и нужно много времени и сил, чтобы разбудить в себе весну. И еще желание и способность быть неутомимым, умение не разочаровываться в том, что избрал сразу, ни с кем не посоветовавшись и не обсудив. Взял и решил по-своему, а получилось так, будто все именно этого и ждали. Слава тому, кто не только преодолел в себе страх, но и научился ничего не бояться! А лесной бог еле ощутимо поддерживал тебя и терпеливо ждал, когда ты обратишь к нему свое доброе внимание.

И все же о лесном боге легче думать как о глухаре... Что

он такой же красивый, большой и древний, щедро освещенный солнцем поутру, когда восседает на вершине ели, настоящий лесной царь! Пышут жаром красные брови, будто заря над лесом подымается, гордо зеленеет перламутром выгнутая грудь, а еще у него огромный хвостище, весь в опаловых пятнах, крутой, что темный небосвод. Не пристало лесному богу выглядеть обыденно или жутко, и он поражает горделивой тайной: смекай всяк свою лесную правду как можешь, но меня уважь!

Вот что-то величественно напружинилось в самой гуще ветвей, вздрогнуло и сорвалось. От грохота взлета встаешь, как вкопанный, силишься постичь и в первые мгновения ничего не понимаешь. Глухарь!.. Как тысячи лет назад, пугает он все живое, и это живое подбирается от страха, а потом сразу отходит. Но воображение тянется за ним, улетает в таежную даль и теряется там. Не совладать ему с древним исполином лесов, не угнаться.

Если вообразить глухаря древним лесным богом, то и вовсе растеряешься от охватившего наваждения: вот бы и тебе так, по таинственному, ничего не страшась, а только блюдя себя, рвануться в темную чашу и не затеряться. Чувствуя монолитное тело и крылья, касаться ими еловых лап, недовольно скрипеть горлом прямо на лету. Божественная птица, птица-кремень, которой все чудеса доступны, а красота его — в вековечной лесной правде. Силища!

Лес может казаться мертвым без него, но с ним — никогда! Глухарь — его самое проникновенное и родное божество, которое никогда не умрет. Как бы к этому ни стремились люди, он всегда останется жив, потому что призван хранить чудеса и

правду, не боящиеся смерти. Увидев его хоть однажды в утреннем азарте песни, тебе откроется путь в глубины времен, и ты поймешь нечто на всю жизнь. Поймешь то, что не выразить никакими словами, главное — почувствовать это в своем сердце.

Все в лесу живое, все о чем-то думает, а главное — как бы лесному богу угодить да себя за просто так не продать. Думают деревья, камни и небо, про что лесному богу загадать, чтобы исполнилось все в лучшем виде, но никто б другой про это не прознал. Каждый лесной житель норовит свою думку утешить и лесному богу услужить: он за то без внимания не оставит. Непременно!

Молчит лес, неслышно качает верхушки черных елей, не доносится оттуда ни звука. Низкое солнце уже скрылось в облаках, потемнело все вокруг, какой-то неясной грустью затуманилось. Кажется, никого в лесу нет, пусто вокруг... Но неустанно живет в лесной чаще ее бог, только притаился и ждет: как кто-то разочаруется в нем, он тотчас слетит со своих могучих вершин красавцем-глухарем, присядет рядом и ненароком вдохнет в него лесную отвагу и правду.

Для выражения этого знания у глухаря есть своя песня, которую он поет только однажды — весной. Все остальное время он копит ее в себе.

Целый год он живет обыкновенной незаметной жизнью, а весной тихо и радостно преображается. Для того чтобы понять эту большую птицу, нужно услышать в ее песне маленькие слова-ключики, которые бессмысленно заменять какими бы то ни было отмычками.

В кратко выраженных и время от времени повторяющихся

волшебных звуках глухарь поет о тщете окружающей жизни и ее великолепии. В них заключена незамысловатая прелесть его лесного существования. Скрытое от людских глаз и понимания, оно, наверное, кому-то представляется скучным и невыразительным, а его песня — бесполезной попыткой выбраться из него.

Втайне я мечтаю в конце концов отыскать единственно верное предназначение этого лесного существования, которое, несомненно, может наполнить значимостью мои затрачиваемые усилия. Нет, усилия сами по себе замечательны, потому как они — отражение мучительных поисков. Правда, временами в меня закрадывается червь сомнения во всем, что касается и жизни, и загадочных птиц, и тогда я ищу в себе спасительное равновесие, не всегда находя его.

Но как только царь таинственного глухолесья просыпается в предрассветной мгле и начинает свое неподражаемое обрывистое скирканье, я тотчас забываю обо всем. Душа с сознанием смешиваются во мне, и становится невозможным спокойно выдержать напряжение от глубинной полноты этой природной речи. Все более разгораясь, она потом преследует целый день и не дает возможности успокоиться.

Под самое утро глухарь слетает с ветви, будто это накопившееся в лесной глуши давнее время срывается ненароком, охает лохматыми сильными крыльями и вскоре бесследно исчезает до самой осени. В такие дни кажется, что лесной бог умер и никакие силы уже не в состоянии возродить его, а я должен жить без него. Глухарь же, наверное, просто дремлет в каком-нибудь глубоком овражке, потихоньку готовит себя к линьке и думает бог знает о чем!

## *Как я узнал, что буду жить вечно*

Недвижима весенняя ночь... Оранжевая луна крадучись прячется за деревьями, неслышно перебирается к чернеющему западу. Сновидения в эту пору не одолевают разгоряченное за день воображение, и все живое лишь замирает в предвкушении скорого оживления.

Первый вальдшнеп неожиданно протянет где-то над верхушками елей и, утробно хоркнув, разбудит ненадолго задремавший лес. Все как будто встрепенется в нем, приготовится встретить скорое утро, и словно станет легче дышать.

Невидимый воздух плотен, свеж, и приятным откровением слышится в нем монотонная песня кукушки. То удаляясь, то наплывая, она сначала не привлекает обостренного внимания. Слух напряжен в ожидании редкого глухариного скир-канья...

Но постепенно заунывное кукование доходит до твоего успокоенного ночной тишиной сердца, и ты начинаешь, в такт неугомной птице, считать свои года, готовые в любой миг оборваться, и от этого сердце вновь охватывает волнение, а кукушка все кукует и кукует, не оставляя никакой надежды на безудержный порыв. Только безукоризненная, даже чуточку надоедливая размеренность, вносящая умиротворение в зарождающую жизнь.

И все же непонятно к чему призывающий крик кукушки так и не дает до конца успокоиться, тревожит, и, остановив свой счет на трехстах, я еще долго слышу, как над лесом

разносится размеренное «ку-ку, ку-ку, ку-ку», и при этом не могу отделаться от не совсем приятного ощущения, что буду жить вечно.

## *Почему зайчиху плохой матерью зовут?*

*Уже* повезло зайчихе с потомством, из-за которого за ней худая слава повелась. Не успеет еще мартовское солнышко как следует сугробы сахарные подточить, только-только праздником света в воздухе повеет, а у нее уже зайчата первые появляются. Несладко им, должно быть, морозными ночами приходится, неуютно и зябко, а ничего не поделаешь: знаменитая заячья неприхотливость от самого рождения, как видно, ведется и ко многому обязывает. В народе этих зайчат настовиками прозвали, потому что свои первые прыжочки они совершают по искрящейся снеговой корочке, как бы опробывая ее на крепость.

После появления зайчат на свет зайчиха кормит их вкусным молоком, гораздо превышающим по жирности коровье, и, не задерживаясь надолго, убегает. Мамино молоко зайчатам хватает на несколько дней, и они сидят, не двигаясь, тесной кучкой, греются и сохнут. Так проходит несколько дней в робком ожидании ее первого прихода.

Когда зайчиха возвращается, она кормит малышкой вновь и вскоре опять их покидает. На сей раз зайчата ведут себя смелей и разбегаются неподалеку, припадая к каким-нибудь кустикам или ямке. Первую неделю-две они еще остаются малоподвиж-



ными и все больше вслушиваются в окружающую их непостижимую жизнь.

К тому времени, как в полях начинают засеивать рожь и пшеницу, зайчиха приносит следующий помет — яровиков, которые затаиваются уже в траве и ведут себя более вольготно. Земля открылась от снега, появились первые всходы и насекомые, и зайчата в ожидании матери не разбегаются далеко, а выедают зелень плешинками вокруг себя, не оставляя следа. Двух-, трехнедельного зайчонка и поймать-то бывает очень трудно, так он быстро бегают, ловко увертывается и скачет.

Что и говорить, не балует зайчиха своих детей вниманием. Оттого ее, должно быть, и прозвали бессердечной. Но только в природе не все так просто, и, может быть, зайчиха не такая уж плохая мать, как многие привыкли о ней думать.

Оказывается, шкурка у зайца почти не пахнет, в ней нет потовых желез. Все они расположены на подошвах ног, и потому сидящего зайца с прижатыми к земле лапками никто не чувствует: ни волк, ни рысь, ни лисица. След зайца, только что вскочившего с лежки, гончая собака почувствует много хуже, нежели долго бегущего, уже уставшего.

Оставляя зайчат, мать скорее заботится о том, чтобы не привести к ним по своему запаху хищника. Тяжело покидать ей малых несмышленишек, да ничего не поделаешь. Но не выносит беспокойное сердце тоски ожидания, и зайчиха заводит себе других детенышей, возвращаясь затем не один раз к первым. А ведь есть еще и травники, появляющиеся в пору летнего изобилия и довольства!

Так все лето и проходит у зайчихи в делах праведных: одних — провожает, других — встречает, третьих — обхажива-

ет, и не видеть конца ее усердным хлопотам. Даже под осень, когда многие птицы уже собрались на юг, а некоторые и вовсе отлетели, сердобольная зайчиха приносит на свет своих последышей, ласково прозванных листопадниками. Непутевые и славные, они особо любимы в народе, и, примечая их, неторопливо ковьялющих через распутицу-дорогу, всякий с радостью восклицает что-нибудь веселое и приветное.

Вот и выходит, что забот у зайчихи полон рот, и со всеми ей самой справляться надобно. Но плохо жить без забот, хуже — без доброго слова, которого ей от добрых людей не хватает. А добрые ли мы с вами после того, как зайчиху плохой матерью величаем?!

## *Пред вкушение тайны*

*Ночью* я никак не мог заснуть. Шипела на столе догоравшая свеча, в глубине леса, со сна, ухнула какая-то птица. Повернувшись на бок и широко глядя в темноту, я пристально вслушивался, и мне казалось, будто за стеной кто-то ходит. Что-то до жути знакомое и неясное витало там, над опушкой, и его хотелось понять до конца.

Тихо приподнявшись, я толкнул дверь. Она подалась легко, растворившись почти настежь. Заклинившись о перекошенное временем крыльцо, дверь издала тягучий сухой скрип, но не вспугнула им тишину. Птица еще раз взбудораженно и сладко вскрикнула, тотчас все о себе поведав. Не хотелось даже идти и смотреть на нее, полусонную, нахохлившуюся, потому что со-

знание четко рисовало себе незамысловатые всплески ее диких наваждений.

Было часа три, а может быть, половина четвертого,— время, когда в весеннем лесу зарождаются первые проблески утра. Меж еловых мягких ветвей зависали редкие туманные сединки, с недостижимых высот умиротворенно взирало на землю потухающее звездное небо. Оно уже подернулось легкой пеленой и потому как бы отступило — остуженное, довольное собой, что все так хорошо устроило.

Дымка сумеречного света кралась над заброшенной деляной, но очертания казались еще расплывчатыми. Не было слышно ни звука, ни шороха. Утро словно подбиралось во снах к лесным обитателям, готовое нахлынуть и захватить всеми своими запахами, красками, песнями. В этой остановившейся тишине я ожидал услышать только один, ни с чем не сравнимый, чеканящий древним правдивым знанием звук, а потом и песню птицы — через века хранимый ею путь поисков этой правды.

Но глухари молчали. Не прилетевшие вчера, они, по-видимому, и сегодня отсутствовали на току. Не в силах сосредоточиться, я пристально вслушивался туда, откуда, по моему разумению, должно было начаться долгожданное тэканье. Ни разу не слышимое в лесу, оно почему-то ясно представлялось, и казалось, что среди тысячи звуковых оттенков я его различу непременно, а затем, по всем правилам перебега и затаиваясь под неподражаемую песню, увижу и самого глухаря.

...Вот только прорезавшийся на востоке свет медленно наливается розоватым глянцем. В ожидании первобытного неведомого зова все вокруг точно навсегда замирает. От непонятно-

го волнения гулко толкается в груди сердце и, кажется, не хватает воздуха. А мошник, закинув голову и закатив глаза, глухой ко всему, кроме своей все более расходящейся страсти, возбужденно переминается на толстой сосновой ветке: перья надуты, хвост распущен, мощные крылья вытянуты назад.

В этот священнодейственный момент птица лишается обычной остроты зрения и чуткости, и в нее надлежит стрелять. Опять же хладнокровно выцелив мушкой под крыло, а лучше в шею, и непременно под неподражаемую песню. Если, конечно, сможешь преодолеть в себе путаный момент восхищения с сожалением, если не дрогнет в последний миг рука и птица не сорвется стремительно с ветви в разгорающуюся за лесом зарю, опавнув тебя горьковато-теплым духом дикой прошлогодней ягоды и перьев.

Я бы, наверное, преодолел это в себе, чтобы единственный раз увидеть все самому, прочувствовать и понять до конца. Но глухари не прилетели. Я был уверен: никто не знает, что я здесь, и никто из людей сюда не придет, а глухари, может быть, узнали. Им нашептала об этом лесная тишина. Дала некий тайный знак, что вблизи их заповедного обиталища появился человек.

Птицы куда-то перенесли центр тока, но я тогда почему-то не подумал об этом достаточно серьезно. В то утро казалось, что мне его увидеть просто не суждено. До того место предполагаемого токовища было пустынно, даже мертво. Как будто птицы отказали ему в своем внимании, и оно уже не надеялось на их прилет.

Березы у самого болота стояли опущенные, свет их приглушенно отражался в стоячей воде между кочками. И только со-

сны на южном крутолобом склоне упорно тянули корявые ветви к небу, слегка пружинили ими на ветерке, роняя на землю мягкие тонкие иглы. Вперемешку со старым глухариным пометом и выбивающимися кое-где травами, они копили в этом позабытом людьми уголке сладкий лесной дух. Уже порядком застоявшийся после своего былого, когда-то разухабистого и сладкого похмелья, он теперь казался больше духом угасания, чем жизни.

И все-таки вечером того же дня я опять сгорал от волнения на пбдслухе в робкой надежде на то, что вот, может быть, сегодня глухариное чудо коснется меня краешком атласного крыла... И опять глухари не появились, и короткая весенняя ночь высыпала на небе возбужденно посверкивающие звезды, и лесная тишина вновь укрыла всех своим шелковистым безмолвием, а восторженные птицы с сожалением смолкли до утра.

Кто-то неведомый крался за стеной избушки, глухо похрустывал прошлогодними сучьями, ненадолго замирал. В глубине леса надрывно вскрикивала ночная птица, и не дающая покоя тайна по-прежнему волновала разгулявшееся воображение.

В ранний сумеречный час я сидел, не зажигая свечи, и почти был уверен, что глухари не запоют. Что-то не укладывалось в моих размышлениях о таинственной птице, и путь поиска глухариного токовища, который поначалу представлялся верным, оказывается, упустил в своем построении самое важное. То, без чего невозможно было насладиться чудодейственным зрелищем, не петь самому краснобровым петухом, не провозглашать долгожданную весну, но вопреки этому я чувствовал себя счастливым.

Беззвучие в ночи вынуждало прислушиваться к движениям внутри себя. Мягкая пернатая тень, пересекая освещенную лунной поляну, навевала неизъяснимую прелесть происходящему рядом. Проколовшаяся на западе Венера промытым белым зернышком неудержимо убегала к грядущему матовому востоку. Все, что завершало весенний день, укладывало жизнь по глухим оврагам и ельникам, подготавливало неприкаянные ночные голоса,— и составляло счастье от предвкушения тайны.

## *Спящие лебеди*

*Все* люди спят одинаково, а птицы и звери — по-разному. Одни из них остаются в своем таинстве недоступными, но кого-то можно и подсмотреть, если проявить немножко находчивости и терпения. Ведь терпеть — не беда, было бы чего ждать, а неутомимое ожидание в природе всегда вознаграждается.

Однажды весной охотились мы с товарищем в пойме разлившейся реки и чего там только не увидели! На лодке можно было подобраться к кому угодно, не привлекая особого внимания, и так мы оказались вблизи хохлатых чомг, редких черных крачек, обнаружили курочку-пастушка на маленьком островке, наблюдали черного коршуна, величественно кружащего над множеством утиных, облюбовавших тихие заводи среди затопленного леса. А еще видели бесчисленные стаи гусей, то и дело проносящиеся в переполненном звуками весеннем воздухе, огромных судаков, поднимающихся из глубины к самой поверхности, и подмочившего «штаны» зайца,

волею случая оказавшегося на плавающей кочке. Но больше всего нас поразили спящие лебеди...

Маленькая стая лебедей, возвращающаяся на север с далекого юга, остановилась на несколько дней в этом залитом вешней водой участке леса и, как ни странно, не выделялась среди многочисленных птиц широко распахнутыми белоснежными крыльями, длинными вытянутыми шеями, не похожими на других птиц голосами, а держалась как-то незаметно, даже скромно. Присутствие лебедей не захватывало дух до тех пор, пока мы не выехали в разлив на лодке и не приблизились к птицам вплотную. Я был поражен и полностью захвачен тем волшебным впечатлением, которого никогда ранее не испытывал.

Издали лебедей можно было принять за большие куски сахарной пены или оторвавшегося из-под крутого берега и чудом сохранившегося снега. Еще на ум приходили чудесные женские боа из меха и перьев, и именно они своей зачаровывающей снежностью окрылили на радостное озарение: да ведь это лебеди! Но где же у них шея и голова, и почему они остаются долгое время недвижимы?!

А птицы, оказывается, спали... Изящно изогнув длинные шеи и ловко спрятав головы под крыло, лебеди уснули, отдавшись на волю течения. Разумеется, мы забыли о ружьях и только любовались удивительным зрелищем. Нас интересовало лишь сонное царство божественных птиц, случайно подсмотренное у природы, и мы были счастливы, так же как и лебеди, отдаться охватившей нас свободе.

Легкое течение и ненавязчивый весенний ветерок подталкивали воздушные тела птиц, и лебеди волшебными кувшинками незаметно скользили по поверхности воды, заворачивая

своим сказочным видом. Позабылись и редкие крачки, и смешной заяц, и пританцовывающие на воде чомги. Все, что окружало нас в этот радостный весенний день, отошло на задний план. Остались лишь лебеди...

Лебеди превосходно плавают, но никогда не ныряют, что, наверное, происходит по причине их величавой и трогательной натуры, которая не позволяет им вести себя раскованно,— так же, как неприхотливым уткам. Лебеди только погружают в воду голову и шею, но даже эти движения совершают не теряя себя, с достоинством. Они очень горделивые птицы, шея у них поставлена вертикально, голова устремлена вперед, а клюв держится всегда чуть приподнятым.

Лебеди обычно неторопливы, грациозны, но, будучи преследуемы, плывут быстро, и догнать их, даже на лодке, можно лишь с большим трудом. Вода, как и воздух,— стихия этих удивительных птиц. Хотя взлетают они тяжело, долго разбегаются, шлепая по воде лапами, и лишь постепенно набирают скорость и высоту. К тому же лебеди сильные и храбрые птицы, самоотверженно защищающие своих птенцов, а удар их крыла может переломить детскую руку.

Лебедь весьма осторожен, по прилете выбирает открытое со всех сторон место и почти всегда держится на самой середине озера или реки, где его не застанет никакой хищник и откуда далеко слышен его мелодичный голос с оригинальным гоготаньем. Голос этой птицы, как и ее движения, тоже необыкновенно деликатен и грациозен, в особенности у самцов, когда они ухаживают за самками. Лебедь то обовьет подругу своей

длинной тонкой шеей, то припадет к ней нежно своей головкой и, ни на минуту не оставляя свою избранницу, что-то переливчато и чуть гортанно ей наговаривает.

Изредка лебеди приходят в себя, как бы одумываясь, нежно выгибают шею и, приподняв голову, издают уже более громогласный звук, напоминающий зов трубы и несколько схожий с журавлиным криком, правда, слегка приглушенный. Птицы будто напоминают своим сородичам, что они живы, довольны всем происходящим, но не стоит забывать об осторожности. Более обычно для лебедей только сильное шипение или глухое гоготанье, что, впрочем, не мешает некоторым людям слышать в нем звон серебряного колокола или даже скрипки...

Думается, именно по причине необычности и благородной величавости лебедей, что будто бы свидетельствовало о их приближенности к Богу и, уж конечно, ко двору, в древние времена птиц часто и употребляли в пищу, и они обыкновенно фигурировали за царским столом, о чем упоминается в описаниях старинных пиршеств. Теперь же лебедей едят исключительно редко, а в большинстве мест это даже считается грехом. В Англии существовал обычай клеймения всех лебедей, живущих в оседлом состоянии на Темзе и составляющих собственность королевы, которая их боготворила.

Эта необычная операция осуществлялась каждый год. Дело заключалось в том, что право воспитывать лебедей было некогда привилегией, которой англичане очень гордились. Строгие наказания налагались на тех, кто присваивал этих драгоценных птиц.

При Генрихе VIII лицо, похитившее лебединое яйцо, наказывалось годичным тюремным заключением. Королевским

декретом назначались особые лебединые стражи, которые должны были начинать клеймение лишь в присутствии представителя, посланного монархом. Они вели списки всех королевских лебедей с описанием их признаков. Простолюдины не имели права даже лицезреть великолепных птиц.

Клеймение лебедей производилось каждое лето, продолжалось несколько дней и заканчивалось большим банкетом в честь стражей в Виндзоре. Для этой цели на Темзе, между Лондоном и Чепле, разъезжали лодки, перехватывая всех лебедей, которые затем крепко перевязывались. На королевских лебедях ставился знак, состоящий из трех ромбов на верхней части клюва. У них выщипывались или подрезались большие перья крыльев, дабы помешать им улететь с дикими лебедями.

Если, с одной стороны, в нраве лебедей заметно осознание собственного достоинства и довольство собой, то с другой — лебеди очень вздорны и неуживчивы с другими пернатыми. Их привилегированное положение проявляется в какой-то злой наклонности к дракам и жажде господства над птицами более слабыми. Даже заблудившийся лебедь предпочитает плавать одиноко, нежели присоединяться к своим соплеменникам.

Напротив, самец и самка одной пары необыкновенно привязываются друг к другу, выказывая самую преданную любовь, и однажды заключенный союз уже не разывается всю жизнь. Обе птицы нежно любят друг друга, часто милуются — обвиваются своими шеями, трутся клювами, не замечая никого, а в опасности друг друга защищают. Столь же нежно родители относятся к своему потомству, и хотя самец обыкновенно не разделяет трудов по высиживанию яиц, но

все же не перестает самым преданным образом оберегать самку, помогает доставлять гнездовой материал и все время остается поблизости, предупреждая о какой-либо опасности.

На земле вряд ли есть птицы красивее лебедей, и испокон веков они служили символом красоты, любви и нежности. Существует даже старинная легенда о лебединой песне, которую эта прекрасная птица якобы поет перед своей гибелью, а лебединая верность стала притчей во языцех. Если случайно погибает один из пары, другой лебедь, высоко поднявшись в небо, камнем падает вниз и разбивается о землю. Лебеди прекрасны, и недаром молодую пригожую женщину на Руси называли не иначе как лебедушка... Сколько утка ни бодрись, замечали меж людей, а лебедем не быть!

Огромные белые птицы в синем апрельском небе — это незабываемо, но еще красивее кажется лебедь на уединенной глади реки или озера. Лебедь плывет легко и бесшумно, и вода под ним, от его сказочной белизны, принимает нежный перламутровый оттенок. Лебедь неповторим в малейшем своем движении: при крутом развороте на воде, в случае опасности, при купании, когда радостно расплескивает солнечные брызги, и при подъеме на крылья.

Но особенно незабываемы птицы во время сна, когда легкий ветерок сносит потихоньку их воздушные тела, а они как будто ничего не замечают. Этот же ветерок нежно ворошит лебяжье перо и так, постепенно, становится вроде доброхотной бабки, которая напевает им свою усыпляющую колыбельную и нежно освежает. Под этот легкий приятный шумок лебедям спится еще слаще.

Кто больше спит, говорят в народе, тот меньше грешит. Но

разве помыслишь подобное об этих царственных птицах, что живут на воле, а потому и спят боле?! Лебеди покормились, почистили перья и опять погружаются в благодный сон: чем им еще на перелете заняться, пока они достаточно не подкрепили свои силы? Сон птиц не тревожен, он легок, как весеннее облачко, что висит над землей в неуловимом мареве, подымающемся к ясному небу. Лебеди плывут отрешенно и спокойно, а птичье счастье находят в возможности жить не зависящей ни от кого жизнью, в которой так приятно просто забыться.

Спят лебеди, и грезится им, наверное, чистая гладь озера, такое же светлое небо над ним и их неограниченная свобода. Сны лебедей вроде самих птиц — белые, воздушные и неуловимые. Лебеди ходят белоснежными корабликами по озерной и речной воде и, кажется, зачаровывают всех своим сном. Но хоть лебеди и спят, а все видят.

Среди людей за неоспоримую истину принято, что крайняя осторожность — это робость и нерешительность, лебеди же очень чутки. Птицы спят — не спят, чуть дремлют, и при малейшей опасности предупреждают друг друга вкрадчивым гогогом, молниеносно оживая. Им не требуется при этом охорашиваться — они и без того прекрасны: такие же миловидные, привлекательные, с невинной прелестью своей возвышенно-волшебной жизни. И когда спят, сносимые легким течением, и когда встрепенутся, еще более преображаясь.

Уснувших лебедей медленно сносит течение, и они кажутся невесомыми, сосредоточенными в себе: будто не спят и думают какую-то неведомую птичью думу. Такую легкую, неуловимую, что даже самому становится по-необыкновенному воздушно и празднично. И хочется плыть с ними долго, пока они не про-

снутся, а когда пробудятся — подняться вместе с птицами на крыло и устремиться в головокружительные выси.

...Лебеди, плавно покачиваясь на еле приметных волнах, удалялись от нас все дальше и дальше, а мы догоняли их на лодке, чуть подгребая веслами, и, любуясь, опять на какое-то время отпускали. Порой удавалось приблизиться к ним на несколько десятков метров, и лебеди вдруг подымали головы, с легким недовольством вскрикивали что-то со сна и вновь укладывались спать. Видно, им было очень приятно отдыхать таким образом, и птицы не боялись, что кто-то может их потревожить. Головы они ловко прятали под крыло, длинные шеи мягко свисали набок, до самой воды, и все это начинало казаться удивительным сном, в котором лебеди не улетали, а навсегда оставались с нами, затопленным лесом и долгожданной весной.

## *Кукушкины слезы*

Кому не приходилось слышать негромкий, вкрадчивый голос кукушки! Еще не успеет сойти по оврагам и темным ельникам снег, а уже слышно ее однотонное, поначалу всегда как будто восторженное «ку-ку, ку-ку, ку-ку»...

Без кукушки весна не весна. Пока не услышишь близкого сердцу кукования, чего-то не хватает в природе. И только подаст голос кукушка, как радость охватывает без предела: наконец-то и к нам весна пришла!

Относились к кукушке в народе по-разному и, конечно, связывали с ней много примет и поверий. «Сколько раз кукуш-

ка натошак кого окукует, столько лет жить», — обнадеживали особо сердобольные. «При первой кукушке брякни деньгами, чтоб водились», — лукавили другие. «Кукушка закуковала — пора лен сеять», — не без оснований наставляли всезнающие старики. «Много лет кукушка бабе накуковала, да и обманула», — беззлобно урезонивали размечтавшихся острословы. А то и без обиняков, по-свойски: «За кукушку бьют в макушку!»

Первые дни после прилета самцы обычно бывают скрытны и совсем не подают голоса, но затем постепенно распеваются, привлекая к себе самку. Подлетевшая на призывную песню самца кукушка издает громкую кликающую трель, а в минуты особого возбуждения — глухой крик, похожий на какой-то утробный, слышный только с близкого расстояния хохот. Куковать самки не умеют.

Громко вскрикивая, чуть ли не кудахча, перелетают в еловых ветвях охваченные весенним азартом кукушки, суматошно всхлapyивают крыльями, друг на друга насаждают, и до того у них вся эта кутерьма по-семейному получается, открыто, что даже не веришь глазам: кукушки ли это в самом деле или какие другие птицы?

Места для своих брачных игр осторожные кукушки выбирают глухие, порядком удаленные от человеческого жилья. Где-нибудь на окраине старой заброшенной делянки, окруженной дремучими елями, обоснуются птицы на время и, охваченные весенним восторгом, беснуются без удержу несколько дней кряду, забывая обо всем. Но переменчивы необычные птицы в своем настроении, и, натешившись вволю, самцы под вечер чинно рассаживаются по верхушкам еще не опушившихся деревьев, потихоньку налаживаясь на свою проникновенную песню. Не под-

смотревший хотя бы однажды их отрешенных игр никогда не узнает о кукушке того, чего она по-настоящему стоит.

Кукушку не спутаешь ни с какой другой птицей. Ее веретенообразное юркое тело с изящным хвостом хорошо различимо в ветвях любого дерева. Имея дымчато-пегий, бросающийся в глаза своей нежностью окрас, чуть схожий только лишь с ястребом-перепелятником, кукушка словно подчеркивает его ярко-желтой окантовкой вокруг глаз и оранжевыми лапками. Завидев в листве ее покачивающийся в такт песне силуэт, отчего-то сразу обрадуешься и долго смотришь, никак не выдавая себя и не уставая, словно ожидая от птицы чего-то несбыточного, но для нее самой такого привычного и обыкновенного.

А кукушка как будто чувствует оказываемое ей внимание и ждет этого,— еще громче разносится над лесом ее звучное кукование. И дразнит, и манит к себе голос недосыгаемой, замечательной птицы, так что про себя ты думаешь: никогда не выменять тебе кукушку даже на ястреба!

Давно известно, что кукушки сами не высиживают свои яйца. Немалое количество их способна отложить одна птица, и слишком длительны бывают промежутки между кладками, чтобы успешно вывести ей здоровое потомство. Первое яйцо успеет высохнуть и испортиться, пока кукушка отложит последнее. Ответственность за высиживание, выкармливание и воспитание кукушонка ложится на ту неудачницу-птичку, в гнездо к которой кукушке посчастливится подкинуть яйцо.

Обычно, завидев кукушку у своего гнезда, большинство мелких птиц поднимают шум, стараясь отогнать ее прочь. Озабоченным выведением собственных детенышей крохотным птахам незачем знать, отчего кукушка совершает свой подлог. В попытке

подбросить яйцо в чужое гнездо они усматривают только наглость и всеми силами пытаются противостоять ей.

На подложенное в гнездо яйцо кукушки разные птицы реагируют по-своему. Одни, в захватившем их отчаянии, бросают гнезда даже с полными кладками и потом, наверное, долгое время еще находятся в никому не ведомой пустой суете, пока новые детки не успокоят их взбудораженное навалившейся бедой сердечко. Другие тут же иступленно свивают новую подстилку, кропотливо прикрывая кладку с яйцом кукушки, и приступают к откладыванию яиц заново. Кто-то просто выбрасывает чужое яйцо из гнезда: куковала б ты, кукушка, на свою голову! А отдельные птички, особенно одаренные, способны даже отличать кукушкины яйца по окраске. Тогда кукушка стала откладывать яйца, удивительно похожие на яйца птиц, к которым она их подбрасывала.

«Не диво, что кукушка по чужим гнездам лазит,— говорят в народе,— а вот бы диво, кабы свое завела!» Да, видно, не суждено этому случиться, и определила природа кукушке и впредь нести множество яиц, не успевая высиживать, выкармливать и воспитывать кукушат только потому, что обладают они непревзойденным аппетитом, съедая столько насекомых, сколько осиливают за день пять или даже шесть подросших птенцов белой трясогузки, дрозда-белобровика и сорокопуга-жулана. В изобилии поедая мошек и жучков, кукушата вынуждают птиц быть более активными в отыскании необходимого корма, а значит, сокращают наносимый ими ущерб. Став уже взрослыми, они начинают употреблять в пищу страшных мохнатых гусениц, к которым не решаются подступиться никакие другие птицы.

Прожорливость кукушки — ее безрадостная судьба и дос-



тойный удел, по которому она вынуждена отказываться от своих птенцов. Возможно, поэтому так скрытна она, что не показывается никому на глаза, не поет и переживает свою скорбь в одиночку. Нескончаемую песню несет над лесом лишь самец, как бы выплакивая за себя и самку общую боль бесконечно вопрошающим кукуканьем,— будто окликает потерявшихся деток, просит их отозваться истосковавшимся по ним родителям, обреченным на одиночество...

Так и не отыскав детей, взрослые самец и самка рано отлетают на юг, не обнаружив для себя какого-либо применения в наших лесах, а молодые птицы, еще не обремененные этим знанием, трудятся без усталости в течение всего лета, исполняя возложенную на них природой заботу. Нелегка их доля, ведь им на следующий год предстоит так же, как и их родителям, безрезультатно оплакивать своих детей и не находить их. «Не кукушка кукует,— обычно примечали среди людей,— а жена горюет».

Кукушкины слезы невидимы и сухи, и, не обретя своих детей, кукушка накукуывает им долгие годы жизни. Человек однажды подслушал ее и, не восприняв в песне тоскливой жалобное™ птицы, отнес ее прорицание на свой счет, а маленькие лиловые растения в лесу, расцветающие в пору, когда птица остается одна, назвал «кукушкины слезы». Вот она какая, кукушечка: всем от нее польза, да только никому до ее горя дела нет.

## *Чувства-птицы*

Что-то необъяснимое остановило меня однажды посреди майской дороги. Заставило поднять голову и, скорее, не уви-

деть, а сперва почувствовать тревогу. И только потом услышать пронзительные вскрикивания кружащей над головой птицы, угадав в ней ширококрылого взбудораженного чибиса, с напряженной суетливостью снижающегося к земле. А через несколько мгновений витающая над головой тревога удвоилась: еще один чибис с тоскливым криком, как бы ниоткуда, взмыл над землей и озабоченно запетлял над неширокой поляной.

И тут я увидел, как впереди по дороге, у самой ее обочины, выбежала хохлатая самочка. На секунду замерев, будто прислушиваясь, она покосилась в мою сторону и, по-смешному переваливаясь, перебежала подальше. Чуть приподняв лапку, опять замерла и, как-то скособочившись, припустила по самому краешку, явно пытаясь увести меня от гнезда.

Но я оставался на месте, и птица застыла, повернулась ко мне и тихонечко простонала, в нетерпении поведя перышками. Я сделал несколько шагов в сторону от дороги, туда, где поначалу показалась птичка, и она вдруг бросилась ко мне наискосок, через дорогу, неприметно семеня своими тоненькими лапками. Я тут же остановился, а птичка возбужденно закрутилась на месте, издавая всхлипывающие попискивания. Она была само отчаяние.

Не без муки представляя, как бьется сейчас в маленькой груди бесстрашное сердечко, я все же попытался поискать гнездо. Раньше мне не приводилось встречать в лесу чибисовых яиц. Поиски мои не увенчались успехом, и все это время две птицы не переставая кружили над головой, изредка оглашая округу своим неизъяснимо-вкрадчивым криком: «Чи вы, чи вы, чи вы, чив-чивы, чив-чивы, чив-чивы, чив-чивы, чи вы, чи вы, чи вы?»

Потом птицы куда-то исчезли. Вероятно, они просто устали надирать свои сердца и в бессилии удалились, а я остался

стоять посреди разнеженного майского дня, не в силах двигаться дальше.

Постепенно вокруг опять воцарилась легкая дремотная тишина, и я подумал, что, может, никакого гнезда здесь у чибисов вовсе нет, а птицы, возбужденные скорым выводением птенцов, вдруг увидели одиноко ступающего по дороге человека, и это вызвало у них короткий приступ эмоционального раскрепощения. Чибисы по-своему разрядили свою озабоченность и вскоре забыли о моем существовании. Я иду дальше по дороге, думаю о них, и мне больше не хочется доставлять птицам переживания.

Но незаметно, с исчезновением чибисов, в моей голове тоже начинают рождаться всякие тревожные мысли. Например, о том, что не меня птицы боялись в этот майский полдень, а искали своих разбежавшихся по траве малых деток, которых я все же по неосторожности разогнал. И тогда уже мои непутевые чувства поднимаются ширококрылыми чибисами к небу, бесприютно вьются в отрешенно замершей синеве и тоскливо плачут: «Чи вы, чи вы, чи вы?»

### *Мужичок в армячке*

Всюду встречаем мы воробья — и в городе, и в деревне. Городской воробей, в отличие от деревенского, живой, изворотливый. Приученный на шумных городских улицах ко всему, он не чета своему пугливому полевому собрату. Только вот с сюртучком горожанин маленько оплошал, он у него серень-

кий, пегий. Селянин же выгодно отличается рыжевато-бурыми одежкой, широким черным галстучком да еще яркой коричневой шапочкой!

Люди пригляделись к воробьям и будто их не замечают, а ведь это одни из самых замечательных птиц в царстве пернатых. Несмотря на свой малый рост, воробей неустрашим. Какие суровые зимы переживает он, и даже в сильные морозы мы слышим за окном его жизнерадостное чириканье: «Чуть жив, чуть жив, чуть жив, жив-жив-жив, жив-жив-жив».

Со всех сторон доносится его однообразная песенка, которая не надоедает, а даже чем-то ободряет и радует. Воробей на удивление приветлив, и если бы не его проникновенное щебетание, то одно сорочье стрекотание и воронье карканье нам давно бы уже опостытели. Не обладая красивым голосом, воробей, наверное, воображает себя настоящим певцом, особенно весной, и его односложное чириканье вызывает у людей одобрение.

Вообще воробей очень забавный малый, и даже когда за ним гонится какой-нибудь хищник, например ястреб, он в отчаянии вскрикивает: «Жив, еще жив, еще жив...» Без этого вездесущего храбреца и его, казалось бы, однообразного чириканья нам, наверное, было бы скучно жить.

Воробей хоть и слывет забиякой, но все его любят. Он удивительно свободолюбив и остается, пожалуй, единственной птицей, которая не живет в клетках и не попадает в сети птицеловов. Воробей — далеко не глупое существо и очень хорошо запоминает, где его встречают с радостью, радушно, а где со злом да с метлой.

И вот что удивительно: любая другая птица, не превосходя-

шая воробья по размерам,— поползень, синица или королек,— может до такой степени привыкнуть к человеку, что будет брать у него корм с руки... Воробей же в руки никогда не дастся, а из рук что хочешь выхватит. Есть в нем какая-то непоколебимая черта, которая не позволяет воробью поступиться своей волей, хотя гордецом его не назовешь, но оттого уважения он к себе не теряет и даже более того — умножает его. Маленький, удаленький, он весь проникнут неизбывным зарядом энергии, который, наверное, просто следует принять как есть, не посягая на дорогую его сердцу свободу.

Воробьи — изрядные драчуны и любят устраивать между собой шумные потасовки, которые, впрочем, беззлобны. Они, скорее, заменяют вездесущим птичкам своеобразную зарядку, удовлетворяющую, отчасти, их потребность постоянно двигаться. Птицы не доставляют друг другу большого вреда, если только потеряют пару-другую перьев, хотя со стороны вся эта оживленная свалка представляется порой совершенно отчаянной.

Обращая всеобщее внимание на свою оживленность, предполагающую некую видимую бесшабашность, воробьи в то же время очень осторожны, и поймать их не так уж просто. Они быстро примечают любую грозящую им опасность и успевают вовремя ретироваться. Воробьи редко становятся добычей кошек, потому как всегда предупреждают их появление громким чириканьем.

Мой кот, когда я привозил его с собой в деревню, исхитрялся ловить зябликов, горихвосток и даже дроздов, но вот с воробьями у него ничего не получалось. Он поджидал их в малине, спрятавшись в картофельной ботве, на подоконнике у раскрытого окна, и все напрасно. Воробьи всегда заранее обна-

руживали его коварные перемещения и неизменно ускользали из-под самого носа.

Несмотря на частые стычки между собой, воробьи дружны и очень привязаны к своему подрастающему потомству. Только что они ожесточенно схватывались между собой, но вот пришла беда, и птицы мгновенно позабыли о своих распрях и объединились. Бывает, воробьях приносит за лето два, а то и три приплода, и вся эта веселая ватага на полных правах вливается в воробьиное семейство.

Всем своим буровато-сереньким полчищем они неутомимо поедают вредных насекомых, и потому не надо выгонять их из занятых ими скворечен: воробьи оправдывают свое нахальство. Ни одна птица, кроме горихвосток, не поедает столько жуков и личинок, а если учесть, как их много, то воробьи просто незаменимы на наших приусадебных участках, в садах и парках.

Я где-то прочитал, что воробьях выталкивает из гнезда не очень здоровых птенцов, почти не раскрывающих рта, когда она приносит им еду, во что, при известной воробьиной взаимоподдержке, поверить трудно. Вернее, она просто не замечает при обилии подрастающих птенчиков потерю самых слабых, отдавая все силы тем, кто оживленно требует внимания, и, возможно, последние, не ведая того, являются причиной гибели своих хилых собратьев. Воробьи больше заслуживают уважения, так что никогда не подумаешь о них как о глупых, наглых и прижимистых птицах, отмечая про себя лишь их ум и находчивость!

Веселый нрав — это еще одна черта всеми нами любимого воробья. Любимого даже более, чем обыкновенная синица, потому что если синица просто радуется нас, то воробей вдохнов-

ляет! Скачет воробей под ногами у людей, снует под колесами автомашин, не боится залетать в продуктовые магазины, — где-нибудь да перепадет ему несколько хлебных крошек — чего еще желать? Всегда в приподнятом настроении, он вызывает у людей только добрую улыбку. Спасибо ему, никогда не унывающей пернатой крохе, что подсказывает нам быть более терпимыми к неудачам и горестям.

Воробьи, например, обожают устраивать себе водные ванны. Они с удовольствием лезут в любую лужу, старательно трепещутся в ней и так увлеченно чистят перышки, что это выглядит очень заразительно. Другие птицы предпочитают для своего туалета землю, песок или пыль, а воробьи — только воду!

Воробьи — невероятно чистоплотные птички, и чтобы избавиться от надоедливых насекомых, они притаскивают в гнездо веточки полыни, которые избавляют их от докучливых клещей и пухоедов. В их гнездах часто обнаруживают и салат, и кустики петрушки, и даже бутоны цветов. Может быть, воробьи таким образом украшают свои жилища?

Впрочем, воробей совершенно непривередлив... Все, что ему нужно, — это лужица воды и наперсток оброненных кем-либо крошек. Может он перебиться и горсточкой семян, в достатке попадающих в наших дворах и парках. Воробью главное — присутствовать при любом маломальском событии, быть у всех на виду, внося в бурлящую жизнь и свое маленькое оживление.

Недаром воробей — самая общительная птица: оставаться неприметным — удовольствие не для нашего храбреца. Его можно увидеть не только в веселой ватаге других воробьев, без конца обменивающихся новостями, но и рядом с голубями,

галками, сороками... Воробьи всюду к месту, и никто из пернатого царства не обращает на них внимания. Даже важные вороны, от которых всегда можно ждать подвоха, не злятся на вездесущих воробьев.

Всем взял неприглядный, маленький воробей, который никогда не унывает, по характеру бесстрашен, но при этом несколько не надоедлив. Это только от глупых людей можно услышать, что они воробьев терпеть не могут и вездесущие птицы никому не дают покоя. Но представили бы они себя на месте крохотного воробья, который в условиях огромного города не перестает удивлять всех чудесами стойкости и храбрости! Это про него говорят меж людей: «Сам с воробья, а сердце — с кошку!»

Не удивительно, что именно на примере воробья учили на Руси мудрые люди своих детей и внуков. «Андрей-воробей, не летай на реку, не клуй песку, не тупи носку: пригодится носок на овейн колосок», — говорили, остерегая от неверного поступка своего сына, но он часто «летел, клевал да тупил», не поверив в то, чему учили его родители, и, конечно, расплачивался потом. А надо бы было послушаться взрослых, посмотреть попристальнее на себя и окружающую жизнь и рассудить — жить тебе или проживать...

Не с руки было русскому человеку приниматься за любое дело без любви ко всему тому, что его окружало, и в том числе без этих вездесущих неунывающих птиц. Просто так, как воробей, дело, говорили, не скажется, если та же махонькая птаха не вспорхнет из-под ног, не обрадует своим присутствием, не отогреет твоего сердца. Не зря его место — быть среди людей, именно там, где он более всего нужен.

Быть открытым и в то же время не терять себя — может быть, самое главное достоинство воробья, который и не стремится стать большим. Ведь выше плетня ему не перелететь! Зато он рождается неустрашимым борцом, и этому следует у него не уставая учиться.

Дождь на дворе или холодный северный ветер — воробью все едино, ибо никогда не иссякает его желание жить. И если стреляют в воробья, то попадают чаще в журавля, потому как воробьиным сердцем просто так не овладеешь. Нерадивый человек, не подумав, обронит: «Дело не воробей, не улетит», но вот как раз такое неосторожное слово — что воробей: вылетит — не поймашь. На деле эта малая птица напоминает всякому, что следует неукоснительно исполнять свое дело каждый день, вот как воробей, который поутру вместе с синицей день открывает, за обедом с соловьем за одним столом пропадает, а ввечеру солнышко провожает и никогда при том не тужит!

К воробьям невозможно не привязаться, наблюдая за их обыденными перемещениями. На первый взгляд, вроде бы ничего не происходит: воробей скачет по тротуару или земле, чирикает возбужденно, и создается впечатление, будто он намеревается осуществить нечто необыкновенное. До такой степени он весь подтянут, молодецват, по-деловому нахохлен, а черный глазок его так возбужденно и вопрошающе блестит! Вот-вот, кажется, что-то должно произойти, но... ничего не происходит, и все продолжается по-прежнему.

Воробей настроен только на что-то очень важное, не терпящее отлагательств. Грудь колесом, головка приподнята, перышки топорщатся... Всегда невольно улыбнешься, глядя на его под-

тянутую фигурку, и засмотришься. Больно уж воробей хорош, когда, несмотря на непогоду и свою неприхотливую жизнь, не выказывает печали. Крутится весь день под ногами, то и дело перелетает с дерева на столб, со столба на забор, с забора на асфальт, и так без конца.

Правда, долго летать воробей не в силах, и если ему не давать садиться, он может погибнуть. Конечно, воробью никто не препятствует, и он волен делать все, что ему вздумается. Воробью достаточно только взлететь, перепорхнуть, и вот он уже опять сидит, оживленно покручивая во все стороны головой. Дальние перелеты воробью ни к чему, так как все, что ему нужно, у него под боком!

А не пускают его выброшенные нами куски и крошки, на которых разводятся мухи, великое обилие семян сорняков, златогузки, совки и шелкопряды, разного рода мошки и гусеницы, личинки и так далее. И все это с утра до вечера воробьи клюют, хватают в воздухе, на деревьях и земле, спасая тем урожай человека. Доброе бы слово сказать за то воробью-домоседу, но люди больше замечают, что он повадился в конопельку, чем хвалят его.

Суетлив воробей, замечали в народе, а пива не сварит! Ну так что с того? Разве воробьи еще и горох тормозить подвизались, если они всегда такие живые?

Нет, по воробьям из пушек не стреляют, потому как бесполезное это дело, да они того и не заслуживают! Вернее будет поблагодарить их за соседство, полезное для человека во всех отношениях, а что до воровства, которым воробья всегда попрекали, так разве это убыток? И все-таки, как ни странно, в народе к воробьям часто относились презрительно, даже враж-

дебно, так как считали их самыми настоящими ворами, совершающими якобы большие опустошения вокруг дома.

Само имя этой птицы сложилось, несомненно, из двух слов: «вора бей!» Так называли воробьев русские крестьяне, у которых на конопляниках воробьи обклеивали спелые семена. «Вора бей! Вора бей!» — кричали деревенские мальчишки, которым было поручено охранять коноплю. Но много ли зерен мог унести маленький воробьишка, при его и без того обильном меню?!

Даже гнездышко у воробья — и то немудрящее, как будто наспех прилепленное, да это и понятно: всю свою энергию и умение птицы расходуют на уничтожение вредных насекомых. Оттого они и занимают чужие скворечники, чтобы хоть как-нибудь перебиться, вывести потомство и рассыпаться по всей округе. Лучше иметь другом одного воробья, как говаривали умные люди, нежели десять ласточек, и когда у тебя свой воробей — это не то что общий бык.

В старинных сказаниях к воробью тоже выказывалось непонятное пренебрежение. В них упоминалось, что когда Христа распинали, воробьи летали вокруг креста и чирикали: «Жив, жив», чтобы евреи продолжали его мучения. Голуби же в это время ворковали: «Умер, умер», желая избавить Спасителя от мук. С тех пор воробьи — проклятые Богом птицы, «христо-продавцы», а голуби — птицы святые.

По другому поверью, прегрешение воробьев относится к той поре, когда жиды искали младенца Христа, чтобы его убить. Православные говорили, что его нет более на свете, а воробьи кричали: «Жив!» И было дано воробьям за их прегрешения такое наказание: Бог им ноги спутал невидимыми оковами, чтобы они не ходили, а прыгали.

В народе с воробьями связывали такую историю... Есть будто бы одна ночь в году, по осени, когда черт забирает воробьев себе. Перед наступлением этой ночи воробьи сидят, насупившись, и пищат так, что страх. А придет ночь, они слетаются в одно место, и там черт забирает их, насыпая ими целую меру. Наполнив ее воробьями, черт выравнивает верх чубуком: которые птицы при этом ссыпаются, те и остаются на земле, а остальных, что в мере остались, черт с собою уносит. Оттого будто бы летом воробьев видно много, а придет зима — и редко-редко какого встретишь.

С приближением весны среди воробьев начинается невероятное волнение. Где устроить гнездо, не занято ли будет старое место под крышей сарая, чем прокормить свое первое потомство? К тому же за соседской кошкой глаз да глаз нужен, потому что стоит только чуть зазеваться, — и маленьких деток поминать как звали.

Живя бок о бок с людьми, воробей к ним и к домашним животным быстро привыкает и не боится их, почему часто его называют удальцом: «Воробей и на кошку чирикает!» Но как бы высоко воробей ни залетал, орлом он не будет, что его, наверное, не особо беспокоит. Умный воробей под кровлей хлебного амбара гнездо себе по весне въет — знает, где можно поживиться.

Бурно потекли ручьи, запели скворцы, а воробьи, бывает, так расчирикаются, словно хотят заглушить весенние песни скворцов. Каждое воробьиное семейство перетряхивает старые гнезда, строит заново, тут же играет без устали — и так с утра до вечера. Никогда не увидишь по весне воробья скучающим, без дела, — ну, если только в непогоду.

Экая радость увидеть таким весенним днем кустарник акации или сирени, густо усыпанный вживкающими воробьями! Воробьев — тьма, все они необыкновенно оживлены, а сидят до того плотно, что не протиснуться меж ними самой маленькой птахе, но при этом они нисколько друг другу не мешают и только еще более возбуждаются от такого тесного соседства. Весна на дворе — полное довольство тепла, запахов и света, и маленькие воробьишки не в силах скрыть своего восторга.

Их волнение, кажется, вот-вот перехлестнет через край: напыжившиеся тельца дрожат, голоски беспрестанно журкают, захлебываются, ты даже остановишься напротив сгрудившихся птиц — как страстно они воодушевлены всем происходящим! А вокруг солнечное раздолье, пьянящий дурман и торжество жизни, в которой воробьи — не самые последние! Даже неустанную капель перебивает их неугомонная суета, и оттого небо становится синее, солнце ярче, а воздух звонче!

Не без зависти поглядывая на воробьев, представляешь себя таким же неунывающим и радостным. Думаешь с улыбкой: вот опять прошла зима и вместе с ней миновали тягостные думы... Сколько света проснулось в душе, доброго ожидания и надежды!

А воробьи, между тем, только жарче чирикают, восторженно прославляют долгожданное тепло. И где бы тут, казалось, духу неугомонному уместиться, когда вся птица — пуховичок с ноготок, в ладошке не видать?! Однако только ее на улице и слышно: «Чики-ври, жив, чики-ври, жив, чики-ври, жив, жи-ки, жи-ки, жи-ки, жив, жив, жив!»

Хорошо внимать этой незамысловатой воробьиной музыке, что звучит прямо у дома! Синиц, что радовали нас все мартов-

ские утра, и не слышно. Только вездесущие воробьи маленькими стайками, по двое, по трое, но не в одиночку, без умолку снуют под окнами. Какое-то воробьиное столпотворение, призванное растормозить, поскорее сбросить с себя путы зимы и воскреснуть. И все благодаря милым воробьям, что как маленькие оголенные сердца бьются без устали весь весенний день и никогда не замирают!

Но проходит весеннее время, полное занятых тревог, забот и легких огорчений, и в поправленном старом гнезде вновь начинают пищать малыши, а неумные папа с мамой уже подумывают о следующем потомстве. Не успеет в мае вылупиться и подрости первый приплод, как воробьишка откладывает следующие яички, и так все лето. Великую гвардию нужно успеть воспитать родителям, чтобы управиться со множеством вредоносных насекомых, и способны на это только воробьи.

Воробей не примечателен ни внешностью, ни голосом, и не мы выбирали его себе в соседи, но тем не менее он более всех других птиц привязан к человеческому дому, рядом с которым находит и пропитание, и уют. По тесноте общения с человеком, помимо воробья, могут сравниться только разве что крыса или мышь, приносящие больше вреда, чем пользы, зато уж воробей — истинный его помощник. И даже одежда воробья, хотя и неброская, все же обращает на себя внимание, если приглядеться к ней достаточно пристально. Да и голосок, так хорошо всем знакомый, на деле вряд ли может наскучить, поскольку, скорее, выражает неиссякаемый задор и неустрашимость перед судьбой, зловредность которой воробей так часто испытывает на своей незатейливой шкурке.

То кошка соседская повадится выдирать его коричневатого

пегие перышки, то хозяйский кот примется за дело, но все эти кошачьи поползновения сравнимы для воробья с чистой забавою, в отличие от нескончаемого осеннего дождя или лютого январского мороза. К добру, говорят, воробью ненастье, коли стреха под боком, и когда она спасает, воробей и на человека чирикает. Но более всего страшится он бескормицы, и если хоть изредка перепадает воробью семя, то беда ему по колену.

Старого воробья на мякине не проведешь, а молодого и на испуг просто так не взять, потому как обладает эта птица незаурядным жизненным настроением. Откуда что и берется, когда он налетает на кур, уток и даже индюков. Одно слово — забияка, но с характером, которому позавидовала бы любая и более крупная птица. Попробуй кто-нибудь тронь его!

Куры опасливо обходят воробья, будто не замечают, а петух, хотя и хорохорится, шаркает шпорами в пыли, все же с робостью поглядывает на него. Утки раздраженно крикают, толкуются, завидя воробья, и только индюк, напыжившись, важно проходит мимо, показывая, что ему-то здесь бояться некого. Но воробью до всех этих обитателей птичьего двора дела мало, он сам себе хозяин, который ничего и никого не боится.

Воробей — птица верткая, хватистая и никогда своего не упустит. В ней какая-то особенная смелость, для такой малой птахи вроде бы и не подходящая. Ни у синицы-матушки, ни у зяблика-интеллекта такого напора не чувствуется. Воробей четко представляет, в какой момент и как ему надлежит себя вести. Попусту затевать толкотни он не станет.

Иной раз и в повадках птицы, и в стремительном коротком полете видна некоторая прямолинейность, но она тоже по-свое-

му неотразима. Воробей только от бесстрашия несколько суеблив и резок в движениях, на самом же деле он осмотрителен, всегда насторожен, с любой бедой в силах совладать и выйти из нее сухим и невредимым.

Присмотревшись повнимательнее к этой птице, особой любви в себе, может быть, и не обнаружишь, но заважаешь уж непременно! Крохотным сердчишкой трепещет в воробье какое-то особое обаяние, так что, глядя на него, невольно подумаешь: воробей — это неунывающий мужичок в сером армячке, который по дворам шныряет — крохи собирает, в полях ночует — коноплю ворует, словом, не плошает и при этом никому не мешает. Невелик воробей, зато нет его удалей!

### *Лесные усы*

лочь, только начинает светать, и туман еще с оглядкою опускается в низины, а некоторые звери уже возвращаются с охоты. Всю ночь они провели в поисках добычи и теперь крадутся кто с чем, чтобы накормить детенышей или, жадно утолив голод, припрятать оставшееся на черный день. Близкое утро подсказывает им их чутье, и звери спешат вернуться в укромное логово, где будут терпеливо пережидать опасное светлое время, пока темнота вновь не накроет своим покрывалом засыпающую землю.

Незаметно открывается зеркало лесного озера. Как будто легло на него парное дыхание ночи и все еще не рассеялось: вода в озере кажется молочной. Зубцы самых высоких старых



елей словно стесаны туманной дымкой, безжизненно завязшей между невидимыми кронами. Лес еще спит, но уже ощущает зарождающееся вокруг движение.

Ощущает его и твое растревоженное ночными запахами и звуками сердце. Восторженным страхом вторит оно им, то захолонет вдруг, то забьется часто-часто. Стук его так внятен, что кажется: бьется оно и внутри, и где-то рядом, как будто это сердце всей ночной природы, что увидит любую лесную тайну — и она разом ему открывается. Да не понять так скоро этой тайны, знай смотри вокруг, как зверь, вдыхай, выпитывай, вслушивайся.

Тишина с каждой минутой нарастает, и все еще слышится далекое кукование кукушки, перебиваемое монотонными посвистываниями сыча: два этих протяжных звука, как будто стремящихся неспешно друг к другу, создают в предрассветном лесу удивительный и странный дуэт. Нет еще красок, полных радостного беспокойства, но восход уже ощущается по дрогнувшему и зашевелившемуся воздуху. Небо стало похоже на синезеленый колокол, который вскоре наполнится малиновым звоном зари. Все лесные звуки становятся выпуклыми и очень отчетливыми.

Вот еле ощутимым силуэтом продвигается вдоль опушки леса волчица: время от времени останавливается, пристально вслушивается, замирает. В зубах она несет задавленного зайчонка, который безжизненно болтается у нее на груди. Похрустывает под волчьими лапами слежавшийся снег, испаривают вспугнутые со сна птицы, и опять все замолкает.

Настораживаясь, волчица чуть заметно трогает ушами, поджимает хвост и холодным взглядом смотрит прямо перед со-

бой. По-видимому, сейчас, в темноте, она руководится более осязанием, чем слухом и зрением, очень недоверчиво относясь ко всем незнакомым ей предметам. То, что она не видит, улавливает ее отменное чутье. Нужно быть предельно осторожной, не шуметь и не оставить после себя каких-либо следов, которые бы могли привести к логову ее врагов.

В случае любого шума волчица тотчас прижимается к земле и крадучись устремляется к ожидающим ее волчатам. Словно тень, продвигается волчица своим ночным путем, в особенности весной, в мае, когда на уже вытаявшую землю часто выпадает последний снег. Охотники ждут этого события и по следам кормящего волка отыскивают нору. Сколько бы зверь ни запутывал свой след, тот все равно приведет в его логово.

Даже близкие к природе люди нередко думают, что дикие животные, пользуясь неограниченной свободой, бродят где им вздумается. Однако, если присмотреться к жизни таких лесных обитателей, как лось и барсук, заяц или лиса, нетрудно убедиться в обратном. Нахоженные звериные тропы не так уж тяжело разглядеть, если ты достаточно часто ходишь в лес, а острый глаз бывалого охотника приметит тропу зверя даже по нескольким перевернутым сухим листьям на земле и примятым травинкам, с которых сбиты капельки росы, или по легким царапинкам от когтей на коре деревьев и камнях.

Выйдешь на такую тропу, остановишься на миг как зачарованный и задумаешься о чем-то, глядя на нее, а она все дальше в лес забирается. Вьется узкой канавкой во мху, пахнет горько листом и грибами, и всё не кончается. И уж когда устанешь по ней идти, она выведет к разохшемуся осиновому корыту. Это солонец, куда лоси время от времени заходят в надежде

полизать недостающую им соль, а ее уже давным-давно никто не подсыпает. Попался бы хоть один лось навстречу!

Целое лето пробивает тропку к роднику на дне глубокого лога неутомимый барсук. Ведя ночной образ жизни, он как никто вынужден остерегаться, быть внимательным, и в этом ему помогает его удивительная предусмотрительность; короткое приземистое туловище с узкой головой и весьма подвижной шеей, обладающее к тому же широкой спиной и толстым круглым задом, замечательно способствует беспрепятственному продвижению ночной порой в густом лесу. Благодаря такому своеобразному строению тела да еще жесткой, плотно прилегающей к нему шерсти барсук свободно проникает в самые захламленные участки чащи, а в норе чувствует себя, как поршень в цилиндре.

Тропы зверей — это хроника их перемещений с места на место. Обнаруживая такие пути животных, всегда усомнишься в той «безграничной свободе», которой они пользуются. Многие звери на протяжении какого-то времени держатся на одной территории, где у них имеются места для сна и отдыха, кормежки или испражнений. Здесь могут встречаться выходы соли, урочища, пригодные для купания, водопоя или грязевой ванны, и все эти участки зверей регулярно ими посещаются. Раз проложенный путь с завидным постоянством используется даже последующими поколениями зверя, несмотря на то, что со временем обстоятельства меняются и на нем могут возникнуть препятствия, например завалы деревьев или буйные заросли.

Благодаря постоянному использованию почва на такой тропе уплотняется, и растительность постепенно исчезает. Чем тяжелее и крупнее хозяин тропы, тем глубже врезается она в землю, тем шире расступаются вдоль тропы ветви, но вот раньше, ког-

да тропы только прокладывались, зверю было нелегко миновать преграды. А если учесть, что зверь пробирается по лесу чаще всего ночью, то становится странным, как он мог пробраться бесшумно, оставаясь для всех незамеченным, да к тому же не поранившись о колкие сучки и ветви...

Звери, как и люди, воспринимают мир при помощи органов чувств: глаза видят, нос улавливает запахи, язык узнает вкусы, кожа и шерсть ощущают прикосновения, уши слышат. Говорят, что уши в лесу — первое дело, глаза и все прочее — потом. А вот для многих животных и не то, и не другое, и не третье. Главное для них — усы...

Усы, эти длинные волоски, животным просто необходимы. Ими они распознают предметы «на ощупь», так же, как мы, люди, пальцами. Усы эти необыкновенно чутки: слегка коснулись чего-либо — и зверь сразу чует: тут дерево, ветка или трава.

Хотя мы про волка, лису или рысь говорим «усатые», представляя себе их симпатичные морды, на самом деле никаких усов у этих зверей нет. Чувствительные волоски только по виду напоминают усы, и ученые называют их вибриссами. Название это произошло от латинского слова «вибрацио» — «дрожание», «колебание». Растут вибриссы у зверей возле носа и в ушах, на подбородке, над бровями и даже на брюхе, а щеголяют ими не только самцы, но и самки.

...Вот в темноте рысь насторожил запах спящего рябчика, она потянулась мордой в кусты, но никогда не наткнется зверь на острую ветку или сучок, потому как только дотронутся вибриссы до невидимой преграды, то сразу предупредят зверя об опасности. Вибриссы такие чувствительные, что могут даже не коснуться предмета, лишь приблизятся к нему, а животное все

равно почувствует его. Так, отворачивая от каждой веточки, ствола или камня, зверь уверенно лавирует в любой темноте, даже когда спешит и спасается бегством от погони. Природа наделила зверей очень чувствительным органом помимо других, которые они имеют. Не будь его — и не помогли бы зоркие глаза и чуткие уши!

Вибриссы у некоторых животных растут и на ногах... Они помогают им пробираться по опасным каменистым кручам, в непроходимой для человека чащобе, позволяют среагировать на неожиданно возникшее препятствие при беге. Для меня было полной неожиданностью обнаружить у зайца подобные волосы на передних лапах, сбоку, почти у самого их основания. Ранее не замечаемые, даже после удачной охоты, когда зайца всегда тщательно и с удовольствием рассматриваешь со всех сторон, они удивили своей необыкновенной длиной.

Без таких усов зайцу не обойтись в темную пору, если он выходит на жировку. Этими вибриссами он нащупывает себе дорогу. Заяц разыскивает пропитание по ночам, и длинные вибриссы для него, словно палочка для слепого человека. Но слепые люди передвигаются медленно, осторожно, зайца же благодаря удивительным усам — не догнать!

Такие же длинные, утолщенные волосы выступают на лапках, животике и ушках белки, чем резко увеличивают ее осязательные возможности. Вспугнутая во сне кровожадной куницей, которая обычно передвигается в поисках добычи верхом, белка безбоязненно перепрыгивает в темноте с ветки на ветку, скрываясь от преследования. Вибриссы ее очень подвижны, и зверек может двигаться по самым замысловатым траекториям.

Барсуку даже в кромешной темноте помогают вибриссы на

его голове. Барсук не ошибется и сразу обнаружит вход в узкую нору, когда будет возвращаться домой с охоты. Вибриссы обязательно вырывают лису, и она без промедления нырнет в неприглядное для глаз логово, спасая от собак свой драгоценный хвост.

Вибриссы совсем незаметны, если даже смотреть на них в самой близости. Но если, зная об их существовании, рассматривать вибриссы как продолжение тела животного, учитывая его скрытый образ жизни, то тогда можно неожиданно открыть для себя, что они есть нечто большее, чем просто органы чувств. Они — стремление зверя заглянуть за горизонт своих способностей, желание красться в ночи, впитывать ее до мельчайших подробностей и каким-то шестым чувством дотягиваться до еще более неведомого в себе и этой лесной жизни.

Всем хороши такие «лесные усы» — и красотой, и выгодой, и приятной для каждого зверя уверенностью, что он имеет в своем арсенале эти удивительные возможности, но самое главное — звери, как и мы, люди, наверное, пытаются порой дотянуться до чего-то несбыточного в своей жизни, и усы помогают им в этом. Человек — с бородой, а они — сами с усами, потому как если вьется у зверя усок — будет ему и мяса кусок!

### *Трясогузкины причуды*

*Весь июльский день проходил я в лесу, собирая грибы с ягодами, и из-за сильного дождя опоздал на электричку. Вымок весь до нитки, промерз, а до следующего поезда еще два с половиной часа. Чем занять себя?*

Вскоре дождь закончился, в воздухе сразу посветлело и стало тепло. Из круглого чердачного окна станционного домика молниеносно вылетали черноголовые ласточки, взмывали на теплых потоках воздуха вверх, то и дело переворачиваясь, ложились в головокружительное пике, а у самой земли ловко выходили из него и, кувыркаясь, влетали через несколько секунд обратно в окно. Некоторые из ласточек, прижимаясь к земле, выхватывали еле приметные в их клювах травинки и тут же возвращались на чердак. Другие же, взмывая в небо, охотились за невидимыми насекомыми, находясь в воздухе гораздо дольше в отличие от тех, которые просто собирали материал для гнезд.

С равным интервалом выпархивая из станционного окна, ласточки через такой же промежуток времени возвращались. Без боязни ошибиться по ним можно было сверять часы. Но более занимало другое...

Неподалеку от круглого окошка проходили телеграфные провода, на которых, беспрестанно взлетая и вновь присаживаясь, располагались верткие белые трясогузки. Нетерпеливо покачивая хвостиками, они время от времени поглядывали в круглое окно чердака, как бы чего-то ожидая. Как только ласточки выпархивали оттуда, трясогузки бросались вслед за ними и, преследуя их клювом в самый хвост, не отпускали до тех самых пор, пока ласточки не залетали к себе обратно.

Далее трясогузки следовать почему-то остерегались и, усаживаясь на провода, вновь дожидались вылета ласточек, чтобы сломя голову броситься за ними в очередное преследование. Выделывая в нагретом воздухе сложные пируэты, они точь-в-точь копировали их волнительное парение.

Ласточки словно не замечали своих преследователей, но иногда отвечали трясогузкам легким уколом, прямо на лету повернувшись к ним маленьким клювом. Это как будто еще более распалало юрких белых птичек, и они с усиленным рвением гонялись за недостижимыми ласточками. Случается, что во время охоты ласточки и сами часто сопровождают идущего человека, собаку или лошадь, ловя облепивших их насекомых.

До боли в глазах наблюдая за этой воздушной эквилибристикой, я никак не мог понять: играют трясогузки с ласточками или попросту задирают их? Рядом, на самом карнизе, как будто совершенно равнодушные ко всему, сидели нахохлившиеся воробьи. Выглядели они для солнечного дня очень смехотворно, с озабоченным видом наблюдая за происходящим, и было неясно, почему трясогузки никак не донимают воробьев, оставаясь к ним безразличными.

Их маленькие сердца, наверное, переполняла радость от ощущения теплого летнего дня, с обилием воды и вкусного корма, и взволнованным от всего этого трясогузкам не доставало чего-то увлекательного, вот они и предлагали себя ласточкам, только в них находя достойных для игры приятелей. Или, может быть, непоседливых птиц задевала та озабоченность, с которой ласточки ухаживали за птенцами и устраивали свои гнезда?

Что бы там ни было, но трясогузки не оставляли свои причуды, и я, позабыв обо всем, отрешенно следил за их стремительными перемещениями и никак не мог найти ответа на мучающий меня вопрос. А что думаете вы?..

## *Сердобольная птица*

Ходишь, бывало, по весеннему лесу, и тишина вокруг становится все напряженнее, как будто она сейчас взорвется и напугает. И вот ни с того ни с сего вдруг застрекочут в елочках сороки, затрещат что есть мочи, и ты весь подберешься, наостришь свой слух в ожидании чего-нибудь интересного, потому как сороки эту переключку просто так не заводят, все происходящее в лесу им любопытно, и пропустить его они никак не могут.

Выбрав удобное место под вальдшнепиную тягу, замрешь и, пока не потянули птицы, прислушаешься. Может быть, покажется на опушке встревоженная неугомонными птицами лиса, выкатит из густого осинника медведица с медвежатами или взметнется с лежки напуганный заяц. А сороки кружат почти над самой головой, стрекочут без умолку на все лады охрипшими весенними голосами. Нелегко им приходится в эту пору, когда лес наиболее оживлен, полон разных занятых событий, и сороки, подмечающие каждую мелочь, обязаны на все в этом многоликом и меняющемся мире по-своему реагировать. Сорокам весною становится как никогда хлопотно и радостно жить.

Трудно бывает разобрать и догадаться, что вынуждает беспокорных птиц поднимать такой шум. То ли эта сорочья тревога предназначена для собственных собратьев, то ли сороки действительно уж такие законченные сплетницы, что не могут не предупредить лесных жителей об увиденных новостях. А может быть, эти необычные птицы попросту вздорны? Иначе

чего им бояться, не подпуская никого на довольно близкое расстояние, чем дорогим рисковать? Не чудесным же оперением, на которое стоит только лишь залюбоваться одно мгновение, или длинный сорочий хвост может кого-то серьезно заинтриговать?

Просто сорока может быть всякой: и до невыносимости непоседливой, невероятно приметливой, наблюдательной, порой как-то отрешенно нахохлившейся, притаившейся в самой себе и даже по непонятной причине остервенелой.

Завидев в лесу какого-либо зверя, сорока неумоимо преследует его, перелетая с сучка на сучок, и громко стрекочет, как бы предупреждая всех о происходящем. По стрекоту сороки можно безошибочно угадать, куда направляется степенный лось или метнулся перепуганный заяц... Невероятно досаждают эта птица лесным обитателям, и они, наверное, сильно ее недолюбливают.

А однажды мне довелось наблюдать сороку, не на шутку раззадоренную появлением гончей собаки, которая увлеченно шла по лисьему следу, не обращая внимания на надоедливую сорочью трескотню. Но сорока просто неистовствовала, рискуя вот-вот сорваться с макушки осины от переполняющего ее волнения. Она беспрестанно крутилась во все стороны, наклоняясь при этом так низко, что длинный хвост торчал почти вертикально, озабоченно подпрыгивала, вздрагивая всем телом, и чуть ли не взалхлеб оглашала округу возбужденным стрекотом. Сорока была так увлечена своим занятием, что ничего вокруг не замечала.

И тут я вдруг поймал себя на мысли, что в разносящихся над деревьями звуках угадываю нечто очень знакомое, что не

раз уже слышал в лесу. К моему немалому удивлению, этими звуками оказалась... глухариня песня. Вернее, ее поразительно точное подобие с переходами, непередаваемым пощелкиванием и самозабвенным точением. Сорока, охваченная страстью преследования, произвольно, может быть, даже под воздействием этого самого волнения, выдавала когда-то уже слышанные в лесу звуки. Причем, хорошо ею усвоенные, с невероятной точностью во всех паузах и всплесках, так что в какой-то миг показалось, будто сам глухарь огласил округу своей непреражаемой трелью. Холод куда-то постепенно отступил, и ноябрьский лес по-весеннему ожил и засветился.

Сорока — птица очень самобытная, недаром отмеченная вниманием во множестве сказаний, пословиц и поговорок. В самом облике сороки угадывается нечто сказочное. «Бела как снег, зелена как лук, черна как жук, повертка в лес, а поет как бес» — с любовью загадывали о ней. Но хоть эта птица и хороша собой, сорока от сороки в одно перо родится.

В русском народе, метком на верное слово, за сорокой твердо укрепилась репутация птицы вечно озабоченной, неутомимой и любопытной: «Сорока известие на хвосте принесла», «Фому да Якова и сорока знает», «Знает сорока, с кем зиму зимовать», «Сорока скажет вороне, ворона — борову, а боров — всему городу».

В народе очень широко были распространены разные суеверия, связанные с сорокой. В некоторых местностях сороку называли чертовой птицей и уверяли, что у нее на языке капля чертовой крови, и если она удалит ее, то обретет дар речи. Крестьяне верили, что сороки на Преображенье свой шабаш справляют: их в этот день почти не видно, они от-

правляются помогать черту сено убирать и служат ему вместо лошади.

Принято было думать, что в сороке сидит душа колдуньи, поскольку она жадна, и если попадает бесхвостая сорока, то это непременно суший черт. Оттого, мол, птица падка до блестящих вещей, которые в невероятном количестве тащит к себе в гнездо. А ее длинный хвост — это метла, на которой обычно летает нечистая сила.

С сорокой связывали разные приметы... Сорока скачет по дому больного — к его выздоровлению. Если сорока забирается под стреху — это означает скорую вьюгу. Увидать одну сороку — к несчастью, две — к удаче, три — к свадьбе, а четыре птицы предвещают рождение ребенка.

Люди верили, будто бы сорочьими мозгами хорошо в бане натираться, они как никакое другое средство помогают от ревматизма... В воскресенье на Масленицу, когда пекут блины, один блин подносили сороке, за что она хозяев криком от волка предостерегала. Подвешенная на скотном дворе, будь она живая или мертвая, сорока спасала от шалостей домового, предохраняла лошадей от гоньбы по ночам нечистой силой и отпугивала от скота мух и болезни. Считалось, что если убить сороку между Рождеством и Крещеньем, сжечь ее, истолочь и съесть, будет человеку счастье на весь год.

Душа радуется, когда увидишь на заборе эту птицу. Длинный хвост вздрагивает, голова с лаковым клювом то и дело крутится по сторонам, и стрекотание льется нескончаемым потоком. Почему-то при этом не думаешь, что она ворует яйца, цыплят и всякие ценные вещи, которые пропадают благодаря ей именно тогда, когда они больше всего необходимы. Воспри-

нимается только красота птицы, ее необыкновенная ухоженность, а желание любоваться сорокой, кажется, никогда не иссякнет.

В сороке преобладают всего лишь два цвета — черный и белый, но природа так умело ими распорядилась, что птица не перестает удивлять. Черный — ночь, белый — день или снег. Кажется, ничего нового, но вот зеленовато-перламутровые оттенки, отливающие на груди и хвосте сороки волшебным сиянием, делают ее неотразимой. Вдобавок ее щеголеватая походка и осанка, озорной блеск выпуклых глаз, напоминающих какие-то чарующие и неизвестные ягоды, удивительная легкость прыжков!

Уж, кажется, сколько я наблюдал за сорокой и в лесу, и в деревне, а все равно подмечаешь в ней что-то новое. Однажды весной я услышал, как кто-то стонет за ближайшими елками, и стал осторожно подкрадываться... Удивлению моему не было предела, когда я увидел на ветке огромную надутую сороку... Сорока была круглой, как мяч, и надсадно издавала стонущие-шипящие звуки... Это была брачная песня самца, который в порыве любви совершенно преобразился!

Сорока чаще других птиц вертится поблизости от человеческого жилья и потому выдает себя с головой. Присядет, бывало, оглянется и, вскочив на ближайшее дерево, начинает цеплять клювом ветки. Ветки не поддаются, но сорока упирается изо всех сил и в конце концов отламывает, а затем... бросает на землю, и все в точности повторяется.

У меня хватает терпения наблюдать этот спектакль сколько угодно, но у него нет завершения: обломленные ветки калины, ирги, сирени и черемухи валяются на землю, а сорока, не обра-

щая на них никакого внимания, продолжает с остервенением обламывать следующие. Она так и не подымает упавшие, даже впоследствии, и не прячет их, а только вновь и вновь тербит, ломает и роняет. Что означает такое поведение — известно одному Богу!

Сорока — это лисица среди пернатых, тварь невероятно хитрая, смышленная и осторожная. Чутье ее так велико, что иной раз создается впечатление, что она угадывает происходящее на расстоянии.

Как-то в конце ноября, уже по снегу, рубил я в ограде мясо, а мелкие крошки, оставшиеся на полу, вымел на свежеснежавшую порошу к дровянику, где их и видно не было: красное крошево надежно скрывал глубокий снег. Все это время сороки не прилетали на деревья, что располагались прямо у дома, и не рассаживались на старый забор, с которого можно было следить за моими действиями. Сама же ограда находилась вместе с конюшней под крышей, что тоже не позволяло вездесущим птицам наблюдать за происходящим. Тем не менее сороки, пока я на минуту заходил в дом, незамедлительно появились у того места, где хоронились в снегу мясные крошки. Что заставило прозорливых птиц молниеносно появиться у подвернувшейся поживы на этот раз — для меня до сих пор остается полной загадкой!

Есть одно обстоятельство, из-за которого мы перестаем замечать красоту птицы: сорока примелькалась, поскольку каждый день попадает на глаза, и все чаще люди просто не обращают на нее внимания. Так же, как и на все другое, что они незаслуженно пропускают мимо, не обладая хотя бы долей той любознательности, которой обладает неутомимая птица. Что

вынуждает ее оказываться на месте происшествия прежде других и громкогласно оповещать всех своим стрекотанием? Только ли ее вздорный характер?

Поначалу неугомонное стрекотание сороки воспринимается как взбалмошное желание хоть с кем-либо да поссориться. А если сорока не хочет встречать серьезно, она готова расстрезвонить об увиденном по всему свету. Ей, кажется, ничего не стоит в один миг разбередить себя и через минуту как ни в чем не бывало расхаживать барыней. Только достаточно приглядевшись к сороке, длительное время наблюдая за ней и в лесу, и в деревне, понимаешь: шум, который эта птица постоянно вокруг себя создает,— ее удивительная суть, без которой человеку было бы очень скучно.

Замечательно, что сорочье стрекотание воспринимается всеми людьми по-разному и каждый волен слышать в нем то, что ему хочется. Сорока возбужденно стрекочет, усевшись на выцветшем заборе, а у одного это рождает музыку в душе, желание встречи со сказкой, у другого же — раздражение. Но сорока ни в чем не виновата, она никому не угождает и хороша уже тем, что есть. Когда над округой разносится ее возбужденный гомон, это значит, что жизнь полна красоты, и сорока вносит в нее свою замечательную лепту: возбуждая себя, сердобольная птица способна расшевелить всю деревню!

Усердие сороки в выражении ее чувств — скорее, приятные хлопоты, нежели пустое беспокойство. О ком, о чем — неважно, главное, что сорочье стрекотание — радостное дополнение любому дню, независимо от времени года. А поскольку всякому дню подобает его забота, то уж сорока никак не может без нее обойтись. Ей, наверное, невыносимо жить без постоянных

забот, так же как и человеку — без доброго слова. Как говорится, не то забота, что много работы, а то забота, как ее нет!

Восторг сороки — это какое-то сладостное исступление, забытие самой себя, временное отрешение сорочьего духа от мира, а вернее — проникновение в его суть благодаря такому восторженному самозабвению. В сороке происходит воспарение ее духа, насколько это возможно, и в этом черно-белом, исторгнутом из себя восхождении птица достигает, казалось бы, недостижимого, а удовольствие ее не знает границ. Как сладостно, наверное, быть в такие моменты сорокой, которая в своей неугомонности, с одной стороны, отрывается от мира, а с другой — удивительным образом сочетается с ним.

В народе всегда отмечалось это неподражаемое свойство сороки — сокотать: «Когда у сороки все перья побелеют, тогда и сокотать перестает», «Сорока-посвистуха, деревенская баба-лепетуха», «Знать сороку по языку...» А еще о ней говорили как о вещей птице, которая даром не стрекочет. По сорочьему сокотанию находят и ее гнездо, и до нее самой добираются, ибо сама сорока скажет, где гнездо свила. Иной раз даже кажется, что своим сокотанием сорока думает соловья перещеголять — «кабы на сороку да не свой язычок».

Из-за своего языка сорока, конечно, представляется только женщиной, что болтает без умолку. По-бабьи трещит, лотошит,— словом, знатная говорунья. Мужчина-сорока — это что-то невиданное и невообразимое. Кажется, все сороки — только женского рода, и как их язычок хочет, так они и сокочут.

Что знает сорока, все скажет, и чего не знает — и то скажет: обо всем у нее речь. Невелик сорочий язык — одно,



казалось бы, надоедливое стрекотание, но какая музыка разливается над лесом, полем или деревней, когда она подаст свой голос! И хоть говорят, что всякая птица от своего языка погибает и что язык до добра не доведет, а еще — не спеша языком, да не ленись делом,— у сороки их и вправду невпроворот!

Прежде чем что-либо начать, она обязательно об этом всем поведает и только затем примется за свою немудреную работу. Веток для строительства собственного дома наломать, глины натаскать, все ближайшие гнезда мелких птиц проверить, в курятник заглянуть, если дверь оставили открытой, уволочь что плохо лежит, и еще многое-многое другое, чего ни за что не успеть другой птице. Собравшись же целой ватагой и заприметив дремавшую на припеке неясить, сороки полдня не дают ей покоя, пока она не переберется от надоедливых птиц куда-нибудь подальше, в гущу леса, а то и вообще гнездо ее разграбят, если, разумеется, обнаружат его. Это лишь малый перечень того, без чего сорока не была бы собой. Одетая, как говорится, просто, но на уме забот со сто!

Сорока вообще более приземленная птица, чем отдающаяся воздушной стихии, и находится преимущественно там, где ей удобнее быть самой собой. Даже в присаживании ее на землю, в том, как она тормозит и прихлопывает при этом крыльями, угадывается еле сдерживаемое удовлетворение от того, что она опять в своей обители. Преисполненная довольства, она гордо вышагивает по земле, то и дело поднимая длинный хвост и покачивая им, но во всем ее облике ощущается нетерпеливое желание побыстрее себя показать, хоть в чем-нибудь выразить, чтобы ее непременно заметили.

Иногда сорока подымается в воздух очень высоко, но полет у нее тяжелый, требующий частых взмахов крыльев, и при сильном ветре становится неверным и медленным. Сорока употребляет крылья только по нужде, никогда не перелетает без надобности даже с дерева на дерево или с куста на куст и лишь зимою совершает более далекие путешествия. Неугомонная птица не в силах надолго отрывать себя от земли, лишая возможности быть сердобольной.

Но ведь сердобolie, как известно, не пустая беспечность, а сердечное участие, сострадание и старание о помощи. Стараются ли для кого-то сорока — трудно сказать, а то, что она до чужой беды или какого-нибудь беспорядка охоча, так это у нее не отнять. Спит и видит, наверное, как царствие сорочье наступило, где она — самая заметная и важнее ее никого не сыскать. Вот чтобы посвятить себя кому-либо по-настоящему — это вряд ли! Сердце у сороки, что вырезка из серой бумаги,— пустое и бесчувственное, для которого одна только боль — о себе. Береги, сорока, свой хвост!

Кстати, длинный хвост очень помогает сороке вернуться на землю, когда она, завидев для себя что-либо интересное, тотчас отвесно пикирует с высоты. На такой скорости да без надежного руля короткокрылая фигура птицы просто закувыркалась бы в воздухе, а взбалмошность сороки не позволяет ей сохранять терпение. Сороке необходимо как можно скорее, именно сейчас, оказаться рядом с тем, что так ее разволновало, и длинный хвост помогает птице в этом стремлении.

Одним словом, возня, суета и беспокойные дела — неотъемлемая обязанность сорочьего рода. Уж такие это птицы, что

хлопот у них полон рот. Но, оказывается, дело этих хлопот не стоит, потому как сорока хлопочет — только себе добра хочет. В народе говорят: «В живых больше корысти», — и это именно про сороку, потому как покуда сорока жива, голодной смертью она помирать не станет!

Проснувшись однажды в деревне от торопливого сорочьего стрекотания, я сразу подумал: это ведь неугомонная птица делится своими новостями, причем без малейшего перерыва... Слушаешь и удивляешься, сколько же их у нее?! А новостей у сороки действительно хватает, и обо всех надо успеть рассказать!

Чувствительная ко всему, сорока начинает озабоченно соко-тать, предупреждая хозяев о приближении гостей. На этот счет в народе сложили известное поверье, что «сорока сокочет — гостей пророчит». И действительно, завидя на дороге движущиеся сани или повозку, сорока неистово оповещает всех об этом, скачет, перелетает с дерева на забор и, не в силах сдержать своего возбуждения, захлебывается в стрекоте. Вот-вот лопнет от переполняющих ее чувств!

Диву даешься в такие моменты этой птице: как близко для себя воспринимает она людскую озабоченность, в то же время не в силах избавиться от своей. Язык сороки отчасти помогает ей в этом, и она, кажется, готова выплеснуть себя без остатка, чтобы хоть ненадолго угомониться!

Ну, а о том, как хитры и вороваты сороки, можно рассказывать бесконечно. Ко множеству известных всем историй лишь добавлю, что у себя в деревенском доме я недосчитался зеркальца, украденного с подоконника, куска мыла, привлекшего сороку, по-видимому, своим ярко-зеленым цветом, и

целой газеты аж в шестнадцать страниц! Самое удивительное, что всего этого сороке действительно зачем-то не хватает, и чего бы птица ни нашла, все норовит утащить и спрятать. Охоча сорока до находки, и даже про человека, который нечист на руку, говорят: «Ворует, как сорока».

Но возможно ли объяснить такую странность сороки, как воровство ею различных блестящих предметов? Желание сороки во что бы то ни стало завладеть красивой блестящей вещью — вероятнее всего, обычная потребность, тяга живого существа к прекрасному. У птиц это лишь зачаток чувства, заставляющий их покушаться на все, что сверкает и как-то выделяется. Золотые часы, кольца, вилки и ложки, браслеты, пуговицы, запонки — вот неполный перечень предметов, которые в первую очередь бросаются в глаза вездесущим сорокам.

Обычно «тяга к прекрасному» проявляется только у тех представителей животного мира, кто меньше заботится о корме, которого в избытке, и у него высвобождается время для игры. Живя бок о бок с человеком и пользуясь его дарами, сороки более чем кто-либо из пернатых преуспели в этом, превратив забаву в смысл всей своей жизни. «Не учи сороку вприсядку плясать!» — не без зависти замечают об этой птице, когда остаются бессильны против ее невероятной изворотливости.

Но, несмотря на свое игривое лукавство, сорока, в отличие от ворона, вызывающего у некоторых людей зловещие мысли, все же сумела снискать к себе благодушное отношение. Даже прозвище «сорока-воровка» произносится о ней без всякой злобы, а просто как великодушное примирение с необходимым

злом. В народе сороку больше любят, чем недолюбливают, ей прощают многие прегрешения.

Ни в период гнездования, ни после его окончания сороки, как ни странно, не собираются в большие стаи, а это значит, что они не могут причинять ощутимый ущерб хозяйству человека. Правда, сороки нередко держатся по двое, по трое и даже более, но такое бывает крайне редко. Скорее, им необходимо время от времени обмениваться впечатлениями, немножко рисоваться собой, и, быстро надоев друг другу или вспугнутые чем-либо, они опять разлетаются. Сорокам достаточно короткого общения между собой, и, вдобавок, они не против соседства ворон, галок или вездесущих воробьев.

Что же касается непрекращающихся налетов сорок на сады и огороды, то тут они действуют больше поодиночке, крадучись, их не сравнишь с проказниками дроздами. Птицы, конечно, обклеивают спелые вишни, очень усердно выискивают в густой траве клубнику и выбирают самые сладкие яблоки, но получается это у сорок так обаятельно и весело, что почти не сердиться на них. Сороки, кажется, только украшают наши огороды и не живут без озорства и своего белого бока. За что же на них обижаться?

Пожалуй, за что сороку действительно стоит не любить, так это за ее разбойничье отношение к маленьким певчим птицам. В весенние месяцы сорока разоряет и уничтожает множество птичьих гнезд, выпивая яйца, а также поедая уже выведенных птенцов. Одно семейство сорок может в короткое время уничтожить все пернатое население какого-либо садика или леска, и вскоре вместо радостных голосов певчих птиц здесь будет раздаваться одно надменное стрекотание.

За это, конечно, сороку не любят. Кому понравится, если воруют твои яйца, а то и живых детей?! Но сороке почему-то ее воровство удивительным образом сходит с рук, в отличие, скажем, от вороны. Может быть, тому виной ее красивое платье, более симпатичные повадки и не такой вороватый вид?

Если сорока только приноравливается совершить какое-либо злодейство, то ворона, обычно недолго думая, уже его осуществляет. Сороке, видимо, не хватает какой-то безжалостной твердости, присущей серой вороне, и она за это даже более любима. Пока сорока-белобока взмахнет своим зеленым хвостом, поведет долгим носком,— вороны и след простыл, и вот эта настороженная медлительность, наверное, и спасает сороку, более чем ворону, от худой славы.

Благодаря своей ловкости, смекалке и неунывающему характеру, а также роскошному убранству сорока немало способствует украшению и оживлению нашей природы, особенно зимой. Какой восторг переполняет сердце, когда сорока купается в снегу в скупых лучах зимнего солнца или озабоченно стряхивает снег с опушившихся берез! Впрочем, хороша она в любое время года, и стоит ей только появиться рядом с человеком, в нетерпении прострекотать, взмахнув хвостом, и вновь вокруг воцаряются уют и порядок!

Сороки всегда на виду, и этим необыкновенно радуют нас, но вот летом они стараются меньше попадаться на глаза, потому как высиживают в эту пору птенцов и имеют обыкновение прятать свои массивные гнезда в частых кустарниках невысоко от земли. В жизни сорок наступает, пожалуй, тот самый момент, когда птицы, казалось бы, вопреки своей природе не про-

являют уже известную им неугомонность. Они как бы затихают, стараются стать незаметными.

Круглое сорочье гнездо не сразу заметишь, и находится оно в самой гуще веток, так что до него при всем желании незаметно не подобраться. Для хищных птиц, кошек с куницами и тем более человека гнездо сороки остается недоступным. К тому же сорока как птица сообразительная устраивает одновременно несколько гнезд: одно — настоящее, где выводится потомство, а другие — подставные. Сорока очень умело располагает их и маскирует точно так же, как и основные. Она даже изредка посещает эти пустые гнезда, чтобы обмануть недоброжелателей.

Вместительное гнездо сооружается очень тщательно и надежно из крупных сучьев, переплетенных стеблями травы. Внутренняя часть гнезда выстилается тонкими ветками, входное отверстие и пол обмазаны глиной, а сверху возводится крыша. Самка откладывает в нем полдюжины зеленоватых с бурыми крапинками яиц, насиживает их около трех недель, а самец кормит ее, не стрекочет и ведет скрытный образ жизни. Птицы в эту пору как будто исчезают, и несведущие люди искренне недоумевают: куда подевались неугомонные сороки?

Неугомонность — вот, пожалуй, основная черта сороки. Само ее имя, содержащее в себе сорок дел, которые надо непременно переделать и везде успеть, включает в то же время и способность быть разной. Где-то проявить настырную наблюдательность, сноровку или стащить что плохо лежит, а затем, быть может, попасть впросак и, чуть оправившись от испуга, уже стремиться к новым заботам, без которых сорока просто не была бы собой. Сороке в лесу, кажется, все до-

зволено, обитателям леса она хорошо известна, и чтобы избавить себя от неприятностей, многие из них не случайно прислушиваются к ее нетерпеливому стрекоту, далеко разносящемуся над лесными опушками. Ведь он для зверей в большинстве случаев может означать лишь своеобразный сигнал — предупреждение об опасности, и они, конечно, отмечают эту птицу.

Сороке же от того большое удовлетворение. Ей, может быть, больше ничего и не нужно. Знай летай над лесом, не пропускай мимо внимания ни единой мелочи да успевай первой растрезвонить всем об увиденном. Именно в этом удовлетворении и заключена, наверное, суть птицы, которой до всего и всех есть дело, она одна такая создана Богом и тем жива, а надоедливая своим однообразием песня — лишь подтверждение ее неизменной сердобольности. Когда я наблюдаю за сорокой, мне всегда почему-то кажется, что сердобольная птица доставляет хлопот больше себе, чем другим, и это ей ужасно нравится!

## *Старая береза*

Хорошо иной раз улечься на землю и посмотреть, как разнообразно живут сверху деревья. Какие у них разные судьбы, что выражается в диковинной форме крон, изгибах ветвей и стволов, шуме листвы и всех звуках, которые они издают.

Вот заскрипела береза, и ты не сразу определишь, какая из них подала свой голос. Долго вглядываешься в тишину леса и

наконец замечаешь с необыкновенной радостью: вот эта. Смотришь и слушаешь, пока сам не почувствуешь, как она плачет о былой молодости, словно это ты сам.

Если береза начинает скрипеть, ее нужно рубить,— так считают люди, заготавливающие дрова. Но я повременю пока и приду на помощь, только когда ей будет невыносимо от старости. Сейчас же я слушаю, как старая береза проповедует мудрость...

### *Взгляд из окна*

Нелегко отыскать в лесу такого зверя или птицу, чтобы они долгое время не подозревали, что на них смотрит человек. Встречи со зверями сами по себе не часты и, как правило, кратковременны. Что же касается птиц, то они скоро улетают, словно чувствуя чье-то незримое присутствие. Так бывало не раз, когда я наблюдал за ними через оконное стекло лесного дома.

Подкравшись тихо, замрешь и смотришь на расстоянии вытянутой руки, чем занимаются птицы, какое им свойственно поведение, или разбираешь яркое оперение, запоминая его всевозможные оттенки. Уже через несколько секунд птицы начинают выказывать тревогу, подхлестывают себя ею, разжигают и, доведя обостренное свое восприятие до накала, улетают в возбуждении, тогда как ты все это время, затаив дыхание, оставался недвижим. Значит, что-то они угадывают сквозь свою видимую раскрепощенность, какой-то механизм пред-

усмотрительности, заложенный в них природой, надежно срабатывает, быть может, даже независимо от их воли.

Так, обнаружил я однажды за своим окном обыкновенного осоеда, птицу в наших лесах довольно редкую. В каких-нибудь десяти шагах от дома сарыч с нетерпеливым клекотом переминался с ноги на ногу, рыл под собой землю в густой траве, а как только я подошел к окну разглядеть его получше, тут же улетел.

Осоед, как выяснилось позже, раскапывал осиное гнездо, но боясь при этом быть ужаленным. Осы — главная часть его обеда, но ест он только тех, которые не совсем развились и не могут повредить его своим ядовитым жалом.

Осоед был красив, вел себя, в отличие от других хищных птиц, как-то раскованно и очень свободно передвигался по земле. Но более всего поразила меня его резкая, совершенно неожиданная настороженность, поскольку следил я за ним с подсолнечной стороны и видеть меня за двойными рамами он не мог. Не мог он меня и услышать, потому как подобрался я к окну, закрываясь от птицы стеной, не делая резких движений.

Какие-то мгновения он еще находился в полной отрешенности, был начисто раскрепощен в своем увлечении добычей осиных яиц, но затем молниеносно насторожился, беспокойно закурился на месте и, слегка махнув мощными крыльями, улетел. Звук его голоса — торопливое, часто повторяемое «ки-ки-квик» — еще долгое время слышался над лесом, а я подумал о том, что поводом для беспокойства осоеда послужил только мой взгляд, может быть, мое пристальное внимание к нему, и птица несомненно почувствовала это.

## *Зяблик-интеллигент*

В редком лесу не услышишь звонкой, задорной песенки с характерным «росчерком» в конце. Песенка звенит с самой ранней весны и до конца лета. Даже когда умолкают все птицы, эта продолжает петь, напоминая веселые весенние переливы. Природа всегда оставляет какого-нибудь одного певца, когда другие уже умолкли и просто не имеют возможности подать свой голос.

Увидеть птичку нетрудно, хотя она величиной немного меньше воробья. Запомнить ее тоже легко: окрашена птичка достаточно ярко. Самца можно узнать по красивому оперению — бордовым щечкам и грудке, синевато-пепельной головке, спинке и двум поперечным белым полоскам на крыльях. Лоб его совершенно черный, а глаза светло-карие. Самка окрашена скромнее, она зеленовато-серая, почти невзрачная. Конечно же, это зяблик — самая распространенная и многочисленная птица наших лесов.

Именно его, а не овсянок, зеленушек и коньков, встречаем мы тогда, когда отправляемся в сад, парк или загородный лес. Темно-бордовые изящные птички снуют под ногами, в траве, как мыши, их можно увидеть перелетающими с ветки на ветку, их звонкие голоса сливаются в сплошной переливающийся шум, который всегда сопутствует хорошему, приподнятому настроению.

Весной самцы прилетают раньше самок на несколько дней и к их прилету осваивают гнездовые участки. Но вот конкретное место самка выбирает сама, и там, где, по ее мнению, находится наиболее удобная развилка дерева, она и помещает свое

искусно построенное и замаскированное гнездо. С этой целью птички применяют лишайник и тонкие пленочки бересты, а иногда, что удивительно, бумагу. Для прочности гнезда стенки его опутываются паутиной, изнутри же лоток выстилается конским волосом, шерстью, перьями и пухом.

В кладке зяблика всегда находится полдюжины яиц, которые очень быстро насиживаются, и через пару недель уже появляются птенцы. В этой незамедлительности проявляется не пустая торопливость, как может показаться на первый взгляд, а тщательно продуманная природой сущность, вернее, ничем не поколебимая потребность птичек как можно быстрее огласить лесную округу радостной трелью, будто от этого зависит, раньше придет весна или запоздает.

Зяблик вообще очень живая и проворная птичка. Он находится в движении почти весь день и несколько успокаивается лишь во время сильной жары. По земле он то скачет, то бегает, на сучьях охотно подвигается бочком, а во время полета быстро и красиво описывает волнообразные линии и, прежде чем сесть, парит некоторое время, распустив крылья.

Зяблики, в противоположность чижам, щеглам и многим другим птицам, плохо переносят неволю, они с большим трудом привыкают к клетке, никогда не делаясь вполне ручными. В маленьком зяблике, не в пример другим птицам, очень много воли, которая выражается в его свободно льющейся песне.

Даже долго сидящий в клетке зяблик непременно начинает биться и метаться при приближении к нему человека, часто разбивая себе при этом крылья, клюв и лоб. Зато как спокойно ведут себя эти птицы в природе, когда мы подходим к ним

почти вплотную, а они, кажется, становятся от этого еще более восторженными, отлетая немного и вновь принимаясь напевать свою радостную песенку. В клетке зяблики поют не в полную силу, чаще только бормочут что-то себе под нос, так что и разобрать их бывает трудно. Для выражения своих чувств им нужны девственный лес и свобода.

К слову сказать, зяблики избегают темных густых боров, но очень охотно поселяются в светлых лиственных лесах, в речных рощах, в старых фруктовых садах сел и деревень, в парках и скверах городов, там, где воздух проникнут солнечным светом, где есть возможность обзора и свободного перелета. Белый свет зябликам на волю дан, и только его они превозносят в своих песнях.

Самое выразительное в песенке зяблика — это лихой «росчерк» в самом ее конце. Будто музыкант вложил все свое умение в завершающий аккорд и виртуозно оборвал его, вынуждая слушателей замереть в восхищении. После чего зяблик делает короткую паузу, как бы наслаждаясь произведенным эффектом, и все повторяется.

В первую очередь песня его означает, что зяблик собрался гнездиться. В лесу птицам легче слышать друг друга, чем видеть, и песни помогают им заявить о себе, в то же время узнавая своих соседей. Затем песня, конечно, адресуется пока неизвестной зябличихе, которая возвращается на родину чуть позже. Как это и полагается, ей предстоит выбрать лишь одного певца из целого хора голосов, а потому самцы изо всех сил стараются произвести наивыгоднейшее впечатление. Они успевают в течение одного часа исполнить свою песню несколько сот раз!

Порой самцы так увлекаются, что, пренебрегая опасностью, поют в полный голос у самого гнезда и при этом еще танцуют, приседают и кланяются, расправляя и складывая крылышки. Но зяблик не был бы самим собой, если бы позволил себе подобное, когда самка начинает откладывать яйца. Он, конечно, продолжает петь при появлении в гнезде кладки, но теперь у него уже хватает благоразумия делать это в достаточном удалении от своего гнезда.

Многие птицы — чудесные синоптики, потому что воздух — их стихия, и они очень чутко реагируют на все происходящие в нем изменения: скачки давления, которые еще не ощутимы для человека, незначительное уменьшение освещенности, скопление наэлектризованных частиц перед грозой... И, что особенно важно, птицы реагируют на них заранее. Это находит отражение в их пении, криках, поведении и ежегодных сроках прилета и отлета.

Наверное, каждый по весне слышал вездесущего зяблика. Обычно его пение звучит так: «Пиньк... пиньк... витти-ти-ти, витти-ти-ти, ви-чу, ви-чу, ви-чу...» Но вот в другой раз услышишь его песню и не узнаешь... Что же случилось с зябликом? Сидит на ветке присмиривший, уже не такой восторженный, и совсем по-другому, без своего мелодичного раската, монотонно цедит: «Рю-пинь-пинь-пинь, рю-пинь-пинь-пинь, тррю-рю-рю-рюм!» Знатоки говорят: «Зяблик рюмит — к дождю». Зяблик не обманывает, предсказывая непогоду за полдня, а то и за сутки.

Что ж тут поделать, любит зяблик хорошую солнечную погоду и будто прославляет ее в своей чистой и радостной песенке, но если на лес надвигаются тучи, он нахохливается и сидит

слегка насупленный. Его легкий характер не позволяет ему по-настоящему сердиться, но только вместо его веселой песенки «витт-ти-ти-ти, ви-чу!» мы слышим несколько унылое «трр-ррю, трр-ррю, тррююм!» Голосок дрожащий, вроде как надломленный, да и в самом деле: что возьмешь с крохотной птички, которую в лесу и не каждый заметит! Ей по нраву ясный день, солнце, и тогда все зяблика видят и отмечают его чудесную песню.

Трудно сказать, отчего зяблика так называли. Может быть, оттого, что он зябнет при самом незначительном похолодании, когда начинает капать дождик, но ведь и прилетает зяблик раньше других птиц, в трескучие морозы. Осенью, бывает, держится до первого снега, а то и на зиму остается, если она теплая и достаточно корма. Значит, неверно ему причисляют такую повадку, как боязнь самой малейшей тени и постоянное дрожание: «трр-рю-рю-рю, трр-рю-рю-рю, трр-рю-рю-рю». Скорее, у зяблика просто немножко портится настроение, когда солнышко прячется и другие начинают зябнуть. Вот потому, что он не боится холодов и появляется у нас по весне именно в эту пору, он и получил такое имя.

Нет, зяблик — замечательная птичка, вызывающая только восхищение, и не страшны ей холода ни весной, ни осенью, потому что она добрая по нраву и, наверное, самая интеллигентная среди мелких птиц. Зяблик обходится малым и при этом не обижается на свою судьбу, а больше радуется, распевая повсюду свои чистые песенки. Заслышав их, любой человек незаметно для себя возрадуется.

Птицеловы пение зяблика называют боем, потому что поет зяблик звонко, задорно и мелодично. Песня начинается с не-

скольких повторяющихся друг за другом свистов, называемых, в свою очередь, «россыпью» и «стукотней», а заканчивается красивой трелью — «росчерком» или «раскатом». У зябликов наряду с посредственными исполнителями встречаются поистине замечательные певцы, заслышав которых, обо всем забудешь и вспомнишь соловья. Только у соловья, несмотря на его блестящее исполнение, песня какая-то уж больно правильная, а у зяблика она до удивления неподражаемая и легкая. Не покидает ощущение, что зяблику ничего не стоит излить эти волшебные, под стать самой весне звуки и он без труда разносит по лесу свои чудесные трели с утра до вечера. Он как талантливый мальчишка среди других певчих птиц, что вознамерился с озорством, но без бахвальства передразнить саму весну с ее капелью, и это ему с легкостью удастся!

С зябликами однажды был даже связан для меня приход весны! С одной стороны, радостный, потому что они сновали всюду по траве, в проталинах и оживляли отходящую от снегов землю, а с другой — я никак не мог тогда отыскать свой первый глухариный ток, сидел на крыльце лесной избушки и, вопреки происходящему вокруг торжеству, был несколько опечален. Весна идет, все гремит и радуется, тогда как я пропускаю день за днем впустую: не даются мне глухари. Но вот снующих повсюду бордовых птичек я запомнил хорошо, и они, нужно сказать, очень мне помогли. Почему-то именно зяблики олицетворяли для меня в тот год приход весны, и я надолго запомнил ее вместе с оживленными, красивыми птичками.

В тот весенний день, помнится, все как-то прямоком, сразу открылось и хлынуло. До этого весна будто разгонялась, набиралась духу, а с утра вот что-то произошло... Может быть, даже



с ночи уже повеял иной ветер, воздух запах по-особенному, хоть уже и ударило в голову оттаявшим на полянке корьем и щепой, и как бы прогрело где-то вдали.

К полудню небо совсем растянуло, тяжелый и пряный воздух тронулся и побежал за легкими перистыми облаками, а солнце брызнуло сквозь ветви в самые потаенные таежные уголки. И разом заиграли ручьи, завертелись над ожившей землей первые бабочки, и стало как-то нестерпимо дышать: мешала ватная телогрейка. Грудь требовала иного духу, жадно вбирала обступающие ароматы, рука невольно распростала все пуговицы...

Огромной живой волной тронулось над землей нечто неуловимое, только что пробудившееся, и вместе с ним зашелестели по вылинявшей прошлогодней траве симпатичные птицы: туда-сюда, туда-сюда... В красных рубахах — brave женихи, в оливково-сереньких платьицах — скромные невесты, откуда что взялось! Самчики, конечно, более нарядные — ведь весна на дворе, и только знай снуют под ногами, что-то важное для себя разыскивают!

Прислонился я тогда к косяку, двери — нараспашку, и слушаю лес, а больше — этих самых красногрудых птах, что, кажется, одни только и вносят в него оживление. Песни у всех зябликов похожие, но исполняются по-разному... У одного — задорная, у другого — вовсе беззаботная, с веселым «росчерком», третий — будто бисер по стеклу рассыпает. Но ни у кого не чувствуется грусти, только радость. Ну, может быть, лишь с нежным замиранием в конце...

Но это, скорее, бывает у самочки, песня же зяблика — чисто мужская, уж больно много в ней нескрываемого ухар-

ства, воли. У самочки — тихая, с загадкой на более серьезное и ответственное существование. Одним словом, зяблик просто радуется жизни, самочка и радуется, и грустит, и чего-то будто остерегается.

Зяблик... Веселая маленькая птичка... Вот уж и не помышляешь о холоде, произнося его имя! Скорее представишь некоего неустрашимого забияку, что только раззадоривает всех своим призывным пением. Вернее, неустрашимого и милого певца, что не хорохорится, когда ему холодно, а просто радостно и без остатка изливает маленькую душу, которая, судя по песне, не так уж мала.

Еще с именем зяблика связано много веселого перезвона, который разносится по лесу, перекачивается невидимыми звуковыми горошинами и, отскакивая от ветвей и стволов, разлетается во все стороны: «уюить-тиньк, уюить-тиньк, тиньк, тиньк-к, тиньк-к-к...» Мелодичная переливчатая дробь льется ненадоедливой музыкой, и становится не зябко, а приподнято. Век бы не уставал тянуться за ней, не замечая ни весны, ни лета, ни осени. Зяблик — провозвестник какой-то лучшей жизни, что стоит за временами года и ждет своего часа, когда можно будет объединить все живое единым потоком радости.

Только что зимой не поет зяблик, уж больно он для нее жизнелюбивый, а она не терпит непокорных. В народе про него даже замечали: «Зябнул зяблик и не так, это ему не в новинку!» Но все же зима — не его время, зато лето для зяблика — истинное наслаждение!

В середине августа на большом лесном пруду, открытом солнцу, я наблюдал, как зяблики купаются. Даже это они умуд-

рялись проделывать с каким-то приподнятым настроением, в отличие от других птиц. Я сначала и не разобрал, что это зяблики, а только заворожено смотрел, как какие-то птахи со всего разлету окунались грудками в воду и тут же взмывали, подымая фонтан брызг.

Солнце светило в глаза, и я никак не мог разглядеть, что это за птицы. Пришлось обойти пруд по берегу, и только с подсолнечной стороны я наконец-то разглядел в озорных птичках зябликов. Помнится, я даже не удивился, а только в который раз отметил их необыкновенно приподнятый характер и опять порадовался за птичек, что устраивали себе душ из радужных капелек недостающей для них прохлады.

Зяблики порхали над прудом целой стайкой, но не мешали друг другу, несмотря на то, что день был жарким и каждому, наверное, не терпелось охладиться. Они почему-то выбирали для своих ванн именно середину пруда, соблюдая при этом строгую очередность. Как только один из них выскакивал из воды и оставлял за собой в воздухе мириады поблескивающих брызг, другой, уже разогнавшись, пикировал на переливающуюся поверхность воды, восторженно окатывал грудку, животик и лапки и так же восторженно взмывал в умиrotворенное августовское небо. Радости их не было предела!

Совсем неподалеку, поближе к камышам, держался утиный выводок. Полтора десятка отъевшихся за лето кряковых уток плавали степенно, изредка покрякивая и настороженно взглядывая в сторону резвящихся зябликов, и, по всему, не одобряли их веселья. Они, наверное, даже осуждали этих вездесущих птичек, но были великодушны и впрямую никак не выказывали своего недовольства. Ведь вокруг стояло такое раздольное

лето, полное чистой воды, теплого воздуха и обильного корма, и разве можно было в эту пору оставаться недовольным?!

А зяблики все порхали над переливающейся водной поверхностью, устраивая фейерверки брызг, залиvisto перекликались между собой и были неподражаемы в своем восторженном восприятии окружающей их жизни. Я же смотрел на этих замечательных птиц, слушал их зазорное щебетание и не верил, что когда-нибудь смогу стать таким же вдохновенно чистым и свободным, как они.

Наблюдая за тем, как со всего разгона зяблики бросаются в воду, как волнующе переливаются их радостные голоса, я в который раз убеждался в том, что эти птички очень решительны. Недаром они одни из первых, кто прилетает к нам по весне. Еще снег покрывает землю, а зяблики тут как тут: ни крутой утренник им нипочем, ни злющая заметь. Не зябнет крохотная птаха — знай развеселые весенние трели разводит! В народе издавна оттого и сложилось, что зяблик — птица отважная.

Но во всякой птице своя отвага, как и свое сомнение. Так и в зяблике — все больше какой-то примерности поведения. Верно, что зяблик знатен своей необыкновенной призывной песенкой, именно ею он больше всего выделяется среди других мелких птиц, да только поет он не вызывающе, с вывертом, а очень трепетно и изящно. Зяблик как бы и прославляет лесную жизнь, и в то же время никому не хочет мешать. Он удивительно трогателен в своем вечно припархивающем и звонком существовании.

Выдастся тебе знойной летней порой остановиться на отдых у края какой-нибудь вырубki с незаметно стелющейся по-

близости тропинкой, и присядешь ты, разгоряченный ходьбой, в хвойный холодок, на лысый высохший пенёк поосмотреться, перекусить да июльскую тишь послушать. Все в ней дурман и сказка, непреходящее стремление заглянуть в самую глубь. Сидишь так, словно зачарованный, и боишься пошевелиться: охочему до леса человеку в этой хвойной чащобе — чистое наслаждение!

Тут и подвернется тебе аккуратная птичка. Припорхнет неожиданным, чем-то озабоченным гостем, пробежит у самых ног и, быстро повернув головку, прошьет черным глазком-бусинкой... Сизовато-серая шапочка шлемиком задорно воздега на самой макушке, подклювье бархатисто-черненькое, яркое, спинка с грудкой румянится, как восходное солнышко. Лапки же тонюсенькие, будто иголки, семят, переступают, а хвостик, наподобие трясогузкиного, вздрагивает при каждом шажке... Одно слово — удалец!

Не шевелясь, наблюдаешь за занятой птичкой и про себя отметишь: зяблик более застенчив, нежели по-воробыному настырен, и есть в нем какая-то еле приметная аккуратность. Зяблик ведет себя так, будто примеривается ко всему, что его окружает, тихонечко прикидывает, разумеет, и это никому не приносит вреда. Он тактичен в выборе поведения, может быть, даже внутренне опрятен, а его ласковый и мелодичный голосок тонкой лесной дудочкой возвещает всем о чистых помыслах: «Витт-ти-ти-ти-ти, витт-ти-ти-ти-ти, витт-ти-ти-ти-ти, ви-чу, ви-чу, ви-чу!» Хвостик при этом чуть вздрагивает, и, глядя на эту замечательную птичку, невольно улыбнешься и про себя подумаешь: «Ну чистый ангел!»

Зяблик-интеллигент... Даже и не знаю, отчего я так назвал этот рассказ. Обычно все определяет первое впечатление, чувство, без которого трудно написать что-либо стоящее, тем более — правдивое.

Зябликов на своем веку я насмотрелся вдосталь, а также наслушался их, ибо ходить постоянно в лес и не встречать этих птиц невозможно, но вот разглядел по-настоящему лишь однажды, когда сидел в ожидании электрички за станционным домиком, в березовой роще и к моим ногам подбежала маленькая птичка. Птичка была невзрачной, какой-то худенькой, и даже расцветку ее я разобрал не сразу, до того она выглядела изможденной. Наконец я узнал в ней зяблика...

Зяблик не вздрагивал и не перелетал при каждом моем движении, а спокойно припрыгивал рядышком и даже норовил приблизиться, будто прося защиты. Было похоже, что он совсем меня не боится, и только позже я заметил, что правый глаз у него отсутствует. Первое, что пришло мне тогда в голову, — это рассказать о маленькой симпатичной птичке, как она того заслуживает, и еще я вдруг почувствовал в зяблике какое-то трогательное достоинство, с которым он и тянулся ко мне, и в то же время не переходил допустимую черту.

И ведь такой маленький, думал я, многими не замечаемый, если рассудить по-простому — так себе, кроха, а хочется назвать его не иначе как интеллигентом! Почему? В чем тут дело?

Дело в том, что зяблик из себя представляет... Во-первых, в достоинстве, что он всегда в себе держит, но никому не навязывает. Во-вторых, в замечательной песенке, где нет ничего

лишнего, напускного. В-третьих, в привлекательном внешнем облике, неизменно ухоженном, аккуратном. Конечно, многие птицы притягивают наше внимание, но среди маленьких — он единственный, самый заметный и яркий, хотя и не бросается в глаза, потому как скромный!

Зяблик — одна из немногих птиц, кто без опаски относится к человеку в любой обстановке. Поющий самец позволяет смотреть на себя с расстояния трех метров, не проявляя никаких признаков беспокойства. Самка разрешает наблюдать за строительством гнезда почти с такого же расстояния. А слетков родители могут кормить буквально под ногами, прямо на тропинке. Зяблики только радуют всех своей песней, и потому у них нет повода кого-либо остерегаться, тем более — человека.

Очень симпатична в зяблике неустрашимость, с которой он прилетает к нам раньше всех, чтобы порадовать своей песней и растопить замерзшие за зиму сердца. К тому же делает он это все лето, то есть поет, когда другие птицы умолкают, занятые выводением потомства, а между тем самка зяблика совершает две кладки, и птицы заняты ничуть не меньше остальных пернатых. И еще зяблик улетает в числе самых последних, до первого снега оставаясь с нами и жертвуя, таким образом, собой, потому что отлетать ему приходится в более невыгодных условиях. Почему же зяблики решаются на подобное вопреки своей выгоде?

Опять же только оттого, что действительно интеллигентны в своем отношении к жизни, не требуют того, чего им не полагается, не обрекают других на голод и прозябание, стремятся всегда к солнцу, свету, а если их нет, они по-смешному, но

ненадоедливо для всех дуются какое-то время, правда, недолго... Зяблики — утонченные существа, хоть и такие маленькие, и природе потребовалось долго оттачивать их прелестное многообразие.

И вот они однажды появились такими — милыми, веселыми, не вызывающими ничего, чем бы можно было повергнуть кого-то в переживания. Достойные себя птицы, способные на то, что не под силу даже многим крупным животным. Но не тело определяет суть, а душа, которая у зябликов, судя по их песне, необыкновенно возвышенная.

## *Сны*

\*Часто в лесу мне снятся сны, в которых люди превращаются в животных или ты сам становишься каким-то диковинным зверем с неприкаянной душой. Очень не хочется потом терять его обличье, будто ты уже когда-то был им, жил нехитрыми звериными устремлениями и ничего не боялся. Втайне всегда желаешь вернуться к утерянной жизни, но происходит это только ночью...

...Вот после захода солнца с высокой горы над рекой вдруг скатывается тебе под ноги старуха-тоска с огромными прозрачными глазами. Вертись и вращаясь, вся в капельках серебрящейся воды, она неприметно перевоплощается в выдру. Выдра встает на задние лапы, вздрагивая и покачиваясь на цыпочках, заглядывает в душу.

Глаза у выдры глубокие, на первый взгляд, ничего не

значашие и мутные, но такие пронизывающие. Они порождают в душе неясную тревогу, может быть, даже растерянность или настороженность. Кажется, ничего хорошего не предвидится.

Но сон проходит, наступает пробуждение, и все увиденное отдаляется на неопределенное расстояние, с которого трудно определить истинную суть того, что на самом деле происходило во сне и пока почему-то не сбылось. В глубине души остается только неприятный осадок от неосуществленного и отодвинутого на время, как что-то такое, чем можно воспользоваться, если захотеть. Это что-то создает иллюзию вседостижимости, помогает сохранить вкус к жизни, не позволяя, впрочем, пока достаточно ясно разобраться в ней.

Бродя днем по лесу, я неожиданно вспоминал глаза пришедшей из сна выдры, на самом деле еще несколько лет назад попавшейся в оставленный кем-то капкан на берегу таежной речки, и отчего-то становилось не по себе. Может, оттого, что выдра, приспособившаяся тогда к своему незавидному положению, но не присмирившая, напоминала мне себя самого с безвозвратной утерей чего-то важного в жизни и в то же время осененного невидимым присутствием лесного бога.

А выдра, переваливаясь в речном песке и от этого как будто позолоченная, выпускала из оскаленной красивой пасти запашистые облачка утробного пара, тотчас растворяющиеся в остановившемся осеннем воздухе, и неотступно притягивала своей непостижимой глубиной. Поражало в этой глубине то, что она не была отрешенной, с болью, какую полагается, по нашим понятиям, иметь затравленному зверю, а как бы

даже еще более преображалась в своей восхитительной простоте жизни, не способная попусту недоумевать и предаваться безволию. Оставаясь в капкане, выдра не казалась несвободной...

Сова во сне появлялась ближе к полудню и, скользнув неувидимой тенью вдоль опушки, исчезала. Кажущаяся почему-то бездушной, она заполняла собой все сонное пространство, будто повелевая им.

Появление ее в светлую пору выглядело странным и немного жутким. Что-то неприятное неизъяснимым холодком закрадывалось в душу и тотчас отступало в неизведанную темноту, когда сова пронеслась над головой. Своим ненавязчивым возникновением птица вызывала ощущение невероятной кровожадности, даже какой-то неминуемой безысходности для всех, кто оказывался рядом с ней. Ее парение сковывало чувства и мысли, подавляло, и даже во сне ты начинал сомневаться: была ли это на самом деле сова?

После своего исчезновения сова сразу перевоплощалась в вымытого белого мужика с матенькой бородкой, в опрятно скроенной и ладно обтягивающей плотную грудь рубаше. Большие рыхлые руки его напоминали бесшумные крылья, взгляд казался пуст и светел, а полные губы трогала непонятная улыбка. Весь он излучал плотоядное терпение, безразличие ко всему живому и был страшен.

На этом сон прекращался, а неприятное ощущение от чего-то украденного и растворившегося вслед за совиной тенью еще долго не покидало. Ни разу не ухнувшая сова несла с

собой еле осознаваемое чувство завораживающего трепета, глубоко скрытого, непонятого, но все-таки сладко одолеваящего воображение.

Я никогда не ездил на слоне, даже не помышлял об этом, наверное, очень приятном занятии, и вдруг в затерянной среди уральских лесов избушке мне приснился сон, в котором нет ни единого звука, все тихо до глухоты, но зато ослепительно светит солнце и через большую цветущую поляну медленно идет слон с голубой покатою спиной.

Я сижу на морщинистом загривке слона, которым он изредка покачивает в такт неторопливым шагам, смотрю вокруг и понимаю, что все это сон. Огромные уши-лопухи колышутся и обдают утробным слоновьим духом. Ехать на слоне очень удобно, потому что многое недостижимое становится доступным. Обидно только, что ощущение сна не покидает, и это несколько портит восприятие чуда.

Катание верхом на настоящем слоне и есть, наверное, самое доподлинное чудо. Во сне это волшебное состояние выглядит, как ни странно, более реально, нежели наяву. Макушка слона с вихляющимися опухами-ушами так трогательна, что представляется его самым уязвимым местом, до которого хочется дотронуться. Как только я протягиваю к нему руку, слон неожиданно пропадает.

Вероятно, увиденное свидетельствует о моей усталости и даже некоторой бесприютности. Так в этом сне все безжизненно, тихо. Только голубые и серые краски, не вмещающее обыкновенного воздуха странно дымчатое пространство и как

будто присутствие большой желанной женщины с теплыми губами...

После пробуждения ничего не хочется делать, а только неподвижно лежать, слушать, как дышит за стеной избушки не-сгибаемый лес, и ощущать на лице чье-то неуловимое и нежное прикосновение.

## *Пни и ветер*

Одинокие пни на первый взгляд кажутся безучастными ко всему, неторопливо перекатывающими свои угрюмые мысли. Усталыми корнями погруженные в темноту подземного царства, они отдаленно улавливают шепот буйно подступающих к ним трав. Иногда откуда-то сверху до них доносится неясный шум, и, угадывая в нем для себя что-то очень знакомое, они, поднатужившись, пытаются вспомнить, где и когда уже однажды слышали подобное. Но одиночество их так беспросветно и подступившая старость настолько неумолима, что, забываясь в дремотном полусне, они опять на неопределенное время утихают, пока ветер не принесет им какие-нибудь сладкие мысли.

Но много ли они могут взять с него в этом неуловимом общении? Скорее всего, ветер и не замечает в своем порывистом напоре присутствия пней и, потерявшись какое-то время об их порядком иссохшие лысые спины, опять куда-то уносится. Старые пни, разволновавшись от его ласковых прикосновений, еще долгое время не могут успокоиться, на разные лады вспоминая только что пережитое. Если в такие моменты по

ним слегка ударить какой-нибудь березовой или еловой палкой, то они тотчас отзовутся тонким сухим звоном. Так пни реагируют на оказанное им внимание.

Натолкнувшись в лесу на сухой растрескавшийся пенёк, обычно посочувствуешь его утомленному виду и с неожиданным облегчением присядешь перевести дух. Рука твоя нащупывает приятную шероховатую колкость, и ты чувствуешь, как легкое волнение исходит от пня, и душа твоя мгновенно перенимает его. И тогда ты поднимаешься невольно и, поворачиваясь к пню лицом, долго смотришь, что же насторожило тебя в нем.

Пристально вглядываясь в померкшие годовые кольца, пытаешься прочесть память остановившегося времени. Словно это звуковые бороздки: проведи по ним зеленой иголкой — и запоет тихо обнаженная душа, разбуженная ветром. В мертвом пне вместе с отжившим всегда проявляется неведомое новое.

*Всем* хорошо известен такой симпатичный зверь, как бурундук, и хотя он довольно маленький и далеко не каждый видел его в лесу, зверек этот оживляет лесную глушь. Бурундук, или, как его еще называют, полосатая земляная белка, значительно меньше обыкновенной белки. В лазании по деревьям бурундуки уступают белкам, делают это более неуклюже и забираются на них исключительно для того, чтобы погреться на солнышке или спасаясь от погони. Но зато они проворнее бегают по земле, то и дело шмыгают между кустами, несясь по

прямому направлению, ежеминутно меняя его, и трудно предугадать, что бурундук может выкинуть в следующий момент. Кажется порой, что он ничего и никого не боится, а просто играет, и вся эта беготня доставляет ему немалое удовольствие.

Напоминая по облику белку, бурундук сильно отличается от нее образом жизни. Он предпочитает селиться на земле, выкапывая норы или занимая дупла в поваленных деревьях. Норы его незатейливы и просты, сообщаются с одной стороны с гнездом, с другой — с двумя или тремя кладовыми для зимних запасов, а отдельный длинный изогнутый выход ведет на поверхность. Все норы бурундука сравнительно мелки, поскольку влажность почвы не позволяет рыть их на значительную глубину.

В заготовке корма бурундук бывает неумолим и натаскивает к себе в норку запасы, во многом превосходящие его потребности. В этом ему помогают защечные мешочки, в которых он прячет и переносит пищу. Это и хлебные зерна, и молодые шишки с орехами, а еще ягоды, грибы и сладкие весенние всходы. Кабаны и медведи часто пользуются ими, раскапывая кладовые бурундука и поедая весь его запас.

В сибирских сказках о бурундуке рассказывается как об очень запасливом хозяине. Он заготавливает с осени порой до десяти килограммов кедровых орехов, желудей и семечек, так что спит беспробудно в своей норке до самой весны. Когда первые весенние лучи пригревают его жилище, зверек пробуждается, но не бродит в поисках пищи по лесу, а вскрывает свою кладовую и питается заготовленными лесными продуктами.

Если бурундука все-таки потревожить зимой в его норке, он тотчас проснется и начнет грызаться. Не то что ежик, ко-

торый впадает в полное забытье, а температура тела его понижается до минус полутора градусов. Бурундук не покидает своего жилища во время зимы, но вход в него зачем-то держит открытым.

Весной, в пору размножения, и летом, когда высокая и густая трава скрывает все происходящее на земле, бурундуки почти не показываются на глаза. Они очень быстро бегают, ловко шмыгают между корней деревьев и кустов, и их сложно разглядеть. Чаще их можно увидеть в конце лета или в начале осени, когда кладовые у зверьков заполнены и они позволяют себе погреться где-нибудь на солнышке, наслаждаясь последним теплом перед долгой зимней спячкой.

В такие осенние дни бурундуки особенно оживлены, они бегают повсюду, лихо задрав хвост, и то и дело шуршат опавшей листвой. Именно в это время чаще всего можно слышать их звучный крик или свист, напоминающий жалобный стон хищной птицы. Если за бурундуком погонится какой-либо зверь, не способный достать его на дереве, бурундук возбужденно вертится на суку, улюлюкает и пронзительно свистит. В такие моменты он даже напоминает хищника, который просто дает о себе знать для острастки, а на самом деле не испытывает никаких злобных намерений.

Но смешно представлять бурундука зверьком, способным кого-либо обидеть. Он очень мил, непосредствен, и нужно постараться, чтобы его рассердить. Впрочем, однажды мне это удалось, за что я впоследствии заслуженно поплатился.

Теплыми осенними днями бурундучки очень любят забираться на вершинки невысоких и уже почти облетевших деревьев, замирают там и отрешенно греются на солнышке. В эти

моменты весь вид бурундучка свидетельствует о том, что целое лето он трудился, заготавливал пропитание на холодную пору, а теперь, перед тем как окунуться в долгое забытье, решил напоследок поблаженствовать под ласковыми лучами. Бурундучку, наверное, хочется унести с собой в долгие зимние сны воспоминание о последнем тепле, и он, прикрыв глаза, как будто на самом деле засыпает.

Вот в таком полуотрешенном состоянии я и застал однажды бурундучка на одиноко стоящей осинке, когда брел с ружьем по краю просеки, пытаюсь подманить рябчиков. Бурундучок меня не заметил, потому что сидел с закрытыми глазами и, обхватив передними лапками тоненький ствол, чуть-чуть раскачивался. Вернее, ласковый ветерок слегка поддувал, гнул верхушки деревьев, и бурундучок, наверное, испытывал от всего этого немалое удовольствие. Было занятно стоять прямо под деревцем и наблюдать, с каким умильным видом раскачивается на нем ничего не замечающий зверек.

Я решил вывести бурундучка из этого самозабвенного состояния, желая понаблюдать, как поведет себя зверек, и не придумал ничего лучше, как взять и ударить ногой в нижнюю часть ствола. Результат был неожиданным. Моя опорная нога поскользнулась на влажной осенней дорожке и очень неловко вывернулась, отчего я сразу потерял равновесие, другая же уперлась обратно в ствол, и тот, спружинив, отбросил меня прямо в лужу. Ничего не подозревающий бурундук, запущенный выпрямившимся деревцем в обратную сторону, истошно взвизгнул, судорожно растопырил лапки и, кажется, замер в воздухе на какое-то мгновение. Стоит представить себе погожий сентябрьский день, голубое небо без единого облачка



и нас с бурундуком, одновременно летящих в разные стороны...

Правда, если я оказался в луже молча, то бурундук не прекращал своего визга во время полета и замолк только тогда, когда брякнулся о землю в молодых елочках, опять душераздирающе вскрикнув. Мне было горько, поскольку одежда моя совершенно вымокла, но в то же время и смешно, так как я увидел себя и бурундучка со стороны. Зверек был уже далеко, а я все лежал в луже мокрый и смеялся. Мне почему-то было удивительно приятно лежать вот так в этот осенний солнечный полдень и думать о моем бурундуке, которого я, наверное, совершенно напрасно напугал. Его душераздирающий вопль до сих пор стоит у меня в ушах.

К слову сказать, бурундук издает самые разные звуки, что зависит, по-видимому, от его настроения. Помимо пронзительного и частого посвистывания, которое бывает у него обычно при крайнем возбуждении или испуге, бурундук резко цыкает, стрекочет и даже булькает. А однажды охотники заметили, что этот подвижный и игривый зверек удивительно чутко реагирует голосом на изменения погоды.

Иногда в ясный солнечный день он вдруг начинает волноваться и резко посвистывать, затем садится на камень или пенек, закрывает уши лапками и жалобно кричит: «Трум-трум-трум, трум-трум-трум, трум-трум-трум!» Это означает, что скоро подымется ветер, небо затянется тучами и пойдет дождь. И это точно — прогнозы бурундука безошибочны: если уж кузьма, как его почему-то называют в Сибири, начинает посвистывать утром, то к вечеру погода обязательно ухудшится.

Непогода наводит на забавного зверька хандру, и он кричит свое «трум-трум» печально и мелодично. В такую пору бурундук по непонятной причине становится каким-то неприкаянным (охотники называют это состояние «хворым») и отрешенно сидит на каком-нибудь пенке, взъерошив шерсть. Выглядит он в эти моменты очень занято, и подойти к нему тогда вплотную не составляет труда.

А вот самка бурундука начинает кричать только по весне и не прекращает крика, даже когда кормится. Самцы десятками устремляются на этот призывный крик, а охотники легко ловят их удилицем с волосяной петлей на конце, набрасывая ее на шею возбужденных и ничего не замечающих бурундучков. Во время спаривания инициатива полностью принадлежит самке, и если ее что-то не устраивает, она даже может загрызть самца.

Увлекая его за собой, самка вдруг перестает убежать и отбиваться от его ухаживаний, выбирает приподнятое место и начинает усиленно чистить свою шкурку. Всем своим видом самочка дает понять, что делает большое одолжение самцу, если отвечает на его внимание. Но уже на следующий день после спаривания она не подпускает к себе самца, перед рождением детенышей становится еще более агрессивной, и самец, опасаясь хорошей взбучки, даже перестает заглядывать в ее гнездо.

Вообще, судя по характерному поведению, несложно отличить самочку от самца, если к тому же проявить терпение и наблюдательность. Самцы, несмотря на лидерство самки, выглядят более забавными, и именно они вернее всего создают образ этого необыкновенного зверька, с присущим ему обаяни-

ем, вызывающим только улыбку. Симпатичный с виду зверек по-симпатичному двигается, разыскивает и запасаает корм, ухаживает за своей возлюбленной, пусть даже она его и держит в ежовых рукавицах.

Но главное достоинство бурундучка — в его нежно-золотистом цвете, наподобие спелых орешков, и пяти темных полосках, расположенных вдоль спинки. Еще у бурундучка очень милая мордашка, схожая с беличьей, но только с короткими ушками, и черные бусинки озорных глаз. Ловкое тельце со светлым животиком, который всегда хочется осторожно потрогать, продолжает мило вздернутый хвост, которым может выражаться озабоченность, боязнь или приподнятое настроение.

Количество полосок объясняется, наверное, тем, что больше их просто не уместится на его маленьком теле, и то, что их пять,— замечательное стечение природных обстоятельств. Пять полосок — это не много и не мало, как раз столько, чтобы быть привлекательным, а в какой-то ситуации оставаться незаметным. И без того юркому зверьку полоски вдоль всего тела придают еще необыкновенную гибкость и грацию.

Мелькнет что-то во мху или между корней, а ты сразу и не разберешь,мышь ли это пробежала, метнулась к добыче ласка или юркнул в норку ловкий бурундук. В движении полоски зверька сливаются с окружающей окраской, и при сравнительно одинаковых размерах зверей обычно трудно разглядеть, кто это был. Но вот если день солнечный, бурундук никуда не торопится и ему ничего не угрожает, можно спокойно рассмотреть забавного зверька, полюбовавшись на его полоски.

Теплым сентябрьским полднем возвращался я однажды с охоты и уже на подходе к деревне заметил бурундучка, сидяще-

го на корнях одинокой сосны. Сосна росла метра в тридцати от опушки, и бурундуку трудно было скрыться от меня незамеченным. Подойдя к нему со стороны леса почти вплотную, я наклонился над зверьком и осторожно протянул руку, попытавшись до него дотронуться, но бурундук взвизгнул, издал утробный звук «трум-трум» и молнией взлетел по стволу, застыв в напряженной позе.

Весь он был сама настороженность, внимание и в то же время желание остаться незамеченным. Распластавшись по широковатому стволу, он действительно сливался с его охристо-оранжевым фоном, и только бусинки глаз озорно блестели. Бурундучку, наверное, казалось, что он совсем невидим, но когда я слегка прикоснулся к нему пальцем, он даже не вздрогнул, продолжая сидеть так же спокойно. В общем, зверек оставался невозмутимым, и я еще несколько раз погладил его по золотистой шкурке.

Зверьку некуда было сбежать, он сидел смирно, и я с удовольствием его разглядел. Бурундук раздувал щеки, вскидывал хвост, при этом вновь забавно трумкал, вызывая только улыбку, и все же не двигался с места. Такое поведение бурундука почему-то совсем не удивило меня, а только порадовало, и я попытался поиграть с ним, подражая его голосу.

Бурундук тревожно застрекотал, взметнулся по сосне метра на два и, усевшись на обломанном сучке, посмотрел на меня сверху. «Трум-трум, трум-трум-трум»,— опять возбужденно произнес он и тотчас спрятался за стволом. Удивительно приятно было общаться с этим маленьким лесным существом. Я обо всем позабыл и думал только о том, чтобы он не исчезал совсем, солнечный день продолжался, а лес по-прежнему дарил

мне свою улыбку в виде маленького занятного зверька. Это была именно улыбка, и я был благодарен за нее лесу.

Кстати, бурундучки на самом деле обладают очень забавной потребностью подражать друг другу или все делать вместе. Стоит только одному из зверьков сесть на пенек и начать умываться, как к нему присоединяются второй, третий, и часто весь выводок собирается вместе, изображая необыкновенную озабоченность, если даже за несколько секунд до этого они самозабвенно играли. Когда какой-нибудь бурундучок находит корм, другие тут же бросаются его отнимать. Причем, отнимают как друг у друга, так и у родителей, и чем быстрее распадется выводок, тем лучше будет для всех бурундучков.

Заведя собственный домик, каждый бурундук сразу начинает делать в нем запасы и самоотверженно охраняет его, прогоняя своих собратьев. При этом зверьки редко на самом деле набрасываются и кусают друг друга, а чаще просто преследуют нарушителя спокойствия, как будто и не стремясь догнать его. Зверьки делают таким образом по нескольку кругов, держа между собой постоянную дистанцию, но стоит только одному остановиться, как останавливается другой. Потом преследование может возобновиться, а могут они и разойтись по своим делам. В этом проявляется еще одна забавная черта зверьков — самая обыкновенная непосредственность, которая, кстати, больше присуща именно маленьким обитателям леса.

Так уж повелось в природе, что если она не наделит какого-либо зверя внушительным ростом и размерами, то обязательно вдохнет в него неунывающий характер и неприхотливость. Бурундуки в полной мере обладают и тем и другим, и ты даже порадуешься за обаятельных зверьков, что им нужно совсем

немного для своего маленького счастья: возможность быть, не докучая никому, занимать часть отведенного им внизу полога леса и радоваться, как на это способны только бурундучки — вездесущие и милые зверьки. Само слово «бурундук» неминуемо вызывает улыбку, потому как сразу представляется нечто в высшей степени занятное и смешное. Чего стоят одни только набитые щеки бурундучка, которые мне всегда напоминают очень забавный случай.

...Мы работали на полуострове Шмидта, что составляет северную оконечность острова Сахалин, в устье речки Пиль, впадающей в Татарский пролив, и жили в большой палатке вместе с рыбаками, которые добывали симу, идущую на нерест. Необъятные заросли кедрового стланика подступали к самому морю и изобиловали множеством бурундучков, что то и дело сновали под ногами, забирались в наше жилище, словом, не давали никакого покоя. И хотя мы к ним достаточно привыкли и иногда они нас даже развлекали, зверьки все же порядком надоели. Терпение наше лопнуло, когда бурундуки за одну ночь перетаскали из нашего ледника почти все сливочное масло, которое хранилось там в большой картонной коробке.

Ледник мы выкопали в кустах стланика прямо за палаткой, положили туда, помимо масла, недавно подстреленного оленя, попавшую в сети калугу и ведро ее черной икры, но бурундуки из всего этого богатства выбрали именно масло, которое, по видимому, легко было откусывать и прятать в защечные мешочки. А поскольку зверьков в прибрежных лесах обитало неимоверное количество, им не составляло особого труда довольно быстро разделаться со всеми нашими запасами, если бы мы вовремя не спохватились. Масло бурундучки старательно

припрятали в свои норы, вернуть его уже не представлялось возможным, и, таким образом, на два ближайших месяца наш завтрак значительно оскудел.

Но бурундуки на этом не успокоились. У входа в палатку стоял здоровенный мешок с горохом. Как-то после обеда, когда мы отдыхали, бурундук показался перед отдернутым пологом очень осторожно, как будто оценивая обстановку, и, удостоверившись, что все спокойно, ловко нырнул в мешок. Пошурдив в нем какое-то время и набив полные щеки, бурундук незаметно выскользнул, но вскоре опять появился.

Утащив определенную порцию, он тщательно умывался на улице, охорашивался и после небольшой паузы отправлялся к нам в палатку за новой порцией. По тому, как часто появлялся зверек, можно было предположить, что у нас под боком орудовало целое семейство. Все бурундучки были очень похожи и одинаково мило вели себя, думая, что их никто не видит... Но однажды мы решили изловить хотя бы одного, и у нас это получилось.

По всей вероятности, бурундук привык, что он никому не докучает, никто его не преследует и он может преспокойно заниматься своим делом. Забравшись в мешок через прогрызенное им отверстие, бурундук на короткое время притих, а потом зашебуршал, тихо затрумкал, и, когда он стал выбираться, мы его уже ждали. Прихватив бурундучка за задницу, я попытался вытянуть зверька наружу, но он так набил свои защечные мешки, что голова его застряла в маленькой дырке. Больше всего насмешило то, что в дырке застряли щеки бурундука, до отказа набитые горохом...

Раньше я не встречал в наших лесах этого зверька, но в

последние годы бурундук стал попадаться довольно часто, и хотя местные жители привыкли к нему, меня не переставало удивлять его появление. На Сахалине мне довелось наблюдать этих милых зверьков в огромных количествах, и я, по-видимому, привык связывать место их обитания с кедровым стлаником, который на Урале отсутствовал. Каждый раз, когда бурундук попадался мне в нашем уральском лесу, я вспоминал Сахалин. Здесь, на Урале, бурундук возникал для меня в лесу радостным откровением, а в связи с Сахалином вызывал приятные воспоминания.

В Сибири и на Дальнем Востоке охотники обычно сбывали шкурки бурундуков в Китай, где они шли главным образом на опушку шуб. Якутские мальчики охотятся на бурундучков, приманивая их дудочкой, сделанной из березовой коры, подражая призывному крику самки. Мальчишек не интересуют шкурки зверей, и ловят они их для того, чтобы поиграть. Бурундучки при этом будто понимают, что с ними происходит, и очень сильно возбуждаются.

Вообще, бурундук — зверек непритязательный, живет достаточно скромно, можно даже сказать, незаметно. По характеру он скорее кроток, чем злобен, и очень быстро привыкает к человеку. Если держать бурундуков в постоянном доверии к себе и не обижать их, то они, как правило, перестают бояться людей. Да и сами зверьки по своей природе нередко показывают себя до отчаяния смелыми и независимыми, несмотря на свою покладистость.

Красивая окраска меха, миловидность и подвижность бурундука делают его зверьком, которого охотно держат в домах. Впрочем, их не удается приручить вполне, они все-таки оста-

ются робкими и нелюдимыми, хотя и проявляют немалую игривость и привязчивость. К тому же, как и все белки, они несносны своей страстью грызть решительно все, что им попадается, поэтому их не особенно охотно оставляют дома на долгое время.

Бурундуки хороши в этом смысле там, где присутствует свобода, возможность не быть оторванными от природы и доброжелательное отношение к ним людей. Тогда зверьки как будто еще более оживляются, своим звериным чутьем угадывая, что они нужны и им ничто не угрожает. Когда встречаешь подобное в природе, то радуешься вместе с ними и на какой-то миг представляешь и себя неугомонным бурундучком, который, передувая прорву работы, не перестает оставаться веселым и славным зверьком.

Что же касается Сахалина, то своеобразие его проявлялось именно в людях, живших в лесу у моря и именующих себя нивхами, а также в их отношении к таким забавным и, казалось бы, совершенно не пригодным для чего-либо зверькам, как бурундуки. Но взрослые все же нашли им мудрое применение и превратили их в воспитательную игру для своих детей.

Приручение бурундуков нивхами основано на имитации их спасения. Зверьков вначале топят, несколько раз окуная в воду, а затем пристраивают за пазуху, согревая своим теплом, обещая тем самым в последующих взаимоотношениях заботу и ласку. После этой весьма неприятной для бурундучков процедуры они становятся искренне, насколько это возможно, привязанными к своему спасителю.

Зверьки без усталости снуют по карманам, лущат кедровые

орешки прямо на плече, забираются под рубашку, словом, чувствуют себя совершенно свободно, не собираясь покидать нового прибежища, вполне их устраивающего. Даря, таким образом, своим детям маленьких забавных друзей, нивхи подвергают их души испытанию, и это очень правильно: друга, пусть даже такого маленького и беззащитного, обретаешь, только согрев своим теплом, к тому же ты за него теперь в ответе, а потому обязан заботиться и оберегать. Впрочем, бурундуку палец в рот не клади, поскольку он сам кого угодно прихватить может, ну а если зверька все-таки кто-нибудь обидит, то тот поднимет невообразимый крик, от которого впору ретироваться и более сильному сопернику.

В маленьком бурундуке поражают в первую очередь свобода и грация движений. Он как будто ничего и никого не боится, живет и не тужит. Вся его прелесть в ловком передвижении там, где он почти неуловим.

При всем том, что бурундук очень подвижный зверек, он может быть порой совершенно неугомонным! Бурундук редко бывает занят какой-то деятельностью долгое время, и даже кормиться на одном месте он не в состоянии. Чаще всего бурундук быстро собирает корм в защечные мешочки и потом понемногу ест, доставая из них по кусочку и присаживаясь для этого то тут, то там, как будто его кто-то преследует. Наблюдая за зверьком, легко подумать, что ему чего-то не хватает и он пробует отыскать для себя то положение, которое будет наиболее удобно.

Резвость зверька и непредсказуемость его поведения создают впечатление удивительной сообразительности, которой он обладает. Даже молодой, только что начинающий выбегать из

гнезда бурундучок с первого раза запоминает дорогу, по которой он прошел, и легко возвращается по ней. Когда же бурундук пожелает освоить свой домик, который ему по душе, он так же осмысленно и бесстрашно примется действовать на новом участке.

Если бурундук не пуган и почуял поживу, он, не смущаясь, без оглядки подбегает к человеку, когда тот оказывается рядом с его жилищем, будто выпрашивая, подобно бездомной собаке, подачку. Правда, делает он это более забавно, чем собака, но не менее настырно, и, не получая желаемого, начинает издавать взвизгивающее бульканье, будто угрожая. Хвост его в такие моменты становится столбиком, сам он весь как-то приподнимается, даже чуть-чуть подпрыгивает, и порой кажется, что бурундук вот-вот бросится на тебя.

Сидя однажды у костра и неспешно заканчивая чаепитие после бессонной ночи на глухарином току, я поставил на пенек пустую банку из-под сгущенного молока, и тут же рядом с ней очутился бурундучок. Вздрагивая всем телом от нетерпения, он стал быстро приближаться к банке странными зигзагами, то и дело присаживался на все лапки и опять вскидывался, будто пытаясь рассмотреть, что в ней. Я сидел не шелохнувшись, но все равно было понятно, что бурундучок меня уже увидел, и тем не менее он продвигался к желанному лакомству. В мое отсутствие он, конечно, повел бы себя смелее, а так все же немножко опасался.

Добравшись наконец до банки и еще раз мельком взглянув на меня, бурундучок ловко приподнялся, оперся лапками о ее верхние края и заглянул внутрь. Высунувшись, он опять посмотрел в мою сторону, взвизгнул и восторженно прокричал

свое «трум-трум». Все это, по моему понятию, должно было означать лишь одно: «К великой радости, я здесь, и пока это богатство не будет спрятано — покоя мне не видать!»

Бурундук возбужденно застрекотал, забегал вокруг банки и вдруг бросился на нее всем своим маленьким телом, так что она с грохотом полетела. Но зверек не испугался, а, догнав ее, вновь наподдал, успевая слизывать драгоценную сладость. Ни разу в жизни не пробуя притягательного молочка и, конечно, не ведая его вкуса, он каким-то образом угадал, что это действительно вкусно, и не побоялся утащить банку прямо из-под моего носа. Бурундук не успокоился до тех пор, пока не затолкал ее под корягу.

А вот о каком забавном способе охоты на бурундучков рассказал мне знакомый охотник. Для начала надо заметить, что звуки в жизни занятных зверьков играют не последнюю роль, а может быть — основную, если даже названием этому рассказу послужил один из них — наиболее запоминающийся и характерный: «трум-трум». Но речь пойдет о еще более своеобразном звукосочетании, которое сам бурундук не произносит, оно лишь необыкновенным образом притягивает зверька. Когда тот слышит его в лесу, то уже ничего не может с собой поделать. Все существо бурундука стремится тогда быть во что бы то ни стало рядом с этим звуком, звук невероятно гипнотизирует его, и бурундук обо всем забывает. Дело происходит так.

В той местности, где бурундуки попадают особенно часто, на суку дерева подвешивается бутылка с водой горлышком книзу, причем оно плотно перебинтовывается марлей. Под бутылкой ставится железная банка с таким расчетом, чтобы капли попадали именно в нее и при определенном наполнении

издавали булькающий, вернее даже, тенькающий, со всхлопыванием, звук. Заслышав его, бурундуки тотчас все бросают, потому что звук производит на них какое-то магическое воздействие и они совершенно шалеют.

Бурундуки молниеносно устремляются к бутылке, а приблизившись, сразу замирают, заворуженно всматриваясь в банку. Бутылку зверьки, видимо, не замечают, их интересует только банка, вернее, звук, который она издает. Затем бурундуки рассаживаются вокруг на деревьях и тихо смотрят в одну точку, наострив ушки. Весь облик их при этом выражает лишь рабскую покорность и готовность идти за чарующим звуком хоть на край света. К тому же они ничего не замечают, полностью поглощенные звуком, и охотник с помощью волосяной петли на длинной палке легко вылавливает зверьков.

По словам моего знакомого, он таким образом поймал однажды одиннадцать бурундучков. Все они, пока капала вода, как будто не замечали друг друга, каждый для себя оставаясь один на один с неведомым звуком. Странно, что зверьки не кричали, не бегали, задрав хвосты, как они обычно это делают, а сидели и молчали. Чем-то их необыкновенно завлекал хлюпающий звук, можно даже сказать — повергал, так что они становились совершенно непохожими на самих себя.

Что может означать подобное поведение, сказать сложно, но несомненно то, что бурундуки украшают своим присутствием наш лес. Отчего-то их привлекает звук падающей в банку капли, а люди подсмотрели своеобразную склонность зверьков и долгое время использовали ее против них. Может быть, падающая вода напоминает зверькам о длительной непогоде, которая ввергает их в странное оцепенение?

Бурундуки сидят в каком-нибудь укрытии и тоскливо взирают на бесконечные потоки дождя, — ни порезвиться тебе толком, ни поиграть в догонялки! Капли же каплют — «буль-теньк, буль-теньк, буль-теньк», иногда замирают, и бурундучкам, наверное, кажется, будто непогода вот-вот прекратится. Ведь вездесущие зверьки больше всего в жизни предпочитают движение, и им, должно быть, скучно долгое время находиться без него. И они терпеливо сидят и ждут, когда выглянет солнце и неугомонные зверьки бросятся сломя голову в свою умопомрачительную беготню! Огромный лес без нее, наверное, заскучал бы и, конечно, не был бы уже никогда таким неповторимым и мудрым.

## *Паутина*

Бывает, не с той ноги вступаешь в лес, и сразу все идет наперекосяк. Упрямые ветви цепляют и не пускают тебя в самых безобидных местах, каждый корневой выступ норovit подставить подножку, проходя по бревну через реку, ты обязательно соскользнешь в воду, а птицы и звери по необъяснимой причине оказываются для тебя недоступными. Именно в такой день ты и натыкаешься лицом на паутину...

Паутина стягивает на мгновение лоб, неслышно рвется и бесцветными, свернувшимися в трубочку лоскутами повисает на ресницах. На душе становится неопрятно и глухо, и ты понимаешь, что совсем недавно жизнь была где-то обманута тобой и вот-вот должно произойти что-то жуткое...

Но ничего не происходит, и остается только неприятное ощущение от этого голого прикосновения, когда, кажется, весь неимоверный страх жизни и ее боль вмиг опутали обнаженную душу, не давая более возможности вздохнуть. Весь такой день потом бродишь пустой, неудовлетворенный, будто кто-то против твоей воли увлек тебя в неведомую чащу, посмеялся там над тобой и безо всякого внимания оставил.

## *Птичий гений*

5^аши обыкновенные серые вороны — птицы ни на кого не похожие, но поскольку они встречаются на каждом шагу, никто на них не обращает внимания, а если и смотрят, то как на нечто самое обычное, порядком надоевшее и примелькавшееся. Это, конечно, недалеко от истины, и все-таки вороны незаслуженно обойдены симпатиями, да, ко всему прочему, несмотря на их доступность и общеизвестность, птиц постоянно путают с вороном, грачами и галками. Многие вообще думают, что название «ворона» дано женской особи в птичьей паре, где отец, соответственно, называется «вороном». А между тем это разные виды, отличные друг от друга размерами, окрасом и образом жизни.

Образ жизни обыкновенной серой вороны прост и неприхотлив. Целый день, с раннего утра и до позднего вечера, птицы оживлены и очень деятельны. В основном все их заботы связаны с поиском пищи. Они летают над полями, держатся в лесу, а надоест — отправляются ближе к деревне, где следят за

человеком и, как только он оставит что-нибудь без внимания, тут же пользуются его оплошностью. Вороны не гнушаются ничем. Разоряя птичьи гнезда, обыскивая берега рек и ручьев, нападая на более слабых, они еще караулят мышьи норы, часто посещают помойки, словом, толкаются всюду.

Если случается что-нибудь особенное, птицы первыми это заметят и сообщат другим. И уж тут подымается такой гвалт, что если не ретироваться, вороны могут и напасть. Они вообще удивительно организованные птицы, умеющие обделывать свои дела самостоятельно, но в случае опасности действуют очень сплоченно, всем своим черно-серым сообществом.

Только к полудню вороны обычно слетаются на какое-нибудь большое дерево и, поудобнее рассевшись в его густой верхушке, некоторое время отдыхают, чтобы вскоре вновь отправиться на поиски корма. Собираются они вместе лишь поздним вечером, когда отправляются на ночлег. Происходит это, как правило, в густой части леса и после наступления темноты, когда их никто уже не может потревожить. Скупно обменявшись впечатлениями дня, вороны быстро замолкают. Совсем недавно крикливые и взбалмошные, сейчас птицы не похожи на себя, они внимательны и осторожны. Так незамысловато протекает в течение дня жизнь вороньего племени.

Кстати, гнездо вороны очень крепкое и сплетено из жестких ветвей, а на дно его укладываются кусочки коры, корни и пучки травы. Все это связывается слоем глинистой земли и выстилается волосом, мхом, разными тряпками и перьями. Относясь с пренебрежением к чужому труду, ворона очень серьезно подходит к собственным заботам.



Вороны очень терпеливы, необыкновенно изобретательны и умны. Они могут часами караулить тот момент, когда кто-нибудь вспугнет птицу с ее гнезда, и ворона тотчас воспользуется этим. Если подобный способ не приносит удачи, пара ворон сама осуществляет свою затею: одна из птиц дразнит обладательницу яиц, а другая подкарауливает вблизи, и как только раздосадованная наседка, не в силах терпеть такого нахальства, сорвется с насиженного места, вороны молниеносно опустошают гнездо. И это происходит с птицами, которые внушительны по размерам и могут за себя постоять, а с теми, кто послабей, вороны вообще не церемонятся: нагло сгоняют их с гнезда и тут же обворовывают, нападая при этом на самих родителей, порой даже убивая их.

Чувствуя свою безнаказанность в отведенной ей природой нише, ворона проявляет сверхизобретательность и настырность в удовлетворении своих потребностей. Способная разорить любое гнездо, она даже умудряется проникать в скворечники, срывая с них клювом крышки. Вороны устраивают облавы на зайцев и без устали терроризируют озерных и речных чаек, пока те не выпустят изо рта добытую рыбешку... Но сказать о воронах, что они бесстрашные, нельзя, в них только куда-то смещено понятие дозволенности, а вернее, оно просто отсутствует.

Именно по этой причине ворону очень трудно взять на испуг даже человеку, у которого она, кстати, больше всего ворует. Человек, конечно, старается не провоцировать ворону и прячет от нее подальше все, что может хоть как-либо заинтересовать птицу. Но ворона на то и ворона, что ни перед чем не остановится. На подоконнике остался без присмотра пакет со сливками — она его стянет, с утра забыли у умывальника в огороде

убрать мыло — и оно пропадет, а о блестящих предметах уж и речи нет! Ворона, как завзятая старьевщица, тянет в свое гнездо все, что придется, ну, а если украденное не входит, то на стороне прячет. Даром что не человек, который знай только разбрасывает, ворона же за ним все подбирает, самым тщательным образом прячет и зачем-то бережно хранит.

То, что ворона тянется к человеческому жилью, объясняется довольно просто: птица она бездомная! После того, как выведены птенцы, птицы гнездо покидают и даже в непогоду прячутся под стреху или, на худой конец, усядутся на дерево, головой на ветер, чтобы перо не задиралось и не выдувало тепло.

Самым надежным способом, с помощью которого вороне удается перетерпеть холод, является умение взъерошивать перья. Дело в том, что под настоящими, контурными, как их называют, перьями прячутся тоненькие нитевидные пушинки, обеспечивающие птице добавочное тепло. Такие пуховые ниточки растут у вороны на крыльях, бедрах, шее и груди, да к тому же они обвивают каждое перо, и ей гораздо легче переносить суровые морозы.

Но, несмотря на нелегкое жите-бытье, ворона никогда не теряет присутствия духа и даже находит время для развлечений. Используя восходящие воздушные вихри в непогоду, птицы бесстрашно поднимаются на огромную высоту. С распростертыми крыльями, словно танцуя, вороны катаются на воздушных потоках, пока они не иссякнут, а время от времени, видимо, от удовольствия оглашают округу гортанными выкриками, похожими на возгласы восторга. Вороны в такие моменты, наверное, забывают все свои горести и только безоглядно раду-

ются вольной жизни и возможности вот так свободно парить высоко над землей.

В отличие от ворона, у которого подобная воздушная эквилибристика — священный брачный ритуал, начинающийся уже с середины января, у ворон — просто игры. Причем, игры эти у них всегда происходят парами, очень редко в одиночку. По всей видимости, птицам больше нравится затевать игру с ветром, чем соревноваться со своими собратьями, и держатся они вместе только из солидарности, желая поделиться хоть с кем-нибудь переполняющими их чувствами.

На первый взгляд человеку может показаться, что ветер играет с птицами, как кошка с мышкой, но постепенно он с изумлением убеждает в обратном: это вороны используют стихию для собственного наслаждения. Они останавливаются в воздухе почти против ветра и, небрежно качнув крыльями, бесстрашно ныряют в воздушную пучину с умопомрачительным ускорением. Затем еще один едва заметный взмах, и птицы возвращаются в свое обычное положение. Все это продельвается играючи и без всяких усилий.

В таком свободном парении вороны любят иногда переворачиваться на спину, издавая при этом необычный звук «крум-крум». Его не услышишь, когда птицы находятся в спокойном состоянии. Может быть, так вороны выражают свое восхищение от возможности покататься на потоках воздуха, а ведь для этого требуется определенное настроение!

У вороны всегда такой вид, будто ей просто нравится радостно проделывать обычные птичьи дела рядом с человеком, немножко беспокоить его своими проказами, но чаще все-таки веселить. Словом, воронам приятно жить и быть самими со-

бой, что несомненно отражается в их внешнем облике: птицы — сама приподнятость, ежеминутная готовность сорваться и все переменить, лететь хоть на край света — лишь бы ничего не пропустить!

Ворона как бы переполнена знаниями об окружающей жизни и, кажется, еле сдерживает себя от нетерпения во всеуслышание заявить: «Я очень умная, да, я самая умная, нет меня находчивей и хитрей!» Эта несдержанность, на которую все-таки решается ворона, часто и губит птицу. Помните известную басню про лисицу и сыр? Прозорливая лиса все-таки поймала ворону на ее хвастливости и добилась своего, ворона же осталась с носом. Наблюдая за этой необыкновенной птицей, всегда ловишь себя на мысли, что она как будто остановилась в развитии совсем неподалеку от пика своих возможностей, но дальше почему-то идти не решается и оттого часто попадает впросак.

Хоть и достаточно смысленной, вороне все же недостает определенной доли хитрости, присущей ее черным собратьям — ворону и сороке. Порой создается впечатление, что ворона как бы силится постичь недоступное ей и у нее так ничего и не выходит. Она хорохорится, переживает и тем не менее не может понять причины своего неведения. Все эти ее попытки бывают очень забавны. Наблюдая за ними, заметишь: слышит ворона звон, да не знает, где он. Что-то мешает дотошливой птице в последний момент дотянуться до правды.

Может быть, из-за этой непонятной растерянности, так не схожей с присущей птице нахрапистостью, нерасторопного и вялого человека в народе зовут вороной. Отсюда и многочисленные поговорки, метко изобличающие птичий изъяс: «Пуга-

ная ворона и куста боится», «Сокол с лету хватает, а ворона и сидячего не поймают», «Ласточка — вестница весны, ворона — вестница зимы», «Первые детки — соколятки, последние — воронятки», «Ворона за море летала, да вороной и вернулась». Про ротозея говорят, что он ворон считает, а о том, кто сидит разинув рот: «Смотри, как бы ворона не влетела».

Так уж повелось, что с вороной мы скорее связываем коварство, нежели пользу. Идет ли это от вздорности ее характера, жадности или ненасытности — непонятно. Может быть, давным-давно ворона была кем-то незаслуженно обижена и теперь изливает свое раздражение на всех и вся, но выходит это у нее как бы попусту, напрасно. Слишком великой представляется та сила, что по какой-то причине обошла птицу вниманием.

Отношение к вороне всегда было презрительное, ее даже и птицей настоящей считать не желали: «Из-за куста и ворона востра», «Как ни вертись ворона — и спереди карга, и сзади карга», «Смолоду ворона по поднебесью не летала, не полетит и под старость». Связанные с ней в народе пословицы говорили больше о худом: «Ворона каркает к несчастью или ненастью», «Всякому б ворону на свою голову каркать», «Подстреленного сокола и ворона носом долбит», «Была бы падаль, а воронье налетит», «Метил в ворону, а угодил в корову...» Во всем, что касается вороны, как видно, царит пренебрежение: мол, хуже ее птицы нет, в нее в первую угораздит прицелиться и выпустить заряд.

Та же мысль присутствует в другой поговорке, советующей стрелку птиц не разбирать, бить все, что под руку попадется, чтобы добиться и до чего-нибудь хорошего, и в первую очередь

опять выстрел приходится по сороке и вороне: «Стреляй сороку да ворону, попадешь и в ясного сокола!» Словом, во многих поговорках ворона берется как образец непристойного поведения и изворотливости, а точнее — как средоточие всех возможных пороков. Даже во время крестных страданий Христа ворона вела себя будто бы совершенно не так, как ласточки, снегирь и клест, и хотела, в отличие от них, пить кровь, которая капала из ран Спасителя, за что Бог ее и проклял.

Некоторая неуклюжесть и неловкий полет, кажется, тоже нарочно даны вороне природой, потому как ей незачем быстро и далеко летать. А точнее — вороне не от кого спастись, у нее нет врагов. Все, что ей нужно, это высматривать и подкрадываться, перелетать украдкой, громогласно вскрикивать от возбуждения и недовольства, постоянно следовать бочком за человеком и ненавязчиво вторгаться в его жизнь.

В природе ворона, как ни странно, довольно скрытна, а в городе или деревне, где ей, казалось бы, следует вести себя более осмотрительно, чем в лесу, она неожиданно открывает человеку уклад своей жизни и становится для него чрезвычайно интересна, если, конечно, человек любознателен и неравнодушен. В этом случае он будет находить в поведении вороны все новые и новые черты, даже несмотря на давнишнее знакомство с этой птицей, и многое из открытого покажется ему не только невероятно забавным, но и поучительным. Не прав тот человек, который надсмехается над вороной.

Вороны, например, с невероятной быстротой связывают следствие с причиной, то есть делают выводы и никогда не повторяют ошибок. Ворона, конечно, по большому счету, никакой не гений, но среди птиц она единственная птица, кото-

рая понимает человека и окружающий ее мир настолько, насколько ей это необходимо, и ведет себя так, что впору воскликнуть: «Ай да ворона, ай да молодец!»

Часто можно видеть, как некоторые птицы, скажем, куры или голуби, решают спор с помощью силы, то есть вступают между собой в драку, у ворон же это исключено. Одна из заповедей вороньей стаи гласит: своих не бить! Конечно, угрожать для остротки можно, но вот драться, как дерутся воробьи, у ворон запрещено. «Ворон ворону глаз не выклюет» — гласит известная поговорка, так вот ворона вороне — тоже.

Бывает, все-таки вороны повздорят в холодный зимний день из-за желанного куска, но у них есть такое правило: если корма достаточно, им пользуются все, кто успеет. Если же его мало, то он принадлежит той птице, которая его нашла, и ее никто не преследует. При этом у ворон в особой цене решительность: ты даже можешь не обладать крупными размерами и не быть старше, но если успел раньше других, проявил напористость и смекалку — добыча твоя. Иной раз вороны даже уступают друг другу поживу, как будто проявляя великодушие, и это очень выгодно отличает их от других пернатых.

Правда, есть у вороньей породы, как, впрочем, и у некоторых других птиц, своего рода «общественный суд». По-видимому, нужно очень провиниться по вороньим понятиям, чтобы тебя осудили. Перед тем, как вынести «приговор», все вороны рассаживаются на большом дереве, а «подсудимый» остается на земле, как бы подвергаясь всеобщему осуждению. При этом одна из ворон, вероятно, выбранная «палачом», приводит «приговор» в исполнение, теребя несчастную ворону, нанося ей удары клювом и крыльями. Остальные птицы смотрят на происходя-

щее сверху, истошно каркают, и если проштрафившаяся ворона ведет себя неправильно или за ней числится большая вина, все вороны в конце концов набрасываются на нее и заклевают до смерти. Но случается это крайне редко, и вороны скорее дадут отпор какому угодно хищнику, чем подвергнут наказанию кого-нибудь из собратьев.

Особая одаренность вороны проявляется и в ее чутком зрении, с помощью которого она черпает информацию об окружающем мире. Ворона безошибочно распознает ружья, никогда не путая их с палкой, и ни за что не подпускает к себе на расстояние выстрела. Она уже издали замечает человека, причем хорошо различает количество людей, и в этом ее совершенно невозможно запутать. Если хотя бы один из тех, кто попал в поле ее зрения, спрячется, а другие пройдут мимо, ворона не успокоится, пока его не увидит.

К тому же вороны очень памятьливы... Стоит им увидеть мальчишку, который бросал в них камни, и они тотчас улетают. Птицы будут сторожиться его даже по прошествии времени и никогда не приблизятся на небезопасное для себя расстояние.

Ворона первой в лесу подмечает малейшие события, связанные с его жизнью. Еще никто ничего и не ведает, но ворона уже в курсе всех дел. Выберется по весне из своей норы полусонный барсук и отправится, оставляя грязные следы на снегу, к первой проталине покопать личинок или жуков, а ворона уже тут как тут, разнесет по всей округе об этом весть; старый лось, спасаясь от надоедливых оводов, забредет по самое горло в укромную мочажину, вороны и здесь окажутся раньше всех. Вороны — всюду, даже там, где их, кажется, совсем не ждут, и куда птицы летят, туда они и глядят.

Никто так не солидарен в беде, как вороны. Их девиз: один за всех и все за одного. Часто им очень досаждают филин: он убивает ворон ночью, во время сна. Обнаружив днем убежище врага, они не успокоятся, пока не прикончат его, и поднимут такой крик, что привлекут на помощь всю округу.

Однажды мне довелось выстрелить по воронам в открытом поле. Слишком уж надоедливими казались они, досаждая неприятным кружением над самой головой и вскрикиванием. Но это, как ни странно, не отпугнуло птиц, а только еще более раззадорило. К тому же одну из них дробь изрядно зацепила, и она с хрипом грохнулась на спину, привлекая тем самым своих собратьев.

Ворона остервенело хлопала крыльями, шипела, и через минуту надо мной образовалась огромная черная туча. Что-то невообразимое творилось в воздухе. И без того пасмурный осенний день сгустился до неузнаваемости, а мне вдруг стало жутко. Птицы налетали со всех сторон, касались одежды клювом и крыльями и, кажется, ничего не боялись. Они гнали меня так до самого леса, неистово прижимая к земле. Помнится, я тогда не на шутку был перепуган.

Но, несмотря на присущую воронам изощренность, им не откажешь в трезвом уме. В морозные зимы птицы разогревают заледеневшие отбросы на котельной трубе, если же не могут разбить яйцо или ракушку, бросают их с высоты. А какую удивительную сообразительность проявляют они при постройке гнезд! Весной в деревне часто приходится наблюдать, как вороны собирают для этого ветки. Причем, выбирают только хорошо цепляющиеся друг за друга листовенницу и крыжовник, ловко отламывая клювом.

Необычность вороны бросается в глаза особенно в пору ее весенних свадеб. Как только припечет в феврале ласковое солнышко, приглянувшиеся друг другу вороны забираются на какой-нибудь высокий сук и степенно там рассаживаются. Свое знакомство они начинают с раскачивания, когда одна птица, по всей видимости самец, приподнимается на цыпочках, вытягивается в струнку и, как бы оступившись, переворачивается всем телом вниз, совершая подобные движения неоднократно. Порой начинает казаться, что раскачивающаяся птица вот-вот свалится с ветки. Другая же, как будто отрешаясь от всего окружающего, самозабвенно наблюдает за происходящим и ждет своей очереди.

Пощелкав и поклонявшись, первая ворона замирает в выжидательной позе, а вторая полностью повторяет ее действия. Постепенно сближаясь, влюбленная парочка кланяется все более неистово, издавая очень забавные звуки, и вскоре доводит свое ухаживание до какого-то безумства. Настроив себя таким образом на необходимый лирический лад, пара отделяется от стаи и удаляется к лесу. В этом необычном любовном ритуале, с замысловатостью поведения и красотой позы, очень хорошо проявляется изощренный ум вороны.

Теперь, после уединения, вороны будут заняты подыскиванием подходящего жилья. Вороны очень привязаны к старым местам и потому прежде всего летят к прошлогодним гнездам. Если гнездо растрепалось, птицы тщательно его подправляют, а когда гнездо занято каким-либо хищником, перебираются на новые места.

Вообще, большинство птиц предпочитают облетать стороной воронье гнездо, потому как вороны — очень ревнивые ро-

дители, способные наброситься на вдвое превосходящего их по силе канюка или ястреба, которые, как ни странно, почти всегда отступают. В этой несгибаемости ворон тоже хорошо виден их очень твердый характер, который они проявляют до победного конца, что бы там ни случилось. Вороны — птицы не сильные, но трусами никогда не были, и если уж появится сокол, вороны непременно налетят, а случается, что каркает ворона и на беркута.

Вороны всегда были интересны тем, что принадлежали к числу наиболее одаренных в птичьем мире, исключая, пожалуй, только талант пения, которым природа эту птичью семью напрочь обделила. К сожалению, и вороны, и сороки употребляют свои прекрасные возможности преимущественно на дурные дела, свидетелями которых были многие из нас. Но как скучно, наверное, было бы нам без этих проказ, которыми зачастую устаивают нас прозорливые птицы!

И серая ворона, и ворон, и сорока — словом, вся эта черная семья — вор на воре! Да и общение их с человеком складывается так, как будто они чувствуют за собой грехи. Держатся обособленно, воровато, не прерывая все же тесного соседства, благодаря которому и имеют некий достаток. Впрочем, грехи эти в сравнении с приносимой птицами пользой необременительны.

Ведь вороны — незаменимые санитары: вирус холеры перерабатывается в их желудках всего лишь за сутки. Да и чего только они не едят: очищают железнодорожное полотно от мусора, городские помойки притягивают их словно магнитом, глотают мышей и лягушек, поедают птиц и их яйца, и никогда не пропустят падаль. Вороны пресекают множество болезней в лесу, а также избавляют от них и людей.

Вороны уничтожают вредителей, например личинок майского жука. По-смешному притоптывая лапами, они не менее забавно прислушиваются, склоняя голову то на одну, то на другую сторону. Так вороны точно обнаруживают их под землей и ловко выкапывают оттуда с помощью клюва.

Ворона не брезгует ничем, что хоть сколько-нибудь съедобно, и все то, что употребляет в пищу человек, ей годится. Ворона в этом отношении совершенно непривередлива и, мало того, еще подбирает за человеком отбросы, не особо докучая ему своим присутствием. Она благоразумно исполняет за него то, чего он сам никогда не удосуживается сделать.

Да и вообще, не стоит какую-либо птицу или животное, как это часто заведено у нас, рассматривать только с точки зрения пользы, которую они приносят. Достаточно уже того, что природа сама позаботилась о существовании этой несомненно любопытной и нужной птицы, а от человека требуется только иногда регулировать ее распространение. Там, где ее развелось более, чем необходимо, человек сделает хорошо, если будет держать ворон подальше от угодий с охраняемыми или разводимыми им птицами. Также следует держать ее на расстоянии и от птичьего двора, если ворона повадится таскать цыплят. Само существование вороны уже замечательно, и любая ее черта, даже, на чей-то взгляд, не красящая птицу, интересна.

Сорока, например, домашним птицам вреда не делает, но зато ужасно любит блестящие и металлические вещицы, которые прячет в укромное место. А вот уж серая ворона — настоящая ворюга! Она крадет все, что плохо лежит: и блестящее, и съедобное, и даже вовсе непонятное, но приглянувшееся птице. Еще ворона — большая мастерица отыскивать место, куда

куры кладут яйца. Обнаружив его, ворона разбивает яйцо клювом, пропускает внутрь его нижнюю половинку и летит куда-нибудь подальше позавтракать.

Что и говорить, ворона живет ожиданием поживы и кратковременной радостью от ее получения. Стоит только понаблюдать, как она целыми днями терпеливо высиживает на столбах, коньках домов, верхушках деревьев якобы в каких-то думках... На самом деле все ее существо нацелено на одно: чем бы поживиться? И даже находясь на значительном удалении от своего потенциального объекта добычи и не имея возможности визуально наблюдать будущую трапезу, она каким-то сверхчутьем, совершенно необъяснимым для человека, угадывает ее приближение и загодя приводит себя в необычайное возбуждение. Между воронами несомненно существует какая-то связь, свой «телефон», по которому они прекрасно понимают друг друга и молниеносно узнают о месте и времени готовящейся ими расправы.

Порой вороны очень необычно ведут себя и в лесу, особенно осенью. Идешь, бывало, по укромной дорожке, с обочины то и дело вспархивают рябчики, на оранжевых лиственницах степенно щиплют иглу глухари, гулко ударяет по дереву дятел, и вдруг в глубине леса будто заплачут дети... А то вдруг кто-то заскулит, так что становится жутко и в то же время интересно, кто это.

Начнешь подкрадываться и, к невероятному сожалению, обнаружишь ворон... А вороны неожиданно приостановят свою игру, взметнутся в небо и начнут гарцевать там как ни в чем не бывало, да опять с вывертом, ни на кого не похоже!

Надоест им дурачиться — вороны ведут себя более достой-

но, когда нет нужды куражиться и представлять из себя нечто невиданное в лесной чаще. Там, в вышине, вороны, вероятно, обретают то возвышенное, чего лишены на бренной земле, а в лесу, благодаря своей изобретательности, они окружают себя тайной. Впрочем, так ли худо живет ворона в наших селениях и на дорогах, где она чаще всего остается самой собой, без присущих ей прикрас?

Правда, иногда вороны, как и ворон, олицетворяют собой нечистую силу. По-татарски, например, «ворона» означает «карга» — так добродушно бранили пожилых женщин. Не зря и в сказках ведьмы оборачивались в ворон, чьи крылья грязной окраской напоминали тряпье страшной старухи...

Раньше утверждали, что во время кончины колдуна или ведьмы демоны в виде ворон садились на крышу дома, проникали в дымовую трубу и со странным карканьем, шумно взмахивая крыльями, уносили грешную, продающуюся черту душу прямо в ад. Но не пристало вороне рядиться в павлиньи перья, потому как она имеет свое лицо, чем и знаменита. Чей бы то ни было убор ей не к лицу, да и вообще в таком наряде вороне недолго красоваться, потому как всякий без труда распознает воронью суть! Даже про человека, который хочет казаться не тем, кто он есть, и которому это не удается, в народе говорят: ни пава, ни ворона, от вороны отстал, а к павам не пристал,— словом, отщеголяла ворона в павлиньих перьях!

И все же не случайно, как замечали в народе, ворона называет своего вороненка беленьким, а еж своего ежонка — мягоньким, поскольку всем хорошо известный наряд вороны по-своему замечателен: черные крылья, голова, шея и хвост

при дымчато-серой окраске остальных частей тела. Если судить об одежке вороны, то она имеет цвет затухающего костра: пепел и уголь. В зимние оттепели вороны будто рисуют собой во влажном воздухе свои незамысловатые гравюры-пируэты...

Окрас самцов и самок вороны одинаков. Но, несмотря на неброский вид, ворона горда им и при всяком случае не преминет щегольнуть, гордо разгуливая под носом у человека. Все ее существо как будто кричит: «Обратите на меня внимание, пусть даже я вам не по нраву!»

Раскачивающаяся походка у птицы — от невероятного самодовольства и той важности, которую ворона на себя напускает. Но ходить иначе ворона просто не может: ее пальцы сближены, а не растопырены, как у многих птиц. Когда ворона ковыляет вразвалочку вдоль обочины, то и дело покручивая головой в разные стороны, она вызывает улыбку.

При всей своей проворности ворона имеет фигуру скорее неуклюжую, чем ловкую. Наблюдаешь в окно за неторопливо расхаживающей по огороду птицей и так и кажется, будто она хочет напустить на себя как можно больше значительности, при каждом шаге напыщенно распуская на груди перья и самодовольно покачивая головой. Но ей это не удается, и ворона выглядит скорее смешной, нежели величественной. Вероятно, именно это ее стремление выглядеть лучше, чем она есть на самом деле, и составляет воронью суть.

Ей как будто чего-то недостает, какой-то важной малости, чтобы она почувствовала себя по-настоящему уверенной в себе. Но тогда бы пропала ее замечательная вороватая изощренность, которая приходится ей как нельзя кстати, и ворона бы несомненно утерjala свою притягательность. Ворона слов-

но застряла на перепутье между очень способной птицей и попросту гениальной, ей не хватает сделать только один шаг, и, зная это (!), она почему-то не желает его совершать. Может быть, она еще хитрей, чем о ней принято думать, и ее все устраивает в собственной жизни?

Ворона водится по всей нашей необъятной стране, и повсюду она многочисленна и узнаваема. Своеобразие птицы проявляется еще и в ее способности к диалектам: язык ворон бывает разный в зависимости от местности, в которой они проживают. Вероятно, это зависит от климата, на который влияют высокие горы, дремучие леса и журчащие реки. Работая одно время на Сахалине, я встретил абсолютно черную ворону, родственницу нашей уральской кумушки, которая, помимо цвета, отличалась еще и голосом.

Купаясь в почти никогда не прекращающихся ветровых потоках, задувающих над островом, ворона благодаря этой постоянной сопротивляемости воздуха приобрела и своеобразное произношение своего небезызвестного «карр»... Знакомое всем звукосочетание вырывалось из горла птицы с французским проносом, как будто она перекачивала в клюве виноградку: «Ка-а-рэ-рэ-рэ-р, ка-а-рэ-рэ-рэ-р...» К этому ворону несомненно располагало вольное воздушное пространство на краю земли.

Что и говорить, ворона — птица необыкновенная. Нельзя ее оставлять без внимания. Будешь бить сороку да ворону, замечали мудрые люди, рано или поздно добьешься и до белого лебедя. А если какое дело вздумаешь начать, то оно само собой не сдвинется, пока ворона не каркнет. Вот потому ее в народе птичьим гением и величают.



Созданная Богом скорее во благо человеку, чем во вред, ворона хороша просто уже тем, что она есть. Что бы мы делали без этой забавной птицы, без которой не обходится, кажется, ни одно происшествие! Ворона всюду присутствует, оценивая наблюдает за происходящим и тотчас высказывает мнение своим неизменным «ка-а-рр!», означающим согласие, недовольство или абсолютное неприятие.

Иной раз ворона так за день накаркается, что, кажется, охрипнуть впору, но поутру вновь, как ни в чем не бывало, оглашает округу своим раскатистым голосом. Вышибить ворону из ее жизненного седла очень непросто, и по жизнелюбию она любой восторженной птахе даст сто очков вперед, да еще прибавит. Вроде бы творит больше зла, чем радости, вроде бы больше надоедает, чем помогает, но как без нее было бы пусто! Сколько бы мы все от этого потеряли!

Нет, как ни крути, а ворона — замечательная птица, пусть хоть и жуткая сплетница, и дружбу водит с нечистой силой, и имеет нехороший глаз. Она — душа всех русских сказок, без ее суетни невозможно вообразить самую заурядную историю. Была бы, как говорится, копна, а ворона сядет!

Работая в огороде, мне, например, всегда приятно ощущать рядом этих носатых «чертей», то и дело разрезающих вокруг воздух упругими и ловкими крыльями. Вороны как бы чувствуют свою нужность и радуются этому. Птицам хорошо жить, когда все, что им нужно — воздух, незатейливая кормежка и возможность оставаться свободными, — в наличии, и человек не преследует их.

День за днем вороны проводят свое время рядом с человеком, ничего путного, кажется, не совершая: ведут самый обык-

новенный для птиц образ жизни. Просыпаются ни свет ни заря и с громким карканьем слетаются со всей округи на какое-нибудь облюбованное дерево или крышу, чтобы затем отправиться на все четыре стороны за пищей. Но, между тем, именно этой своей непритязательностью вороны и служат человеку напоминанием о том, как быстротечна жизнь и как важно быть в ней внимательным к собственным силам. Прежде чем сбиться в дружные стаи для совместного созидательного труда, ему следует научиться самостоятельности в творчестве, оценивая свой труд как важнейший, не забывая при этом: где птицы редки, там и воронье карканье по нраву, а на чужой сторонushке рад и своей воронushке.

## *Черника*

Нелегко собирать чернику... И вовсе не из-за того, что она мелкая да по кусту раскидана, а просто растет эта ароматная ягода на болотах, где полно гнуса и комаров. Пока за день за ней накланяешься, надоедливые насекомые все лицо и руки в кровь изъедят! Но, не вкусив горького, как известно, не узнаешь и сладкого.

День уж за полдень перевалил, а ты все спину гнешь, не сдаешься: лукошко непременно полное надо домой принести. Иначе какой ты ягодник? Полная корзина — зорек твоего лесного умения и знания, что не каждому дается.

Черника — ягода нежная, на вкус необычная, но пока ее собираешь, не посмеешь и разу испробовать, вся, одна к од-

ной, в лукошко ложится. Не то что малина: этой ягоды лишнюю горсть в рот отправить не жалко,— она и растет гроздьями, и гораздо крупнее!

Созревает черника под звенящие комариные песни в самой середине июля. Коли черника поспеваает, замечали в народе, то поспеваает и рожь. Но даже если ягода переспеет и ее не соберут люди, она достанется зверям и птицам, которые целыми выводками до самой осени кормятся ею.

Особенно любят чернику глухари и рябчики. Находясь весь июльский день в уютной прохладе густого елового полога и вспугнутые тобой на моховых кочках, они не перелетают далеко, а усаживаются где-нибудь неподалеку и продолжают свою неторопливую трапезу. Птицам, наверное, нравится жить такой привольной жизнью и никуда не торопиться. Черника уж больно вкусна, да к тому же ее так много!

Для человека работа по сбору этой ягоды черна, зато денежка за нее бела. Но сама ягода черна не как сажа, ночь или ворон, она черна по-особенному — мягко, с еле уловимым темно-синим налетом, который только чуть угадывается и придает ягоде приятную таинственность. Ни голубика, ни жимолость такого ощущения не вызывают.

Обычно черника растет среди хвойных деревьев. Маленький ягодный кустарник хранит для дерева влагу, а деревья своей тенью оберегают чернику от палящего солнца.

У черничника низкие ребристые стебли со светло-зелеными листьями. По их краям видны маленькие зубчики. Листочки у черники расположены в основном на верхушках веточек.

Растет черника долго, чуть ли не сто лет, а сам черничник все время обновляется: постоянно появляются новые, молодые

кусты. Ягоды сочные, терпкие и какие-то удивительно нежные. Ешь и не можешь насытиться этой сладостной мякотью, что кружит голову ароматами лета. Как хорошо в середине июля под покровом гостеприимного хвойного бора!

Название свое черника получила за то, что черная, но на самом деле она темно-синяя, скорее даже фиолетовая. Срываешь с кустика одну ягоду за другой и нет-нет да какую-нибудь раздавишь. Густовато-терпкий фиолетовый сок вмиг окрасит пальцы, ладони и запястья. Чем скорее солнце клонится к западу, тем тяжелее усталость, а значит, и больше раздавленных ягод. Комары же все зудят вокруг, лезут в глаза, рот и уши, нет с ними никакого сладу!

И вот, намаившись за день, ты уже отбиваешься от надоедливых насекомых обеими руками. Размазываешь по лбу, щекам, шее, а они все лезут и лезут несметным полчищем. Самая пора выбираться из леса. С легким сердцем, словно заново родившись, выходишь на знакомую тропу, и ноги сами несут тебя до станции. Ягоды матово-синим, драгоценным лакомством покроятся в твоём стареньком лукошке, и ты нет-нет да взгляды-ваешь на них: теперь и домой вернуться не стыдно!

Но что это? Все люди, встречающиеся тебе по дороге домой, почему-то улыбаются, а некоторые даже смеются, только что пальцем не показывают. Остановившись, недоуменно осматриваешь себя — вроде бы все в порядке... Нет, по-видимому, ты сегодня изрядно переутомился: скорей домой, под душ, а затем похвастаться перед близкими и знакомыми своей легкой добычей!

И только дома, перед зеркалом, ты понимаешь, что послужило поводом для веселья прохожих: все лицо твое испещрено

темно-фиолетовыми полосами и пятнами. Спасибо комарикам,— с легкой досадой негодуешь ты. И все же невольно улыбаешься: как это хорошо вставать рано поутру, идти по дороге, ударяющей в нос ароматом пробуждающихся трав и деревьев, и желать неизвестно чего: то ли того, что уже с тобой происходит, то ли полной корзины ягод... Ягод, которыми хочется не самому наслаждаться, а угостить кого-нибудь и рассказать о том, как собирал их, позабыв обо всем, и был счастлив от единения с лесом.

Вот какая она, ягода черника: и щеки, и лоб, и нос совершенно черные, а ты ее так и не попробовал! И если говорят, что не все черное чернит, так это никак не относится к чернике, про которую с улыбкой вспоминаешь даже зимой, когда морозным январским вечером пьешь чай с черничным вареньем и думаешь о лете.

### *Заповедь корней*

Чувствуют ли корни дерева себя подневольными, постоянно находясь в темноте, тогда как верхушка кудрявится на чистом воздухе, ополаскивается дождями, окутывается солнечным теплом? Никогда не доходит до них белый свет, не уставая работают они в своем заточении и, наверное, не могут не ощущать волны радости, которую переживает дерево каждый день.

Когдаходишь в лес, всегда не покидает ощущение совершенно особого чувства времени. Это века в образе старых деревьев смыкаются над твоей головой, и среди них слышно, как

длится мгновение. Ты поглаживаешь рукой их коричневую шероховатость, втягиваешь в себя запах смолы и наконец понимаешь: дух времени вдыхают в деревья корни. Они гонят накопленный сок жизни по устремившимся к небу стройным телам, строят город из леса, и в нем появляются звери и прилетают птицы.

Корни дерева недвижимы, но порывы их души можно определить по тому, как оно живет: шелестит листом, машет ветвями, клонится к земле, чуть не надламывая себя, или стоит не шелохнувшись. Невидимые миру, они пронизывают своим присутствием весь окружающий воздух, ненавязчиво касаясь каждого, кто проходит мимо внезапно зашевелившихся стволов.

А то вдруг разбушуются кроны и вмиг повеет мертвой пустотой: тяжело тогда станет на сердце. Но не обратится твой внутренний взор под землю, и мнимую безвоздушность ты отнесешь к поднебесным силам, закинув голову и словно ожидая оттуда пугающего известия. Стоишь и не чувствуешь, как от шевеления корней начинает подниматься из недр протяжный гул.

Взвоят тогда леса, загремят ветвями, будто идет великое переселение. Темно-зеленое полчище неистовствует, грозно бряцает иглами. Увесистые шишки обрываются и с глухим стуком ударяются о землю. Но не даются деревья: труженики корни противоборствуют стихии, задыхаясь, погружаются в спасительную тьму, и нет в этой упорной отрешенности корней беспаятства или неуверенности. Они — сама непреклонность.

В мире природы есть свои заповеди блаженства и изматывающего труда, и эти заповеди удивляют нас самым неожиданным поворотом, так что мы принимаем их с благодарностью. Ступая между вырастающих из-под земли корней, стараемся

не причинить им боли, а, отделившись от видимого неудобства, которое они создают, взираем на них с немим любопытством. Сладко копится тогда в сердце необъяснимая зависть от их за- таенной мощи.

Пытаясь заглянуть в подземный мрак и не в силах предста- вить себе вечное отсутствие света, мы проникаемся к ним тихим уважением и недоумеваем: как можно, оставаясь в этом извечно непроницаемом лоне, всю жизнь, не переставая, трудиться?! Но корни ничего не слышат и, не прекращая труда, молчаливо заповедуют нам свою непреложную истину.

### *Августовский лес*

Солнце в августе греет еще по-летнему, особенно в начале ме- сяца, и хоть заметно короче стали деньки, а оно, кажется, не убав- ляет жару. Если в июле в глубине леса оставались таинственные прохладные уголки, то в августе солнце уже проникает всюду. Темно-зеленая листва деревьев и кустарников незаметно потя- желела, и в ней появились желтые пряди.

Краски уходящего лета не такие яркие, как в его начале: они просты и скромны, но в этой простоте — готовность встретить скорую золотую пору, когда листва деревьев вспыхнет ярким пламенем увядания, всех ласково озарит и успокоится до весны. А в лесу все наливается, поспекает, потому что выпило за два летних месяца силу солнца, которое, утомившись, уже с ленцой поднимается над горизонтом. Правда, этого не замечаешь, ибо больше смотришь под ноги, и если говорят, что лес

видит, а поле слышит, то в августе он становится необычно- венно пронизателен и мудр. Мудрость его проистекает откуда- то изнутри, копится все лето, а в последний месяц выступает наружу. И лес будто преобразается, превращаясь из долго скры- ваемой тайны в доступную для всех соберику и припасиху.

Лес стал открыт солнцу, и оно сразу замедлило свое ше- ствие, словно спохватившись. Солнце почувствовало, что за лето потрудилося на славу, и уже не выглядело озабоченным. Ему захотелось понежиться перед скорой осенью, подставить свои бока прохладному августовскому ветерку, а лес в это время спе- шил с радостью отдать дары.

Уже не так оживленно на лесных тропинках и полянах, и вроде бы совсем умолкли птицы в самой укромной глубине: не до песен — подступает время осенних перелетов. И все же солн- це — повсюду! Им пахнет лес, воздух и желтая дорога, что уто- пает в окружающей ее зелени, и, кажется, не будет конца этой пышущей спелым жаром жизни.

Перелом лета виден только ночами, а днем, когда солнце светит, как в июле, лес становится разомлелым и довольным. Правда, с утра, еще окончательно не проснувшись, он доста- точно собран и могуч, и, быть может, именно из-за этой его суровой возмужалости поубавилось безудержное солнечное си- яние. Вот когда хорошо заглянуть к забытым за лето солонцам в надежде увидеть целое лосиное семейство и заодно принести зверям соли!

Поводов для того, чтобы отправиться в августовский лес, искать не надо, потому как их в достатке: и грибы, и ягоды, и травы, но я все же расстарался и нашел совсем необычный... Выбрав у егеря несколько кусков окаменевшей соли и уложив

их в рюкзак, я отправился рано поутру в гости к лосям на Черную речку, где располагался ближайший от деревни солонец. Прямо у реки, в потаенной низинке, была повалена старая осина, а в ней выдолблены глубокие корытца, куда и следовало уложить соль. Подкармливать лосей можно хоть целый год, потому что соль им требуется всегда, а мне хотелось увидеть зверей именно сейчас, когда охота еще не открыта, в лесу тихо и лоси ничем не напуганы.

Хорошо идти августовской дорожкой, утопая в опьяняющем тумане, и слушать, как повизгивают от радости дрозды, тяжело перелетая с дерева на дерево. Туман быстро поднимается, тает, и перед тобой, как в театре, будто открывается занавес. А солнце, подобно огромной люстре, ослепляет тысячами сверкающих подвесок, и воздух трепещет от лучащегося света.

Август... Блаженная пора... Всюду пышут ароматом цветущие травы, хвоя, земля. Воздух на солнце скоро становится горяч, а в тенистом полумраке елей все еще прохладен, и даже ляжки тяжелого рюкзака, что немилосердно впиваются в плечи, не утомляют. Наоборот, хочется лететь к лосям, солнцу, уходящему лету и никогда с ними не расставаться.

После трехмесячного перерыва я не узнавал знакомые места, так неожиданно было видеть деревья в пышном летнем наряде. Ведь мне приходилось бывать здесь только зимой, осенью или весной, летом же я приезжал впервые. Очертания старых просек, опушек и укромных лесных троп растворялись в густой, набрякшей от недавних дождей зелени. Накатанная дорога — свободная, легкая, не утомленная обременительными осенними дождями и весенней распутицей — бурой лентой уверенно убегала от деревни к югу. Все здесь говорило о

другой, незнакомой жизни, привыкать к которой было очень приятно.

Три кряквы, неожиданно поднявшиеся с небольшой мочажины, вывели меня из сладостного оцепенения. Из-под невысокого берега выпорхнул и взмыл в небо буровато-белый кулик. Желтопузые трясогузки, то и дело помахивающие тонкими хвостиками, остались сидеть на полузатопленных бревнышках и как будто ничего не замечали. Этим испугать было не так-то просто, если только подойти совсем вплотную, нарочно пошумев или сделав резкое движение. Потревоженные утки с шумом унеслись за ближайший лесок, куличок пропал где-то в необозримой августовской голубизне, а я, проводив их взглядом, вдруг почувствовал, как близки сердцу все эти ощущения, на время отошедшие, но возвратившиеся первоизданной и ни с чем не сравнимой радостью, которую дарил мне августовский лес.

В конце лета наступает такой день, когда все в человеке пресытилось спелым лесом с подосиновиками и малиной, сочными заливными лугами, рекой, полной окуней и белых кувшинок, пахучими туманами, — словом, стремиться вроде бы уже некуда, слушать и собирать нечего, а сердце твое между тем переполнено каким-то неизъяснимым желанием. И вот тогда захочется тебе посмотреть, как стоит во влажной густой листве, где-нибудь в глубине леса, у ручья, зверь, пусть даже сеголеток-лосенок, и ты отправишься к нему, чего бы тебе это ни стоило.

Идти, конечно, нужно не с пустыми руками, и я не зря захватил с собой пуд соли, потому что знаю: лоси ее любят. Вернее, она нужна им как воздух, ибо поддерживает в них то

важное, без чего они не могут обойтись. Лоси вообще очень симпатичные звери, и летом я их никогда не видел.

В августовском лесу лосям, наверное, живется неплохо. Осиновая кора в эту пору в самом соку, если захочется, можно пожевать сосновые мочки, что еще не успели огрубеть, или нежную молодую поросль. К августу поспевают и черемуха, которую лось сдирает целыми ветками, сладко причмокивая при этом мягкими губами, а то отправляется на вырубку пощипать иван-чая: здесь, на открытом месте, образуется больше сахара, чем в тени, и иван-чай у сохатого вроде мармелада...

В общем, лось летом вовсю гурманствует, но без соли все равно обойтись не может. Даже у человека без соли хлеб не естся, и старая кобыла до соли лакома, а уж лось и подавно! Чтобы человека, говорят, узнать, надо с ним пуд соли съесть, а чтобы лось увидеть — надо ему пуд соли принести, да еще не один. И вот я спешу на солонец, желая побыстрее избавиться от нелегкого груза, втайне надеясь подглядеть там лосей.

Соль влажноватой тяжестью охватывает спину, отрывисто ёкает в такт шагам, мерно переваливается в рюкзаке. До чего же приятно сознавать, что груз этот предназначается лесным обитателям и что я принимаю свое маленькое участие в их пропитании! Какое-то тихое чувство удовлетворения наполняет душу, не сравнимое даже с помощью человеку.

Августовский лес был благосклонен ко мне, и перед большим деревянным мостком через реку Омутную, от которого в ста метрах вверх по течению и располагался один из ближайших солонцов, я услышал сначала треск в прибрежном кустарнике, а затем разглядел настороженно застывшую голову лося с изредка вздрагивающими от напряженного внимания

ушами. Вскоре показались шея и передняя часть светло-коричневого туловища. Издали лось легко было принять за вывернутые корни старого дерева или за обожженный молнией пень. Лось, пристально вглядываясь в моем направлении, стоял еще с минуту, затем с некоторым разочарованием всхрапнул, слегка присев, резко развернулся и, подняв столб чистых брызг, исчез в густых зарослях за рекой.

Какое-то время оттуда доносились глухой топот, чавканье почвы под его копытами и сочный хруст ветвей. Лось быстро удалялся, и уже через несколько секунд его совсем не стало слышно. Я еще подождал с минуту, вслушиваясь в наступившую опять утреннюю тишину, и, не уловив никаких звуков, потихоньку направился к солонцу.

Земля вокруг него была вся избита. Влажный сумрак скрывал от посторонних глаз три поваленные у самого берега осины, в гладких, облизанных дождями стволах которых виднелись выдолбленные топором продолговатые корытца. Все здесь отдавало сыростью, сильно пахло зверем, и отчего-то хотелось поскорее выбраться на солнце.

Высыпав соль, я зачем-то раздвинул руками ветви и прямо перед собой, только на другом берегу реки, увидел лосенка... Уж не знаю, почему он не потянулся за матерью, когда та уходила за реку (а это, по-видимому, была все-таки лосиха), но он не двигаясь стоял у самого края тропки, ведущей к осиновым колодам, и бесстрашно смотрел на меня.

Обычно лосенок рождается рыжим-прерыжим. Ноги, похожие на неуклюжие ходули, у него еще не одеты в белые чулки, как у родителей. Первую неделю малыш коротает под кустом, а потом шагает за мамашей, которая обучает его объедать листья

осинок и берез. Своего голенастого ребятенка лосиха целых четыре месяца кормит вкусным молоком, которое в несколько раз жирнее коровьего, и оттого лосенок долго ходит за матерью как привязанный.

Вот такой лопухий малыш повстречался со мной и замер, подергивая то одним, то другим ухом. Уши у него действительно были несуразно длинные, смешные, и по ним в первую очередь можно было определить, что лосенка тревожит. Когда вокруг никого не было, он, наверное, становился самим собой и начинал радоваться жизни, но стоило кому-либо появиться, и лосенок в недоумении застывал. Мир для него, как, впрочем, и для меня, был полон удивительных загадок и откровений.

Откровение — сам августовский лес, лоси и это забываемое утро с густым, белым и упоительно кружащим голову туманом! Туман не задумчивый и не грустный, как весной или осенью, а веселый, пронизанный поднимающимся солнцем, которое так же весело отсвечивает в крупных каплях росы свою неудержимую улыбку. Стоишь, смотришь вверх и чувствуешь, что вот-вот расступятся светло-жемчужные своды, выглянут ясные просветы и тогда хоть глаза жмурь. Вместе с солнечной ясностью и негой на землю спускается какое-то удивительное спокойствие: быть августовскому дню в удовольствии и в радость!

И вот в воздухе все поплыло, заколыхалось и вдруг просияло. Туман куда-то исчез, растворился, а воздух наполнился звуками, красками и ощущением полета. Но лететь никуда не надо, потому что небо само ложится к ногам. Стоит ступить шаг, другой — и ты уже в теплой солнечной вышине, которая не обрушивается и не ослепляет, а приносит умиротворение. Плыть

бы весь день по этому августовскому приволью, струиться легким парком над тропинкой, излучать восторженную паутинку лесных настроений... Стоит чудесный август-месяц, свершившееся чудо уходящего лета!

### *«Пя- \_ять, ня- \_ять, п- ять тетеревей!»*

!^онец сентября. Еще не рассеялся промозглый утренний туман, а мы с отцом уже идем на охоту. На душе и во всем теле так сонно, что не верится, что когда-нибудь выглянет солнце. Туман подымается из глубокого оврага, струится над землей леденящим дыханием, и мне кажется, будто там, внизу, живет какой-то могущественный лесной дух, от которого зависят в лесу и ночь, и звери, и птицы, и деревья. Почему-то совсем не страшно ощущать его таинственное присутствие, и я, еле сдерживая в колотящемся сердце сбивчивое восхищение, робко вдыхаю вяжущий аромат опавших листьев и не перестаю думать о рябчиках.

Отец шагает быстро, а я, не желая отставать, все время спешу и отступаю. Тогда отец поворачивается ко мне и, сердито вздернув брови, дает понять, чтобы я шел осторожнее. От его взгляда я чувствую себя неловко, стараюсь ступать как можно тише, но от этого еще чаще запинаясь. Отец впервые взял меня на охоту, и мне очень не хочется его расстраивать.

Туман незаметно стелется между шероховатых стволов, холодными струями забирается в вытертые рукава моего пальто и как-то неестественно затаивается. Уже становятся видны ма-

ленькие пушистые елочки, сырые пни и белые лишайники на них. Еще не слышно ни одной птицы, и я то и дело вслушиваюсь, не раздастся ли долгожданный рябчиковый свист. Но тихо вокруг, осенний лес пробуждается медленно, с неохотой.

Отец вдруг останавливается и показывает рукой, что нужно замереть. Изю всех сил пытаюсь я быть похожим на него: так же внимательно всматриваюсь в замерший лес, поворачиваю голову то вправо, то влево... Мне никогда еще не приходилось слышать, как поет рябчик, но я почему-то уверен: стоит только петушку подать голос, и я его тотчас узнаю.

Рябчиков я видел только дома, когда отец приносил их с охоты, неспешно выкладывая из ягдташа. В основном это были самцы с ярко-красными бровями, черными горлышками и хохолками на головках, аккуратно спрятанных под крыло. Всегда было приятно подержать рябчика в руке, ощущая его теплую затвердевшую грудку, разглядывать, поглаживая пальцем серенькие перышки, и представлять птицу живой. Какое-нибудь перышко при этом обязательно отрывалось, на мгновение повисало в воздухе, а затем начинало весело кувыркаться. Иногда в оперении птицы застревал осиновый листок, ярко-желтый в коричневую крапинку, и сразу хотелось попасть в осенний лес с его запахами, красками и неведомым рябчиковым свистом.

Отец часто показывал мне, как нужно подзывать рябчика на манок. При этом птица, охваченная страстью, стремглав бросается на зов и усаживается совсем рядом, почти в нескольких шагах от охотника. Подлетев вплотную, петушок обычно проносит трюкающий звук и в возбуждении начинает прохаживаться по ветке. Все его внимание сосредоточено на вообража-

емом сопернике, рябчик то и дело замирает, по-смешному вытягивает голову и прислушивается. Вероятно, он надеется обрести себе подругу и очень волнуется.

Манок звучит тоненько, словно это какая-то загадочная лесная дудочка, но на самом деле он выточен из кусочка эбонита или, на худой конец, из обыкновенной глухаринной косточки. Для того, чтобы рябчик поверил тебе и прилетел, надо иметь достаточно хороший музыкальный слух. Нужно быть своего рода виртуозом, изображая все переливы замысловатой рябчиковой песенки, и не допустить ни малейшей фальши, потому как рябчик тотчас определит ее и замолкнет. Легче подойти к другому петушку и начать все сначала, чем пытаться подманить старого.

Песенка рябчика восторженная, чистая и звенит всегда высоко и звонко. Начинаясь с радостной нотки, песенка то падает, то опять весело взмывает, под конец щедро рассыпаясь переливчатым драгоценным бисером. И так много раз, лишь с коротенькой паузой между одинаковыми птичьими трелями, но ненадолго, задорно. Как передать ее обыкновенными человеческими словами, я не знал.

Чтобы отец согласился изобразить манком песню рябчика, он должен был находиться в добром настроении после удачной охоты, и еще нужно было хорошо себя вести. Прежде чем прозвучит этот редкий свист, отец садился на табуретку, делал глубокий вдох и, осторожно взяв в рот пищик, на полном выдохе пропевал всю коротенькую мелодию, залихватски вибрируя таким чудесным, обворожительным звуком. Получалось нечто вроде изящного призыва, легко повиснувшего под толчком, живого, так что хотелось взвиться вместе с ним и не



падать. А на полу, у наших ног, воздушно белели дымчатыми грудками уже недвижимые, замечательные птицы.

Отец счастливо улыбался, глаза его блестели, и он не произносил ни слова. Только зачарованно смотрел перед собой, уносясь, наверное, в мечтах в бесконечные лесные дали, и улыбка долго не сходила с его губ. Ему, конечно, было что вспомнить, а мне не терпелось все это увидеть.

И вот мы стоим, почти утопая в вязком тумане, который обильно оседает на нашей одежде. Она от этого тяжелеет, становится прохладной, а в нос ударяет резкий запах опавшего листа с корой, так что глаза сильно слезятся. В воздухе как будто что-то копится, быстро нарастает, и все же ничего не происходит. Отец многозначительно вздергивает брови, подносит к губам пищик, и лес оглашает пронзительная трель, которая не теряется, как в комнате, а медленно проистекает в замершем пространстве, мягко пронизывает его, и все вокруг постепенно пробуждается.

Сначала за логом послышался восторженный ответ, который будто расколол воздух на звонкие кусочки. Кусочки вздрогнули, покатались во все стороны, и вот уже справа подал голос второй рябчик, через минуту — третий, потом — за спиной и еще в самом логоу... И лес сразу зазвенел, радостно ожил, в мгновение стряхнув сонную одурь, а рябчики бодро перекликались на все лады, не давая друг другу передохнуть, то и дело перелетали на фоне еловых ветвей вытянутыми пегими силуэтами, и повсюду разносилось их пугающее «пыр-р-р-р, пыр-р-р-р, пыр-р-р-р», так что сердце сначала замирало и тотчас обрывалось в сладкой истоме.

Один из них уселся прямо напротив нас на голую березо-

вую ветку, пробежал несколько шажков и настороженно наклонил головку, будто удивленно вопрошая: кто же это меня побеспокоил? Вышло это у него так забавно, что я чуть было не расхохотался, но отец нахмурил брови, медленно прицелился, и оглушительный грохот расколол ожившую тишину. Рябчик глухо тукнулся в мох, забился, и, когда я к нему подбежал, он уже лежал, безжизненно распластавшись, хвостиком кверху.

— Хочешь попробовать? — спросил отец и протянул мне пищик на веревочке.— Чтобы вышло похоже, нужно сначала пропеть про себя эту мелодию словами: «Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей! Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей!», а потом уже попытаться переложить песенку на свист. Давай попробуй. У тебя обязательно получится.

Вот, оказывается, подумал я тогда, те самые слова и какие простые: «Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей!» Кто-то ведь их услышал, подметил! Они именно лесные, по-своему обаятельные и так удивительно подходят к задорному рябчиковому свисту, к этой незамысловатой музыкальной гамме, что их хочется не-престанно повторять. Если быть внимательным, можно, наверное, разгадать и другие птичьи песни, наполнив их близким человеку смыслом.

Не сразу получилась у меня рябчиковая песенка на костяном отцовском пищике. Долго я не мог добиться той самой мелодичности, что отличает в лесу только рябчика. Поначалу рябчик вроде бы охотно откликался на мои настойчивые призывы, и я, помнится, страшно радовался этой достигнутой схожести, но постепенно он переставал подавать голос. Все мои старания оказывались безуспешны: птицы, видимо, почувствовав какую-то фальшь, очень скоро замолкали, и когда я, поте-

ряв всякое терпение, пытался подойти к ним, они в мгновение с шумом улетали. Чего-то я не учитывал в своих попытках обмануть их, и прошло немало лет, прежде чем я овладел секретом рябчиковой песни.

Зато уж когда освоил все премудрости песни рябчика и даже научился подманивать петушков голосом самочки, то получил истинное наслаждение, однажды осенью наблюдая, как подбирается ко мне охотник, переговариваясь со мной с помощью своего манка и принимая меня за рябчика! Причем охотник был опытный, деревенский, но и он все-таки поддался на мою уловку! Мы посмеялись, разговорились, и оказалось, что этот охотник может точно копировать бормотание тетерева и вскрикивания зайца весной, утиное кряканье и карканье вороны, глухариное пощелкивание с точением... Вообще, именно в народе издавна и очень умело охарактеризовали голоса и пение самых разнообразных птиц, подмечая, что соловей свищет, жаворонок заливается, чижик чирикает, тетерев бормочет, сойка тарантит, выпь кричит, голубь воркует, канарейка поет, ворона каркает, щегол и ласточка щебечут... Может быть, только из деревни и пошли все эти удивительные птичьи восклицания: «Как? Как?», «Худо тут, худо тут...», «Тпрусь! Тпрусь! Тпрусь!», «Кум! Кума! Где он? Где она?», «Ка-чу! Ка-чу!», «Витю видел? Витю видел?», «Мечи-мечи в печи калачи!»

В рассказах знатоков леса, особенно среди деревенского люда, часто встречаются попытки изобразить песни наиболее известных и любимых в народе птиц словами. Конечно, эти звукоподражания каждым из птицеведов могут восприниматься по-разному, но у многих пернатых песни и вскрикивания,

переложенные на буквы, удивительно совпадают с человеческой речью, волшебным образом преобразуясь в занятные восклицания и даже в целые фразы. Голоса птиц ничего не говорят только людям непосвященным и нелюбознательным. Для любителей же природы они весьма интересны, понятны и полны скрытой поэзии.

Поклонники лесной таинственной жизни легко восстанавливают по птичьим трелям, как музыканты по нотам, человеческие достоинства, слабости и надежды, забавные черты самих птиц и зверей, отголоски древних поверий и поговорок, дуновения ветра, шорохи трав и листвы. Таким образом, постепенно в народе создается словарь птичьего языка на человеческий лад — то, что народ по-своему слышит в пении окружающих его представителей пернатого царства.

Вот туманным декабрьским утром на заснеженной рябине сбились в тесную стайку дружные свиристели, устроились головками по ветру, нахохлились и, под стать еле слышно стелющейся над землей поземке, так же тихонечко задули в свои тонкие дудочки: «Свири... свири... стель, свири... свири... стель, свири... свири... стель...» Нежным голоском провозглашая свое имя, они как будто скромно выпрашивают в эту холодную пору хоть какой-либо уют, и метель заботливо надувает им мягкую снежную постель. Красивые птички оживленно сыплют мороженой ягодой, смело бросаются за ней в пушистый снег и, отмывая в нем свои бордовые грудки, становятся еще красивей.

«Свири-свири, свири-свири, свири-свири», — разносится повсюду их ненавязчивая песенка, и в душах людей, несмотря на то, что колючая поземка высвистывает свою неугомонно-надоедливую мелодию, как-то незаметно воцаряются покой

и радость. Их принесли на разноцветных крылышках очаровательные хохлатые птички, которым суждено своим присутствием развеять суровую зимнюю печаль.

Когда зима еще не наступила, а только раздумывает, как бы ей половчее исхитриться и огорошить своим появлением лесных обитателей, старый тетерев-косач, уместившись на вершине одинокой березы, заводит свое недовольное бормотание: «Бу-бу-бу-бу-бу, бу-бу-бу-бу-бу... Куплю шубу, продам балахон! Куплю шубу, продам балахон! Бу-бу-бу-бу-у!..» Будто обидевшись на весь белый свет, раздувшись от собственного недовольства и подступающего холода, тетерев выглядит очень забавным, и его совсем не надоедливые жалобы не могут восприниматься без улыбки. Поглядывая на незадачливого косача, так и хочется поскорее не продать, а подарить ему теплую шубу, чтобы тетереvu было не лихо зимовать в суровую пору и чтобы он не забывал в своих снах желанную весну, когда можно радостно провозгласить на всю округу: «Продам шубу, куплю балахон! Продам шубу, куплю балахон! Продам... Бу-бу-бу-бу-у!..» Шуба эта с самого детства представлялась мне почему-то с бобровым стоячим воротником, плотно приталенная, и косач сидел в ней на дереве, лихо подбоченясь, на яркие же брови удалецки сдвинута меховая ермолка с пером... А вот балахон виделся длиннущим, каким-то неказистым, будто с плеча незатейливого сельского агронома, так что в заднюю прореху сиротливо выглядывали лирообразные косы, да и сам тетерев казался в нем смешным. Но как удивительно подходило ему это недовольное осеннее и восторженное весеннее бубуканье, приписываемое тетереvu людьми, когда он становился похож на человека!

Всю осеннюю ночь напролет из самой глуши таинственного леса доносится чуточку монотонное, но какое-то милое «сплю-сплю-сплю, сплю-сплю-сплю, сплю-сплю-ю...» Это сова-сплюшка пытается всех убедить в том, что она спит, хотя ни на секунду не смыкает глаз и только беспрестанно хлопает длинными веками. Сова эта маленькая, неприметная, и кажется странным, что она так невыгодно для себя заявляет о своем существовании. А может быть, сплюшке обидно ее незаметное положение, и она изо всех сил старается напомнить: вот я просто сплю-сплю-сплю, но никто меня не видит, а я стану спать-спать-спать и всем об этом рассказывать, и тогда каждый обо мне знать будет?! «Сплю-сплю-сплю»,— еженощно вещает неугомонная совка, и так к ней, наверное, все звери с птицами и привыкли, что она их своей лесной колыбельной усыпляет, а сама, изрядно намаевшись за ночь, спит днем, пока другие бодрствуют. Сплюшка спит и мечтает, чтобы ее не только слышали, но еще и видели!

Для того чтобы угадать в пении птиц нечто родное и близкое, человеку совсем не обязательно покидать город, непременно обращаясь к лесу, достаточно присмотреться более пристально к тому, что давно его окружает. Прямо под окном на карнизе сидит нахохлившийся воробей и кричит в мороз: «Чуть жив, чуть жив, чуть жив, жив-жив, жив-жив, жив-жив; чуть жив, чуть жив, чуть жив, жив-жив, жив-жив, жив-жив!» Но мы ничего не видим и не слышим, и уж тем более не обращаем внимания на то, какой он неунывающий, храбрый и при этом совершенно обыкновенный. Правда, в оттепель воробей вдруг теряет всякую скромность и что было сил чирикает: «Я большой, я большой, я большой», но происходит это от радости,

что перетерпел он трескучие морозы, и этой своей радостью неунывающий воробей просто и весело делится со всеми, а вовсе не превозносит себя.

Вообще воробей очень забавный малый, и даже когда за ним гонится какой-нибудь хищник, например ястреб, то, распростерши крылья, он в отчаянии вскрикивает: «Царь, царь, царь!», а спасшись от беды, вновь восторженно провозглашает: «Жив, еще жив, еще жив...» Без этого вездесущего храбреца и его, казалось бы, однообразного чирикания нам, наверное, было бы удивительно скучно жить.

Ну, а у нашей самой вздорной и вороватой птицы — серой вороны — и возгласы оказываются вздорные. Ворона кричит: «Урода, урода! Капейка, капейка! Украли, украли!» Что за «уро-да», какая «капейка» и кто ее «украл», остается непонятным. Но ворона с присущей ей настырной настойчивостью не унимается: «Ур-ро-о-да — ур-ро-о-да, ур-ро-о-да — ур-ро-о-да, кар-р-р!» Так, должно быть, она дразнит свою соплеменницу, сидящую напротив, не замечая при этом своего невзрачного вида, и по вздорности характера никак не в силах уговориться. Все в ее бесшабашной голове перепутано: наглость с вороватостью, трусость с жадностью, невероятная неугомонность с изворотливостью. Целый день по всей округе без умолку разносится ее наскучившее «гра-а-а, кар-р-р! гра-а-а, кар-р-р! гра-а-а, кар-р-р!», и вороне эта кутерьма, по-видимому, очень нравится. Она готова, наверное, охрипнуть или совсем потерять голос, лишь бы только о ней не забывали.

Морозная ли зима на дворе, раздольное ли лето — вороне все едино. Даже с наступлением ясных мартовских дней, когда солнце припекает особенно жарко и на дорогах показываются

кучки еще не оттаявшего навоза, ворона усаживается на них и жалуется: «Калач, калач! Не ук-калупишь!» В любое время года она не оставляет своих скверных привычек: то хорохорится, вечно всем недовольная, то норовит подцепить, что плохо лежит. Загомозится на дереве и во всю свою ненасытную глотку провозглашает: «Капейка, капейка, оггр-ра-а-били! Капейка, капейка, оггр-ра-а-били!» Всякий знает, что она, скорее, сама кого хочешь ограбит, но ворона пытается выставить себя в лучшем свете, жалуется во всеуслышание, прибедняется и не вызывает в душе человека ничего, кроме беззлобной усмешки или, на худой конец, крепкого словца. Что греха таить, без этой неподражаемой птицы было бы скучно, и, несмотря на ее жуткий характер, все ворону примечают, что ей, в конце концов, и надобно! «Ук-к-ра-а-ли, ук-к-ра-а-ли», — надсадно продолжает хрипеть серая разбойница и так себя распаляет, что чуть не сваливается с ветки. И ведь оставишь дела и обратишь-таки на нее внимание, а ворона от того еще пуще надрывается, но лишь повеет малейшей тревогой, и она тотчас срывается, вскрикивая: «Кар-р-раул, кар-р-р! Кар-р-раул!»

Еще не миновали жгучие крещенские морозы, далеко до самых суровых афанасьевских и неизвестно, покажут ли себя сретенские, а неунывающая синица уже запинькала весело под окном, и на душе сразу стало как-то по-весеннему привольно и радостно. Несмотря на суровую пору, синички беспрестанно находятся в движении, залетают в раскрытые форточки между рамами и расклеивают хранящиеся там продукты. Невероятно сообразительные и шустры, они могут снимать крышки, сделанные из фольги, с молочных бутылок или же продырять-ливать их и клевать сливки.

Зима ли на дворе или дело идет к весне — песня у синицы всегда короткая, множество раз повторяющаяся, но не лишенная приятного своеобразия. Причем постоянно в течение весны синица меняет голос и песню, будто боясь надоесть. В своих восторженных вскрикиваниях маленькая птичка выражает маленькие заботы, радости и, кажется, довольна всем: и первой капелью, и морозными утренниками, и даже нередкой апрельской заметью. Только та угмонится, а синичка опять тут как тут: звонко, будто в несколько хрустальных колокольчиков, ударяет своим тоненьким клювиком и не может нарадоваться!

В начале марта обычно устанавливаются ослепительные синие дни, и синица не устает превозносить в песне это высокое синее небо и ясные дали. «Синь-синь-синь, синь-синь-синь, синь-синь-синь!» — с раннего утра слышится за окном, и от этих радостных птичьих возгласов на сердце становится еще более приподнято. Синее небо, синий воздух и синие тени от деревьев и домов переливаются в солнечных лучах и манят в беспредельную высь. Там, сиюминутно пронзая бесконечную синеву, копится вместе с солнечным блеском восторженное синьканье наших крохотных соседей, и почти не верится, что зима вернется.

В конце марта синица поет уже иначе, в зависимости от происходящих в природе перемен. Будто торопливые капли, перегоняя друг друга, скатываются с крыши ее проникновенные «дзинь, дзинь, дзинь!» Когда побегут ручьи, песня синицы и вовсе изменится, напоминая всем о том, что можно без усталости пить чудодейственную весеннюю влагу, сколько бы ее ни натекло: «Пили-пили, цици-ви, цици-ви, цици-ви, пили-пили,

цици-ви, цици-ви, цици-ви, пили-пили, цици-ви...» Так зачарованно переговариваются между собой прозрачные тонкие льдинки и студёные струйки, щедро играет разбуженное весной солнце.

А вот ближе к маю, когда незаметно минует самое восторженное весеннее время, синица будто успокаивается, переходя на более деловой лад: «Куй, мужик, лемеш; куй, мужик, лемеш... Си-си-ши, си-си-ши, си-си-ши...» Земля оттаяла, возрождается под паром, и синица озабоченно советует мужику готовиться к долгожданной пахоте. Ей и самой пора заняться выведением потомства, и она на какое-то время пропадает из поля зрения человека, чтобы вскоре вновь нести ему тихую и ласковую радость.

Всю зиму, бывает, прозимуешь, а так и не встретишь обыкновенную овсянку: птичка эта бывает только там, где просыпан овес. Держится она у дорог, скотных дворов, зернохранилищ. Да и куда ей больше деваться? Овсянка и сама словно спелым овсом обсыпана: маленькая, кругленькая, на нежно-солнечной грудке темно-коричневые мазочки, будто отборные зернышки. Птичка с виду аппетитная, аккуратная, оброненные людьми семена подбирает и тихо поет свою скромную песенку: «Фись-фись-фись, светись, фись-фись-фись, светись».

По-настоящему овсянка запекает только весной, и всегда ее песенка тиха и незаметна. Заплугаешь в поисках глухариных токов, выберешься на какой-нибудь залитый солнцем санный зимник, тут тебе и попадет эта маленькая, обаятельная птичка. Будто и не замечая ничего, перелетает с места на место, собирает зернышки, и кажется, что она никого не боится. Спокойна, мила, каждому доступна.

Только уже ближе к апрелю, на такой же вот дороге, порядком раскисшей, заметит она возчика и давай ему вослед насвистывать: «Смени сани, возьми во-оз-з! Смени сани, возьми во-оз-з! Смени сани, возьми во-оз-з!» При этом совсем не насмехается, а словно ненавязчиво учит. Возчик поначалу ничего понять не может, то и дело оглядывается, кто это его дразнит, но, догадавшись, только в усы себе улыбается да приговаривает: «Сменю, матушка, сменю, касатушка!»

В мае овсянка и вовсе оживает, становясь еще более озабоченной. Все ее в эту пору беспокоит и ничто не минует ее самого пристального внимания. Увидит птичка, что скотник сено коровам несет, и поет: «Неси, неси, неси, не тру-си-и! Неси, неси, неси, не тру-си-и!» Скотник только диву дается: как это она узнала, что сено последнее?! А сердобольная овсяночка уже к мужикам обращается: «Мужики, мужики, точите сошники, пахать пора!» И тут же: «Старые старушечки, чистите черепушечки...» Никому не дает покоя вездесущая птичка в эту веселую пору, и в народе ее за это всегда примечают и любят. Довольно рано, когда повсюду еще лежит снег, прилетают к нам с юга удивительно красивые кулички — чибисы — и сразу располагаются на мокрых, вспаханных с осени полях. Чаще всего чибисы начинают гнездиться именно на них, и поскольку в лесу в эту пору появляются только зяблики, всегда обратишь внимание на резкие, даже, можно сказать, взвизгивающие вскрикивания чибисов. Чибисы вообще очень живые птицы с довольно неуравновешенным характером, и когда ты бредешь ясным мартовским полднем мимо них с лыжами через плечо, они обязательно привяжутся и будут сопровождать долгое время.

Если хорошенько прислушаться, то иногда можно разобрать в этом плачущем, о чем-то вопрошающем крике имя беспокойной птицы. «Чи-бис, чи-бис, чи-бис!» — проникновенно распевает кулик свое имя и то устремляется кругами вверх, то вихляет в стороны, а то камнем падает вниз, чуть не до самой земли. Добрался наконец-то чибис до своего родного края, — и нет предела его восторгу!

Вскоре после прилета у птиц начинаются брачные игры, которые тоже сопровождаются радостными возгласами. Чибисы разбиваются на пары, принимаются выводить птенцов и становятся еще более осмотрительными, с любопытством облетая всякого, кто забрел в их владения. «Чи вы, чи вы, чи вы?» — как будто спрашивают у кого-то не на шутку растревоженные птицы, переживая за свое молодое потомство и с тревогой наворачивая в небе бесконечные круги. Так ведут себя в основном обеспокоенные самцы, самки же бегают по земле, уводя нарушителя их спокойствия подальше от гнезда. Вовсе раздосадованный кулик иногда может даже презрительно и насмешливо браниться: «Вшивик, вшивик, чыв-чи-вык, чыв-чи-вык... Вшивик, вшивик, чыв-чи-вык...» Чего только не услышишь в этом удивительном мире природы!

Глубокой мартовской ночью возвращаются с далеких зимовок самцы певчих дроздов и тотчас заявляют о своем праве на избранный гнездовой участок далеко разносящимися голосами. Когда заслышишь морозным утренником их звонкую песню, всегда становится радостно от ощущения близости весны. Поют дрозды, сидя на высоких ветвях еще голых деревьев, и потому видны отовсюду.

В народе примечали: если дрозды поют на верхушках де-

ревьев, значит, весна на пороге, а когда между ветвями, то наступит она не скоро. Еще, глядя по тому, как дрозд располагается на деревьях, судят о том, каков будет год. Если дрозд сидит на самых нижних сучках елки — год хороший, на середине дерева — цены на хлеб будут средние, на макушке — высокие, и сам мужик от того запоет, заскуляет, как тот дрозд.

Поют дрозды почти все светлое время дня, но особенно энергично — на утренних и вечерних зорях. Песня у них звонкая, громкая и довольно продолжительная, состоящая из разнообразных свистовых слогов. В хоре поющих в апрельском лесу птиц она, пожалуй, самая долгая и замысловатая. По продолжительности и сложности песня дрозда уступит, может быть, только песне соловья, недаром певчего дрозда в народе иной раз называют соловьем леса.

Весенняя песня дрозда никогда не прекращается: если один замолкает, тотчас подхватывает пение другой, и так до бесконечности. Именно песня дрозда создает в весеннем лесу тот общий музыкальный фон, на котором и разворачивается бесподобный по звучанию спектакль. Разноголосый птичий хор, главные дирижеры в котором дрозды, не умолкает до полуночи, и только когда потухает на западе розовый закат, все краски леса стираются, а на небе зажигаются зеленые звезды, хор незаметно утихает, и все живое погружается в непродолжительный, тревожный сон.

Иногда в чистый апрельский дождь дрозды не смолкают даже ночью, и в преддверии скорого глухариного тока, стоя без движения в промозглом сыром лесу, всегда с интересом прислушиваешься, какие звуки они издают. В особо холодные утра дрозд с не присущим для себя хрипом вдруг, бывает,

выдаст: «Свинина, псина, ужась холодина... Досыть бы солонина... Свинина, псина, холодина, тек-тек-тек, витью-витью-витью, циин-н...» Пораженный, еще более пристально вслушиваешься в пробуждающуюся темноту и с нетерпением ждешь рассвета, а когда туман рассеется и на коричневых веточках заблестят капли, над лесом наконец-то разнесется радостное: «Филипп, Филипп! Приди, приди! Чай пить, чай пить! С сахаром, с сахаром, с сахаром!» И еще: «Приди, кум! Приди, кум! Выпьем, выпьем, выпьем!» Все бы, кажется, бросил и пошел с неведомым кумом Филиппом в гости к дроздам утро весны встречать!

Соловей прилетает к нам, в отличие от других певчих птиц, когда уже можно напиться воды с березового листа, и сразу по прилете занимает густые поросли по опушкам и берегам рек, потому что петь начинает лишь тогда, когда покроются листвой деревья и кустарники. В основном это буровато-серая, маленькая птичка, почти невидимая в ветвях, только спинка у него слегка оливково-бурая да чуть рыжеватый хвостик. Поет соловей всю ночь, от вечерней до утренней зари, а в первые две недели после начала пения — и в светлое время суток, умолкая ненадолго только в середине дня.

Пение его очень богато пересвистами и пощелкиваниями, в которых с удивительной прелестью нежные звуки сменяются громкими, восторженные — печальными. Чарующая мелодия в какой-то момент словно замирает на мгновение, но после небольшой паузы следует еще более очаровывающая... Причем все торжество издаваемых звуков льется неторопливо, даже, можно сказать, обстоятельно. В этом неповторимость соловьиной песни, которая всегда изумляет своим разнообразием, пол-

нотой и силой. Соловьиная песня — маленькое чудо в удивительном празднике весны.

Соловей поет, сидя на какой-нибудь ветке невысоко от земли, несколько сгорбившись и опустив крылья. Заметить его сложно, но при всей скрытности и осторожности он часто увлекается в своих восторженных трелях, и к нему можно подойти вплотную. У очень хороших певцов в песне до нескольких десятков колен — и как тут не забыть, почти весь день провозглашая весну! Бывает, соловьи не прекращают свои песни до середины июня, когда все другие птицы уже давно успокоились.

Хороший соловей поет всегда с толком: после сильного, страстного колена выставит вдруг легкое, нежное, затем пустит переливчатое и вновь его повысит. Получается нечто чарующее, и среди знатоков соловьиной песни определенные колена даже получили свои названия: «пленьканье», «почин», «лешева дудка», «кукушкин перелет», «водопойная россыпь»... Но как бы ни была неповторима соловьиная мелодия, человек подметил в ней еще и близкие своей речи созвучия. Ввиду сложности соловьиных трелей воспроизвести их словами довольно трудно, и потому пение соловья выглядит примерно так: «Мужик, мужик, мужик, сало пек, пек, пек, пек, пек, крутил, крутил, крутил, палил, палил, палил, сало течет, течет, ешь, ешь, горячо, горячо-о!» И опять: «Мужик, мужик, мужик, сало пек, пек, пек, пек, пек, крутил, крутил, крутил, палил, палил, палил, сало течет, течет, ешь, ешь, горячо, горячо, горячо-о!..»

Песня соловья, в отличие от всех наших лучших пернатых певцов, хороша еще тем, что в ней нет ничего заимствованного, а только свое неподражаемое и вдохновенное творчество.

Радостно все, что появляется в природе с приходом весны, и особенно восторженные журавлиные вскрикивания, которые так торжественно разносятся в высоком апрельском небе... Люди задирают головы и в восхищенном молчании провожают птиц взглядом, а журавли поют свою красивую трубную песню, и в душе каждого человека просыпается что-то новое. Весной журавлиный клин приносит с собой чувство радости и обновления, осенью — грусти и печали о чем-то добром и сказочном, что птицы уносят на своих крыльях в дальние края, а возвращают только в следующем году, когда это добро становится более желанным.

Вернувшись с юга домой, журавли всегда устраивают незабываемые танцы. Прежде чем начать танцевать, птицы издают протяжные и приятные звуки, затем кланяются друг другу, хлопают крыльями и важно прохаживаются, с каждой минутой убыстряя темп. Время от времени они неожиданно замирают с приподнятой ногой, как будто к чему-то прислушиваются, и, высоко вытянув голову, принимают бить поклоны, кружась на месте. Иногда журавли замирают один против другого, а затем вновь пускаются в свой неподражаемый танец.

Еще часто можно наблюдать, как журавли подсакивают, и порой очень высоко. В этом коротком парении они почти прижимаются друг к другу и, медленно планируя, опускаются на землю. Повторившись несколько раз таким образом, танец прекращается, но может возобновиться снова, и партнеры опять кружат, подсакивают, неожиданно замирают, устремив клювы вверх. При этом все движения птиц исполнены изящества и грации, они напоминают ритуальные древние таинства, присущие всему живому.



Крик журавлей в весеннем небе — это, наверное, олицетворение бескрайности наших российских просторов, их красота и легкая печаль от неизъяснимой любви к родному краю. В особенности, когда ты надолго его покидаешь, а затем вновь возвращаешься. Но вот осенью красивые, немного грустные голоса птиц не похожи на те, которыми они переговаривались в весеннее время.

Журавли — птицы разговорчивые и криками часто выдают свое настроение. По осени их трубные голоса напоминают всем о том, как удивительно прожили они рядом с людьми весну и лето, просят их не забывать о чем-то дорогом и сокровенном, даже ненавязчиво советуют...

Перед самым отлетом птицы обычно отправляются на поиски полей, с которых скосили овес и где можно найти просыпанное зерно, чтобы набраться сил на дальнюю дорогу. Пролетая над пахарем, обрабатывающим землю под озимые, журавли «критикуют» своим курлыканьем его работу: «Мужик скривил, мужик скривил, курлы-курла, курла-курлы... Мужик, спрями, мужик, спрями, курлы-курла, курлы-курлы...» И люди опять, как и весной, с улыбкой обращают к ним свои взоры и желают доброго пути, а птицы машут им на прощание крыльями и забирают с собой все печали, оставляя только неугасающую надежду.

Одной из самых последних, когда весна уже полностью вступила в свои права и деревья покрылись листвой, прилетает к нам иволга, золотисто-желтая птица величиной с горлинку. Для гнезда она устраивает высоко над землей уютный гамачок, который висит, чуть покачиваясь на ветру, как бы в такт ее песне. Песня у иволги довольно длинная и состоит из набора тихих

скрипучих и щебечущих звуков, а заканчивается неожиданно мелодичным свистом.

Иволга — очень скрытная и непоседливая птица. При виде человека она сразу настораживается и предупреждающе громко и неприятно кричит. Если же опасность угрожает ей непосредственно, она смело налетает на врага, издавая что-то наподобие боевого клича, и тем самым открывает себя, поражая яркостью своей окраски.

С первых чисел мая из густой кроны деревьев разносится ее красивая песня, и чудится, будто кто-то играет на флейте. И тут же раздраженный кошачий крик: можно подумать, что кошка забралась за кем-то на дерево и никак не может достать или ей просто прищемили хвост. Оказывается, когда звучит «флейта» — птица в хорошем настроении, а если кричит «кошкой» — значит, она испугана или рассержена.

Иволга обычно поет все лето, когда многие птицы уже замолкают, и, услышав солнечным июльским утром ее сочный переливчатый свист, сразу выделишь его среди окружающих звуков и остановишься, заслушавшись. Прохладная тень, затившаяся внизу высоких сосен, добавляет таинственного изыска звукам ее песни, которая очаровывает и незаметно усыпляет. Хочется лечь где-нибудь на тенистой полянке, закрыть глаза и с наслаждением от всего отрешиться. Или представить себя этой красивой птицей, что так замечательно неугомонна и загадочно хороша!

Не каждую весну удастся посмотреть на удивительную птицу, и ее чистый флейтовый свист словно что-то переворачивает в душе. Душа начинает думать и чувствовать по-летнему, с присутствием этой поре роскошью красок, среди которой золотисто-

желтая птица — ее чудесное дополнение. В крике иволги уже не услышишь резкого «вж-ж-жела, кш-ш-ш!», а только нежное «фи-тиу-лиу, фи-тиу-лиу, фи-тиу-лиу», что почему-то напоминает вроде бы не подходящие ей слова: «Удил, да вынул, удил, да вынул, фи-тиу-лиу, фи-тиу-лиу». И дальше, словно кого-то допрашивая: «Ты видел, видел, видел, фью-тиу-лиу?» При этом всегда непроизвольно оглянешься, но, никого не приметив, улыбнешься и радостно прокричишь птице в ответ: «Видел, видел, видел!»

Нередко уже со второй половины марта в лесу раздаётся вроде бы монотонная, состоящая сплошь из повторов песня пеночки-теньковки. С ней можно встретиться повсюду, если быть внимательным, потому что пеночка — это маленький лесной невидимка. То она легко перелетает рядом, ненавязчиво напоминая о себе тонким попискиванием, то надолго теряется, и пройдет немало времени, прежде чем птичка вновь появится в кронах деревьев. Легче услышать ее, чем увидеть! Только после того, как остановишься и внимательно всмотришься, заметишь, наконец, нечто трогательное и нежное оливково-дымчато-го цвета, еле приметный пегонький росчерк в ветвях, и на душе сразу станет радостно.

Пеночка-теньковка — незаметная радость леса, которая всегда с нами. С нами ее неуловимая нежность, изящество и сила. Эта небольшая, скромно окрашенная птичка, размером меньше воробья, несмотря ни на что живет и никуда не исчезает, перелетает в ветвях, тихо тенькает и как будто ничего не ждет от жизни. Ей просто и хорошо в этой своей лесной незаметности, и она радуется всем таким неприветливым и скромным присутствием.

Песня ее будто звон капель воды, падающих с высоты. Начало песни сухое, потрескивающее «тр-трр, тр-трр, тр-трр», которое слышно только вблизи. Но затем в том же ритме птица исполняет свое «тень-тинь-тень-тюнь, тень-тинь-тень-тюнь», меняя тональность почти на каждом слоге, и именно из-за этого она и получила, наверное, свое имя.

Теньковка — один из самых неутомимых певцов: она поет и рано утром, и днем, и вечером. Усевшись на верхней еловой ветке, птичка будто тянется головкой к солнышку, и с клювика ее срываются восторженные звуки: «Тень-тинь-тень, тень-тинь-тень, тё-тень, тё-тень, тё-тень...» Прислушавшись хорошенько, вдруг различаешь, что она не только радуется ясному дню, но и зовет какую-то «тетеньку», а та никак не откликается, и пеночка вновь принимается настойчиво повторять: «Тень-тинь-тень-тюнь, тень-тинь-тень-тюнь, тё-тень, тё-тень, тё-тень, кап-п, кап-п, кап-п... Тетенька, тетенька, тетенька!» Ничто так в весеннем лесу не отогревает сердце после долгой зимы, как тоненький голосок этой маленькой и неутомимой птички!

С приходом лета разнообразных птичьих голосов в лесу несколько не убавляется. На берегах рек и озер, совсем недавно покрывшихся растительностью, часто можно встретить небольшую, неброского цвета птичку — болотную камышовку. Но красивой ей быть и ни к чему, поскольку большей частью она держится в самой гуще прибрежных кустарников и тростников. Камышовка мало видна, но очень подвижна и, наверное, не желает ничего иного, кроме как жить в густых камышах, не чувствуя себя потерянной.

Песня камышовки спокойна и необыкновенно мелодична, состоит из смешения многих чужих и собственных звуков, бы-

стро сменяющих друг друга высоких посвистов, трескучих и визгливых выкриков с постоянно повторяемым «чип-чип, чек-чек», из которых постепенно, по мере спада нотки озабоченности птички, выслушивается: «Цири-цири, тере-тере, чип-чип, чек-чек, тр-тр-тр-р... Крак-крак, кли-лилили, кли-лилили... чи... чи... тере!» Обычно довольно скрытная, во время пения камышовка взбирается на верхние ветки куста, как бы стремясь показать себя. Иногда камышовка даже взлетает кверху, но песня ее при этом не прекращается.

Чаще она сидит на тростнике, залитом водой, и от этой близости водной поверхности, полной загадок и жизни, песня ее убыстряется, звуки становятся крякающими и постепенно повышаются: «Кэре-каре, кэре-каре, кру-кру-кирики-кики... Крак-крак-крак, клин-клин-клин, чек...» Наблюдая из прибрежных кустов за птичкой и видя, как она то и дело склоняет голову набок и заглядывает в воду, будто высматривая там кого-то, чудится, что камышовка быстро произносит: «Карась, карась, рак, рак, линь, линь! Карась, карась, рак, рак, линь, линь!», и ты почему-то начинаешь верить, что птица видит этих рыб и, не в силах сдержать себя, сообщает всем об этом!

И вот становится совсем тепло, воздух наполняется насекомыми, и однажды утром под мостом появляются очень изящные и юркие птички. Блестяще-черное оперение спинки, белоохристое брюшко и длинный вилообразный хвост позволяют безошибочно различить в них долгожданных ласточек. Их элегантное одеяние в сочетании с вытянутой, легкой фигуркой создает ощущение, будто все птички зачем-то переоделись во фраки, а их длинные хвостовые косички напоминают свободно ниспадающие фалды... Переполненные восторгом возвращения

в родные края, но еле сдерживаемые своим аристократическим видом, ласточки схожи с волнующимися оркестрантами, преисполненными важностью предстоящего: ведь им надлежит за короткий срок исполнить так много!

Ласточки любимы в народе, и всегда было принято думать, что они приносят счастье. Их оберегали, старались не обижать и помнили: ласточка — святая птица, к ней был неравнодушен сам Всевышний, и оттого, наверное, ласточки под Троицын день поют высоко в воздухе еле улавливаемую молитву: «Свя-тый Боже, Святой крепкий, Святой бессмертный, помилуй нас». Может быть, конечно, это и не ласточки поют, но кроме них в небе никого нет, и люди всегда думают о святости близких их сердцу касаточек.

Ласточки, видимо, чувствуя к себе такое отношение человека, всегда держатся к нему поближе. Однажды они даже сменили места своего постоянного обитания — скалистые берега речных долин и пещеры — и стали вить гнезда на стенах жилых домов и сараев, под балконами, карнизами и в конюшнях, образуя целые колонии. И повсюду слышится их щебечущее и радостное «тиль-вили-тиррч, тиль-вили-тиррч, тиль-вили-тиррч...»

Но вот иногда у ласточки пробивается и настоящая песня, особенно заметная в пору прилета, когда первые стайки этих птичек появляются над полями и деревнями или сидят на крышах и телеграфных проводах. Песня эта — торопливое щебетанье скороговоркой, с отдельными, более звучными выкриками и с тихой трелькой, большей частью перед самым концом. Призывный крик звучит как «твид-твид» и «тлюи-тлюи», потом вдруг, завидя выехавших в поле на работу мужиков, лас-

точки сочувственно им напевают: «Мужики у поля, мужики у поля, а бабы за яишню».

Вот уж что действительно подходит к ласточкам, так эта самая яишня, и невозможно объяснить, почему. Только крутится все время на языке это простое деревенское лакомство, как и ласточка, что неотступно кружится над людьми и все за ними подмечает. Задрал голову, следишь отрешенно за ее стремительным полетом и не помышляешь ни о чем, кроме лета.

Когда трава поднимается достаточно высоко, наконец-то прилетает с юга и перепел. Увидеть перепела, когда он бежит по земле, нелегко, потому что окраска хорошо маскирует птицу. При этом перепел бежит так быстро, что его даже трудно разглядеть.

Птицы эти любят открытые пространства, в особенности заливные луга с посевами, а если селятся в самом лесу, то на широких полянах. Часто они держатся на хлебных полях, и их много гибнет во время косьбы. Взлетают перепела лишь в крайнем случае, но, вспугнутые, летят недолго, как правило, низко над землей, и быстро присаживаются, всегда готовые надежно укрыться в бескрайних просторах золотых колосьев.

Спустя несколько дней после прилета, сперва только на утренних и вечерних зорях, а затем и круглые сутки можно слышать «бой» самцов. В народе еще говорят, что перепел не поет, а вавакает и уже потом кричит,— все это и называют «боем». Бежая по траве, самцы перепела «бьют» и разыскивают таким образом перепелок, издающих в ответ хриловатый свист.

Но не все перепела поют одинаково. У огромного большинства птиц все колена «боя» обычно сливаются в один поспешный, несколько свистящий удар, который можно пере-

дать звуками вроде «фвать-вальват, ва-ва-ва, фвать» или «фвить-фвить-фвить!» Такие перепела называются чистохватами, и только у редкого перепела песня состоит из трех особых колен — подъема, проволочки и отлива, благодаря которым и слышится нам, будто птица... разговаривает.

Вот повел пастух коров на пастбище, а перепел уже тут как тут, и из травы у дороги доносится: «Вот ведет, вот ведет, вот ведет!» Или еще какой-нибудь самец, оказавшись поутру у самой околицы, зарядит до того настойчиво и бесперебойно, что отчетливо слышится: «Полно спать, полно спать, полно спать!» Когда же бабы забудутся за домашней работой, перепел так дает о себе знать: «Досыть, бабы, шить, надо полоть: под полоть, под полоть, шить, полоть, шить, полоть...» Ну, а уж если засидятся бабы за полночь, перепел им заботливо напоминает: «Спать пора, спать пора, спать пора!» Попробуй тут не послушать такую серьезную птицу, которая с вкрадчивого «разговора» возьмет да перейдет на однообразное вава-канье, и тогда, по народным приметам, горе бабам — лен будет плохой!

В поле перепел кричит, а над болотом кулик заунывную песню заводит: всякий кулик, говорят, свое болото хвалит. Пришло и его время родину посетить, поэтому, когда спрашивают его: «Где живешь, кулик?», он отвечает: «На болоте!» К нему опять: «Кулик, иди к нам в поле! Здесь сухо», а кулик в болоте плачет, но из болота нейдет. Всяк кулик на своей кочке велик.

Но на самом деле кулик в болото, наверное, не по своей воле бежит, а затем, что голову там бережет. Ему в болоте спокойнее и радостнее, чем в открытом поле.

Весной к нам прибывает множество разных куликов, но большинство из них долгоносы, имеют длинные ноги и оттого любят бродить по мелкой воде у берегов рек, ручьев и топких болот, выискивая для себя лакомый корм. Они часто летают над водой, привлекая внимание своими воздушными играми и громким токовым криком, состоящим из растянутых, как бы с ударением повторяемых «стонущих» звуков «кююйи... куулик... куулик, кююйи... куулик...» Когда же зацветает гречка и поле за болотом покрывается белым ковром, кулик принимается носиться над ним и в отчаянии кричит: «По-о-о-гиб, по-о-о-гиб, по-о-о-гиб», думая, что пришла зима и выпал снег. Но вокруг лето, и кулик скоро в этом убеждается. И вновь разносится над болотом его жизнеутверждающее: «Кююйи... куулик, кююйи... куулик, кююйи... куулик-к!»

Бывает, сенокос уже в разгаре, копны растут как грибы, но вдруг ни с того ни с сего возьмут и зарядят обложные дожди, так что мокрое сено начинает гнить. Зато быстро подрастают новые травы, свежие и сочные, и тогда озабоченный кулик мечется в воздухе и без усталости и дело кого-то призывает: «Жгите сено! Жгите сено! Новое поспело!»

А лето в самом расцвете, и только и слышится отовсюду: «Как? Как?», «Тпрусь, тпрусь!», «Ка-чу! Ка-чу!», «Мечи-мечи в печи калачи!» И опять: «Кум! Кума! Где он? Где она?», «Худо тут, худо тут, худо тут!», «Под полоть, под полоть, под полоть!...» Этому птичьему многоголосью вторит хорошенькая горихвостка, только что выведшая на свет птенцов: «Я у Питере была, Питер видела... Я у Питере была, Питер видела...» Ей не уступает красавец щегол, что старательно, не обращая ни

на кого внимания, щеголевато выговаривает: «Пили кофе, пили чааай... Пили кофе, пили чааай... Пили-пили, пили-пили, пили-пили...»

Ширится многоликое лето, набирается сил и красок, и вместе с ним наполняется жаждой жизни разбуженное весной сердце, что, как и птицы, поет на разные голоса, переживая ко всему любовь, и с неизъяснимой радостью взмывает в бескрайнее небо!

Уже много лет хожу я по лесу и разгадал немало птичьих песен, но до сих пор не могу забыть первую: «Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей! Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей!» Вспоминаю ее, а из далекого детства всплывает в памяти то туманное сентябрьское утро, когда лес впервые дохнул на меня своей тайной, но не напугал, а лишь предстал во всей своей силе. Огромные ели за логом, утопая по грудь в тумане, глядели серьезно и внимательно, как будто оценивая, чего ждать от этого маленького человека. Несмотря на их возраст и видимую неприступность, они не казались зловещими, а лишь молчаливо наставляли на что-то очень значительное, что недопустимо было пропустить мимо своего внимания.

Вспоминаются и замершая осенняя тишина, наполненная последними отзвуками уходящей поры, и вскрикивания птиц, собирающихся в беспокойные стаи, и доводящий до слез запах прелого листа вперемешку с сырой корой, и, конечно, тот самый отцовский пищик, который я берегу до сих пор и нет-нет да достану, чтобы насладиться знакомой мелодией. И тогда как будто оживает окружающий воздух, до того пронзительно раз-

носится в нем рябчиковое пение, и хочется вновь отправиться в осенний лес, чтобы, остановившись у опушки, услышать восторженно-приподнятое признание птицы в любви к замечательному туманному утру и возможности просто жить и петь: «Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей!»

## *Быть человеком*

Мир живой природы всегда неудержимо манил к себе человека, и тем не менее это не мешало ему убивать своих меньших братьев. Происходило это часто для того, чтобы выгоднее продать роскошную звериную шкурку, использовать дичь в качестве пищи с целью поддержать свою жизнь или по той известной для каждого охотника пустой причине, когда из-под ног нежданно взмывает что-то трепетное и шумное, бросаясь впопыхах наутек, и тебе зачем-то непременно надлежит остановить его выстрелом.

Все это будоражит сердце и память охотника, и он не в силах удержать неумолимо вспыхивающего желания насладиться молниеносным подчинением себе дикой, неведомой природы, когда глушь отступает и ты с колотящимся сердцем бежишь сквозь кусты, не чувствуя ничего, кроме жажды овладения, а многообещающие тайны при этом все-таки ускользают неразрешенными.

Но на деле все обстояло гораздо сложнее: в тайниках мятущегося сознания самого человека витало нечто негаданное и дремотное. Человека скорее тревожила его собственная дикая

природа, тот зверь, что всегда находился у него в душе или, может быть, в голове.

Человеку важно было приблизить к себе животное, даже ценой его умерщвления, как будто это могло что-то разъяснить для него. Ему думалось, что, достигнув близости, он наконец преодолет не дающий покоя разрыв между незнанием и истинной. Но, ощутив тепло уходящей жизни на ощупь, почувствовав приятную упругость отяжелевшей тушки, человек понимал, в который раз совершая грехопадение: мучившая его тайна вновь остается неразгаданной.

Так, овеянные обаянием таинственной лесной жизни и многочисленных русских сказаний, звери когда-то были обречены на незаслуженное и жестокое выбивание. Это обаяние остается так велико, что покрывает собой как уже давно совершенные преступления, так и совершающиеся по сей день, а также любые доводы в пользу охоты и рационального отстрела многих птиц и животных.

Человек полностью бывает охвачен красотой зверей, желанием непременно удовлетворить свою охотничью страсть, если не преодолел в себе этот с первобытности неудержимый порыв. Если не обрел знание, что непозволительно убивать зверя только потому, что он неподражаем и загадочен. Зверь не виноват в этом и существует сам по себе, он не принадлежит никому.

Человек должен понять, что птица в руках еще не есть обладание ее природой, зверь в клетке — это пустота и неутраченная неудовлетворенность от совершенного. Только свободное общение с обитателями леса позволительно под его пологом. В противном случае человеку никогда не суждено ощутить красоту собственной жизни.

Быть человеком — это значит в полной мере осознавать истинную свободу: не посягая на свободу других, уметь сохранить свою собственную, не забывая, что в основе обе неотделимы друг от друга. Лес же, порядком напуганный, но не покоренный, остается человеку непреходящим укором в его бездумном стремлении свести эту неповторимую жизнь на нет.

### *Сорока на коньке*

На Руси исстари повелось связывать появление у жилья разных зверей и птиц с какими-либо переменами в жизни людей. Перебежит ли улицу заяц, взметнется по тополю у родного дома белка, ни с того ни с сего застучит по стене дятел или раскукуется над оградой кукушка — на все у смекалистого и приметливого деревенского жителя находилось свое суждение. Да и как его не иметь, если жизнь твоя вплотную соприкасается с удивительным миром природы, у которой приходится не только учиться, но и помогать всякой божьей твари, что в суровую для себя годину к жилью человека льнет, старается в нем укрыться или о пропитании своем позаботиться.

Часто можно услышать, что птицы небесные не сеют, не жнут, а сыты живут, однако нелегко им пропитание свое находить, да еще и детей прокормить надо, и потому у птицы со зверем житье не такое веселое и легкое, как многие об этом думают: хлопот и забот у них полон рот. И хоть говорят, что всякая птаха своим носом сыта, но наступает в жизни каждого лесного обитателя такое время, когда он приходит за помощью

к человеку и порой так к этому привыкает, что уже не в силах от своей привязанности отступить. Он самой жизнью повязан с человеком, которого и пугается, и не может без него обойтись.

Испокон веку живет по соседству с человеком медведь. Медведь — любитель глухих лесов и людского шума не выносит, но к жилью подходит часто и собирает с человека подать на пасеках или с пчелиных бортей, как будто тот ему задолжал, и зверь без зазрения совести пользуется этим. Может быть, именно поэтому в народе и повелось поверье, что, повстречав медведя, следует ожидать какого-либо худа.

Еще с давних времен медведя в деревнях все хорошо знали, так как пойманным его часто водили на цепи для представления господам-барам и простому деревенскому люду. Ученый медведь показывал, как ребята горох воровали, как пьяные мужики по канавам валяются, как старухи или молодухи ходят... И все же более всего медведь трущобу любит и в отличие от человека от шума бежит, а уж если появляется рядом с жильем, то по крайней нужде.

Вздумается ему, к примеру, корову задрать, и уж никто его не остановит, потому как медведь гнет — не парит, а переломит — не тужит. Медведь корове не брат. Перед долгой же зимой, чтобы, наверное, было не так скучно, залегает он иной раз поближе к деревне и слушает, как петухи распевают, одну половину зимы лапу сосет на одном боку, другую — на другом. Счастлив медведь, что не попался человеку, а человек счастлив, что не попался медведю. Так они издавна бок о бок и живут.

Часто человеку приходится сталкиваться даже в своем жилье лицом к лицу и с серым хищником — волком: то зверь зарежет корову прямо у деревни, то ворвется в самую середину

стада и выхватит овцу-другую, а то даже заберется темной ночью на двор, потому как голод не тетка. Волк не глядит на хозяйскую заботу и тащит овец без счету. Не было на Руси, наверное, деревни, жители которой не могли бы обмолвиться: «Есть волки и в нашем колке».

Не может серый обойтись без человека, тянет его к жилью на поживу, и оттого в деревнях еще примечали: где волк рыщет — там хлеба ищет. Замечали также, что ежели покажется много волков в какую зиму под деревней — быть голоду, но вот если волк перебежал кому-нибудь из людей дорогу, это, как ни странно, обещало счастье. Встреча же с волчьей свадьбой почему-то считалась благополучной вдвойне. И все-таки вопреки необычной примете во многих деревнях для предохранения скота от волков, в зимнее время подбирающихся по ночам к самым задворкам, существовал заговор: «Около двора железный тын, чтобы через этот тын не попал ни лютый волк, ни гад, ни злой человек!»

Но сколько волка ни бей и ни корми, он все-таки частенько не в лес, а в сторону деревни глядит. На то, как говорится, Георгий ему зубы и дал, чтобы он кормился. Как бы враждебно народ ни относился к волку, он и в его положение входил, потому как ему рядом с этим зверем жить приходилось: «Говори на волка, но и рассуди по нему!»

Лиса слабее волка, не в пример, конечно, его уму и сноровке, но благодаря своей хитрой повадке нередко живет куда сытнее его, пробираясь ночами к человеческому жилью. Не зря говорят: «Волк — голодай, лиса — лакомка». Как ни стереги собака от нее двор, а все равно лиса курятинки себе добудет. Лиса и во сне кур у мужика в хлеву считает!

Не может лиса обойтись без человека, особенно зимой, и тот, хорошо зная этого зверя и ту заботу, которую он ему доставляет, все же величает его про себя доброжелательно, даже с уважением — «кумушкой» или «Патрикеевной».

Выйдешь поутру за околицу — всюду видны ее следы, потому как главное занятие у лисицы — кур да всякую другую птицу у человека таскать. Лишь этим она живет, а значит, у деревни все время держится. Зимой лиса охотно ходит на падаль; не найдя же возможности раздобыть себе на обед курочку, роется в помойных отбросах или на свалках на окраинах городов и деревень. Ничем не гнушается лисье племя, знай терпеливо рыщет, манит да льстит. «Лисой пройти» — в устах людей равносильно желанию схитрить. Есть даже особое словцо — «лисить».

Но как лиса ни хитри, она всегда хитрее себя найдет и рано или поздно попадется. «Посмеялась лиса мужику, кур покравши, посмеялся и мужик лисе, шкуру снявши». Сколько лисе ни красть, а попадется в пасть.

Правда, в народе замечали, что лиса никогда около своего жилья не промышляет и отправляется вдаль зло творить. Даже логовище свое она старается устроить подальше от человека. Словом, нанималась, как говорится, лиса на птичий двор беречь кур от коршуна с ястребом, а к концу жизни обещает еще и в монахи поступить, да кто ей поверит!

Странно вот только, что лиса, по народному поверью, при встрече на дороге почему-то предвещает удачу. Коли на дороге встретится лиса, то это хорошо, а коли заяц — худо. Может быть, виной тому ее драгоценный хвост, которым она во сне в мороз прикрывается и след свой от погони замечает, оттого всячески хвалит его и бережет?!



В простонародных сказках вместе с хитрой и изворотливой лисой обычно выводится заяц, который рядом с ней представляется трусливым и беззащитным. Но и он не чурается человека, норвя забраться к нему в огород: то морковочкой разговеться, то капусткой, а на худой конец поглотать яблоньку, которую он считает посаженной специально для него. Часто зайца можно увидеть у деревни, но вот если он перебежал дорогу, то это не приносило удачи и лучше было вернуться домой. Когда же косою оказывался в самой деревне, то приключившуюся невидаль вообще связывали с большой бедой: заяц мечется по деревне — к пожару.

Вероятно, подобные убеждения уходили корнями в глубокую старину и объяснялись тем, что заяц сотворен дьяволом и служит нечистой силе. Крестьяне искренне верили, будто ведьмы с колдунами иногда превращаются в зайцев, и если такой заяц вбежит в дом, то это сам черт. Отсюда появление зайца поперек дороги и означало неудачу, предотвратить которую можно было, только повернувшись вокруг три раза и выкинув с повозки на дорогу клоч сена. Зайцы считались, таким образом, нечистыми зверьми, и их не следовало употреблять в пищу. Поверье это было связано еще и с тем, что у зайцев лапы с пальцами, а, по мнению русских крестьян, есть можно было только тех животных, у которых раздвоены копыта.

Но следует ли верить в худое, зная нашего милого, всем хорошо известного зайку, у которого и во сне глаза со страху раскрыты?! Едва ли есть еще такой зверь, которого бы столько преследовали охотники, но он все равно к деревне тянется, а уцелел только благодаря своей плодовитости да быстроте бега. Пока зайца догонишь — с пару, говорят, зайдешься, и это не-

смотря на то, что цена ему две деньги, бежать же — сто рублей! всю свою жизнь заяц бежит, потому как лететь не на чем, и надежда у него только на себя да на лесного бога.

На самом же деле заяц вовсе не трус, а просто он себя бережет, оттого и любимое местопребывание у него на опушке леса или в кустах, где он скорее всего почувствует опасность. С необходимостью постоянно бояться и убегать связывали в народе и отсутствие у зайца хвоста, отчего его прозвали «куцым». Недостаток этот объясняли в старину по-разному. Одни говорили, что при раздаче животным хвостов было ненастно, заяц из норы не решился выйти да и остался навеки куцым. Кто-то рассказывал, что у зайца был хвост, но его волк оторвал, когда заяц от него бегством спасался. Третьи уверяли, будто заяц зимой хвостом в проруби рыбу ловил и отморозил его... Седая была веков, святая простота!

Так или иначе, но не даровал Бог зайцу хвоста, зато наделил знатной шубкой, которой он пуше хвоста своего дорожит! Чужое приближение человека или собаки, заяц лежит до самого последнего момента, так что чуть ли не наступишь на него, и потому чаще всего он подымается там, где его меньше ожидают. Какой восторг вызывает обычно он своим неожиданным появлением!

Белый и пушистый как снег, с симпатичными черными ушками, заяц воплощает в себе нечто необыкновенное, когда вдруг выскакивает на опушку, почти у самой деревни, и на мгновение замирает. А уже через секунду пускается в пружинистый бег, несется что есть духу, подхлестываемый залихватским свистом, и нет, пожалуй, ничего прекраснее поздней осенней порой, чем стремительно удирающий по озимым беляк...

В полуопавших верхушках осин виднеются серые крыши домов, дымки над ними, а по полю, будто оторванный неведомой силой от земли, летит ослепительно белый заяц!

Нет, как ни крути, а человеку от зайца больше радости, нежели печали, и сколько бы неприятностей заяц ни причинил, все они несравнимы с его обаянием! Не горюет человек о погрызенных яблоньках, вишенках и рябинках так, как если бы волк или медведь у него под боком телку задрал, и благодарит Бога за дарованную ему красоту леса, вместе со всеми его обитателями. В народе зайца всегда почитали и, несмотря на связанное с ним худое поверье, радовались хотя бы мимолетной встрече с ним, а меж собой называли с любовью, как единственную и ненаглядную дочку, — «заюшка-горностаюшка»!

Красивый пушистый зверек белка, своим непоседливым бойким нравом оживляющий пустынное безмолвие северных лесов, тоже, случается, подходит вплотную к деревне. То и дело упоминается она в русских сказках, где ловко перепрыгивает с ветки на ветку, распевает веселые беличьи песенки, а сама знай грызет орехи, скорлупа у которых из чистого золота, зерна-ядрышки жемчужные. Но вот если белка забегала в деревню — быть худу, гласило седое народное слово.

Чем же мог досадить человеку этот забавный зверек, не менее безобидный, чем заяц? Всему, по-видимому, виной была его поворотка, словно у беса: уж больно шустро зверек перемещался с места на место, преодолевая немалые расстояния за короткое время. А еще, наверное, сыграла роль ее способность затаиваться на дереве, как будто исчезнув. Не могли помочь ни собака, ни колотушка охотника, ни его ружье: белка как сквозь землю проваливалась, очень ловко замирая в своем невидимом

с земли пшно. А в деревню зверька гнало обыкновенное соседство леса с жильем человека, которое в старые времена было гораздо теснее.

То же близкое соседство лесного и человеческого миров привлекало на крестьянские дворы и такого занятного зверька, как ласка. И хотя среди людей было признано, что ласки в курятниках выпивают куриные яйца, в отдельных местностях зверьки считались полезными на скотных дворах. Где в хлеву есть ласка, там водится скотина, замечали в народе, а каждая корова имеет свою ласку-покровительницу: какой масти корова, такая у нее и ласка, и если ее убить, то и корова вслед за нею издохнет.

На самом же деле юркие зверьки забегали чаще всего в деревенские конюшни, где их привлекала соль, выступающая на крупах лошадей. Ласки бегали по ним, слизывали ее, и отсюда, наверное, повелось в народе поверье, по которому ласки — чертовы посланцы, заплетающие из конских волос косички и вгоняющие в лошадей худую силу. Недаром, мол, лошади волновались, взбрыкивали и храпели, не в силах успокоиться, но кому понравится, когда по тебе бегают да еще и облизывают!

Еще ласка поедает в обильном количестве мышей, для поимки которых прибегает к разного рода хитростям, например притворяясь мертвой, но чаще все же посещает человеческое жилище, где для нее мышиное раздолье. Словом, она не зря получила свое имя, потому как по характеру гибка, изобретательна и игрива. «Ласть да ласть, — поговаривали про нее деревенские жители, — глядишь, а она уже и живет себе всласть!»

В некоторых деревнях считали, что ласки приносят счастье дому. Если же ласку, у которой есть дети, обидеть, то весь вы-

водок нападет на дом и уничтожит в нем все запасы. С лаской следовало дружить, привечать ее, и тогда зверек платил человеку взаимностью, предохраняя его дом от нашествия грызунов.

Предрассудки были так крепки, что даже обыкновенная летучая мышь, залетевшая ночью в окно, означала неминуемую беду. Ведь небесные, божьи птицы, по мнению людей, должны были летать днем, а ночью — только порожденные чертом. Но солнца ли вина, что летучая мышь в полдень не видит, а в вечернее время и ночью устремляется на свет, который привлекает для нее насекомых?

Кровью летучих мышей можно убрать веснушки на лице — верили люди и потому опять же отнесли к зверькам по-особенному. В старые годы их считали непременной принадлежностью жилища колдунов и ведьм. Существовало даже убеждение, что если обыкновенная мышь поест «священного» хлеба, то есть освященного кулича или пасхи, то превратится тотчас в кожуна, летучую мышь.

Про летучих мышей, которые летают, как птицы, но только ночью, водилось и такое поверье: птицу создал Бог, а летучую мышь — черт, но только не мог сделать, чтобы она летала, и обратился за этим к Богу. Бог согласился исполнить его желание, но с условием, чтобы чертова птица летала тогда, когда божья покоится. Народ пользовался летучими мышами, чтобы отгонять от скота всякую нечисть: пойманную летучую мышь убивали и прибавляли за крылья у входа в хлев.

Однажды я действительно увидел на омшанике у одного старика-пасечника такую мышь и очень удивился. Мышь изрядно высохла, побелела от времени, и я спросил у старика, зачем она здесь. Он объяснил, что это «хранимый знак», по

которому быть на пасеке достатку, а все беды якобы обходят ее стороной. Еще издревле, заверил меня старик, ведется в деревнях подобный обычай, и он не упомнит, чтобы эта «чертова голова» не помогала. Распростертая над приземистой дверью мышь до сих пор стоит у меня перед глазами, и я отчего-то сам начинаю верить в ее скрытую силу.

Сродни летучей мыши еще одна любительница темноты — сова. Сова, ночная гуляка, что величается в сказках и присказках «совушкой-вдовушкой, разумною головушкой, залесною барыней, Ульяной Степановной», тоже частый гость и в деревнях, и в городах. Часто представление о ней соединялось с понятием о мудрости, но русское суеверие все же не сулило от совы добра. «Виден сыч по взгляду, а сова — по полету, которая хоть и тиха, да птиц душит», — убежденно заключали люди.

Вообще все птицы, принадлежащие к этой породе как по образу жизни, так и по приписываемым им свойствам, всегда подозревались в близких сношениях с нечистой силой. Крик этих птиц над домом всегда связывался с несчастьем для его жильцов, и, чтобы его избежать, советовали бросить в огонь соли. На крыше появился с криком сыч — верная примета скорого несчастья, потому как верили, что сыч своим криком хозяина из дому выживает. А вот если над селом слышалось уха-нье филина, — не миновать пожара. С давних времен крестьяне воспринимали эту птицу как великого охотника «скверниться», то есть браниться. Слыша в лесу повторяемые эхом свои слова, крестьяне подозревали в этом передразнивании филина и посылали ему в отместку крепкое словцо, снова повторяемое эхом и вновь вызывающее брань, которая в конце концов прекращалась, потому что «филина-бугая не перебранишь».

Колдуньи по деревьям обыкновенно держали при себе сов как олицетворение нечистой силы. Совам они поручали охрану заклятых кладов, приговаривая: «Сова клады сторожит, а филин — совкин деверь, спутник лешего, беду людям пророчит». Когда с наступлением темноты все живое прячется под кровлю, сова-мертвая голова отправлялась на ловлю.

В народе было весьма распространено еще и такое мнение, будто сова — птица смерти, дающая знать своим жалобным криком около дома больного, что он скоро умрет. На самом деле огонь держали зажженным в избе, где находился сильно хворающий человек, а ночник привлекал хищных ночных птиц. К тому же благодаря свету у окна собирались летучие мыши, бабочки, различные жуки, и это не могло не привлекать сов.

Крупных сов несытей в отдельные, особо голодные для них годы часто приходится видеть и городским жителям. Совы прилетают на улицы наших городов сильно исхудавшими, решаясь на это в безвыходной для себя ситуации. Они держатся обычно садов и скверов, рассаживаясь на самых высоких деревьях, и приводят в бурное недовольство полчища ворон, сорок и галок, которые то и дело нападают на них и не дают покоя. Как правило, всеми гонимые совы в городе погибают, часто так и не разубедив, даже своей жалкой участью, людей в их недоверии. Хоть, как говорится, под небеса летай, а все сове соколом меж людей не быть.

Более завидна участь аистов, всем хорошо известных красивых и очень величественных птиц, на репутацию которых никто, наверное, не покусится. Аист — желанный гость южно-русских деревень, где нарочно устанавливались на крышах шесты с тележными колесами для их гнезд. По старинному пове-

рью, аисты охраняли избу от пожара: люди верили, что если что-то загорится, птицы начнут носить в клювах воду и заливать огонь. Обидеть аиста, разорить его гнездо значило накликать великую беду на свою голову!

Про аистов особенно много рассказывают своим детям, когда хотят убедить их в том, что птицы приносят новорожденных младенцев в клюве не случайно, а как воздаяние хозяевам за их доброту и хозяйственность. И потому родителей своих, мол, следует почитать, ибо аист — птица мудрая и поселяется на домах с разбором. На крыше мошенника или лентяя птица гнезда никогда не совет.

Весной на наши необъятные русские просторы счастье и радость приносила из-за моря, по народному поверью, ласточка-касатка, которая представлялась еще и олицетворением домовитости. Примечали, что если не вернется по весне касатка на старое гнездо, это предвещает несчастье, и оттого ласточку ждали, никогда не обижали и очень гордились, если она избирала именно их дом. Ласточку считали любимой Богом птицей, убивать которую или разорять ее гнездо считалось огромным грехом, и уж если поселилась ласточка под кровлей — значит, во благо. Ласточка, уверяли, вьет гнездо на том доме, где живут добрые люди, и только добрый человек замечал первую прилетевшую из теплых краев ласточку, хоть она, по народным наблюдениям, весну и не делает. За постой же ласточки платили хозяину дома пометом. Птичий помет, как известно, хорошее удобрение.

Ну, а тому, кто все-таки покушался на птицу, она могла и отомстить: подлезет под вымя коровы и испортит у нее молоко; корова станет молока давать мало и с кровью. По другому по-

верью, ласточка за причиненный ей вред могла даже избу спалить. У того же, кто ее убивал, помирали родители. Такого рода напасти, конечно, менее всего подходили ласточке с ее добрым нравом, и потому во многих деревнях верили, что за разоренное человеком гнездо она наказывает его лишь... веснушками.

В некоторых местностях России существовало еще такое поверье, по которому не следовало начинать купаться до тех пор, пока ласточка не окунулась в воду, что бывало приблизительно около Троицына дня. Долгое время были живы представления о зимовке ласточек в реках, озерах и колодцах, а также о возвращении их на юг под крылом аиста или журавля. По всему видно, что в народе о ласточках постоянно думали, не мыслили без них жизни, с ними даже соизмеряли свои поступки.

Часты прилеты в деревню и дятла, про которого рассказов в народе сравнительно немного. Причем они почти все вращаются вокруг его свойства долбить дерево, выковыривая из него насекомых и личинок, которыми он питается. Если дятел держится вблизи строений, то в зависимости от того, что он клюет, выводятся и разные предсказания, большей частью почему-то неблагоприятные для людей. Дятел весной долбит по преимуществу изгородь — наступающее лето будет червивое; стены холодных строений — будет много мышей; стены жилых помещений — к смерти одного из членов семьи; дом в переднем углу — к кончине самого хозяина.

Иногда дятел долбит стоящие рядом с домом телеграфные столбы и даже порой залетает в ограду, стучит на какой-нибудь стойке... Может, оттого, что дом просто начинает стариться и в нем заводятся разного рода личинки, а дятел

предупреждает хозяев об этом и старается им помочь. С дятлом все более-менее понятно: птица эта серьезная, работающая и за работой, видимо, не разбирающая, лес это или деревня.

А вот зачем прилетает на деревню кукушка, никто сказать не может. Усядется на столб, вытянется в веретено и давай, как флюгер, во все стороны крутиться: «Ку-ку, ку-ку, ку-ку». Плачет, наверное, кукушка, что детей в люди отдала, да им на это и жалуется.

Но, с другой стороны, почему бы птице, которая гнезд не вьет, яиц не высиживает и птенцов не выводит, не побывать в гостях у людей, среди которых она славится своим кукованием, тем более что по нему каждый человек для себя определяет, сколько ему жить осталось. Кукушка, говорят, кукует — по бездомью горюет, так отчего же ей в деревне, что расположилась рядом с ее родимым леском, не побывать?!

Кукушку, принимая во внимание ее вдовство и бездомное положение, в народе называли «горькой», поскольку живет она «тепла гнезда не греючи, малых деток не лелеючи». Но, понимая нелегкую долю птицы, что будто бы оставляет на траве и цветах свои «кукушкины слезы», люди стали связывать прилеты птицы в деревню с горем, которое она может принести. Ведь и человек бездомный, который норовит к чужому очагу пристроиться, опаску вызывает, что уж говорить про бедовую птицу!

Кукушка кукует, замечали в народе, горе вещует, а если кого натошак окукует или в затылок, то добром это не кончится. Конечно, пение кукушки негармонично, да она мелодичнее и не умеет, и потому лучше куковала бы птица на свою

голову, тем более что, летая по деревне, кукушка пророчит пожар. А уж когда кукушка закукует перед каким-нибудь домом в сумерки, там обязательно кто-нибудь умрет. Если кукушка продолжала куковать после Петрова дня, это обещало плохой год.

Кто-то, наверное, кукушку выше соловья ставит, потому как когда кукушка к нам весной возвращается, то она с собою тепло приносит. Люди верят, что кукушка ни за что не обманет, и если ее услышишь, значит, лето близко. В некоторых деревнях даже был обычай не работать в тот день, когда запоет первая кукушка. Пение ее доносилось из самого дальнего леса, отчего стар и млад веселели, а вокруг все пробуждалось.

По весне, когда земля оживала, люди не могли обойтись еще без одной птицы, скворца, которую старались привлечь в свои сады и огороды, нарочно строя для нее скворечни. Птица, весьма полезная тем, что поедает огромное количество насекомых, привлекала среди других особое внимание еще и потому, что была красива и обладала способностью всех и вся передразнивать. Скворцы в эту пору затмевали собой всю пернатую братию, населявшую деревню, и даже вездесущие вороны с сороками оказывались как бы на втором плане.

Скворец в отличие от других птиц всегда летел к человеку целенаправленно, в уже приготовленный для него домик, и так к этому за долгие годы привык, что ограничить его чем бы то ни было просто невозможно. Откуда это повелось, с каких пор — ответить, наверное, сложно, но неизменно каждый год птицы очень настойчиво ищут нашего соседства. Может быть, именно длительное нахождение рядом с человеком и послужило появлению у скворца способности имитировать окружаю -

щие его звуки. Иначе где бы он так ловко научился мяучить кошкой, скрипеть рассохшейся дверью или старым колесом, вторить контральту певички, мастерски ведущей свою партию по радио?

Повернув изумрудно переливающуюся грудку к юго-востоку, где подымается солнышко, скворец самозабвенно и в то же время очень уверенно провозглашает весну. Никто не пройдет мимо скворца, не полюбовавшись на его красоту, никто не скажет худого слова про птицу, которая всеми любима. Человеку бы в самый раз задуматься: а почему не развить подобные взаимоотношения с другими представителями животного мира, хотя бы изредка приходящими и залетающими к нам из леса?

В лесу многие птицы и звери не добились бы того, что получают, находясь рядом с человеком. В холодное время и вороны, и галки, и сороки рассаживаются на деревья прямо над печной трубой, чтобы погреться. Не перестаешь удивляться этой их способности использовать любую ситуацию в свою пользу. Только, бывало, растопишь баню, а ворона тут как тут: раскорячится на трубе в самом дыму, вытянет шею и в такой полной удовлетворения позе замирает... Ворона таким образом выводит перьевых клещей.

Но и человек, из года в год наблюдая поблизости лесную жизнь, многому учится и многое открывает. Вот, скажем, погода. Кто как не звери с птицами безошибочно предугадывают ее, ни разу не ошибившись?!

Волки завывали неподалеку от деревни — будет мороз. Перед наступлением сильных холодов приближаются к жилью и зайцы. Появление в большом количестве белок в садах предвещает мокрый год. Зачиркали снегири под окном — скорая отте-

пель. Ласточки летают высоко — к вёдру. И даже надоевшие всем дрозды, усевшись на нижних сучках елки, предвещают хороший год, если же высоко, на макушке,— сам мужик скоро запоет, как тот дрозд.

Ну а что сорока, которая дала название этому рассказу? Да еще на коньке? Сорока всем хорошо известна, всякий ее всегда приметит и невольно залюбуется, даже если бы птица проявила свой вздорный характер. Сорока на коньке — это своеобразный символ неразделимости природы и человека.

Сорока, на первый взгляд, отличается удивительно однообразным оперением, особенность которого составляют белые перья на боках: не живет сорока без белого бока. Этим однообразием оперения сорока будто бы превосходит всех других птиц, пока к ней не приглядишься повнимательней и не обнаружишь бархатную зелень на груди и спинке, отороченные снежной каймой веерообразные крылья, изящно покачивающийся, с еле угадываемой синевого хвост. И сразу птица преобразится, оперение ее заиграет, и из обыкновенной сороки-белобоки она превратится в деревенскую жар-птицу, которую не всякий и увидит. Ведь для многих людей сорока от сороки в одно перо родится и ничем особенным не выделяется. А зря!

Птица эта, несмотря на свое кажущееся однообразие, невероятно своеобразна по уму и, уж конечно, хорошо знает, где ей зиму зимовать. Тянется сорока к человеческому жилью, у которого ей и дом, и дол, и желанная вольница.

Никто из птиц не проявляет такого повышенного интереса к человеку, как сорока. Она просто примелькалась, ее не замечают, да к тому же лишний раз она на глаза не покажется, но наблюдение за человеком ведет постоянно. При этом сороки

очень любят комментировать события, происходящие вокруг них, и бурно реагируют на любое взволновавшее их действие. Человек, в свою очередь, не может не замечать этого оживления и, несмотря на заботы, тоже невольно обращает внимание на него, про себя любуясь занятой птицей. Еще неизвестно, кто больше нуждается друг в друге — человек или сорока.

А как удивительно угадывает сорока возможное для себя пиршество, даже еще не предполагая, откуда его ждать! Разрубая однажды мясо в крытой ограде, так что никто из птиц не мог меня видеть, я ушел ненадолго в дом и, когда вернулся, застал у мясного крошева на полу сороку. Птица, конечно, тотчас взлетела, но уселась неподалеку на заснеженной ирге и стала наблюдать за мной. Я потом долго думал, откуда сорока узнала про мясо, но так ни к какому выводу и не пришел. Недаром эту птицу называют чертовой птицей, посвистухой или деревенской бабой-лепетухой, способной любого обвести вокруг пальца.

Еще сороку считали вещей птицей, что вечно сокочет — гостей пророчит, которых она давно уже поджидала, и скорее сорока пером вся побелеет, чем сокотать перестанет. Такая уж эта птица, сорока-белобока, зеленый хвост, долгий нос, что за долго до всех предвещает чей-либо приход или приезд, усевшись на коньке дома. «Не было сороки, а гости у порога!» — восклицали в первую очередь, удивляясь, почему сорока не предупредила о визите, поскольку даром она не сокочет: либо к гостям, либо к вестям. Так глубока была в народе вера в ее предсказания, и, конечно, эта способность использовалась людьми не только как оповещение о приближающихся гостях или скорых вестях, но и в лесу, при выслеживании зверя, а также

при определении погоды: если птица под стреху лезет — к вьюге. Сорока за то щеголяет рядом с человеком, будто в барских хороммах, и горя не знает!

## *Темная звериная душа*

Думая об отражающейся в глазах душе, я часто вспоминаю животных.

У медведя, судя по взгляду, душа глубоко скрытая, может быть, непонятная ему самому. Он тихо изливает ее сквозь глазщелочки и такой же не понятый никем бесцельно шатается по лесу. Самому ему эта душа, наверное, не доставляет ничего, кроме недоуменных снов, в которые он с головой погружается долгою зимою.

Медвежья душа неприкаянна в большом сильном теле, и от ее неприкаянности зависит непоследовательность его поведения: из обаятельного косолапого недотепы он может через мгновение превратиться в разъяренного хищника.

У волка тело как будто создано для бездушья, но и в нем душа теплится и не дает ему покоя. Гонимый не изведанным им природным смыслом, волк неутомимо преодолевает бескрайние снега и вновь отупело зарывается в них. Ему, конечно, не до бессмысленных размышлений о своей волчьей сути, и он с холодной мудростью принимает только необходимость обыденной скитальческой жизни.

Независимо от оболочки душа, должно быть, существует по своим законам. У человека более, чем у животного, она тянется

к свету. Перебрав же многих зверей, понимаешь, что светлых глаз ни у одного из них не сыскать...

Только что-то глубоко забитое и невыразимое, скорее неприступное, чем страшное. Словно и жива душа, но удручена чем-то непонятным и очень строгим.

И все же темнота зверя притягивает своей неисчерпаемостью, и начинает незаметно казаться, что именно из нее однажды родилось начало всего. И тогда светла становится звериная неприкаянность, которую звери, ни о чем не ведая, несут в себе всю жизнь.

## *Посорка*

лет ничего краше нежной желтизны осенних лиственниц, чей жар в сентябре греет так же нежно и сдержанно, как и осеннее солнце. Лиственницы не вспыхивают и не догорают, а будто берут свое: деревья вкрадчиво готовятся к своему увяданию и не перестают радоваться тому, что оно наступает не сразу, а постепенно, незаметно для всех. Лиственницы, как и все растущие существа, наслаждаются отпущенным им покоем, заслуженно обретенным к осени. Осень постепенно и радостно перевоплощает их в то, чем они и должны явиться в природе: тонкими спокойными красавицами, у которых есть все для того, чтобы очаровывать и замечательно, по-волшебному, молчать.

Охотники в эту пору говорят, что иголка на лиственницах начинает «закаисать», то есть не только желтеет, но становится даже оранжевой, очень пахучей и сладкой, до которой большой



охотник глухарь. В сентябре иголка лиственницы составляет его основную пищу. На лиственницу глухарь вылетает утром, перед восходом солнца, и вечером, часа за три до заката.

Но не всегда иголка на лиственницах желтеет в одно время: в иной год раньше, в другой позднее, смотря по тому, когда случаются утренники. Глухарь никогда не пропустит этого времени: он заранее вылетает на лиственницу и пробует, легко или с трудом выщипываются иголки. Если легко — значит, самое время появиться на пожелтевших деревьях, а если с усилием — еще рано.

В пасмурные, дождливые дни глухарь просиживает на лиственницах целый день, не переставая щипать отмякшие иголки. А в иной год из-за сильных и частых инеев игольник желтеет в какие-нибудь дни и через несколько суток отваливается. В такую пору глухарь также не покидает лиственник в течение всего дня, даже ночует на нем, вероятно, угадывая, что лакомиться любимой пищей придется недолго.

Вообще вылет глухарей на лиственницы продолжается до середины октября, пока не осыпется весь игольник. Была, говорят, игла, да спать легла. Если же игла с лиственницы спадает нечисто, быть строгой зиме.

Но прежде чем оставить тихо светящиеся в себе деревья, глухари сами норовят напиться их солнечной желтизной, а еще сентябрьским чистым воздухом и небесной синевой, и предпочитают осуществлять это именно на лиственницах. Кажется, что лиственницы для них больше не корм, а душевная отсидка, какая-то скрытая радость, которую они безгранично переживают в эту пору, впитывая в себя последнее доступное тепло и забываясь в этом лиственничном удовольствии.

А лиственницы не торопятся увядать. Они просто живут, с каждым морозным утром становятся все более яркими, а на вкус сладкими. Глухари знают об этом и прилетают на них ближе к вечеру, когда вдоволь наклюются зерен на полях, и поутру, если их там никто не потревожит. Лиственницы и птицы живут в эту пору одной жизнью, и лес от этого становится еще краше.

Неспешно кормятся глухари сладкой лиственничной иглой, копят в себе томительную осеннюю дремоту, что вдруг наваливается на них ближе к полудню, и слетают куда-нибудь под деревья, на землю, где забываются на время и как будто исчезают из жизни леса. Когда набредешь на такого отдыхающего глухаря, подымается он на крыло тяжело, с неохотой и уж после этого нигде не обособится, а часам к пяти-шести возвратится на пышущие спокойным жаром лиственничные верхушки. Схватившись лапами за ветку с самого ее конца и размеренно раскачиваясь, глухарь потихоньку склевывает листву, продвигается ближе к стволу и, наверное, ничуть не задумывается, почему же замечательные деревья становятся к осени такими вкусными, доступными и так легко ему достаются.

Все, что существует в этом мире, удивительно просто и доступно каждому, и каждый зверь, птица или человек выбирает для себя самое подходящее. Человек, например, способен решить, нужно ли ему убивать птиц и животных, если они оказываются рядом, или сохранить в своем сердце чистоту, присущую только апрельским дождям. Ему свойственно выбирать среди дозволенного, и лучше стремиться к солнцу, лиственницам, глухарям, чем копить непонимание и раздраженность.

Человек призван идти к солнцу, которое осенью обжигает его душу светом лиственниц, и глухари также внимают его теплу и радуются.

Синее небо безмолвно висит над головой, яркие лиственницы подпирают его бездонную прозрачность, и хочется подняться над ними и посмотреть свысока на эту раздольную, красиво угасающую землю, а потом с тихим сожалением вернуться на нее под самый вечер. Идти в сгущающихся осенних сумерках по подсохшей за день дороге и вспоминать, какие птицы были красивые и живые в опрятной лиственничной желтизне и как хотелось дотянуться до них рукой и коснуться их теплого оперения. Глухари бы, конечно, сразу встревожились и улетели, но приятное ощущение их близости осталось бы... Как очаровательна бывает осень вот в такие тихие, безветренные дни, когда и солнце, и глухари, и лиственницы неразделимы!

Хорошо сидеть в ожидании глухарей, прислонившись спиной к шероховатому пахучему стволу, и смотреть, как угасает разомлелый сентябрьский день. Желтая игла, кажется, дышит жаром на фоне солнечной синевы, мягко утопает в ней, а от земли, устланной опавшим листом и мхом, приятно потягивает холодком. Хочется обращать все свое внимание только вверх, к огненным верхушкам, и, закрыв глаза, наслаждаться последним ласковым теплом.

Глухари, как и на весеннем току, слетаются на лиственницы всегда неожиданно и молча, и если вдруг обнаруживают в себе желание пропеть свое осеннее настроение, то быстро оставляют свою нехитрую заботу как несущественную, необязательную. Любви в их душе ровно столько, сколько силы содер-

жат в себе апрель и май, но сейчас сентябрь, а то и октябрь, пора перебираться в хмурые сосняки. Правда, напоследок, в отдельные теплые дни, глухари осторожно пробуют горлом воздух: не разучились ли точить и скиркать? Нет, все так же по-тайнственному чарующе разносятся над поляной сухие, сдержанные ноты: «Т-тэк, т-тэк, т-тэкк, тэк-т-тэкк...» Глухари ничего не забыли, все помнят и просто не хотят сейчас раскрывать свою лесную душу.

И все-таки некоторые петухи, по всей вероятности, старые токовики, находясь в эту пору на лиственницах и встретив там после долгой летней разлуки, когда они меняли перо, глухарок, токуют. При этом они избирают наиболее плодовые лиственницы, густые, а поют больше под вечер. Во время кормежки и токования под деревьями образуется посорка — кучки желтого игольника, по которым опытные охотники определяют излюбленные места глухарей. Нередко случается и так, что глухари весной токуют именно на этих лиственницах, если они находятся на территории тока. Охотники, зная это, используют найденную посорку для отыскания токовых участков и, чтобы сохранить их в тайне от других охотников, собирают ее по осени.

Глухари кормятся, сыпят золотистой иглой, а охотники сгребают ее в заранее приготовленные мешки и уносят подальше с глаз тех, кто может помешать им добыть птиц. Изошренные охотники не только собирают посорку, чтобы другие ее не заметили и не подстрелили глухарей, но даже подсыпают ее под деревьями, которые птицы вовсе не посещают, подальше от сокровенного места, и этим сбивают соперников с толку. Ведь в старину количество слетающихся на ток птиц исчисля-

лось сотнями, обладать таким токовищем значило немалое богатство в деле прокормления семьи, поскольку каждую весну только на одном току можно было брать по несколько десятков глухарей, и, конечно, это место держалось каждым охотником в строжайшем секрете.

Само по себе слово «посорка» замечательно поэтичное, такое же легкое, как лиственничная игла, несмотря на то, что происходит оно от известного всем сора, от которого стараются избавиться как от чего-то негодного. Правда, на Руси старые люди учили, что сору из избы выносить нельзя и нужно копить его под лавкой или класть под порог, помаленьку сжигая в печи. Иными словами, нельзя было выносить за порог дома семейных вестей, сплетничать, избавляться на людях от собственных проблем, а следовало терпеливо решать их в кругу домашних. Вынесенный, несмотря на предупреждения стариков, сор мог послужить злым людям для знахарской порчи. Вынести же сор при покойнике вообще означало всех из дому вынести! Но вот посорка как будто облагораживает заключенный в себе простой смысл, и обаяние этому слову приносит принадлежность к лесу и глухарям.

Удивительные птицы кормятся по осени сладкой лиственничной иглой, роняют ее на землю, и какое-то время она рдеет под стволами ярко-оранжевыми пятнами, привлекая к себе внимание. Правда, лишь день-два, пока окончательно не увянет и не иссохнет, прибитая холодными дождями и крепкими утренниками. Наблюдательный охотник выделит ее среди другой пожухлой листвы и непременно запомнит деревья, под которыми обнаружил необычные осыпи.

Лиственницы эти особые, на охотничьем языке — «при-

садочные», то есть самые любимые глухарями, предпочитаемые ими другим деревьям. Именно эти деревья выбирают для себя таинственные птицы и посещают их всю осень. На вид, казалось бы, лиственницы все одинаковые, но среди нескольких растущих рядом деревьев глухари отмечают одно, а на остальные не обращают внимания. Эти лиственницы у хороших охотников наперечет, тем более что в наших уральских лесах почти не осталось сплошных лиственных лесов. Лиственницы встречаются группами среди ельника и сосняка, да к тому же не везде, а следовательно, запомнить их нетрудно.

Применительно к соснам я часто замечал, что глухари, как правило, предпочитают неказистые, с какими-то несимметричными, будто ободранными кем-то верхушками деревья, а пышные, крепкие, с налитыми соком стволами игнорируют и не посещают. Так и с лиственницами: птицы выбирают самые неожиданные на вид, вроде бы ничем не примечательные, но между тем заинтересовавшие их... Глухарей привлекает в таких лиственницах нечто недоступное человеку, никак им не объяснимое, и эта маленькая тайна птиц и деревьев еще более очаровывает.

Кстати, в старину лиственницу звали карачай или нёгла — единственное хвойное дерево, которое в отличие от других хвойных пород все-таки роняет к зиме мягкую хвою. А карача значит упрямый, несговорчивый человек, который то и дело отступает, не стоит в слове. Но что же несговорчивого в самой лиственнице, дереве, казалось бы, податливом, живущем своей, незаметно устремляющейся ввысь жизнью?! Может быть, из-за этой упрямой негибкости прозвали ее так или за пря-

молинейность древесины? Ствол лиственницы, как и сучья, действительно, всегда прям и несгибаем в своей устремленности что вверх, что в стороны, и дерево, будто назло кому-то, отрешенно взбирается в немыслимое для других деревьев поднебесье, а отступить не в силах. Даже глухари никогда не присаживаются на его самые высокие верхушки и выбирают себе место посередине ствола.

Глухари сидят на ветках ближе к стволу и почти бесшумно терпят лакомую иглу, но дереву достаточно лишь их щипка, чтобы она оторвалась и полетела. Легка посорка, воздушна, а дает со всего лиственничного бора тучное удобрение для будущих деревьев. Даже захваченная с земли целая горсть таких оранжевых душистых иголок совершенно не чувствуется в руке, но зато их запах кружит голову. Взял бы и осыпал ими весь лес, который, впрочем, и без того несет в себе неисчислимые осенние ароматы.

Дровяной сор, свежая мелкая щепка, кора и луб не издают такого чудесного аромата, как эта перезревшая, но еще очень нежная лиственничная хвоя. По осени она словно невесомое лесное золото, ударяющее в глаза и голову всей своей драгоценной сутью. И ослепляет в солнечный день, и пьянит словно запоздалое, но благородное осеннее вино.

Хорошо лежать в теплый осенний день на ворохе такой пахучей хвои и слушать легкий ветерок в высоких вершинах лиственниц. Могучие стволы неудержимо устремляются в бездонное сентябрьское небо, но тебе не хочется улетать так далеко, и ты, утопая взглядом в бескрайней вышине, остаешься на земле, что убаюкивает своим удивительно чистым и по-осеннему ласковым покоем.

## *Милые лоси*

*Из* всех крупных зверей лось наиболее часто встречается людям в лесу. А ведь, казалось бы, он должен быть осторожен ничуть не менее кабана, медведя или волка. Не повинна ли в этом медлительность, отчасти даже леность, в которой нередко обвиняют это животное, так как поспешает лось действительно медленно, в основном шагом?

С одной стороны, упрекнуть лоса в таком «грехе» легко, потому что мы знаем зверей большего веса, которые передвигаются очень быстро. Но, с другой стороны, зачем лосю при достаточно значительном весе быть слишком подвижным, пусть даже кто-то из крупных зверей ведет себя более активно?

Случается, что за сутки сохатый не проходит и километра и выглядит каким-то неповоротливым, даже понурым, но стоит только показаться ему на глаза, как лось в момент утратит эту милую растерянность, обретя устремленность, дремавшую внутреннюю силу. Лосю, видимо, незачем ее лишней раз демонстрировать, и он больше воспринимается спокойным и совершенно невозмутимым. Может быть, из-за этого мы и приписываем ему не присущую на самом деле наклонность к какому-то отрешенному покою.

Увидеть лоса как зверя, далекого от неприкаянной праздности, будет несложно, если представить у себя на голове огромные разветвленные рога, с которыми необходимо передвигаться между часто растущими деревьями либо преодолевать при общей массе тела в две сотни килограммов беспредельные заснеженные поля, ближе к весне покрывающиеся острим,

изрезающим ноги настом. В мороз лосю также лихо: если тело его остынет, то, чтобы отогреться, он ложится в снег. В летнюю пору из-за плохо испаряющегося густого жиропота, благодаря которому животное спасается от комаров и слепней, лось плохо отдает тепло, что грозит ему неминуемым тепловым ударом, и, естественно, в знойный день его не увидишь скачущим по лесу галопом. А если еще к тому же учесть, что держится лось поближе к вырубкам, где растет его излюбленная пища — молодая лиственная поросль, всегда достаточно обильная, то станет вполне очевидным: много передвигаться сохатому вовсе не обязательно.

Однако корой лоси могут питаться только до наступления сильных морозов, так как, примерзнув, она плохо отделяется от ствола. Для того чтобы утолить голод, огромному лосю приходится съесть чуть ли не до пуда этого грубого корма, а в сильные морозы и того больше. При скудном питании, да еще в холод, лоси вынуждены экономить энергию, и вот поэтому они стараются двигаться как можно меньше. Имея от природы большую силу, которая зимой почти не востребована, животные, тем не менее, держат себя всегда с достоинством, и получается это у них довольно мило.

По следам мне не раз приходилось видеть, что могучий лесной великан, забредя в заросли кустарника, на вырубку, подолгу стоит на одном месте, стараясь дотянуться до побегов, и только когда все побеги окажутся объединенными, он делает один шаг, чтобы снова, не двигаясь дальше, объедать новое дерево или куст. В молодых сосняках, где звери могут стоять всю зиму, они начисто обглаживают верхушки сосновых посадок, их концевые побеги, и каким-то невероятным чутьем угадывают в лесу

поваленные осины, объедая их мощные стволы до сахарной белизны, как зайцы.

Там, где лось кормится, он обычно и ночует. Бурая толстая шкура, хотя и не пушистая, надежно защищает сохатого от мороза. К тому же лоси прекрасно научились пользоваться для защиты от холода снегом, устраивая в нем свои удобные лежки. Лежка лося — это продолговатая яма в снегу, с заледневшими стенками, подтаявшими от тепла его большого тела, и по форме напоминает обыкновенное большое корыто. По бокам лежка окружена снегом так, что наружу выглядывает только спина, покрытая длинным жестким волосом, и даже если ты стоишь неподалеку, то можешь не разглядеть зверя. Поземка быстро накручивает вокруг него снежные заступы, что надежно укрывают лося от пронизывающего ветра.

Но все это хорошо только до тех пор, пока в лесу не выпадает глубокий снег. Вот тогда-то для сохатых начинаются трудные дни, поскольку они уже не в силах передвигаться легко и бродить всюду, где им вздумается. Лоси ходят только гуськом, след в след, и тропы их с каждым днем становятся все короче и короче. Наконец они прекращают всякое передвижение и выбирают подходящее место для стойбища.

Такое укромное место в лесу, где лоси обычно держатся всю зиму, называется «двором» или «лосиным островом». Там всегда покой и сплошное благолепие вседостижимости для ограниченных в движении зверей. Лоси выбирают его, конечно, не случайно.

Никто лучше их не найдет этот остров в глубоком логу, с уютным сумраком потаенных густых ельников, покрывающих его склоны. В нем бывает меньше снега, который оседает на густых

еловых лапах, и не дуют сильные ветры. Наст не режет зверям ноги, когда им приходится идти на водопой, на дне лога неизменно струится ручей, а по его бережкам полно молодого черемушника, ольхи и рябины, вполне пригодных для корма. К тому же лоси здесь могут надежно укрыться от одолевающих всю зиму серых хищников, если будут держаться вместе и не оставят за собой длинного следа.

Мне посчастливилось найти лосиный остров лишь однажды, в начале апреля, и когда мы с приятелем обнаружили его, то были сильно удивлены. В небольшом ложке, представляющем из себя своеобразную чашу, зимовало, похоже, стадо лосей, а лежек мы насчитали более сотни. Невозможно было не ступить в бесчисленные горки помета, шоколадными драже громоздившиеся повсюду: продолговатые, чуть разбросанные — принадлежали самцам, более округлые, в кучке — лосихам. В таком лесном лосином дому чувствовался вольный дух зверей, их постоянное присутствие, и вот переживать именно это было радостнее всего.

Ни с кем из крупных зверей не находился я так часто в непосредственной близости, как с лосями. Объясняется подобное поведение животных, наверное, какой-то таинственной задумчивостью, в которой они оказываются временами по непостижимой для человека причине. Лоси или подпускают тебя к себе, или проходят мимо, порой на расстоянии вытянутой руки, а ты замираешь и с восхищением разглядываешь их. Простота восприятия жизни зверьми, их необъяснимая незащищенность в ее отдельные моменты поражают.

Обычно зверь стоит на вырубке, среди розовых султанов кипрея, время от времени вытягивая задние ноги и величе-

ственно поводя огромной головой, либо бредет в шумящем лиственной лесу по самой опушке и как будто вслушивается в окружающую его жизнь, а человека не замечает. Голова его опущена, во всем облике только безрадостная принужденность двигаться в поисках корма. Не потерпел ли он поражение в борьбе за телку с каким-нибудь более могучим самцом?

Если не бояться и замереть, когда лось проходит рядом, то можно иной раз разглядеть его глаза — отрешенные и таинственные. В них тоже проглядывает какая-то зачарованность и тайна, которую, похоже, лоси и сами не в силах разгадать. Не разьединенные с лесом, они его дети, что впитывают вкусы, запахи, звуки и не очень заботятся о будущем. Будущее для них представляется неизменным и никогда нескончаемым настоящим, в котором они, из поколения в поколение, покойно живут и никому не причиняют вреда.

Но чаще всего лось попадался мне поздней осенью, в ноябре, неторопливо переходившим просеку или замиравшим на каком-либо заснеженном взгорке. В эту пору он был наиболее заметен и появлялся всегда неожиданно и бесшумно. Что-нибудь понятное только ему привлекало его на открытой просеке или склоне лога, и зверь как будто на время забывался, отрешенно вглядываясь в необъятные лесные пространства.

Иногда лось настороженно поворачивал морду в мою сторону, но проходили томительные мгновения, и зверь переносил свой интерес на что-либо другое. Потом он отчего-то напряженно вздрагивал и, неловко мотнув мощно вылепленной головой, так же неслышно исчезал в черном лесу, как и появился. Какое-то время я еще представлял его себе на ослепи-

тельно белом фоне, и снег от этого всегда оживал, будто являясь продолжением лося.

Оживляли его и глубокие оконца лосиных следов, заманчиво голубеющие в подмороженном с утра снегу. Их близость, совсем не кажущаяся доступность были очень приятны. Хотелось брести по ним в глубь леса, всматриваться в чашу и утопать в ней. Следы неосознанно влекли к какой-то другой, неведомой и совершенно недоступной для тебя жизни.

Еще в лосиных следах виделось неторопливое понимание лосями происходящего с ними в лесу, какой-то неловкий интерес к своим нехитрым заботам, которые они никому не передоверяют, несмотря на природную доверчивость. Длинные, как палки, сухие ноги с узловатыми коленками, разъезжающиеся в стороны в осеннюю слякотную пору, но между тем устойчивые и крепкие, теперь голенасто перемахивают через синие сугробы, вызывая только улыбку. Хотя из лесных жителей лоси — самые крупные животные, они в то же время и очень трогательные.

Природа как будто сознательно хранит милую доверчивость именно в самых крупных животных, наиболее доступных людям, а они бессовестно используют ее при охоте на них. Ведь лоси не зря в голодные годы часто подходят прямо к городам и, наверное, просят поддержки, когда оказываются совершенно беспомощными, но люди их не понимают, поскольку просто к этому не готовы.

Кстати, опасными лоси бывают только в период осеннего гона, когда устраивают между собой отчаянные поединки. Рев их при этом разносится далеко над лесом, он необычен и будит в душе что-то неизъяснимое. Тревога с легкой печалью одновременно ложатся тогда на сердце и как бы замирают.

Тебе хочется идти на этот рев, видеть все самому и жадно выпитывать неустрашимость зверей. И еще поражаться и запоминать, чтобы потом, глядя на спокойных лосей в течение всего года, удивляться, как тихие и милые звери могли выйти из себя и стать такими коварными.

Именно об этой поре в их жизни говорят: «На медведя идешь — постель стели, на сохатого идешь — гроб тещи». Станным представляется существование такой поговорки, но, может быть, виной тому были еще и дедовские способы охоты, накоротке, когда лось мог не на шутку разъяриться. Страшным и неуправляемым становился тогда зверь, ни следа от былой умиротворенности и покоя.

Конечно, никогда нельзя забывать, что лось — дикий зверь и миролюбие его имеет свои границы. Но как существо разумное человек может научиться определять настроение животного, достаточно полно разбираясь в его жизни. Он должен хорошо представлять, когда допустимо подойти к зверю поближе, а когда делать этого не стоит. Если, скажем, лось прижал уши и шерсть у него на загривке встала дыбом, то лучше держаться подальше. Самое же мудрое — вообще никак не вмешиваться в жизнь зверя и наблюдать за ним с расстояния. Лось обязательно почувствует такое отношение человека и останется ему благодарным. Ведь давно известно, что насильно мил не будешь, а вот лось именно мил в своей доступности и простоте.

Милый — значит достойный, дорогой и привлекательный, располагающий к любви. Вернее, вынуждающий к этому даже против своей воли, просто потому, что он таков. А еще приятный на вид, кроткий по нраву и обаятельный в поведении. Все это в полной мере относится к лосю, который у многих людей

вызывает страх и уважение из-за своих внушительных размеров, но тем не менее любим человеком.

Несмотря на величественный рост и агрессивность, которую лось иногда проявляет во время гона, он действительно мил во всем, что составляет его суть. Лось всегда скромн, он никогда по-пустому не бросается в глаза. Недвижно стоящего в лесу зверя трудно разглядеть, в этом ему помогают темно-коричневый «сюртук», сливающийся с верхушками молоденьких деревьев, и белые «чулки» на ногах, которые неопытному глазу легко принять за березки. Только облачка пара изредка выщают лося, и так спокойно, по-милому спасается он от опасности.

Чрезвычайно подвижная, сильная верхняя губа, свисающая с рогатой морды, так же мила, как и длинющие ноги. Стоит застать лося, когда он неспешно пережевывает осиновые веточки,— и мягкость его толстых губ, кажущихся несколько неловкими, очарует. Про себя пожелаешь лося поскорей разделаться с неподатливыми и жесткими ветками, но зачем зверю куда-то спешить?

Ему хорошо и привольно стоять вот так, по грудь в молоденьком подросте, и, ощущая на себе ласковые лучи восходящего солнца, наслаждаться окружающим его довольством. Все, что лось желает,— рядом, и зверя не обуревают жажда постижения, он с удовольствием воспринимает такое размеренное существование и, наверное, не просит у леса большей милости. Лось доволен своей жизнью, тих и никому не мешает.

У лося большие и очень милые уши, которыми он слышит скрип снега за целый километр. Достаточно увидеть хоть раз, как лось трогательно шевелит ими, улегшись на снег в густом чапыжнике, и сразу проникнешься добрым чувством к зверю.

Несмотря на мощное тело, грозные рога и копыта, хочется потрогать его за толстые уши, кажущиеся плюшевыми, погладить ворсистый загривок, чтобы лось всхрапнул и потянулся к руке теплой мордой. Много в лесу хороших зверей, но из крупных самый милый — лось!

Глядя на чудесные уши лося, не могу вспоминать без улыбки одного охотника, который был помешан на охоте, особенно глухариной, и однажды удивил всех своей выходкой. Имея дома лосиную голову на медальоне, он в точности скопировал с нее уши и вырезал их из толстого картона. Затем приспособил к этим «ушам» тесемки, а весной на глухарином току надевал их, что, по его мнению, значительно облегчало слышимость подлета птицы на токовище и, конечно, саму песню, которую он теперь будто бы угадывал аж за три сотни шагов. Понятно, что, подкрадываясь в таком виде к поющему глухарю, выглядел он очень уморительно и доводил своих товарищей от смеха до слез. У лося-то уши непрестанно двигаются, улавливая малейшие шорохи, а наш герой то и дело шевелил их руками, поворачивая голову в разные стороны, и это окончательно лишало охотников возможности сосредоточиться. Причем умелец действовал на полном серьезе и очень обижался, что его не понимают.

Еще одна особенность, которой, кстати, у другого зверя не бывает,— это волосы на брюхе сохатого, обращенные вперед. У всех назад, что вполне естественно и во многих случаях удобно, а у лося — наоборот, казалось бы, вопреки здравому смыслу. Но ничего в природе не происходит впустую, просто так, и небывалый лосиный зачес, который опять же своеобразен и мил, может быть, поддерживает у зверя необходимый для жиз-



ни теплообмен, когда тот подолгу лежит в снегу. Зачем-то он лосю непременно нужен, и можно только порадоваться тому, что в нашем лесу обитает такой необыкновенный зверь.

Прежде чем выйти на открытое пространство, лось всегда сначала высунет голову, осмотрится и уж затем отправится дальше. Порой он стоит так очень долго, и, наблюдая за ним издали, ты даже подумаешь, что тебе померещилось и это вовсе не голова осторожного животного, а старая валежина. Сохатый терпелив в своей предусмотрительности, потому как, обладая внушительными габаритами, опасается быть замеченным. Лосю, наверное, кажется, что, высунув голову, он остается невидимым, и такое незамысловатое поведение лесного великана выявляет в нем очевидное обаяние, которое у маленького зверя воспринималось бы как нечто обыденное.

Когда лось бредет по брюхо в снегу, то кажется, будто он плывет. От него веет неведомой для него самой милой допотопностью. Лось действительно древен, вполне возможно, что он ровесник глухаря, и в то же время зверь остается обычным лесным великаном, который всегда постоит за себя, и плохо придется его обидчикам, хотя сам он первым никогда не нападет. Он скорее пойдет на уступку, чем проявит силу. Лось тих, славен в своем неспешном поведении, и нет в нем ничего постылого, а только милое!

Иногда лоси кажутся замкнутыми в себе, будто их все же обуравает тоска от своего неприкаянного существования. А может быть, они просто становятся такими ненадолго, сами не зная отчего? Бредут неторопливо по лесу и ни на кого не обращают внимания. Могут пройти совсем рядом и не заметить.

Неожиданно обнаружишь такого зверя и замрешь, слившись

с лесом. Кажется, что зверь не минует тебя и произойдет что-то невообразимое. Дыхание замирает, ноги коченеют, и только звериный интерес не утихает в тебе, ты жадно впитываешь все происходящее и боишься, что оно вот-вот прекратится.

А зверь живет своей неприкаянной жизнью, и эта его открытость ошарашивает. Как просто, кажется, можно добиться близости леса,— лишь только прийти и застигнуть. Но, может быть, это кажущаяся простота, и лось не замечает тебя благодаря накопленному тобой знанию, неутомимости и воле, если ты был достаточно осторожным и вдумчивым?

Необъяснимая неприкаянность, с какой лось иной раз бредет по лесу, вызывает больше улыбку, чем озабоченность. Он будто забыл что-то и не в силах вспомнить: вот вроде бы на секунду его озарило, так что лось остановился как вкопанный, даже слегка всхрапнул, но в тот же миг все исчезло, и зверь опять неспешно трогается, изредка хлопая ушами, и ничего не замечает. Смутны его воспоминания, зато легки тревоги, и как только зверь повстречает поваленную осинку, все для него встает на свое место: лось превращается в того лесного обитателя, которому не чужды самые обыденные и милые привязанности.

Большие печальные глаза с длинными ресницами тоже отбражают в звере его трогательную, никем не замечаемую открытость. Он и не просит никого о помощи, но определенно нуждается в ней, порой, видимо, не зная, куда себя деть. В каком-то отрешенном беспамятстве застывает зверь где-нибудь на границе поля и леса и, не придя ни к чему, что могло бы внести в его жизнь перемены, вскоре приходит в себя, как будто из милости своей принимаясь обдирать свисающие перед

мордой листочки. Так ли уж темна его неприкаянная звериная душа?

Застанешь лося на водопое или у солонцов,— а зверь смотрит на тебя, никуда не убегает и только прядет ушами. Милое, славное существо,— разве поднимется рука на эту никому не причиняющую вреда жизнь? Про себя улыбнешься, но погладить лося между рогов не пожелаешь. Настоящее в лесу чувствуется всегда на удалении; попытавшись его приблизить, рискуешь отпугнуть.

Лосиное обаяние слагает, конечно, сама природа, однажды обрекая зверя на вынужденное терпение и скромность. Терпение удивительное, присущее только этому зверю. Надо видеть, как стойко преодолевают лоси непроходимые топи, болота или переплывают широкие реки, как нелегко им спастись в суровую зиму от хищных волков или уходить от погони неутомимых охотников, обагрывая снег кровью. Их спокойствие и выдержка при этом поражают, и ты еще больше начинаешь уважать милых зверей.

В последнее время увидеть лося проще, чем зайца. Особенно летом, когда лось любит принимать ванны. Большие неприятности доставляют зверю насекомые — оводы и слепни, заедающие его все лето. Даже почуяв человека, лоси с неохотой прекращают свои спасительные водные процедуры и неторопливо уходят прочь, но чаще остаются, надеясь на его благоразумие. Зная о присутствии человека, они делают вид, будто ничего не замечают, только отведут морду, фыркнут и как ни в чем не бывало продолжают наслаждаться. Выглядит это со стороны очень мило.

Любой зверь сам по себе самобытен, но лося присуща еще

одна индивидуальная особенность: кожаный вырост-«серьга», загадочно болтающийся на шее. Вместе со стройными ногами, которые в сравнении с небольшим туловищем кажутся удивительно длинными, чрезвычайно подвижной и сильной верхней губой, волосами на брюхе, всегда обращенными вперед, эта деталь, должно быть, обаятельное дыхание далекого прошлого, то, что роднит лося с загадочной древностью. У прочих лесных обитателей таких бросающихся в глаза странностей не наблюдается. Впрочем, странностей опять же милых, других зверей ни к чему не обязывающих и не отпугивающих.

Особенность лосей сказывается и в любви, которая тревожит их осенью, а не весной, как всех остальных животных. Лоси весной в лесу совсем неприметны, и ты забываешь о них за своими глухариными и тетеревиными заботами. Эта способность любить не как все тоже, наверное, проистекает из милого стремления зверей не выделяться. Очень не хочется лосям докучать и без того перенасыщенному жизнью лесу, и они тихо переживают пору всеобщего торжества, чтобы испить свою чашу любви осенью, никому не мешая.

Лось — деликатный кавалер, который всегда ведет себя с достоинством. Он никогда не подходит к лежащей лосихе, а если мы заметим медленно приближающегося к стоящей самке рогача, то кажется, что он ступает на носках, как балерина. До того он предупредителен, выдержан и мил. Лося не сравнить с оленем, что часто держится с самками заносчиво и гордо, обслуживая целый гарем. Сердце сохатого принадлежит одной даме, и он скорее выйдет из себя в поединке с другим рогачом, чем доставит ей какие-либо переживания.

А лосята! В результате такого необычного осеннего сли-

яния двух влюбленных зверей они рождаются милые-премилые! Нескладные, то и дело разъезжающиеся ноги у них еще не одеты в белые чулки, как у родителей, а сами лосята рыжие и лопоухие.

Всю первую неделю малыши коротают под кустиком, а потом вышагивают за мамашей и учатся объедать листочки молодых осинки и берез. Голенастых детей, родившихся в конце весны, лосихи почти четыре месяца кормят превосходным молоком, в котором жира и белков в несколько раз больше, чем в коровьем. Выпивая в день по литру такого чудесного молока, малыш к осени набирает в весе не меньше центнера. Холодной зимой, когда для лосей начинается голодная жизнь и рост приостанавливается, эти запасы еще как пригодятся!

Лосята очень долго сохраняют свою милую сущность и даже двухгодовалыми ходят за матерью как привязанные. Они, совсем еще дети, не в силах расстаться с ней, и лосиха отгоняет их, долгое время проявляя заботу. Даже во взрослом лосе порой проглядывает эта детскость, и оттого, наверное, лоси всегда кажутся милыми и послушными. Из всех зверей именно они используются людьми в своем хозяйстве, в основном как тягловая сила, и уже есть целые лосиные фермы.

...Что же за черта в лосе определяет его таинственную неменяемость, эту покойную простоту, неспешность, какое-то древнее обаяние? Может быть, ощущение своей дикой свободы, когда никуда не надо торопиться, а только жить своими неприхотливыми заботами, оставаясь при этом незаметным?..

Наверное, красота лосиного существования — в его неприхотливом отношении к жизни, в том, каким слитным чувствует

он себя с лесом. Не однажды встреченный человеком в лесу и не понятый им, лось когда-нибудь все же повернет к нему массивную голову, печально посмотрит своими бездонными глазами, и человек почувствует в них невыразимую мудрость зверя, которая всегда проста и всем доступна.

Так, неотступно думая о лосях и изредка встречаясь с ними в лесу, ты постепенно понимаешь: принимать зверей возможно только такими, какие они есть. Может быть, чуточку непутевыми, порой даже грозными, но все равно очень милыми. Ведь милее всего лоси тогда, когда их никто не трогает и они остаются самими собой.

## *Отчего волки воют?*

Отчего волки воют? Наверное, не оттого, что им страшно и одиноко, а по той же вековой причине, из-за которой мучается над смыслом своей жизни человек. Волк понимает это только по-волчьи и, угадывая в вое волков голос своих предков, собственным голосом вступает в нелегкую звериную жизнь.

Вой — это сигнал наступления зрелости, приобщения к стае. Это знак причащения волка к его будущей неутомимой жизни, кажущейся людям совершенно неустроенной, но для самого волка остающейся единственно доступной и по-звериному святой.

Протяжно отзываясь в бесконечность ушедших времен, волк, несмотря ни на что, продолжает в себе жизнь рода. Живя для природы, платя дань неоткупному звериному богу, он, должно

быть, приобретает нечто большее, чем свой постоянный непокой, хотя иногда печаль безысходности и сквозит в его выразительной песне.

Но на самом деле в волчьем вое чувствуется проявление ума этого животного, постигшего предел собственной ограниченности. Вернее, невозможности идти дальше того, чего он уже достиг.

### *Раз сторожка, два сторожа...*

После каждой крупной рубки в лесу от лесорубов непременно остается избушка или балок на саях, где они грелись и варили себе пищу. Про избушку вскоре забывают, и она становится прибежищем разного лесного люда. Это и рыбаки, и охотники, и просто бродячий народ, который отчего-то занесло в лес и вывело к этой самой избе.

Все лесные избушки сходны в том, что в них никто постоянно не живет. Обычно в них проводят от силы несколько дней, а затем покидают, в лучшем случае оставляя подвешенные под потолком мешочки с чаем, солью и макаронами. По негласному закону, исстари заведенному среди лесовиков, ты должен позаботиться о пришедшем после тебя в избушку человеке, даже вовсе тебе незнакомом, которого застанет в лесу непогода и он, прозябший и сырой, обнаружит, к радости, сухие спички, щепотку чая, соль, сахар, крупу и произнесет слово благодарности неведомому другу. А когда обогрется, перекусит, переночует — и сам оставит для такого же неведомого ему человека свой нехитрый

запас. Так бывает всегда, если ты верен голосу природы в себе и забываешь себя во имя ее нескончаемой жизни.

У лесных избушек, как правило, отсутствуют крылечки. Они там просто ни к чему, потому как можно посидеть и на скамеечке или на каком-нибудь поленце, а подниматься куда-то вверх, ото мха, травы и кочек, неразумно. В некоторых избушках вообще отсутствуют половицы и оставляется только земляной пол. Это, наверное, для того, чтобы быть ближе к земле и проще. Но иной раз все же присутствуют одна-две махонькие ступеньки, на которые всегда неловко примостишься и с удовольствием закуришь.

Еще у лесных избушек бывает только одно окно. Я не помню ни единого дома, где бы было два, и уж тем более — три. Окошко вырубается небольшое, квадратное, чтобы в избе было достаточно видно в светлое время. Утром, мельком взглянув в окно, можно разобрать погоду, а ночью излишняя чернота не мешала бы твоему обостренному восприятию. Уйдя же в обход, на добычу, надо быть уверенным, что хищный зверь не забредет в дом и не попортит продукты. Чаще всего лесные дома глядят своим единственным окном на юго-восток, — не из-за того, чтобы человек мог полюбоваться природными красотами, а просто так быстрее уловишь приближающийся рассвет, поскольку день лесовика начинается очень рано.

Все лесные избушки неприметны, как самые замечательные мудрые люди, не отягощенные суетой. И те и другие редки, а заметными становятся, только когда смотришь на них любознательным взглядом, с доброжелательностью и теплотой. Избушка ни за что не затеряется в глухом лесном мире, если приходишь к ней заслуженно, после длительного нелегкого пути.

Она как будто даже засветится тогда, стряхнет с себя сонную одурь и преобразится.

Редко когда избушка окажется посреди полянки, а всегда с краю, где-нибудь у самой опушки и с подсолнечной стороны, чтобы не перегревалась в жаркие дни. Особо это касается лесных пазух, на которых хозяин проводит все лето.

Лесные избушки ютятся поблизости от ручейков и потаенных речушек, на худой конец, у какого-нибудь болотца, чтобы можно было сочной ягоды насобирать, кустового листа на чай заготовить и водицы нацедить. Ведь живут лесные избушки для человека, и как же им обойтись без влаги!

Все избушки, независимо от того, маленькие они или большие, ставятся всегда крепко, и лежа на их нарах, естественно, думаешь о том, как хороша такая крепкая лесная жизнь, которой многие люди себя лишают. Половину своего времени они тратят на то, чтобы придумать, куда девать вторую половину, оправдывая при этом любое безвольное попустительство. А та самая жизнь, что может стать для тебя по-настоящему надежной и достойной, безвозвратно уходит. Только ночуя в крепкой лесной избушке, приходишь к выводу: надо жить так, чтобы было за что полюбить тебя хотя бы одному человеку.

Я люблю все лесные избушки, которые мне приходилось встречать на своем пути, даже самые захудалые. Однажды мы с приятелем по воле случая провожали старый год в такой полуразвалившейся большущей избе, в стенах которой зияли щели шириной с руку, на почерневших от времени бревнах висела длинными клочьями желтая изморозь, а в прорехах потолка сверкали звезды, и все же мы были счастливы! На столе стоял букет сосновых веток, горела свеча, и у нас была бутылка порт-

вейна... Сейчас этой избушки давно нет, ее, как и многие другие, сожгли, но я всегда ее вспоминаю, когда прохожу тем местом осенью после охоты на рябчиков или весной по пути на глухариный ток.

Так выходит, что, попользовавшись лесной избушкой, многие вспоминают ее добром. Редок стал в лесу заботливый и доброхотный человек. Лес вызывает к живому человеческому вниманию, но не получает его. Человек не замечает даже листья под ногами, а лес живет, надеется и ищет возможности к единственно верному соприкосновению с ним.

Сколько избушек исчезло с лица земли только на нашем недолгом веку, а нам нет возврата туда, где мы уже были когда-то счастливы. Это приговор любой честной жизни, в которой счастье, даже самое маленькое, добывается в незаметном и изнурительном труде души. Приговор необратимого и извечно упускаемого нами времени, то есть, в итоге, собственной жизни...

Все на земле имеет свою жизнь, отпущенное только тебе время, и стоит научиться не упускать его и дорожить им. Свой век, как и любому человеку, отпущен и каждой избушке... Следует ясно представлять, что хорошее в жизни рано или поздно оканчивается и надо быть к этому готовым, а значит, очень важно ценить дарованные тебе годы, дни и даже часы.

Мы, как нам казалось, жизнь не упускали, и даже, более того, преумножали ее богатство в неустанных лесных бродяжничествах и бдениях. Бдения эти совершались под лампадку или вздрагивающую свечу в неведомых избушках, что в обилии затерялись среди окружающего нас лесного мира. Мир этот тянул нас к себе неудержимо.

Раз сторожка, два сторожка... И еще три, пять, восемь... Сколько же их было всего, что приютили, накормили и обогрели, не дали согнуть в прошибающую до костей осеннюю расколготицу, помогли преодолеть лютые морозы с метелями, наставили на верную дорожку! Отдохнувшим продолжал ты свой путь благодаря их теплу, и не было большего счастья, чем ощущать в себе склонность к такой лесной жизни, в которой многое зависело только от тебя. И еще от того, каким воспринимает тебя лесная чаша...

В прошлое не вернешься просто так, из пустого любопытства. Бережно хранимое в душе, оно должно само поманить к себе, и тогда ты непроизвольно потянешься к нему и обо всем позабудешь. Все твое лесное прошлое — это скрытые от глаз людей, таинственные и дорогие твоему сердцу сторожки, что неотступно притягивают, будто обещая вновь переживание радости соприкосновения с миром открытий, и ты устремляешься к ним в своих мыслях и больше ничего не желаешь. Лесные сторожки сменяют в твоей памяти одна другую, а ты никак не можешь остановиться на какой-либо отдельной и только вспоминаешь их печное тепло и неприхотливый уют, засаленные до блеска нары и то необыкновенное ощущение слитности с чашей, что и притягивает, и пугает.

...За стеной вскрикивает, вздыхает и затаивается ночь, что смотрит в тебя немигающими глазами лесных волкодавов — таинственных зверей, которых никому не приходилось видеть. Ты перебарываешь страх, выходишь на крыльцо, и ночь сразу становится благосклонной, как бы даже приноравливаясь к твоему состоянию. В душу закрадывается какое-то очарованное благодушие, и боязнь вдруг уходит из сердца, хочется взгляды-

ваться в мерцающую темноту и встречать там взгляды неведомых зверей. Весь лес неожиданно оборачивается родным и близким домом, который вроде бы ничего и не думал от тебя скрывать, а просто на время забылся в своих таинственных сновидениях.

Стены избушки уже не кажутся тебе крепостью и как будто растворяются в подступающей темноте. Стол оказывается открыто стоящим посередине полянки, рядом — твоя лежанка, что сразу подымает тебя под лопатки к самым небесам, и звезды приветливо улыбаются совсем рядом — стоит только протянуть к ним руку... Свет от них поблескивает в капельках росы на траве, радостно лучится, и ночная темнота словно расступается.

Даже огонь в печи присмирел, перестал надсадно гудеть, а лишь вздрагивает изредка яркими лоскутками и опять притихает. Все соразмерно, удивительно и очень хочется жить. Глядеть на звезды, дотрагиваться рукой до травы и деревьев, вдыхать пряный аромат уходящего лета и зарождающейся осени. И все это благодаря маленькому лесному дому, что незаметно стер границы между тобой и лесом.

Дом может разговаривать с тобой с помощью разных предметов, что составляют его суть. Через выпуклые бока бревен, переложенные мхом и паклей, растрескавшееся окно, закопте-лый потолок, лавку, отливающую блеском, выщербленный порог, который ежедневно выметаешь и укладываешь у него пихтовый веник... Веник быстро наполняет всю избушку здоровым хвойным духом.

Дом говорит с тобой не о прожитых годах, а о том, что очень важно сейчас, в этот день, в эту минуту. Он сразу как

будто настраивается на одну с тобой душевную волну и, слушая, не перебивает. Дом внимателен, чуток, предусмотрителен. Слишком долго ждал он человеческого прикосновения и в мгновение обрадовался, когда кто-то тронул рукой его дверь.

Лесной дом начинает дышать и оказывать внимание человеку, если тот позаботился о его жизни. Жизнь дома не прекращалась без человеческого присутствия, она проистекала отовсюду и затаивалась в темных углах. Дом как будто ждал, когда к нему обратятся — придут, отворят дверь и устало присядут на лавку... Так хорошо вдруг станет человеку от ощущения этого лесного мира, с теплотой дохнувшего на него.

Человек проведет рукой по столу или скамейке, — и дом тотчас отзовется в его душе. Человек, может быть, и не разберет сразу это ощущение, но почувствует. Приляжет тихо, расслабится и задумается о собственной жизни, что не всегда получается и складывается не так, как хотелось. А дом будет терпеливо ждать, когда человеку захочется того или иного.

Если к дому относиться достойно, то он сразу как-то оживет и засияет. Он, конечно, обрадуется только доброму человеку. Именно доброму человеку он подарит покой и умиротворение своей затаенной и уютной удаленностью ото всех, но не обособленностью. Лесной дом всегда ждет человека, чтобы тот привел его в чувство, а вместе с ним воскресил и себя.

Если ты все делаешь правильно, дом обязательно примет тебя и поможет. Обогреет, уgomонит и вдохнет нечто неуловимое, но очень важное. То, без чего жизнь вроде бы и есть, а на самом деле — нет. Надо очень постараться, чтобы дом тебя принял, и, может быть, самому найти его в лесу. Чаще тебя приводит к нему какой-нибудь лесник, егерь или твой при-

ятель, и ты в конце концов не переживаешь того неподдельного чувства слитности с домом, без которого пребывание в лесу не приносит истинного удовлетворения.

Хорошо, наверное, поставить свой лесной дом, но эта мысль никогда не приходила мне в голову, потому как вокруг было полно избушек, которые казались родными. В любой из них можно было остановиться, заночевать и даже провести неделю-другую. Ни одна избушка никогда не закрывалась на замок, он обычно висел замкнутым на дверной ручке или вообще отсутствовал. В любой из таких избушек всегда создавался тот особый уют, который везде сопровождает лесного человека и его душа становится умиротворенной и безмятежной.

Говорят, что если три кола вбито, бороной накрыто, то это уже дом. Но такое понятие дома не подходит к лесной избе, где все должно быть выстроено крепко-накрепко, на долгий лесной век. Начиная строить в деревне избу, клали под угол деньги — для богатства, шерсть — для тепла, а ладан — для святости. Лесная избушка — это особый, хоть и небольшой мир, крытый своей потаенною кровлей, и наиболее верно про нее будет замечено так: дом невелик, да лежать не велит, ибо если в лесном доме жить — значит, обо всем тужить. Человек в нем словно забывает свою прежнюю городскую жизнь и начинает новую, зависящую только от него самого, от умения, терпения и неутомимости.

Пребывание в лесной избушке хотя бы один день очищает душу от всего наносного, неестественного. Наведя в ней порядок и переночевав, причастившись таким образом к лесу, ты уже иначе относишься к себе и окружающим. Для тебя наступает прозрение, тот необходимый «момент истины», после которого характер твердеет, взгляд становится еще более ясным.

А что на самом деле заключает в себе понятие лесного дома? Наверное, стены, крыша и печь. Нет ничего прочнее и долговечнее этого простого сочетания. И еще присутствие леса, который придает дому особое обаяние.

Всякий дом хозяином держится, а кто хозяин лесной избе, как не сам батюшка лес? У меня складывается убеждение, что за некоторыми избушками, когда они пустуют, кто-то все же ведет досмотр. Лесные силы, коим вверено лесным богом следить за порядком и сохранностью скрытых в тайге стен. Еще они омываются чистыми дождями, ветра их высушивают, солнце прокаляет, а вездесущие дятлы избавляют от жуков-древоточцев. Исправно, слаженно и незаметно трудится лес над своей чистотой.

Еще лесной дом слагается из тебя самого. Из того, что ты думаешь, ощущаешь и к чему стремишься. Дом это очень хорошо чувствует и принимает тебя, только когда ты на самом деле есть. Есть твое живое отношение к лесу, который ты не забываешь и стремишься к нему. Лес тебе, как Бог, все отпустит, неслышно посоветует и вместе с тобой разрешит. Честь тебе и хвала, когда лес равнодушен к твоей жизни, то и дело окликает своими гулками голосами и зовет.

В избушке, когда ты в нее пришел, все замечательно и просто. И так же в лесу, что ее окружает. Лес никогда не подпустит к себе, если ты равнодушен или разочарован, он будет долго и пристально вглядываться в тебя, выискивая и определяя самое главное. Хорошо самому не забывать его в себе и жить достойно.

Все лесные дома ждут людей, заботятся о них и помогают стать человеком. Иначе бы их просто не существовало. Дома

эти, как сами люди,— трепетны, вдумчивы и по-своему богаты тем отношением, что вдыхает в них лес.

Выходят к таким избушкам усталыми, но радостными после долгого пути, с плохо скрываемой надеждой, что ничего в них не нарушено. Крыша не протекла, печь исправна, есть небольшой запас дров... И чтобы еще речка неподалеку текла или хотя бы ручеек, а лучше даже снегу зернистого в котелке натопить. На худой конец можно в глубокой колее лесной дорожки зачерпнуть водицы, на опавшем листе настоявшейся. На жарком костре все в ней перекипит, и станет она еще слаще.

Покидают же лесное обиталище с легкой грустью, как бы навсегда расставаясь с тем, что уже, кажется, никогда не потревожит твою душу, но в то же время и с облегчением. После нескольких ночей, проведенных у остывающей печки на жестких нарах, с запахом свечки и мышинной возней по углам, тянет в город.

В иной избушке со всей ее незамысловатой обстановкой чувствуешь себя уютней, чем дома. Наверное, потому, что тебе очень близко все в этой непрехотливой лесной жизни.

Наколотые тобою дрова жарко потрескивают в печи, когда за стеной избушки стоит тридцатиградусный мороз, в кружке на столе дымится крепко заваренный чай, по стеклу маленького окошка с хрустом соскальзывают льдинки, образуя на подоконнике чистые лужицы, и жизнь представляется необыкновенно простой и основательной. Вроде бы ничего особенного не происходит, но именно такая незамысловатая обстановка вызывает ощущение надежности, какое не переживаешь даже в обустроенной городской квартире. В лесной



избушке один на один с окружающим лесом ты почему-то ничего не боишься и с нетерпением дожидаясь утра, чтобы отправиться куда-нибудь по нескончаемой лесной дороге. На все, что составляет сейчас твою жизнь, ты смотришь открыто, надеясь только на собственные силы, и от этого сердце переполняется радостью.

В лесной избушке наедине с самим собой ты начинаешь как-то особенно ясно чувствовать и мыслить. Здесь тебя ничего не сковывает и отсутствуют какие-либо условности. Нет ничего лишнего в такой лесной жизни, она не дарит никаких иллюзий. Только ты, могучие деревья и таинственный ветер.

Я могу очень точно описать любую лесную избушку, в которой мне приводилось хоть раз провести ночь. Это потому, что в лесу все восприятия четки, незамутнены, и тебе хочется впитывать окружающий мир таким, какой он есть. Ступеньки, труба, дверная ручка, даже расщелины в полу запоминаются с удивительной легкостью, так что ты чувствуешь себя как дома. С каждой из избушек связано нечто незабываемое и оттого особенно дорогое.

Чаще всего мне вспоминается первое лесное пристанище — укромный лесной домик, что умело был поставлен между двух ручьев, на небольшом холме, поросшем старыми елями. Я нашел его сам по еле приметной тропке, а потом привел туда своего друга. Дом был словно из сказки, приземистый, крепкий, и прятался под высокими елями, как гриб боровик.

Единственное оконце дома смотрело на запад, а дверь выходила на юг. Стены были сложены из бревен в два обхвата, но сам дом казался маленьким и очень уютным. Нужно было хорошо постараться, чтобы его отыскать.

Внутри ничего необычного: у дальней стены — нары на трех-четырёх человек, под ними — место для собак, на стене — полка, зеркальце, у окна — столик, а в углу — печка. Печка была ладная, растапливалась легко и тотчас начинала давать тепло. Однажды зимой, когда я провалился неподалеку от избушки под лед, гоняясь в прибрежных корягах за колонком, она меня спасла.

Хорошо сидеть в такой избушке поздней осенью или зимой после тяжелого дня, когда печка пышет жаром, на ней побулькивает вода в котелке и дверь распахнута настежь. Деревья, окутанные инеем, застыли в морозной тишине, даже синиц не видно, а у тебя — жара! Стены так нагрелись, что даже горячие на ощупь и пахнут смолой, да и сам дом весь ожил, уютно зашевелился и что-то тебе прошептал. Ты, конечно, почувствовал его, обрадовался и поблагодарил дом за то, что он дождался тебя.

Удаленный от ближайшей деревни на пятнадцать километров, дом таил в себе нечто такое, что тянуло к нему. В нем хорошо думалось, сладко спалось, и вся обстановка располагала к какому-то лесному подвигу. Именно в этом доме долгой сентябрьской ночью мне пришла мысль написать свою первую лесную книгу...

Я тогда лежал и слушал, как наступает за стеной ночь, но печаль не одолевала сердце, лесная темнота окружала избушку полным покоем, и одиночество ничем не нарушалось. Мне хотелось, чтобы эта осенняя ночь все время была со мной, убаюкивала меня своими шорохами, но не давала забыть. Находясь в этой укромной лесной избушке, я, как ни странно, не чувствовал себя оторванным ото всех.

Бывает, избушка так промерзнет, что печка хоть и пылает жаром, а по углам все равно лежат маленькие сугробики снега. Они так долго не тают, что ты даже удивишься. Но незаметно закоченевшие надувы надламываются, оседают, и только тогда в избушке становится по-настоящему тепло. Вскоре от снега не остается даже сырости, штаны и телогрейка над печкой так нагреются, что перестают дымиться. Постепенно клонит в сон. Сны в лесных избушках не безмятежны, а очень чутки и трепетны. Временами они даже становятся вкрадчивы, как шаги зверя, и продвигаются в своих лесных устремлениях с расстановкой, неспешно. Если задержатся на чем-то одном, то не торопятся покидать, будто обволакивают этот предмет и пристально вглядываются. Да и само пробуждение наступает не вмиг, внезапно, а так же неторопливо, как тянулось сновидение.

В лесу снится то, что тебя в нем окружает: ночные птицы, их невидимый, но угадываемый полет, лютый холод и искрящиеся звездопады, яркое морозное солнце и петляющий волчий след. И еще — как утомительно преодолевать в декабре занесенные метелью лога, поля и мечтать о весне. Весна по-настоящему всегда снится весной, когда сон приходит и уходит в тревожащем душу забвении, но до конца заснуть не удается. Все хочется поскорее куда-то побежать, до чего-то дотянуться и чтобы это стремление не оказалось только сном.

Хорошо просыпаться рано поутру зимой и, отворив тихонько дверь, вслушиваться в замершую после ночного снегопада тишину. Ни одна веточка не колыхнется, ни одна снежинка не шевельнется, — вокруг покой и умиротворение. Только синички чуть слышно перепархивают в нижнем пологе леса, нежно

посвистывают, и не хочется ничего делать, а только сидеть у растворенной двери и впитывать эту красоту.

Печки в лесных избушках в основном прогорают быстро, остывают ко второй половине ночи, если стоит сильный мороз, и приходится часто вставать и подтапливать. Огонь в такой остывающей печке схватывается споро, дружно разгорается, посверкивая неясными бликами по стенам, и в избушке опять становится тепло. Большинство печей маленькие, тонкостенные, с длинной проржавевшей трубой, в которой под самым потолком есть задвижка. Правда, она не надолго задерживает жар, к тому же дырявые половицы и худой порог вытягивают его. Зимой в лесной избушке не очень-то разоспишься.

Зато в начале осени, когда ночью еще не похолодало, или майскими разомлелыми днями, когда придешь с глухариного тока, спишься сладко и беззаботно. Утром долго приходишь в себя, нехотя ворочаешься, а окончательно проснувшись, идешь умываться к прозрачному ручью, после чего скулы и руки приятно немеют. Жил бы в таких потаенных избушках целый лесной век и никуда не торопился!

Да, хорошо было бы пожить в такой избушке месяц или хотя бы неделю, но ты не живешь, отчего-то мучаешься душевным бездействием и все не спишь по ночам... Тебе не хватает ветра в собственной душе и дождя, чтобы они омыли и выдули все наносное, а главное — оставили. Вот тогда бы ты и обрел счастье до конца своих дней. Так думается всегда, когда ты оказываешься в лесу один и сразу почему-то начинаешь желать счастья любому человеку.

В лесной избушке полезно быть одному: никто не мешает думать и вспоминать. Память цепко хранит аромат хвои, трав и

весеннего снега, что подтаивает и с пугающим шумом сползает с крыши; крик одинокого ворона, неторопливо пролетающего над избушкой, падение сбитого выстрелом глухаря и вкус его мяса. Обрекая себя на лесное уединение, приятно размышлять о чем угодно, и тогда простая жизнь, которая бывает разной, видится только с хорошей стороны.

Если ты оказался в лесной избушке один, у тебя никогда не возникает тоски. Ты прекрасно чувствуешь себя, здесь ты свой среди своих, и тебе никуда не хочется стремиться. Знобящее чувство дальней дороги не донимает лесного человека, ему не слышатся какие-либо чуждые лесу запахи и звуки, а видится лишь его теперешнее простое житье, вкус нехитрой таежной похлебки на губах и пьянящее ощущение свободы.

Закон лесной свободы включает в себя прежде всего ответственность перед лесом и перед самим собой. Настоящие лесовики всегда соблюдают его и считают, что нет большего позора, чем присвоить себе право своевольно хозяйничать в лесу. Только в согласии со всем, что тебя окружает, в терпеливом познании этого мира утверждается твое лесное бытие. Избушки же призваны помочь человеку, когда ему надо набраться сил.

С чем еще сравнить уют лесной избушки, до которой ты добирался в сильный мороз или ненастную погоду? Вся насквозь промерзшая, заиндевелая и такая, на первый взгляд, отчужденная, она в считанные минуты преобразается после того, как ты растопил печь, еловым лапником вымел щепу, сор и мышинный помёт, повесил на крепко вколоченные, поржавев-

шие гвозди рюкзак и ружье. Все ее маленькое пространство сразу оживает, на стенах играют огненные блики, и вскоре становится так жарко, что можно с удовольствием распоясаться, скинуть надоевшую одежду и, оставшись в нательном белье, сидеть на низком чурбачке и с блаженным видом поглядывать в растворенную настезь дверь.

За дверью — трескучий мороз, из-под самого потолка наружу валит клубами дым, а на душе покойно и радостно. Дом принял тебя и сразу стал твоим, пусть хотя бы на одну ночь. Из такого жилища уходишь всегда с трудом и часто потом его вспоминаешь. Как будто ничего особенного, но тебя хорошо поймут те, кому знаком описываемый предмет.

Именно этим людям не занимать захватывающих дух историй про разного рода избушки, повстречавшиеся им в жизни. Про то, как они бедовали в них без провианта, перебиваясь только добытым зверем или птицей. Как сводили их с ума нескончаемые одинокие ночи, когда кажется, что за дверью кто-то стоит и пристально вслушивается. Избушки помогали, спасали и дарили ощущение домашнего уюта в глухом, неизведанном лесу, а рассказы про них всегда изобиловали самыми невероятными чудесами.

Издrevле всякое явление, которое человек, находясь в лесу, не умел объяснить по известным нам законам природы, переносилось в разряд чуда. По ночам в избушке выдумываешь себе тысячу несуществующих опасностей, которые исчезают только под утро, а днем и вовсе совершенно забываются. Но вот приходит очередная ночь, и страхи вновь появляются: то ветер завывает волком, то ветка старой осины всю ночь скребет по крыше, и кажется, будто это какой-то неведомый зверь

пытается до тебя дотянуться, а по весне оседающий снег так ухнет или сосулька вдруг с хрустом обломится, что сердце в пятки уходит. Все звуки в ночной избушке связаны либо с явлениями природы, либо с обостренным воображением человека.

Ночной порой в лесу человеку часто чудится стук в дверь, будто кто к нему просится, и не впустить никак нельзя, ну а если отворишь дверь неведомому гостю — пеняй на себя... И такая оттого морoka на человека найдет, что хоть беги. Этот некто стоит за дверьми, дышит еле слышно, себя никак не проявляет, но ты все равно его чувствуешь. Не сказочное животное, а человекоподобное страшилище небывалого вида, чудище о двух головах! Свирепый и страшный злодей, вознамерившийся забрать твое сердце и поражающий своею силою всякого. Но все чудеса, даже самые чудовищные, становятся доступными в понимании, если ты к ним готов.

Ну а коли не по силам правду чащобную воспринять — знай вокруг оглядывайся, если, к тому же, дело к ночи идет, потому как нежить лесная хоть и бессемейная, а плодится будь здоров! Не успеешь и глазом моргнуть, как на сапог наступят, через портки перескочат, а в голову тумана зеленого надох-нут, — век потом дорогу домой не сыщешь! Так захороводят, что среди бела дня света не взвидишь, одно слово — бесово племя. Хорошо, если догадаешься через левое плечо себя об-свистать.

В одной лесной избе, сказывают, чудбвое ружье на стене висело... Мужик пришел в избу, снял его да и ахнул из обоих стволов, а из печуры вылазит чудо-юдо лесное, царь-растопыр, такой чудной, будто на смех народился, и спрашивает этого

мужика: «Где, мол, живет Марья Хохловна?» Мужик так пнем-раскорякой в землю и врос. Чудные дела в лесном царстве творятся, но коли чудится, так перекрестись!

Или такое чудное дело: нож в ножнах весь день висел у охотника на поясе, а под вечер, когда тот вернулся в избу, пропал... Куда бы ему деться? На деле же выходит так, что лесной царь этого охотника уберег, вернее, сам нож охотничий оказался своему хозяину другом и выручил его от какой-то беды. Подобное чудо случается в лесу, когда он расположен к человеку и не желает ему худа. Может быть, страшный медведь грозной тучей нависает над охотником, а тот и не ведает своей злой участи, и нож его выручает, прогоняет хищного зверя. Человек даже ничего не замечает и лишь удивляется пропаже: ведь нож был надежно закреплен в ножнах, висел под рукой на поясе и — надо же! — словно растворился.

А то привидится уставшему человеку прямо под потолком лесной избы чудный образ... Чудесное видение, которого бы, кажется, и не с чего ожидать, а оно появилось. Светлый лик Пресвятой Девы, что отчего-то явилась тебе спокойно и будто дала понять: она тебя хранит. И уж тогда ничего в лесу не страшно, ибо знаешь: Бог твою душу бережет и на путь истинный наставляет. Лесной дом на этом пути — искреннее тебе утешение. Но разве всякому такое привидится?!

Бывает, человек заблудится, плутает весь день и, уже отчаявшись, вдруг натолкнется на очутившуюся перед ним неизвестно откуда лесную избушку... Вся она из себя диковинная да ладная, манит своим призрачным уютом и в то же время будто не пускает. Стоит избушка на курьих ножках, пирогом подперта, блином покрыта, ни в сказке сказать, ни пером описать,

человек ходит вокруг как заколдованный, а попасть в нее не может.

Самое приятное чудо для путника в лесу — это обыкновенная лесная будочка, балаган — словом, маленькое жилье. Но более всего подходит ему название сторожка... В ней слышится неспешное и радостное времястечение, в котором сторожка существует и плывет, как лодочка: не страшны ей ни дождь, ни ветер, ни время. Утлым челночком в суровую непогоду проскользнет, гордой байдарой в ведро радостное вырулит, все на своем долгом веку преодолет и выдержит. Сторожка — это значит что-то неброское, но милое сердцу и очень надежное.

И все же истинное чудо представляет из себя полет в лесном пространстве, когда неведомая сила возносит тебя, кружит всю ночь по чаще и опускает только под утро на полянку неподалеку от знакомой тебе избы, и ты не ведаешь, как такое могло приключиться. Ты никак не можешь избавиться от охватившего тебя забвения в январской ночи, когда сначала все было таким знакомым, а потом, в неясный миг, померкло и вновь возродилось. Словно ничего не произошло, но очнулся ты уже в другом месте...

Тоже вокруг был ночной лес, мерцающий между стволами елей снег, и какое-то странное равнодушие ко всему. Ты только знал, что нужно дойти до избы, куда ходил не раз и, конечно, не мог забыть дороги. А теперь, несмотря на многочасовое блуждание, ничего не находил. Лишь отупело шел вперед, продираясь сквозь темный ельник и сбивая в кровь руки о его сухие ветви. Ты не узнавал ничего, но почему-то привык к этому состоянию, и оно не очень волновало.

Уже под утро выбравшись на широкую лесную трассу, ты поразился открывшемуся: невозможно было очутиться здесь, не миновав ее ранее с другой стороны. Так было задумано природой, и сознание никак не могло допустить, что какая-то сила способна на такое. Только механическая, тупая ходьба немного успокаивала, заглушая ужас произошедшего.

Как могло случиться, что за восемь часов блуждания ты ни разу не посмотрел на часы, не удивился этой своей замкнутой отрешенности?! Кругом была пустота затаившегося молчания, какая-то утомленная одичалость, забвение. И только когда увидел прямо перед собой глубокий наброд недавно прошедшей волчьей стаи, пришел в себя. Лес не был мертв, и понял ты это как нечто бесповоротное, подобно пережитой за ночь тайне, уже в избушке, что успокоила и обогрела.

Вот и выходит, что все лесные чудеса — в решетке: дыр много, а выскочить некуда. Сами собою живут и человека иной раз околдовывают, но чудное — это не только страшное, а еще и редкое, удивительное и необычайное. Да и сам лесной бог — старый чудотворец! Из святых же чудотворцев в лесу у нас особенно чтится Николай-угодник, который первым лихо от человека отведет и о лесном доме для него позаботится.

Даже обыкновенная стеариновая свеча в лесной избушке представляет из себя нечто необыкновенное, без чего совершенно невозможно обойтись. Мало того, что свеча освещает темные длинные вечера осенью и зимой, так она еще и создает необходимый уют, которого без нее никогда не достичь. Может, конечно, выручить керосиновая лампа или даже фонарь, но обаяние укромного лесного жилища от этого почему-то исчезает.

Только свеча привносит в маленький лесной дом то ощущение чудесной сказки, без которого он никогда бы не стал таким, какой он есть на самом деле. Загадочный, родной, теплый, словом, такой, который тебе совсем не хочется покидать.

Пламя чуть вздрагивает, изредка потрескивает, а вокруг — играющие на стенах блики и тени. Огонек свечи, если приглядеться, тоже особенный, он как будто всевидящее, но ненавязчивое око, взирающее исподволь, откуда-то изнутри. Приглянешься ему — и оно горит ровно, не вызывая доверия — вспыхивает, шипит, а то затаивается и словно поджидает, на чем бы тебя поймать. Держи тогда с ним ухо остро, главное же — не накличь на себя в лесу беды.

Без свечи в избушке не вяжется задушевный разговор. Нет ее — и всё как-то не так и не этак, а если мерцает на столе у маленького окна ласковый огонек, хочется говорить обо всем на свете. Свеча будто тоже участвует в беседе, ненавязчиво подсказывает что-то, удивляется, даже негодует. Она — неотъемлемый свидетель всех застольных бесед, которого часто, между тем, не замечают. Но свеча рядом, она всегда полна жизни и света. Я не могу вспомнить случая, чтобы свеча потухла раньше того, как прекратился разговор.

Свечной дух сладок, приятен, и даже потушенная свеча все равно невидимо присутствует. Она легко угадывается по источаемому запаху в темноте, и пока приятель твой ворочается с боку на бок, ты думаешь о разных замечательных вещах, что произошли с тобой за день. Хорошо лежать вот так, когда день прожит не зря, в избушке тепло, дрова заготовлены, и назавтра тихое октябрьское утро примет тебя в свои объятия.

Оставшийся же свечной огарок осветит холодный вечер какому-то другому, уставшему человеку, который, между тем, должен помнить, что свеча не встанет перед Богом, а встанет только душа.

На мой взгляд, у лесных избушек должны быть свои имена. Так же, как у деревень, рек и даже... глухариных токов. Глухариные тока я называл по их принадлежности к каким-то определенным местам, покосам, логам, пасекам или заброшенным селениям, руководствуясь устремлениями души на момент обнаружения. Именно благодаря своей неугомонности я вдруг однажды постиг, что не мыслю жизни без леса, который всегда тебя замечает и лишь изредка дает об этом знать. Лес через избушки испытывает тебя долгие годы, но не пугает, если ты чист в помыслах, и ничего от тебя не таит. Лесная изба, какой ты повстречал ее в лесу, — символ твоего отношения к жизни, того, что ты в ней заслужил.

Когда-то лет пятнадцать назад я вдруг твердо решил, что найду глухариный ток, чего бы мне это ни стоило. И я его нашел: старинный, совершенно забытый всеми и истребленный, на котором токовал только один глухарь. Каюсь, не сдержался и подстрелил этого глухаря, но оказалось, что он успел оставить потомство, ток постепенно разросся и переместился. Я потом долго наблюдал за этим током, удивлялся и наконец дал ему имя. Так же, как и всем другим, что открыл и оставил в своей душе, после чего птиц уже не трогал.

Имена токов были незамысловаты: Быковский — по име-

ни хозяина пасеки, что находилась рядом с токовищем, Дальний — ибо следовало туда идти аж двадцать с лишним верст, Новоселовский — по названию бывшей, заброшенной у старых прудов деревни, Березовский — потому что раскинулся на склоне у речки с соответствующим наименованием, Пасхальный — его нашел рано поутру в Пасху и был так счастлив, что позабыл о Боге. Еще были Укромный, Заячий, Дорогой и Лиственничный...

А что же избушки? Большинство избушек, затерявшихся в лесах, к сожалению, безмянны, но именно в них, когда никуда не торопишься и ничего не добиваешься, ты чувствуешь, как мимо течет жизнь. Лесные избушки замечательны тем, что порождают удивительно проникновенные мысли, которые ни за что бы не появились в городе. Причем, мысли не о звере, не о добытой птице, а о мужественных поступках, что разбегаются от тебя маленькими полосатыми глухарятами и возвращаются красивыми и гордыми птицами. Им, еще крохам, сразу бы ткнуться в благодатную среду умиротворенного лесного оцепенения и почувствовать, как вождельно это обыкновенное, полное радостей существование, но счастье жизни так просто не заработаешь: отдай всего себя, иначе как же ты всерьез задумаешься о собственной судьбе и о судьбе леса.

В замечательной простоте лесной избушки к человеку приходят необходимая сосредоточенность и терпение. После утомительных лесных переходов в необъятной тайге и бесконечных ночевок у костра избушка вновь встречает тебя своим устоявшимся запахом, которого ты никогда не почувствуешь в городской квартире.

И сколько бы лесных избушек ни встречалось на твоём жизненном пути, тебе всегда будет не хватать легкого дверного скрипа в лесной тиши, на который отзовется лишь полная загадок тишина, маленького паучка, что резво прибежит к тебе зачем-то, замрет и вдруг в мгновение исчезнет, чисто лесного, устойчивого и в то же время трепетного запаха лета, осени, солнца и ветра... Окна таких избушек отсвечивают на закате какой-то простой и замечательной истиной, познав которую, тебя уже никуда не тянет и хочется только жить в маленькой лесной избушке у потаенного ручья, изумляться легкости овладения окружающим миром и радоваться.

## *Про сыча*

Недавно я узнал, как поет сыч. Глуховатый, по несколько раз повторяющийся свист наподобие того, когда ветер порывами задувает в дуле ружейного ствола. Свист, начинаясь на высокой ноте, к концу выдоха идет на понижение. Как будто неведомая насупленная птица, спрятавшись в укромном уголке леса, высказывает кому-то неразделенную обиду, не видя ничего, кроме своего маленького загнутого носа.

Сыч подает голос обычно в ветреную, дождливую погоду, словно желает подладиться под нее. Почему-то сразу хочется улыбнуться, представляя себе, как он это делает. Сидит нахотенный, сердитый, будто ничего, кроме его заунывного дудуканья, не существует. Недаром говорят про недовольного чем-то человека: «Сычом смотрит».

## Осенняя луна

Стремительно ускользает в логах солнце. Слабо трогает сердце отрешенная синева сентябрьского неба. Еще усердно перелетают с дерева на дерево потрескивающие дрозды, а с другой стороны леса выплывает необыкновенно большой и желтый круг... Осенняя луна появляется всегда неожиданно и ярко.

С первого взгляда она поражает непохожестью со всем, что тебя окружает. Подступающие сумерки сглаживают дорогу, деревья, речку и сам осенний воздух, который можно резать на тонкие прохладные ломти, а луна только еще более выделяется, резко очерчиваясь и округляясь. Она действительно неподражаема, когда изливает на землю свой бесстрастный, но чарующий свет.

Так же бесстрастно поднимаясь над елями, луна приковывает к себе излучаемым желтым таинством. Но более всего притягивает ее полнота. Такой округлой, до краев наполненной сдержанным достоинством она не бывает ни в какое время года. Только осенью, в золотую пору угасания лесов и трав, плодоносит луна набранным за лето соком.

Часто луна в осеннюю пору краснеет, и об этом в народе говорят, будто Каин на ней убивает Авеля, пуская ему кровь... На самом деле краснеет осенью работник, хозяин бледнеет, а луна становится медовой, наполненной ароматным соком, стекающим в небесную посудину из небесных сотов. Лунный мед вытоплен в природной печи лета таким густым и сахарным, что за осень постепенно отстаивается и светлеет.

Правда, бывает выкатится на небо красная луна, и кажется,

будто мед ее с гречи, тогда как белая луна — с цвета липы, а малиновая — с ягод. Если же с осенней луной всю ночь пробыл — значит, мед и пиво пил, по усам текло, в рот попало, и на душе пьяно и сытно стало, потому что осенью в воздухе много и крепкого пива, и душистого меда, и зеленого вина. Но хоть и сладок, говорят, мед, да не по две ложки в рот.

Изредка осенняя луна приобретает цвет пурпурного винограда, когда он созревает. Не пронзающая душу красота, а медленно заполняющая ее, как терпкое вино. Сок небесного плода, ударяющий в голову с какой-то божественной благодарностью за все увиденное, но не пьянящий.

Вообще с каждым новым появлением осенняя луна преобразается и возникает на небе как-то по-особенному, тихо и замечательно. Словно кто-то очень таинственный и отчего-то одинокий вознамерится поглядеть на земной мир, замрет настороженно над горизонтом сентября и, постепенно выясняя все для себя, взбирается еще выше по своей загадочной дуге, но никто этого не замечает.

Иногда луна всплывает на небосклоне, как какая-то неведомая глубинная рыба — неуклюжая, плоская, круглая, а зад — обрубком. Такая действительно водится в Средиземном море и называется, как ни странно, лунной, наверное, потому, что на самом деле похожа на луну. У луны угадываются даже глаза, и она холодно взирает на все происходящее и ничего вроде бы не чувствует.

Порой же она напоминает рыскающего в осенней ночи волка, когда крадется за тучами, лишь изредка обнаруживая свое хищное присутствие. Отчего она бывает такой и кого пугает этим отрешенным безжизненным светом? Может быть, луна



просто играет в ночи, или сами облака бегут, то скрывая ее, то открывая, и от этого она начинает казаться зловещей.

А вот если луна попадает в большую сиреневую тучу, освещенную последними кремовыми лучами, и задерживается в ней на какое-то время, она превращается в цветок-корону, нечто святое и недостижимое. Остановившись в таком величественном окружении, луна будто наслаждается случайно достигнутым тронном, но при этом не задается и всегда взирает на человека с вопросом и пониманием. Как бы низко луна ни ходила, она постепенно все же подымается, а достигнув необходимой высоты — замирает, чтобы посветить лесу, зверям и человеку и поразмышлять о своем особенном лунном состоянии. Что очень привлекает в осенней луне, так это ее замечательная воздержанность при таком тронном нахождении. Скромность царственной особы, ведающей о мире все.

Часто луна отчего-то бывает печальна, как женщина, которая уже потеряла свою былую красу, хотя еще и привлекает. Незаметно выплывает она из-за леса, вроде бы совсем нелюбопытна и молчалива. Свет ее неспешно льется, мягко бросает белые блики на ночные одежды спящих деревьев, и не сразу разберешь, что занимает луну.

Именно осенью луна кажется настоящей красавицей, как бы она ни была грустна. Покоясь на своем небесном ложе, она опутана тончайшей лиловой дымкой, а глаза матовые, с длинными ресницами, волнуемыми ветром, что не всегда ясно угадываются, но очень ощутимы. Воображаемые волосы слегка подымаются и вновь падают на ее округлые плечи, — все в луне очаровательно! И если даже тронет печалью сердце, то ненадолго, с чудесным переживанием.

Мягкий ветер еле слышно дышит ароматной влагой, тихо веет в ночных сумерках, и все только за тем, чтобы быть для луны приятным. А луна, будто и не замечая его внимания, начинает потихоньку прихорашиваться. Как у единственной, не похожей ни на кого звезды, получается это у нее по-небесному величественно, по-женски же — с улыбкой. Да и почему бы луне хотя немного не покрасоваться, когда ей кажется, что на нее никто не смотрит?!

Наведя свою красоту, луна вдруг замечает, что красота принадлежит всему миру, и сразу становится серьезной, плывя по небу тихо, даже осторожно. Слишком многогранен и таинствен мир, что замер в ожидании ее непревзойденного сияния.

Луна подымается все выше и выше, так что не страшны ей уже ни вселенский ветер, ни ночная тьма. Луна подымается надо всеми, чтобы быть заметной и самой желанной. Она открыта любым взглядам и устремлениям в своей бездонной вышине и в то же время как будто предупреждает: думайте про меня, что хотите, но я все равно недостижима.

К полуночи луна забирается так высоко, что уже не вызывает какие-либо образы. Она, наверное, просто устает от переживаемых мыслей, которые передает земле и людям. Луна как бы отдаляется от них, постепенно становясь самой собой, и желает уже неизвестно чего, с точки зрения человека. Наконец наступает момент, когда луна остается совершенно одна: даже звезды не видны в ее окружении, так она ярка и чиста.

Слов нет, луна прекрасна в ночную пору, но и безлунный мрак радует глаза, потому что всегда ждешь появления осенней луны, чтобы вновь в молчании созерцать биение ее сокровен-

ного сердца. А порой вдруг луна показывается лишь перед самым рассветом: большая, настороженная и бледная. Никак не поймешь, та ли это луна, что совсем недавно очаровывала своей яркой красотой? Ее свет, что скупо сочится сквозь частые ветви, тоже волнует душу.

Луна никогда и ни к чему не остается равнодушной. Даже в безжизненную декабрьскую стужу, с пухлой одутловатостью сугробов и всеохватным дремучим сном, она искренне струит сквозь бегущие облака живой свет. Бельмом в глазу зимы суждено оказаться только солнцу.

С молчаливым восторгом обнаружив взошедшую над пасекой луну, не прекращаешь думать о ней весь короткий осенний вечер. Изредка взглядывая на ясное лицо луны, непроизвольно ощущаешь, как она взирает отовсюду. Свет от нее — на любой ветке, и радость этого белого свечения передается каждой клеточке тела, а душа замирает в предвкушении нового открытия. Как светло под осенней луной, что лишь прибавляет радости!

Вскоре в лесу становится совсем дремотно и глухо. Быстро засыпают земля, трава и листья, и теперь уже луна, укрываясь загадочной улыбкой, угадывает, как бьется в твоей груди встревоженное за лето сердце.

## *Серый помещик*

Если в медведе все кажется соизмеримым, несмотря на его противоречия, и даже при всей темноте могучего зверя как-то без страха воспринимаешь его существование и вероятность

столкновения с ним, то этого нельзя сказать о волке. Силен, говорят, медведь, да воли в нем нет, она выкована в сером разбойнике, который хищник по природе, а не по зависти. И хоть известно, что всякий год волк линяет, но нрава своего при этом не меняет: овца так не укусит, как волк слизнет.

Волка ноги кормят, и не боится он след за собой оставить. Бывает, целую тропу волчья стая за зиму набьет, но с пути своего не своротит, если добыча ей дорога. За одну ночь преодолет десятки верст, а желаемого достигнет.

По волчьему следу никогда не определишь, сколько в стае зверей, и только когда волки разойдутся перед каким-нибудь препятствием, одиноким пнем или бугорком, можно будет их перечесть. Звери, каждый по-своему, как будто принаравливаются к преграде, осторожно обходят ее, на какое-то время забывая о своей сплоченности, а убедившись, что им ничто не грозит, опять продолжают путь вместе.

Про волка и изречений гораздо больше, чем про медведя, и изучен он вдоль и поперек, а отношение к нему другое, почти не сулящее добрых слов. Но вот что странно: перебежавший дорогу волк, считали старики, должен был принести удачу, тогда как даже на сто волков, по тому же народному мнению, ни одного хорошего волка не находится. Чем объяснить такие различные суждения об этом звере?

Пожалуй, главное в понимании волчьей сути — двусмысленное поведение самого зверя. Не двуличность, безукоризненно вымеренная природой во имя обретения зверем желаемого, а именно сочетание кровожадной нацеленности и обособленности с обезоруживающей открытостью, доходящей порой до невероятной наглости или даже глупости. И все это

уживается в волке, не доставляя ему, кажется, никаких неудобств.

С одной стороны, волчья натура гонит зверя в лес, приручить его почти невозможно: сколько волка ни корми, он все в лес глядит. Но и то правда, что волки есть везде, не только в лесах, а иногда и поблизости от жилья. Порой звери ютятся в маленьких рощах неподалеку от деревни, несмотря на то, что их везде преследуют. Не было, наверное, на Руси селения, где бы в сердцах не посетовали: «Есть волки и в нашем колке!»

Тем не менее волк очень редок, не всякий охотник его за всю свою жизнь хотя бы раз увидит. Слышал, бывалые люди рассказывали, будто бивали лютого зверя, много читал о нем в охотничьих книгах, как-то даже довелось натолкнуться на следы хищника величиною с большой кулак, а вот самого волка не встречал. Но ведь случалось и такое, что волк напал на человека, среди бела дня забегал в деревню, прилюдно задирая собачонку и утаскивая ее в лес, и однажды даже заскочил поутру во двор, где хозяйке удалось поймать зверя за язык (!) и, затащив его за собой в сени, огреть по голове валком для стирки белья, удачно подвернувшемуся под руку! Как тут не озадачиться необыкновенной волчьей смекалкой и чутьем?!

И все же одинокому путнику, особенно зимою, встреча с волком не сулит ничего хорошего. Благо, если выскочивший перед тобой зверь напугался еще больше, тогда все случившееся обретает радостный смысл, но ничто не сравнимо с тем состоянием потерянности, когда ненароком оказываешься в лесу один на один с волком и от этой жути обмякаешь... Если вокруг залегла зима, ты понимаешь, как восприимчив становится

волк. Зима торит ему тропку наглуую, нахрапистую, и зверь сразу замечает, как человек относится к нему. В отличие от собаки, волк более выдержан и умен: он точно знает, кого ему следует опасаться, а кого нет.

Если ты дал слабину, взгляд зверя холодеет, растворяется в тебе тоненькой струйкой страха и отбрасывает к чему-то давно забытому, дикому. Правда, когда волк один, он обычно избегает человека, но беда встретиться со стаей волков, особенно в то время, когда они играют свои волчьи свадьбы: человеку, да еще безоружному, тогда несдобровать. Люди, как говорится, — дорогой, а волк — стороной, которая у него всегда темна и коварна.

Но это только с точки зрения человека, если он мнит свое существование выше волчьего, не предполагая у зверя ума и переживаний. На самом деле волк необыкновенно одарен от природы и если выглядит непутевым, то только в сказках. В жизни этот зверь проявляет поразительную выдержку в скрадывании жертвы, стремительный натиск и хладнокровную расправу. Волк тавра не разбирает, но толк в своей принадлежности лесному богу знает и неукоснительно блюдет его.

Сколько людей, говорят, столько и мнений. Так и у волков: всякий зверь устроен на свой, никому не ведомый лад, и, наряду с ярко выраженной трусостью многих волков по отношению к человеку, попадаются иной раз звери, которые не зря проявляют к нему явную агрессию. Все зависит от времени встречи волка с человеком, от поведения человека при столкновении со зверем и от воспитания прибылых, когда ненависть к людям становится у зверей семейной традицией, поддерживаемой в стае одним из матерых волков. На наме-

рение волка напасть могут повлиять даже его собственные страхи, врожденное оборонительное поведение и длительная изоляция, а также отсутствие корма. И там, где какой-либо обессилевший волк спасует, другой на его месте попытается перегрызть человеку горло.

Волки опасаются далеко не всякого человека. Больше всего они боятся мужчин, меньше — женщин и почти не боятся детей, которых часто утаскивают, закинув за спину. Очень большую роль играет и суть самого человека, что столкнулся нос к носу со зверем. Если человек вдруг начинает убегать от зверя, вести себя нерешительно, то у последнего ослабевает чувство боязни и возможно пробуждение агрессии.

Люди издавна примечали, что волк боится колокольного звона и огня, а ямщики в старину верили, что звон поддужных колокольцев отгоняет волков напрочь. По стародавнему поверью, от нападения волков можно защититься именем святого Георгия Победоносца, но это только в том случае, когда тот, на кого нападают волки, не обречен на растерзание за грехи. Старинное же малорусское поверье дает скотоводу совет класть в печку кусок железа в случае, если отобьется от стада, забредет в лес животное, — ни за что не тронет тогда ее лютый зверь.

В некоторых местах для защиты скота от волков, в зимнее время подбирающихся по ночам к задворкам, было в обычае обегать деревни с колокольчиком в руках, приговаривая под звон: «Около двора железный тын; чтобы через этот тын не попал ни лютый зверь, ни гад, ни злой человек!» А верящие в силу колдовства люди говорили, что если навстречу свадебному поезду бросить высушенное волчье сердце, то молодые бу-

дут жить несчастливо. Волчья шерсть считалась в старину одной из злых сил в руках чародеев.

С зимнего Николы, говорит народ, начинают волки рыскать стаями по лесам и полям, осмеливаясь нападать даже на целые обозы. С этого дня, вплоть до Крещенья, — волчьи праздники, и только после крещенского водосвятия пропадает будто бы их смелость. Если в эту пору волк нападет, то уйти от него труднее, нежели от медведя, хотя бывает и так, что от волка уйдешь да медведю в лапы попадешься.

Но так ли страшен медведь в сравнении с обезумевшей от крови волчьей стаей, которая в один из февральских вечеров вдруг взалкала целую свадьбу! Сначала голодные волки почуяли последнюю пристяжную с подвыпившим ямщиком и гостями, что угодила на повороте в сугроб, а сани перевернулись. Волки будто ждали этого момента и всей оравой бросились из ближайшего елового колка на долгожданную поживу...

Рвали без разбору лошадь, людей, и пока одни пировали на горячей крови, другие, вконец обезумев, уже догоняли следующую пару. Лошади, обуреваемые страхом, запутались, сбились на поле и вскоре тоже оказались добычей разъяренных зверей. Такая же участь постигла ближайших родственников молодых, следующих за ними во второй кибитке. Весь свадебный кортеж направлялся из одной деревни, откуда была родом невеста, в другую на венчанье, и в самой голове его на тройке ехали невеста с женихом, а на вожжах сидел брат жениха.

Волки, расправившись со всеми и толком не отведав парного мяса, бросились в пылу погони за ними, и жених с

братом, чтобы спастись самим, выкинули молодую. Но это не остановило зверей, лишь задержало их на мгновение, и между мужчинами завязалась борьба — кто кого, в которой победил старший брат, возница. В деревню он въехал седой, был затем проклят всеми и изгнан из округи. Воистину сказано: волк только по утробе вор да разбойник, а человек — по зависти и злобе!

В волке, более чем в других животных, проявляется его кровожадность, но кровожадность не грязная, а заданная природой. Волки и рвут, и смотрят проникающим взглядом: не переходи нам путь, если не хочешь пропасть за полушку. Но вот именно это состояние приближенности к диким зверям, нахождение с волками на границе дозволенного и притягивает к ним. Волки будто зачаровывают человека, посверкивая из чащи своими аметистовыми глазами.

Недаром именно волка, как бы кощунственно или странно это ни выглядело, сравнивали в народе со счастьем: счастье — что волк: обманет и в лес уйдет, и потому нерезонно полагаться на серого, тем более — верить волчьим слезам. Скорее, человеку прочили самому попытаться определить свою судьбу, но незадавшегося отпрыска все же наставляли: нашему б теляти волка поймати! Что и говорить, без волка, понимания его замечательного назначения человеку никак не прожить и оттого ему надлежит смолоду усвоить, что мало иметь только лисий хвост, надо бы еще и волчий зуб!

Но волков у нас все же никогда не любили и опасались настолько, что местами даже называть избегали, дабы не накликать беду. Волком на Руси прозывали вконец посрамленного, проворовавшегося человека, которого водили по

деревне в шкуре украденной им скотины, сопровождая бранью, побоями и хохотом. После того человек этот навек был опозорен.

Волков преследовали и истребляли всеми возможными способами из-за того вреда, который они приносят домашнему скоту. Волк издавна был воплощением злобного хищничества. Самая выразительная поговорка о нем звучала так: «Из-под кустика хватыш!»

Хорошо знакома волчья повадка русскому крестьянину, то и дело приходится ему сталкиваться лицом к лицу с этим хищником: то зарежет волк корову, забредшую из стада в лес, то дерзко ворвется в самую середину стада и выхватит овцу-другую, а то даже заберется темной ночью прямо на двор, если очень голоден. «Волка ноги кормят!» — говорят в народе и тут же приговаривают: «Не за то волка бьют, что сер, а за то, что овцу съел!» Волк, по народным сказаниям, являлся олицетворением темной тучи, заслоняющей солнце: «Пришел волк — весь народ умолк!»

А все потому, что у волка утроба ненасытная, сколько ни таскает овец и ни жрет, все ему мало: видит волк козу, забывает и грозу. Всю свою жизнь волк только и делает, что рыщет, хлеба себе ищет, и если хозяину унесенного волком жаль, то волку — того, что осталось. Поэтому в народе сложилось твердое убеждение: каким волк уродился, таким и издохнет, нрава своего не переменит. К тому же чем волк старше, тем он злее, осторожнее да хитрее, и только старый волк знает такой толк, по которому его в тенёта сразу не загонишь.

В древние времена религиозные люди признавали, что волки якобы поедают чертей, но тем не менее везде, где есть вол-

ки, приходится терпеть от них горькую долю. Один волк гоняет целый овечий полк и при этом не глядит на хозяйскую заботу, тащит овец без счету, а если и сжалится над той же овцой, то наперед лишь голову отъест. Где волк удачно хоть раз добычей поживился, туда он опять назад вернется, и тогда поднимай городьбу выше. Полагаться на волка никак нельзя, хоть бы он и овцой прикинулся, ибо волк добра не помнит: дешево волк в пастухи нанимается, да деревня с ним намается, и в овечьей шубе он не укроется, а смирен только в капкане бывает. Даже голодный волк сильнее двух сытых собак, и потому не клади ему пальца в рот.

Благодаря особой свирепости и силе, какой-то непостижимости волчьей сути народная молва приписывала этому зверю почти колдовские чары. Зверь — оборотень, вурдалак, мог обойти любого человека, и не уйти тогда тому живым. Растворившись в серых сумерках, он возникал там, где его не ждали, и исчезал так же незаметно, как и появлялся.

Неприхотливый, выносливый и умный, волк никогда не был прямолинеен и, кажется, хранил в себе всю звериную волю и совесть. Неумоимо и негибаемо преодолевая бескрайние снега, он нес для обитателей леса здоровье, прося за то совсем недорогую плату. «Упрямая овца — волку корысть», — всегда примечали умные люди, и это было мудро, потому как, по той же народной примете, добычу в зубы зверю сам Георгий давал, который является хозяином-повелителем волков. Впрочем, не одни только волки ему подвластны, но и все животные. И без Георгиева наказа серый волк сыт не бывает, лесной святой держит зверя впроголодь, а то бы и вовсе к нему скота не води.

Что и говорить, не про волка растут красные яблоки, и создан он таким всем на благо. Неуловимой серой тенью существуя где-то рядом, волк учит многому, остерегая становится равнодушным к жизни. Собаке не ступать на волчий след: оглянется, ан тут ее и нет! Человеку не ставить недруга овцой, представлять его самим собою. Не в меру приткому да непутевому всегда заметят: «Не суйся в волки, когда хвост телкин!»

Кое-кому через волка следует усвоить добрый ум, скромность и честность. Если пастухи воруют, а на волка поклеп идет, не забывают ли они о собственной душе?! И на самом ли деле ненасытный человек смирнее сытого зверя?! Ведь нередко волку приходится и за чужие грехи отвечать, и человеку легче всего валить на серого: серый все снесет. А еще всякий должен задуматься про себя: отчего он не заметил, как волк носит, и только волка понесли — сразу углядел?

Всегда человеку было удобно свои грехи на волка списывать, вот оттого он и приучился верить зверю в тороках. Мертвого, а не живого волка предпочитал видеть человек, и не подозревая о том, что сам его к себе своим страхом привязывает. Не зря говорят: «Где про волка дума и речь, там он тебе и навстречь».

Но несподручно волку сеном брюхо набивать, — так уж он устроен. Боятся же его, особенно зимой, потому, что он больше голодом ее проживает, в отличие от лисы. И разве не поверишь тогда горьким волчьим слезам, которые проливает он под ясным морозным небом?!

Зима для волка, как, впрочем, и для всякого зверя, самая трудная пора, тем более что он не ложится в спячку, как мед-

ведь, а всю зиму рыщет, добывая себе пищу с гораздо большим трудом, нежели летом: трудно волку зиму переголодать, а там — опять пан. Однако, как ни тяжело достается волку зима, он к ней привык и от холода, по-видимому, не так страдает, если только найдет, чем поживиться: не первую зиму волку зимовать, потому как зима ему за обычай. В народе не случайно повелось такое поверье, что зимой следует бояться именно волка, а летом — мухи.

Часто волка сравнивают с лисой, которая в сказках и поверьях над ним своим умом верх берет, что не всегда на деле справедливо. Лисе, при ее образе жизни и маленьких размерах, бывает легче перезимовать, тогда как волк не уступает ей в хитрости и может быть еще изворотливее, умнее и коварнее. И если говорят, что волк — голодай, лиса — лакомка, то это не по причине недалекости серого, а из-за его довольно внушительной величины тела, в отличие от лисы. Чтобы преодолеть необъятные зимние сугробы, он вынужден затрачивать гораздо большие усилия, чем лиса, и оттого рыжая кумушка всегда сытнее волка живет.

Но твердо и целенаправленно тянется через всю зиму волчий след: выдержан ход у стаи, несуетлив. Не сворачивая и не останавливаясь на мелочах, движется она в поиске желанной добычи. Кажется иногда, что и не нужна она волкам вовсе, а влечет их какое-то не ясное им самим беспокойство.

Ни ненасытности в том нет, ни спеси,— только терпение, достоинство и воля, от которой впору умереть! Так ее у зверя много, что, кажется, он даже не знает, куда ее девать. Может он в ней захлебнуться, как в снегах и метелях, а может благодаря ей и спастись... Манит неудержимо волчья тропа и пугает.

Обычно волки идут рысью, к поживе — шагом. От опасности же бросаются в карьер, что на них совсем не похоже. Но как ни поворачивай судьба, а волку роль убегающего не подходит: привык он в лесу особняком держаться, как будто не замечая ни рыси, ни кабана, ни медведя, ни россомахи. Дела волку нет до чужой силы, если она попытается дорогу ему перейти да в лесу рождена,— гордо и независимо несет он свое звериное звание.

Следы у волка, как и у лисицы, ложатся ровной цепочкой. Расстояние между следами одинаковое, в отличие от собаки. К тому же у собаки след разбросан, а у волка прямолинеен, собран. Перед тем как лечь, он скидывается по ветру и укладывается через несколько сот метров. И всегда маскирует свой след, выбирая при этом старые следы и дороги.

Нельзя сказать, что след волка — большая редкость, но иной раз проходит половина зимы, а ты его так и не встретишь. За своими заячьими, беличьими и глухаринными заботами начисто забудешь о существовании зверя. Натолкнувшись же, как-то обомлеешь и глядишь на него замороженно. Сразу готов все бросить и идти по следу, чтобы угадывать, читать, впитывать. Ведь это волк, самый красивый и удивительный зверь!

Но не угнаться тебе за стаей: волки прекрасные ходоки. Вся жизнь зверей проходит в непрерывающемся движении, и в этом заключен смысл их жизни. Десятки километров преодолевают волки за сутки, оставляя за собой присущую только им борозду. Кажется, что даже снег почтительно расступается под их крепко сбитыми телами,— так волки в своем зверином стремлении сильны и свободны.

Внешний облик волка и строение его тела доведены природой до совершенства и всегда нацелены на бросок. В подготовке к нему протекает все время зверя, а осуществление его — лишь молниеносный рывок, пик никогда не угасающего охотничьего инстинкта, после которого волк опять, только более успокоенно, проживает в ожидании своего очередного устремления. Волк каждую минуту готов к броску, с детства обучается этому и никогда не упустит возможности решить все раз и навсегда. Причем расправляется с добычей в два счета, поскольку зверь совершает нападение скрытно, метров с двадцати, а именно это расстояние он преодолевает за пару секунд.

Спина зверя почти прямая, круп слегка опущен, ноги же высокие и стройные, с хорошо развитыми пальцами, которые, в сравнении с собакой, значительно усиливают толчок и дают возможность зверю преодолевать небольшие препятствия, не меняя темпа движения. Грудная клетка широкая, но в передней части сжатая с боков, так что, когда зверь выносит вперед передние конечности, его грудь кажется очень узкой, а следы обеих передних лап располагаются почти по одной прямой линии, что обеспечивает молниеносность. Голова у волка крупная, с подвижными ушами, которые всегда стоят и направлены вперед, шея сильная, морда вытянутая, и если зверь опустит голову к земле, то почти касается ее кончиком носа, схватывая множество важных для себя запахов. Глаза слегка раскосые, со светлой радужиной, но чаще всего желтые, объемлющие лес, поля, глухие буераки и переложки — всю вековую чащобу и, конечно, мир человека, без которого волк как зверь существовать не может.

Волк очень расчетливо пользуется особенностями местности. Не меняя темпа движения, зверь даже на открытых местах использует малейшую возможность укрыться в небольших низинах, куртинах высокотравья, колках и перелесках. Волка беспрепятственно преследуют, но, уходя от погони, он всегда хорошо знает возможности охотников и пути своего следования, а все только для того, чтобы, укрывшись, в скором времени опять совершить нападение.

Ум волка хорошо проявляется в том, как он использует дологи в снежные зимы: по ним удобно передвигаться и охотиться. Зверю есть отчего не доверять людям, но он не упустит возможности пройтись и по лыжне. Понимает серый свою выгоду так, что даже страх не помеха: ведь уплотненный снег не только его самого выдерживает, но и зайцам помогает, которыми при случае можно поживиться.

При всей своей скрытности волк немало интересного на снегу оставляет, что можно увидеть, если ты, подобно ему, не утомим. Вот у самой опушки березового леса два голодных зверя загнали бедного зайца. Весь снег изрыт, истоптан и усыпан клюквой смерзшейся крови. Солнце высвечивает ее так неожиданно на белом фоне, что закрываешь глаза и сразу представляешь, как все это происходило...

А где-то в глухом и завьюженном декабре упрешься вдруг во взбитую стаей тропу, и войдет она в тебя осиновым колом. Тотчас перехватит дыхание и заохлодит сердце, так что не в силах охватить увиденного. Чудятся тебе волки где-то совсем рядом, вон за тем синееющим у лога ельничком...

Впереди — волчица, за ней — прибылые, а замыкает цепь матерый зверь. И будто замер он у самой кромки, и оглянул-



ся, вперив в тебя холодный взгляд, но не повернул, а растворился в мгновение, ровно его и не было. Страшно и хорошо становится на душе, а низовая поземка замечает волчий след.

Когда долгожданный март гостеприимно распахнет синие объятия и примет тебя в свое уютное лоно, ты отдаешься ему с головой и все забываешь. Без памяти окунаешься в пьянящее царство света: все живое сейчас живет по его законам, и волки оставляют в нем свои следы. Это вытопанные в глуши леса поляны, где совершаются скрытые от посторонних глаз волчьи свадьбы.

На них волки отрешенно предаются своей любви, и вся страсть их совоплощения остается на снегу. Лес, кажется, расступается от возбужденного присутствия животных. Снег у кустов окроплен мочой волчицы, и желтизна ее сливается с солнцем и слепит. Все увиденное поражает и повергает, и хочется жить волчьей жизнью — так же страстно и отрешенно.

В конце весны по последнему снегу, обычно выпадающему в эту пору, находят логово волков, которое в другое время обнаружить случается крайне сложно. Старый снег уже давно сошел, может быть затаился только еще в укромных ложках, у зверей уже появилось потомство, а выцветшая прошлогодняя трава не оставляет никаких следов. И вдруг где-нибудь в начале мая землю устилает белоснежная пелена...

Волк сейчас постоянно таскает волчице с волчатами пищу и, конечно, не может миновать некстати появившуюся весеннюю порошу, которую с нетерпением поджидают охотники. Майский снег лежит день, от силы два, к тому же выпадает не всегда, но

если такое случилось, следует тотчас отправляться в район, где обычно обитают звери. Зная местность, повадки волков и будучи достаточно наблюдательным, не составит особого труда обнаружить след матерого зверя, и он непременно приведет к волчьей норе. Волку веселей, когда он не слышит за собой собачью и человеческую гонку, но этот предательский снег по весне буквально режет его.

Разгадывая все эти волчьи заботы, ты испытываешь забываемые чувства и всякий раз дивишься звериной смекалке. Хладнокровная негибимость будет ощущаться в поведении волка, каким бы он ни был голодным или усталым. И еще он всегда без обиняков даст понять: коли волком родился, лисой ни за что не бывать!

Волк — воплощение настоящей тайны, подаренной человеку лесом, а следы на снегу — это его незамерзающая душа. В них он бредет неустрашимо через всю осень, зиму и весну, наверное, не очень переживая за уготованную ему судьбу. Свыкнувшись с постоянным преодолением своего жизненного устройства, волк как бы забывается в себе, и его уже ничто не пугает. Он удостоен такой нелегкой участи как избранный: волк очень многое пережил и знает.

Порой гонимый и незаслуженно, волк по натуре своей все же не является самым злобным хищником, и в народе к нему относятся с пониманием: «Говори на волка, рассуди и по нему», «Не все на волка, иногда и за волка», «На волка помолвка, а пастух овец скрал». Иной раз крестьяне вообще оправдывают зверя, мол, ворует волк по нужде, из-за голода. Особо сердобольные, жалея волка, убеждают, что он потому овец крадет, что купить их не может.

Вот и сказочный волк говорит человеческим голосом и одарен необычайной мудростью. Его даже наделяют крыльями. Быстрее ветра переносит он царевича из одной стороны света в другую, помогая ему добыть чудесную жар-птицу, златогривого коня и всем красавицам красавицу Царь-девицу... Да, только в сказке волку на самом деле праздник!

Видно, вовек не сыскать ему в лесу своей правды, а у человека — тем более! Вынужден волк любить за то долгую зимнюю темноту: в ней ему беду свою ненавистную миновать сподручнее. Воет он от голода и холода на луну бледнолицую, так что жуть берет. И только Богом береженный при этом не перекрестится, потому как знает: волк его не тронет.

Когда зажигается на небе первая звезда, люди не подозревают, что это верный знак волкам: пора трогаться в свой нелегкий ночной путь.

Зимние ночи захлаживают сердце, тревожат, они мучительны для человека. По ночам от мороза трещат стволы и лопаются ветки. На черном, скованном звездами ночном небе безмолвно светит словно начищенная снегом луна. Кажется, что мороз от нее становится еще крепче.

В такую пору пребывание в лесу для человека представляется неуместным, и он старается не думать об этом, преспокойно забываясь в расслабляющем тело и мысли тепле. В лучшем случае, видит в тревожных и сладостных снах, как протекает зимою звериная жизнь. Как до жути просто и замечательно берегут ее покой волки.

Тем временем под отрешенно мерцающей луной выходит к

своей ночной жизни из глухих буераков волчья стая. Лесные обитатели живут не по-нашему: днем таятся, обедают же по ночам. Каждый зверь в лютую пору хоть как-то устроен, и только волчья дорожка тянется через всю зиму от нужды к нужде.

Но силу волку дает голод, и потому, кажущийся понурым, он бредет пробитой в глубоком снегу тропой негибаемо. Только месяц холодными зимними ночами греет спины волков, и нет для них в лесу иного тепла.

Их не страшит блуждающий лунный свет, что зачарованно манит к себе и не дает спать. Глаза волков открыты и меньше всего хотят рассвета. Звери не умеют думать и только стремятся утолить неотступно наступающее под утро чувство голода.

Можно постоянно бывать в лесу, довольно часто натываясь на волчьи следы, и ни разу не увидеть серого разбойника. Так устроен этот зверь, в отличие от лисы, лося и медведя, которых хоть изредка, да посчастливится наблюдать. Волк держится совершенно обособленно, скрытно, заведомо предугадывая малейшую опасность и тотчас исчезая. В этой удивительной способности проявляется ум зверя, призванного лесом к сохранению своей жизни более, чем какое-либо другое животное.

Порой годами ходишь каким-то одним лесным местом и никогда даже не помышляешь встретить здесь волков. Место это ты всегда воспринимаешь только как рябчиковое или беличье, на худой конец — грибное, но никак не волчье.

И вот однажды каким-нибудь глухим ноябрьским вечером или под утро наткнешься у давно знакомого покоса на тропу, оставленную недавно прошедшей стаей, и тропа эта разбередит и напугает.

Встречи с волками всегда волнуют человека, потому что его завораживают мудрость их дикой жизни и естественность существования. Волки свободны, они могут быть самими собой, а значит — красивы.

Человека же поражает одна мысль — что его чувства станут кому-то доступны, и он тщательно скрывает свою личину, еще при жизни возводя вокруг себя клетку. Несвободный, он не в силах кого-либо по-настоящему прельстить и оттого существует никчемно, а исчезает бесследно.

Как поступаем мы при виде зверя вблизи нас? К примеру, того же волка?

Сначала смотрим на то, что из его поведения может явиться угрозой нашей безопасности. Затем придуманное принимаем за намерение действий животного и приписываем ему обладание такими качествами, которые на самом деле, может быть, отсутствуют. Ну а если зверь случайно проявляет агрессию, то мы воспринимаем ее за основу его дикого нрава...

Так, неминуемо и сразу, мы заблуждаемся относительно природы волка, тогда как должны были оставаться для себя и для него высшим мерилем блага, сохраняя за собой право проявлять в поступках и мыслях только доброжелательный интерес.

Волки, как никакие другие звери, удивляют человека именно своей простотой. Жизнь обитателей леса более гармонична, нежели жизнь людей, потому как является самым обыденным естественным всего сущего. В отсутствие извращенного разума, то есть разума с расчетом, животные живут, конечно, суровее, но значительно проще и надежнее человека, а боль у них присутствует лишь в той мере, в какой ее недостает для поддержания жизни.

В конце февраля возле волчицы появляются самцы, оспаривающие место супруга, которым, после боев, остается самый сильный. Каждый волк в меру сил и возможностей старается отстоять собственную свободу выбора. Волк знает, что делает: добившись победы, он доводит права победителя до логического конца. Те же, кто потерпел неудачу, будут, не изменяя себе, ждать своего часа и, когда он настанет, так же надежно, не теряя достоинства, воздадут ему должное. Звери никогда не лишают себя права быть свободными, сильными, независимыми, чего не скажешь о людях!

Человек, в отличие от волка, не хочет быть по-настоящему свободным. Свобода не дает ему покоя, она тяготит его своими обязанностями, и он старается поскорее найти более легкий путь следования, а если свободу в себе вообще не ограничивать, она теряет всякий смысл. При этом человек еще посягает и на свободу других, не имея на то никакого права, и часто этими другими оказываются именно волки, на которых человек сваливает собственные грехи.

Не может у животных инстинкт быть звериным в том понимании, в каком его привыкли воспринимать люди. Всюду в живой природе парность — наиболее высокая форма отношений, при которых самец никогда не предаст подругу, а она, в свою очередь, ни за что не оставит детей. Нравственность применима, скорее, к животным, нежели к человеку, и это их замечательная тайна. Все же темное порождено социальной природой человека — ничего такого в живой природе, вероятно, и не существует, и все-таки в каждом из нас живет ее частица... В одном — неудержимым волчьим воем, в другом — трубным журавлиным провозвестием, а в ком-то — таинственной глуха-

риной песней. Счастлив тот, кто отгадал ее в себе и принял, и потому человеку должно вернуть зверей на видимое расстояние и с этой точки начать свое открытие их до сих пор не познанной жизни.

Но чего на самом деле можно ожидать от встречи с волками в заснеженном поле, когда звери голодны и терять им нечего?

Вспоминается один затерявшийся в бесконечных зимах день, когда светило яркое солнце, а вдали, у самой кромки леса, два волка гоняли по белому полю зайца. Казалось, это собаки играют и вот-вот прекратят. Но задавили, как это обычно делается, хрустнули позвонки, брызнула на снег кровь...

И навалилась вдруг тягостная безысходность, так что трудно было жить весь день и еще всю ночь, и только под утро забылся я в рваном полусне, не в силах преодолеть в неуспокаивающемся сердце странную тоску.

И все же не зло застилает глаза животным, а необходимость продолжения рода и жизни, которая для волка так насущна, что он порой убивает столько, сколько может убить. Вот и угодившие в капкан волки-самцы или хилые волчата обычно бьются съедены своими оголодавшими соплеменниками, почуявшими кровь. Когда же в капкане оказывается волчица, особенно в течке, волки кормят ее и этим долго поддерживают в ней силы. Много звери никогда не возьмут, если на то нет серьезных причин, а люди, истребляя кажущееся зло; уничтожают вместе с ним так называемое добро.

Даже обычный отпечаток волчьей лапы на снегу порой поражает воображение своим размером, и уж совсем трудно поверить в то, что однажды в пасмурную осеннюю ночь мне почудилось, будто волчий глаз отражает в себе все звездное небо,

темноту, лес и вместе с ними мою обыденную растерянность, а затем убежденность, что такой ночи уже никогда не будет и волки — самые замечательные на свете звери, с которыми втайне всегда ждешь встречи. Ждешь, представляешь, как это может произойти, но на самом деле случается все неожиданно и очень быстро, так что не успеваешь оценить близкое присутствие зверя и только по прошествии всего, успокоившись, не без основания укоришь себя: следовало быть осторожнее, внимательнее, ведь рядом находился волк!

Но многие люди не ценят этого соседства и не понимают, что всякий зверь, в особенности волк, жаждет не расправы, а покоя. Чтобы его никто не тревожил, не охотился на него и зверь бы сам определял для себя норму своей добычи. Но человек нарушает вековые волчьи устои, вторгается в его жизнь, не думая ни о чем, и в конце концов винит во всем волка.

Волк забрался в охотничью избушку, располосовал напрочь все мешки с мукой и макаронами, даже подушки разодрал и, выломив окно, растворился в лесу. Когда люди пришли в сторожку, увидели все это, то, несомненно, поклялись отомстить зверю, но за что?! Не сам ли человек все это однажды предопределил, и бесчисленные стада зарезанной волками скотины, может быть, лишь расплата за его бездумность? Всего этого могло и не быть, распорядись человек мудро своей жизнью, и еще нужно помнить, что живой волк — это воплощение всей силы лесной чащи, призванной не устрашать, а нести в себе вековечный и мудрый знак постижения.

Кому доводилось видеть волчьи свадьбы, тот на заячьи игры по весне уже не засмотрится. Так не без гордости заявляет человек после того, как ему довелось хотя бы прикос-

нуться к волчьей тайне, но приходит весна, и он все же не преминет заглянуть вечерком на облюбованные зайцами поляны, чтобы потешиться игрой забавных зверьков. И тем не менее зайцы — не волки, которые живут в тебе во все времена года и подспудно влияют на поступки. Именно серые разбойники, как ни странно, помогают тебе стать еще более неутомимым и нежным. Ведь волчьи законы — это не только строгая иерархия и жесткая дисциплина в стае, но и... преданность.

Часто люди выражают негодование по поводу «бессердечности» волков-родителей, которые будто бы равнодушно взирают на то, как охотник по одному достает из логова волчат и бросает их в мешок. По крайней мере звери никогда ничего не предпринимают в защиту своего потомства, смотрят со стороны и не приближаются, в отличие, скажем, от глухарки, которая скорее пожертвует собой, чем бросит птенцов, а во время пожара закрывает их своим телом и погибает вместе с ними. Но так ли трусливы звери, на самом деле являющиеся нежными и мудрыми воспитателями?

Именно потому, что волк исключительно умен и отважен, он и не защищает волчат, обнаруженных без родителей человеком. Когда волк заподозрил, что логово обнаружено и он успевает опередить человека, зверь немедленно переносит волчат на новое место. Но если поздно, никак себя не выявляет, хорошо понимая: дать себя обнаружить — значит быть самому уничтоженным, что невыгодно для продолжения рода. А вот затаиться, перетерпеть, как бы ни было больно, и начать все сначала — будет истинно по-волчьи. За эту силу духа, которой недостает порой даже многим людям, волк должен вызывать у них искреннее восхищение, а уж никак не осуждение.

Матерый волк, который замыкает стаю и внимательно стережет ее тылы, давно забыл жалость к самому себе и потому не знает жалости ни к прибылым, ни к переяркам, ни к самой волчице, идущей впереди. Он живет устремлениями, которые, наверное, не присущи никакому другому зверю, и неутомимо воспитывает их в своих детях. Волк уже скорее не чувствует, а догадывается о предстоящих событиях в жизни стаи, цепко всматривается в то, что его окружает, и готов преодолевать что угодно, только бы быть ко всему готовым.

В особо лютые зимы волки могут даже выгнать медведя из берлоги и загрызть. Но, как ни странно, состояние безудержной ярости совсем не присуще природе зверя, а свойственно человеку, который не хочет с ним расставаться и может проявить в самый неожиданный момент. Волк же без всякой необходимости никогда не будет испытывать судьбу, пройдет лишние десятки верст и воспримет все это как должное.

Три дня жили мы с товарищем в укромной лесной избушке, исходили всю округу и каждый день хотя бы раз натыкались на волчий след. Волк, по-видимому, самец, был очень крупный, потому как в четко отпечатанный на снегу след укладывался добрый кулак, и казалось странным, что зверь держится в эту ноябрьскую пору один. Волк охотился там же, где и мы, выбирая самые лучшие места, и поэтому наши пути то и дело пересекались. Видно было, что это один и тот же зверь, поскольку район обитания у волка в отдельно взятый период неизменен, да и размер лапы везде был одинаков.

Местность мы знали хорошо и, не обращая внимания на присутствие волка, выискивали тетеревиные табунки, набредая изредка на глухарей, и только на четвертый день чуть не столк-

нулись со зверем. Спускаясь по глухой просеке к логоу, в котором тихо струилась потаенная харюзовая речушка, мы и не предполагали, что волк в это же самое время бежит вдоль лога по его склону прямо нам навстречу. Легкий ветерок задувал из-под зверя, и он не мог нас почуять. Но когда мы выбрались на открытое пространство и заговорили, зверь, услышав человеческую речь, тотчас ринулся в сторону. Это стало видно по следам, резко перешедшим на галоп, тогда как чуть ранее волк передвигался неспешно, он вообще никуда не торопился, и в сердцах мы посетовали, что не вовремя нарушили тишину... Так по собственной оплошности мы упустили возможность столкнуться со зверем лоб в лоб, и я, помнится, долго еще воображал после этого, как бы волк трусил, чуть пригнувшись к земле, уже одетый в зимнюю светло-серую с черными подпалинами шубу, без всякого усилия выбрасывая мощные лапы, и если бы глаза наши тогда на мгновение встретились, я, наверное, почувствовал бы себя неизмеримо счастливым.

Однажды счастье все же улыбнулось мне: я встретил исхудавшую волчицу, которая, понурно опустив голову и хвост, неспешно семенила у края дороги прямо мне навстречу. Казалось, ее ничто не тревожило. В каких-нибудь двадцати метрах от меня, даже не глядя в мою сторону, она резко повернула в лес и исчезла. Я стоял, опешив от ощущения близости такого редкого зверя, и почему-то был уверен, что еще увижу его.

И действительно, волчица, обогнув меня сквозь чащу, бесшумно выскользнула из-за деревьев чуть поодаль и заглянула мне в лицо. Не отводя взгляда и не мигая, она с минуту пристально смотрела прямо в глаза, а затем, так же понуро повернувшись и не издав ни звука, удалилась.

Ни у кого из зверей не таятся в глазах такой сдерживаемой дикой воли и холодного безразличия ко всему, как у волка. Особая тишина воцаряется в природе, когда волк смотрит на тебя, не мигая, и молчит. Когда же ты сам вглядываешься в застывшие волчьи глаза, что случается крайне редко, они открывают тебе бесконечные тысячелетия перевоплощений человека в обличье зверя и беспристрастие самого зверя по отношению к людям; попытки людей во что бы то ни стало постичь его дикую природу. Но, может быть, нет в лесу ничего увлекательней, чем находить у каждого его обитателя истинное лицо, тем более у такого удивительного зверя, как волк.

Через одного моего знакомого волк даже перепрыгнул, на мгновение опершись о него передними лапами, будто это было нечто неживое — взгорок или земляной холм, оказавшийся на пути зверя. Будучи еще парнишкой, как мне рассказывал этот человек, он пас овец. Стоял обычный августовский полдень, и все было тихо, но вдруг из лесу на пригорке показались волки. Их было двое, по-видимому, матерый с волчицей, и двигались они без затей, напрямик к краю стада, в расчете ухватить одну-другую зазевавшуюся овцу.

Волки шли стремительным наметом вверх по склону и не могли видеть пастушка, расположившегося в маленькой ложбинке. Наскочив же на него, звери, как ни странно, не опешили, а перепрыгнули через полулежавшего человека, оттолкнувшись при этом от него лапами, в нескольких метрах замерли, обернувшись, и спокойно потрусили к нижнему леску, как будто и не намеревались только что поживиться. Волков словно подменили после мгновенного столкновения с человеком, и они

стали похожи на обычных домашних псов, охраняющих пасущееся стадо.

Редко когда что-либо значительное в природе олицетворяет собой одного зверя или птицу, а вот волки удостоились целой луны, прозванной народом в их честь «волчьим солнышком». Луна и горит по-волчьи, наполненная неведомым звериным молоком, которым волчица вскармливает своих детенышей, и они вырастают с присущей только им лунной мастью, предвосхищающей в них небывалую силу и чуткость. Вот и завывания осеннего ветра часто сравнивают с мелодией волчьей тоски, утверждая, что волчий вой и разбойный свист бури родились в единой утробе. Но так ли тосклива волчья песня, действительно схожая по звучанию с самой свободной стихией? Иной августовской ночью с полной светлой луной кажется, что волки не воют, а поют...

Нет, волки — замечательные существа, будто занесенные в нашу жизнь из волшебной сказки. Они необыкновенно украшают ее, оставаясь больше в тени, и когда холодной сентябрьской ночью взвояет где-то волк, на душе становится тепло и покойно. А отправившись однажды в лес без ружья, пусть даже с невеселыми, но чистыми мыслями, вдруг захочется и самому стать волком.

Постоянно бывая в лесу, я часто думал: вот бы целый день, может быть, даже неделю, пробыть в волчьей шкуре, неважно кем: матерым самцом, умудренной опытом волчицей, только что народившимся волчонком, значащимся в стае прибылым, или переряком, перелесовавшим хотя бы год! Все на себе почувствовать, попытаться понять, сохраняя человеческое сознание, и никому об этом не рассказывать. Просто нести в себе

как знание, умело пользоваться им, не считая себя знатоком природы, и, даже уйдя далеко в понимании леса и волков, ни в коем случае не возгордиться.

А лучше вообще ничего не предпринимать, оставаясь самим собой. Где-нибудь в конце августа взять и отправиться в лес за грибами с ночи, чтобы прийти на место под самое утро и, сложив домиком ладошки, прямо посреди лесной дороги завывать волком — что называется «подвабить».

Сначала неумело подстраиваясь под зверя, затем все более проникновенно, постепенно налаживая интонацию воя так, чтобы звери отозвались на твое присутствие. И вот, выдержав томительную паузу, слегка встревоженные чем-то волки завыли вразнобой, как и ты, потому что поверили тебе. Где-то там живут безудержные, не управляемые никем звери, которые придают летней ночи такое обаяние и уют?!

Легко, без усилий представляешь себе взгорок, на котором происходит звериное таинство. В твоём воображении это почему-то именно открытая возвышенность с островком таинственно чернеющего неподалеку леса, и даже если на небе нет луны — она спряталась за облаками, — поляна вся освещена. Правда, несколько тускло, под стать волчьему меху, в летнее время порядком прибившемуся и поредевшему. Но самое главное — хочется выть волком и быть им, насколько хватит собственных сил и желания соединиться с этой поляной, росистой травой и немеркнувшей луной.

В зимнюю пору луна наливается как-то по-особому полно и светит на небе всегда открыто, ничего не боясь — ни холодной тьмы, ни жестоких буранов, ни волчьего воя. Всю ночь, бывает, волчья стая на месяц провоеет, а он никак на землю не

падает. Не ведает, наверное, месяц и про то, что его люди волчьим солнышком кличут.

Ласково, с любовью относились в народе и к нему, и к волкам, потому что ничто так поэтично не выражало зимнюю ночь, как тени от сидящих на освещенном луной снегу зверей, с задранными мордами взирающих в холодную высоту. Им, видать, лунный свет был не за счастье, он тревожил их и в без того беспокойной жизни. Им некуда было от него деться, и волки отводили мятущуюся душу в своей неприкаянной песне, а луна молчаливо взидала на них и успокаивала.

Но к чему стремится человек, когда хочет понять и луну, и волков, и то состояние, которое зовет его самого стать волком? Матерым самцом, умудренной опытом волчицей, только что народившимся волчонком или переярком, просуществовавшим целый лесной год и вознамерившимся непременно стать вожаком... В любом случае, кем бы человек ни оказался, его ожидает неременная радость только от того, что он однажды родился, попытался постичь жизнь и восхитился ее красотой, ни в чем не разочаровавшись. И не важно, если мир не будет к нему благосклонен, как к волку, который помимо нелегкого бремени всегда несет в себе вечность, а значит нечто неизмеримо надежное и глубокое, никогда не теряя при этом своего волчьего обличья.

К слову сказать, ум волка, его высокая внутренняя организация, в большей мере и создающие облик зверя, как нельзя лучше проявляются именно в вое. Ведь каждая волчья стая обладает своим жизненным участком, границы которого никогда не остаются неизменными, время от времени перемещаются и, вполне вероятно, накладываются на владения другой стаи.

В пылу охоты это происходит наиболее часто и может служить поводом для кровавых столкновений, но драки между стаями, тем не менее, очень редки.

Соседние волчьи кланы не зря сторонятся друг друга; чуть сошлись — вот тебе и жестокая схватка, в которой несколько волков, как правило, получают смертельные ранения. Могут ли такие дальновидные звери допустить подобное? Конечно, нет, и поэтому волки, передвигаясь по лесу, проверяют дорогу перед собой веками выработанной системой голосовых сигналов, а именно — воем.

Если стая уверена в своих силах, она, игнорируя грозный вой-отклик, двигается вперед, и тогда отвечавшим приходится решать: вступать в бой или поворачивать вспять. Чаще всего никакого ответа не следует, значит, другая стая предпочитает не встречать в перебранку, и это мудро. Волки никогда не поленятся уйти на километр-другой в сторону, лишь бы не рисковать ненужной встречей с соседями. Даже охоту могут прервать, если не очень голодны и добыча не слишком лакома. Главное — сохранить свой род, сила которого в том, что живет волком, сила же волка — родная стая.

Вообще для таких вдумчивых зверей, как волки, важны самые разнообразные сигналы, включающие и малейшие оттенки поведения: ничто у волков не происходит просто так, без нужды. Когда в опасность старый волк покидает стаю — это сигнал для других волков: каждый заботься о себе! Значит, предстоящая встреча чревата для них неприятностями, и уж если матерый зверь решается на бегство, то все должны последовать его примеру, чтобы сохранить самое ценное — собственную жизнь.



Многим людям стоит поучиться и предусмотрительности волков. Так, оставляя информацию о себе, звери стараются подвесить помет на ветку куста. Делают они это по весьма уважительной причине: на земле жуки-навозники быстро уничтожают такую «визитную карточку», а на ветке она для них недоступна.

Чаще всего волк приходил ко мне на глухариных токах, и я чувствовал, что он хитрее и коварнее всех других зверей: медведя, лося, барсука и даже рыси. Медведь или лось могут захрустеть валежником, тем самым заранее обнаружив себя, барсук, невзирая на небольшие размеры, пробирается по ночному лесу обычно проворно, с шумом, предупредительно топоча и пофыркивая, но волк крадется всегда неслышно, никак не выявляя своего присутствия. Серый мех его сливается с рассветными и вечерними сумерками, не оставляя тени, и волк будто растворяется в лесу, который никогда не засыпает, а только притаивается наподобие этого умного зверя.

Однажды волк преследовал меня всю ночь и утро, когда я, покинув лесную избушку, направлялся к месту токовища. Я даже не почувствовал зверя, не заподозрил его, а он ступал за мной по пятам, очень вкрадчиво и осторожно, и когда я останавливался, пытаясь различить глухариное пробуждение, он тоже замирал. Наверное, волк сам охотился за глухарями, и мое присутствие вызывало у него недоумение. Волк не предпринимал ничего, что бы могло нарушить недолгий ночной покой, но был способен дойти куда угодно, не погибнуть и стать при этом еще сильнее. Из всех зверей он был самой неотъемлемой частью леса, которая существовала сама по себе, но и неразделимо с ним, и это вынуждало относиться к нему по-особому.

Волк, наверное, злился и никак не мог постичь, что влечет человека в такой запропащий час в лес, когда только звери обращаются к своей темноте, и нет им в этом среди живущих равных. Волк злобился и в то же время остерегался, потому что крадущийся человек был чем-то под стать ему, лесному зверю. Человек был, пожалуй, опаснее волка, поскольку хранил в себе еще более непостижимую для зверя тайну.

Волка мучило любопытство, он подстраивался под окружающую тишину и мрак и чутко вслушивался в каждый мой шаг. Зверь хотел проследить до самого конца мое поведение, но я лишь пристально вглядывался в чуть светлеющее небо, так же, как зверь, замирал на неопределенное время и, кажется, ничего более не желал. По понятиям волка, я вел себя очень странно, но оставить меня без своего внимания зверь отчего-то не мог. Это было превыше его, и волк двигался за мной крадучись, оставался самым собой и, должно быть, ничего не боялся. Так мне показалось на миг, уже потом, когда я обнаружил его вкрадчивые следы.

Волк не покидал меня целое утро, пока я случайно не согнал первого глухаря. Глухарь еще с вечера уселся на непривычном для него месте, гораздо ближе обычного расположения во время тока, и очень испугал меня, когда неожиданно сорвался с худенькой одинокой березки. Как он вообще умудрился заночевать на таком непривычном для себя деревце, маленьком, беззащитном и растущем почти в самой низинке, вдали от любимых высоких сосен?! Вместе с исчезновением глухаря в душе что-то сжалось, а затем отпустило, но я не почувствовал себя несчастным.

Помнится, я еще отрешенно постоял, врасплох застигну-

тый такой откровенной неудачей, и уже готов был повернуть назад, как что-то смутило меня в снежном покрове, который должен был оставаться гладким. Я присел на корточки, и вот тогда мне и попались на глаза свежие волчьи следы, устремившиеся в укромный отложок. Может быть, глухариный слет так напугал зверя, что вывел его из оцепенения этой своеобразной охоты, а может, волк угадал мое намерение вернуться. Так или иначе, зверь поспешил неслышно раствориться в лесной чаще, и только крупно вдавленные в наст волчьи следы безотчетно притягивали своей завораживающей, мягкой синевой.

Неудача с глухарем сразу показалась незначительной, как только я убедился в изворотливости скрытного зверя, в его неугасимой жажде быть там, где ему, может, и не надлежит быть, но он почему-то все равно объявляется. Воображение скоро нарисовало этого одинокого волка и то пристальное внимание, которое зверь проявил по отношению ко мне. Сладостно переживая произошедшее, я еще долго не отпускал зверя от себя и все думал о том, какой он необыкновенный, дикий и мой.

Вполне возможно, что именно этот волк пришел ко мне на следующий год, когда я забылся тревожным сном у потухающего костра, потому что обитал в том же районе и держался особняком. Ожидание глухариного пробуждения было так утомительно в непогодливую весеннюю ночь, что вялая дремота одолела-таки меня. Я спал без сновидений и не ведал, что прямо у моего изголовья, в каких-нибудь трех-четырех метрах, стоит хищный лесной зверь и, может быть, смотрит в чуть белеющее лицо...

Лицо, наверное, было запалым от усталости и покойным в перебегающих по нему огненных бликах. Волк смотрел на огонь,

на меня, осторожно втягивая носом непривычные для себя запахи, и не решался что-либо предпринять. Он ровно угадывал нечто знакомое и вспоминал: когда-то подобное уже тревожило его чуткое восприятие, а волк так и не постиг его. Ему было только отчего-то приятно стоять вот так, рядом с этой neodолимой для него тайной, и волк не торопился исчезать.

Я опять ничего этого не увидел, а только угадал с рассветом по следам, которые волк оставил у края раскисшей тропинки. Вечером их не было, я хорошо это запомнил, потому что собирал для костра хворост и, конечно, отметил бы такую важную подробность. Волк появился, как и тогда, ночью, разделил ее на какое-то время со мной, но ничего не забрал. Скорее, он еще раз одарил меня своим неуловимым присутствием, пытаясь в чем-то разобрататься, и мне несколько не стало от этого хуже.

Не жуть, а тихая радость охватила меня, и я был за что-то признателен этому вкрадчивому зверю. Благодарен за нечто очень важное, не присутствующее в обыденной человеческой жизни, что всегда неотступно влекло и отпугивало. Моих неясных устремлений, должно быть, касалась лесная душа, которая чаще всего приходила именно в облике зверей и могла быть не только волком или медведем, но и неторопливым лосем, сосредоточенным в себе барсуком и лукавой рысью.

Но сейчас именно волк посетил меня в своей обители, куда я пришел к нему в гости, и зверь приблизился к человеку на минимально допустимое расстояние, чтобы рассмотреть его получше, отметил что-то для себя и неслышно удалился. Вероятно, навсегда, а может быть — до следующей встречи, когда лес вновь вознамерится заглянуть в твою душу, чтобы осторожно приоткрыть свою.

Как и любой другой зверь, волк всегда появлялся неожиданно, но выходило это у него по-особому. Причем, не важно, происходила ли встреча на самом деле или во снах. Зверь в них почему-то возникал большей частью на взгорке, долго вглядывался в меня, и когда я уже начинал воспринимать его осознанно, реально, он незаметно исчезал. Трудно было поверить, что волк приходил случайно, не понимая, для чего он это делает. Волк, конечно, приходил именно ко мне, и надо было понять, зачем ему это нужно.

Сначала он приподнимал лобастую голову и долго глядел куда-то мимо меня. Легкий ветерок еле ворошил шерсть на его загривке. Втягивая всем своим существом одному ему знакомые вести, он словно прислушивался еще к чему-то, что составляло простирающуюся вокруг бесконечность: движение облаков, многочисленные запахи, шум сосен и елей, неземную тишину, и все, что происходило в душе человека.

Волк чувствовал себя совершенно свободным, это было видно по его глазам, холодным и спокойным. Глазам, которые не умели считать время, а только бесконечно изливали его. В этом заключалась суть волчьей жизни, предназначенной быть везде и во всем, окружающий лес был его домом, и другого волк не знал никогда.

Волк был наименее покорен мне среди всех зверей, но наи более дорог. Такой непредсказуемый и неуловимый, он как никто ощущался мной, и именно его я хотел видеть всегда рядом. Когда бы это ни происходило, я чувствовал, что волк понимает все мои мысли, и это его не настораживает. Он будто погружается в сон вместе со мной, и выглядит это так по-щенячьи. Но лишь на мгновение позволяешь себе подобное, а

потом опять бежишь рядом со зверем и надеешься только на себя.

Вернее, бежишь сам по себе, лишь предполагая в какие-то моменты, как бы это могло быть: ты и волк, бок о бок, ни для кого не помеха, а друг для друга — молчаливое взаимопонимание. Потому что нет ничего надежнее, как взять и отправиться в лес ради того, чтобы повидаться и с волком, и с лесом, и с самим собою, каким ты можешь оказаться только в лесной чаще.

Волк виделся мне всегда подтянутым и крепким, густая шерсть на его широкой груди копошилась чистым серым волосом. От загривка до лап — внимание и опыт, он в то же время подкупал еле угадываемой доверительностью. А еще необыкновенной выносливостью, храбростью и силой, что неведома человеку. Волк был так прост в себе, что все это можно было не заметить за своей надоевшей правдой.

Оказываясь рядом, волк словно проживал вместе со мной мои невеселые мысли, но не тревожился и не уходил никуда, видимо полагая их для себя безопасными. Словно все, что нужно было зверю, он уже прожил с запасом, а теперь замер на время, не теряя способности жить и быть преданным человеку.

Стоя на утопанной опушке, волк изредка поджимал под себя хвост, но не из-за боязливости, а от скрытого добродушия, если это можно было так назвать. Схватывая губами хрупкий снег, волк отрешенно замирал, и было непонятно, вслушивается ли он опять в холодное завывание ветра в верхушках деревьев и шуршание сухой поземки по мерзлomu насту, или его изощренное чутье скользит где-то рядом, ни на чем кон-

кретном не задерживаясь. Но уже через мгновение не ведающий покоя зверь вновь оживал, становясь самим собой, и сердце начинало учащенно биться, а кровь застыла в жилах от его проникновенного взгляда, в котором виделось лишь презрение ко всему, и еще свобода, недоступная человеку.

Я, конечно, знал, что волк никогда не вымалывает у судьбы подаяния, что он необыкновенно горд дарованной ему волей и презирает человеческую ограниченность, хотя и пришел ко мне по доброй воле. Вернее, я вызвал его из своего древнего забвения, извлек собственной любовью и неутомимостью из таинственного глухого леса, потому что он был мне нужен. И еще мне хотелось верить, без всякого надрыва или какого-либо ущерба для себя, что я ему дорог так же, как и он мне, и нас ничто не сможет разлучить, а лес будет стеречь жизнь удивительного зверя и человека, который осмелится сделать ее своей.

Не рассказать о волке даже всего того, что хочется и знаешь, уж не говоря о заключенной в нем тайне. Его неуловимый серый образ возникает рядом с тобой исподволь, зачаровывает своим присутствием и ты не в силах избавиться от него. Волк и не преследует, и не тяготит, но привыкнуть к нему никак не удается из-за его своеобразия, и ты начинаешь приписывать волку качества, которые ему не присущи, хотя многих из них он действительно достоин. На самом же деле зверь всего лишь проверяет: зачем он понадобился тебе, любишь ли ты лес и не бравируешь ли просто маломальским знанием о нем?!

Тайна любого зверя всегда была неизмерима для человека. Впрочем, если только он успокаивался, предпочитая верное домашнее тепло неясному, но бесконечному лесному уюту. Волк был одним из тех, кто дарил его, никогда ничего не обещая. Ты должен был сам почувствовать всю разницу существования зверя и человека, забыть себя и, отрешась от удобного, привычного, может быть, суметь приобрести несоизмеримо большее. Сколько было нужно бесчисленных дней, ночей и лет, чтобы научиться этому прикосновению к звериной тайне, а волк тем временем все видел, находился рядом с человеком, несмотря на бесконечные гонения, но не исчезал?!

Неправда, что в волке больше корысти, нежели не нашедшего себя до конца ума, предполагающего затаенное волчье желание: однажды все-таки преодолеть себя, сбросив наконец свою серую шкуру. Вернее, нелегкую волчью обязанность, возложенную на него природой, потому как серая одежда скорее спасает зверя, когда он в предзакатных сумерках возвращается с добычей или, наоборот, отправляется под вечер на поживу.

Волк навечно обречен добывать себе пищу непрекращающимся бегом и постоянно затрачиваемыми усилиями, которые более выражены в сравнении с усилиями в добыче пищи у других животных. Его телосложение не позволяет ему удовлетворяться только лишь мелкой дичью, но и не претендует на привилегированное положение зверя, имеющего возможность большую часть жизни не задумываться о пропитании, уделяя этому только не такие уж обременительные моменты.

Волк своим образом жизни чем-то под стать акуле — этому

«волку» морских просторов, которая в силу своего строения, не наделенная природой плавательным пузырем, обречена на вечное движение. Лесной хищник вынужден так же быть неутомимым и, постоянно передвигаясь, выискивать хоть какую-либо добычу, чтобы, насытившись, в скором времени вновь обратиться в изнурительный поиск.

Но не только неутомимость движет волком в его серой жизни, а целый комплекс выработанных привычек и свойств, которые включают в себя и его отчаявшуюся, тупую ненависть, и мощно устремленную всегда вперед грудную клетку с разгоряченными мехами выносливых легких, и угрюмо наклоненный, как бы даже вжатый в литое туловище страшный покаты́й лоб, и серость, благодаря которой он становится неуязвим в сумерках, когда начинает и заканчивает охоту.

Тяготит ли его эта серая доха, никто не знает, но волк по духу в лесу господин, непредсказуемый, безжалостный и умный. Если медведь со своей размеренной жизнью более тяготеет к духовному сословию, то волк вернее всего принадлежит к дворянскому сану. Он — вотчинник, хозяин необъятных таежных угодий со множеством видимых и невидимых обитателей. Прозванный в народе бирюком, волчурой, аукой, серым, овчаром, волчком-серым бочком или просто зверем, волк по призванию скорее самый настоящий помещик, строго взыскивающий с подчиненных любую недоимку и тотчас наказывающий за нее.

Охаживая свою вотчину зубом да клыком, серый помещик не богат, но славен, хотя и не барин: сам орет, сам и пашет. На том и стоит, и поместье свое лесное держит, самым лесным богом определенное ему в вечное пользование. Знает волк, что

кафтан у него сер, зато ум у него не черт съел. Сёро-то, как говорится, серо, а волюшка своя!

У волка ее вдосталь, и чтобы управлять этой свободой, большой серый зверь вглядывается в окружающую его жизнь очень внимательно, даже несколько настороженно, но не пугливо. Он пронизывает своим взглядом любого, независимо человек то или зверь, и видит чужую душу как свою. Может быть, даже более того, ибо волк — единственный из животных, кто, постоянно разрушая, способен так же неукоснительно и созидать. Все это уместается в великолепном звере, которого природа не перестает лепить, и ей никак не удается достичь совершенства.

Сам волк будто противится этой кропотливой работе, но в конце концов подчиняется ей. Не любит серый, когда над ним кто-то стоит, и он изо всех сил упирается тому, что вынуждает его иногда поступать вопреки своей сермяжной лесной правде, да только своя сермяга не тяга.

Волк словно знает про себя какую-то большую нелегкую правду, которая мешает ему жить, но он безропотно ее несет. Ни лисы, изощрившейся в обмане и хитрости, ни медведя, погрязшего в безобидном лакомстве, эта доля не коснулась. Она выбрала именно в меру крупного, неприхотливого и легкого на подъем серого зверя, предназначенного обезопасить лесной мир от беды.

Его недобрый взгляд, отрешенно и намертво пронзающий холодом уставшей вконец души, отображает этот незыблемый закон. Нарушив его, волк умрет, обезумев от неукоснительности своей серой судьбы и возложенного на него природой долга, по которому он преодолевает свое необъяснимое несовершенство в бесконечных сугробах и верстах, и не в силах избавиться

от него. Сер волк, сед, а все ему его помещичья честь, поскольку он неумомим!

## *Поразительный тетерев*

каждая птица чудесна по-своему. Особенность тетерева — в его взрывчатости и стремительном напоре. Одинаково оглушительно режет он воздух зимой, неожиданно взрываясь из-под снега, и осенью, когда в умиротворенной мертвой тишине вдруг взматается свечой над частым осинником, бьется испуганно в его скрестившихся ветвях.

Сердце замирает, подкатывая прямо к горлу, а потом словно срывается от невозможности вытерпеть эту паузу и разухабисто ударяет в виски. Короток миг тетеревиного порыва, но еще долго стоит он в ушах, мешая на чем-либо сосредоточиться.

Когда же все проходит и первозданная лесная тишина вновь обволакивает твой слух, тебе начинает казаться, что ничего не происходило,— так стремителен был этот поразительный взрыв энергии, неизвестно зачем скрытый ото всех в черно-синем, отливающим вороненой сталью оперении...

### **Еловое облачко**

Сыплет последним рыжим листом октябрь-батюшка, расколгогица-дорога все сыреет и сыреет под нескончаемыми дождями, и редко выдается тихий пасмурный денек. Второй

осенний месяц ни колеса, ни полоза не любит. Птицы уже отлетели на юг, травы полегли, а в случающееся похолодание кажется, что жизнь остановилась. Одиноко и пустынно становится в лесу.

Идешь поутру краешком темнеющего леса и ни о чем, кроме него, не думаешь. Листья чуть слышно шуршат под ногами, на душе дремотно, покойно, и не верится, что скоро налетят метели, лед намертво скует светлеющую ленту реки и снег укроет землю глубокими сугробами. Сердце твое пока тронута лишь мудрой осенней печалью.

И вдруг хрустальный посвист, неожиданно тонкий и изящный, оживляет воцарившуюся вокруг тишину. Это рябчик — воздушно-дымчатое облачко наших уральских лесов,— скромный, обаятельный в своей незатейливой прихорошенности, пахнущий лиственницей и прелым осиновым листом... Упруго надрывая октябрьскую тишину неожиданным вспархиванием, рябчик слегка пугает забывшееся на неопределенное время сердце, и оно начинает биться горячо, привольно, а лес будто просыпается.

Заслышав рябчиковый свист, обычно встрепенешься, приятная тень осенних раздумий вмиг слетит с тебя, и в нос ударит крепкий хвойный аромат, который и выведет окончательно из оцепенения. Оглянешься в ту сторону, откуда только что донесся свист, и отчего-то насторожишься. Слишком необыкновенным покажется услышанный звук, такой проникновенный, не по-осеннему звонкий и пристальный.

Словно какой-то неведомый лесной музыкант возьмет и, неизвестно зачем, тронет твою душу волшебной дудочкой, а ты тотчас окажешься околдованным ее звучанием. Ноты этой

удивительной мелодии на секунду зацепятся в еловых ветвях, затем незаметно истают и вскоре вновь воскреснут в очередном жизнеутверждающем посвисте. И такой он тебе покажется родной, веселый, что отчего-то улыбнешься про себя и от души порадуешься скрывающемуся в чаще петушку. Как изысканно, со вкусом преподносит он себя, и в то же время легко и просто.

Сразу захочешь увидеть этого страстно-восторженного исполнителя, попытаешься подойти к нему, но рябчик вспорхнет, неслышно прочертит меж ветвей и опять усядется где-нибудь неподалеку. Ты угадаешь это по короткому взмаху его крыльев, на мгновение мелькнувших в темно-зеленой глубине, а через пару минут лес опять пронзит изумительно тонкий и безукоризненный по исполнению свист: то ли произведение искусства, то ли просто щедрый подарок неизведанной лесной души... Этаким вольный росчерк лесного художника, свободного от каких-либо обязательств, кроме желания оглашать потаенную тишину своей чистой и звонкой песенкой.

Имя свое рябчик приобрел вполне заслуженно, ибо он весь рябой, в черных, белых, желтых и светло-коричневых пестринах. Про человека говорят: «Ряб, будто черти у него на роже в свайку играли или горох молотили», но у рябчика пестрины располагаются по телу очень художественно, словно мастерски нанесенные кистью мазки. На расстоянии они действительно пестрят в глазах и для птицы играют роль маскировки. Если рассмотреть их вблизи, пестрины очаруют своей изысканностью и простотой. Сразу подумаешь, что каждую рожденную птицу Создатель брал в свои руки и собственноручно расписывал, до того это выглядело естественно и хорошо.

Под стать рябой листве на дереве, рябчик удивительно сочетается с ней осенью, так что бывает очень трудно его разглядеть, и пока не облетит лист, рябчик неплохо защищен. Но если долго смотреть в ту сторону, откуда разнесся призывный свист, то вскоре рябчик обязательно шелохнется, осторожно продвигаясь по ветке, скусит ягодку или листочек — и тем самым непременно себя объявит. Правда, подстреленный и упавший на разноцветный осенний мох, он остается долгое время невидим, и порой потратишь не один десяток минут, прежде чем отыщешь эту пеструю птицу. Обычно рябчика выдает пепельно-дымчатая спинка, которая, несмотря на свою пегость, сразу бросается в глаза.

Подбитого рябчика обнаруживаешь чаще всего лежащим на животике, потому как при падении он, должно быть, еще машет крыльями, пытаясь спастись, и вот спинка-то выгодно и отличает его среди пожухлой листвы. Дымчатость ее до такой степени чиста, что ее невозможно не заметить, и всегда сначала погладишь нежное и теплое перо, присев рядом с птицей на корточки, а затем уже возьмешь ее в руки. Взгляду сразу откроется пестрый упитанный животик и черное горлышко, обведенное чуть заметным сереньким ободком.

Черное пятно на горле у рябчика отличает самца; самка разнится с ним чуть меньшими размерами и менее яркой расцветкой. Ничем не выразительная, она произвольно вызывает жалость, что всегда остается как бы в тени. Петушок же хорош во всем: его звонкий голосок разносится в лесу повсюду, круглое, упитанное тельце с надувшейся грудкой так и хочется потрогать, а на ярко-красную бровь с молодецким хохолком даже заглядишься. Всем взял этот пестренький уда-

лец в сравнении со своей серенькой подружкой, но нужно понимать, что только для нее красуется он нарядом и никогда ее не оставляет после выведения птенцов. Рябчик достойно несет в себе доставшиеся ему от природы преимущества, честно отработывая их во имя нее.

И ряб, говорят, рябчик, да люб, ибо Божий дар никогда не бывает плох. А рябчик со всем, что он в себе несет, именно подарок лесного бога человеку для его же пользы. Мало того что эти птицы всегда кормили человека, так они еще украшали его жизнь своим потаенным лесным присутствием. Без рябчика в лесу не было бы так хорошо и привольно. Без его тонкого голоска сердце человека, наверное, заскучало бы осеннею порой...

К тому же, пестренькая раскраска рябчика дает оттенки всех цветов, если пристальней к нему присмотреться, и даже в пасмурный осенний день птица будто светится. Всматриваешься, пытаешься понять, в чем тут дело, но не в силах ничего постичь. Да и стоит ли досконально разбираться в том, что, наверное, следует принять как должное, что само по себе просто хорошо, и его надлежит только увидеть и обрадоваться. И хоть говорят: «Рыбки да рябки — потерять уповодки», то есть охота на рябчика убивает время, но, по-моему, она лишь украшает его, обогащая своим общением с удивительным миром природы.

Своим обаятельным видом рябчик будто воплощает собой суть елово-лиственного леса, его душу, без которой лес бы замкнулся в себе, даже при обилии других птиц. Дымчато-пепельным облачком перелетает рябчик в нижнем пологе леса и оживляет его. Он — его неизменный обитатель, привносящий, наравне с белками, медведями и глухарями, свою тайну.

Может быть, даже всеми любимая рябина однажды получила свое название благодаря именно рябчику, который не в силах без нее обойтись: больно уж она для него вкусна! Особенно под осень, когда рябчик проводит большую часть своего времени на ней. Черемуха объедена уже в конце лета, ольховые и березовые сережки еще предстоит глотать всю долгую зиму, а вот рябинушка — страсть, как хороша! Неторопливо, со вкусом склевывает рябчик янтарные, налитые соком ягодки, и разве может что-то их заменить в эту благодатную пору?!

Петухом в народе обычно называют задорного драчуна, забияку, но рябчик на такое громкое имя и не претендует, ограничиваясь просто петушком. Преисполненный сил и радости от того, как он живет, рябчик задорно держится в лесу всегда, что бы он ни делал. Если надлежит ретироваться, он тотчас, ничуть не смущаясь, ринется пулей в чащу и, присев где-нибудь на ветку, в достаточном удалении от грозящей опасности, трепетно и жизнеутверждающе издаст свой посвист: «Тюк-тюк, тюк-рю-рю-рю-рюк!» Мол, как бы там ни было, а у меня всё в порядке!

Если рябчику никто не мешает, он неспешно расхаживает по суку и, наблюдая за ним из-за укрытия, непременно отметишь его молодцеватость. Рябчику просто хорошо и уютно жить, он преисполнен сил и радости от своего лесного существования, и что бы он ни делал, у него всегда хорошее настроение. Надоест склевывать ягодки на дереве, он восторженно опустится на пол и таким же волнительным петушком пройдет по нему. Хохолок у него при этом всегда топорщится, глазок блестит — востер рябчик, все примечает и слышит, что происходит вокруг! И на все мгновенно реагирует, потому что каждый



шаг у него соизмерен с ритмами леса. Рябчик, как будто его сердечко — трепетное, нежное, но такое неустрашимое!

Хохолок из перьев на голове — это его отношение к жизни. Если хохолок топорщится, рябчик весь во внимании, особенно весной, когда нужно произвести впечатление на самочку. Поклон к ней с хохолком, а челобитье с ягодкой, которой он норовит угостить свою подружку! Нет ничего худого в этой птице, только хорошее, потому как создана она лесным богом всем на радость и себе на веселье. Пригож хохолок, пригож и сам рябчик!

Рябчик по-своему храбр и удал, он всегда расторопен, и ему часто сопутствует удача. Если глухаря среди боровой дичи можно назвать царем-батюшкой, барином, а тетерева-косача, представляя его в ермолке да кафтане, — разудалым купцом-боярином, то рябчишка — это добрый молодец, бравый мужичок с ноготок. Рябчик вырос в лесу именно для размеренной жизни, которой должны сопутствовать везенье и удача. Долго рябчик не думает, а быстро действует, потому и за двоих сразу стоит — за себя и за рябушку. Только для нее он всегда готов свою красу показать.

Помимо залихватски торчащего хохолка, у рябчика имеется алая бровь, которой он очаровывает самочку по весне. К этой поре бровь у рябчика наливается жизненным соком, она до того яркая, притягательная, что самочке, конечно, не устоять. Бровь будто сгусток раздавленной клюквы: рябчик настороженно поведет головкой, встряхнет хохолком, а бровь так и засияет!

В отличие от глухаря и тетерева, что больше преисполнены важности и всегда настороженны, рябчик просто по-хорошему разудал. Даже в моменты опасности он всегда молодец, изнутри подтянут — словом, выглядит браво. Ему не занимать

задора при всем том, что он не оставляет по весне самочку одну с птенцами, как это делают глухарь с тетеревом, а помогает их выхаживать. Учитывая, что выводок у рябцов немалый и достигает порой полтора десятка, забот у него хватает, но он не теряет настрой и, сколько можно его видеть, бодр и весел.

Рябчика никогда не наскучивает наблюдать, потому что он удивительно обаятелен и всегда вызывает только улыбку и восхищение. Что, казалось бы, замечательного в этой просто окрашенной, пего-коричневой и небольшой птичке? Но, тем не менее, ищешь с ним встречи, радуешься, завидев в лесу или услышав его характерный посвист, и не устаешь наслаждаться.

Черная манишка на зобу, красная бровь, бравый хохолок и грудь колесом — ну, разве не удалец! Но есть в облике рябчика и такая любопытная деталь, как черная отметина полосой на самом конце хвоста, что всегда хорошо отличима, особенно когда птица взлетает или присаживается на ветку. Это у него и для красоты, и как сигнал самочке о том, что он прибыл. Отметина хорошо подчеркивает распущенный веером хвост, который по расцветке такой же пегий, как головка, предплечья и спинка.

К зиме у рябчика появляются «ботфорты» на ногах — пушистые, знатные, — так что рябчик в них выглядит более внушительным: не петушок, а петух! Благодаря этой густой бахроме из волос он не проваливаясь бродит по снегу, оставляя за собой крестики-следы. Когда же рябчик усаживается на ветку, то из-под бахромы виднеются только черные коготки. Такой молодец, что глядеть любо!

Побежка у рябчика, а иначе ее назвать нельзя, тоже молдцеватая, хоть и двигается он часто вперевалочку. Рябчик именно перебегает по земле, так что не всегда и уследишь за ним. Головка его при этом держится высоко, гордо, рябчик чутко прислушивается к звукам и, уловив тревогу, тотчас замирает, и через мгновение с шумом срывается. Похаживает же он скорее по ветке, порой надолго затаиваясь и не производя ни звука.

Крылья у рябчика небольшие, короткие, но очень ладные. С помощью них рябчик обычно планирует над полянками, ложками и лесными дорогами. Рябчику требуется много усилий только для взлета, и оттого звук от подъема упругий, будто разрывающаяся плотная ткань. Рябчик неожиданно срывается с места, ловко лавируя среди ветвей, и вслед за ним несется, но вскоре растворяется короткое эхо: «Пр-р-р-р!»

Эхо это очень обаятельно, его даже хочется повторить, и исчезая меж ветвей, оно будто увлекает за собой. Все время кажется, что рябчик не улетел далеко, а присел где-то неподалеку, и если идти осторожно, вскоре можно опять его увидеть. Рябчик вообще держится очень оседло, перелетает только на небольшие расстояния и, как правило, обитает в каком-нибудь одном месте, где и проводит большую часть жизни. Должно произойти нечто из ряда вон выходящее, чтобы рябчик покинул любимый колок или отложек.

С помощью своих замечательных крыльев рябчик неуловим в нижнем пологе густого леса. Даже кинувшийся на него ястреб быстро отстанет, а рябчик благополучно скроется в разлапистом ельнике. Он так молниеносно меняет в нем направление, что угнаться за ним невозможно.

Но вот дробовой заряд, даже просвистевший поблизости, зачастую шокирует птицу, и рябчик замертво валится. Или каким-то образом птицу задевает ударная волна, и она, теряя ориентацию, становится легкой добычей охотника. Мне самому не раз приходилось стрелять рябчика как бы вскользь, навскидку, когда промедление было недопустимо, и довольно часто моим действиям сопутствовал успех. Достаточно быстро выстрелить в сторону перелетающего просеку рябчика, и нередко он оказывался подбитым. Простота применяемого способа всегда поражала, но тем не менее срабатывала, порой даже пробуждая угрызения совести. Слишком легко давалась эта и без того самая доступная птица среди всех боровых.

А крылья у рябчика действительно замечательные, хоть и летает он только на незначительные расстояния. Их всегда приятно держать в руках, когда рябчик уже разделан и приготовлен. Они немножко жестковатые, но легкие, с изящно изогнутыми маховыми перьями. Хозяйки обычно используют крылья рябчика для смазки противней, когда пекут пироги. Для этого подходят еще и заячьи лапки, но рябчиковые крылышки гораздо надежнее и служат дольше.

Даже вспугнутые и поднявшиеся с земли рябчики никуда не улетают, а садятся тут же на деревья. Как будто у рябчиков не хватает сил лететь дальше или они такие глупые, что безотчетно доверяют человеку и ничего не боятся. На самом деле птицы до того привыкают к небольшим перелетам, что скорее усядутся с целью осмотреться, чем без оглядки исчезнут. Рябчиков устраивает неторопливый образ жизни, и они неспешно передвигаются лишь для того, чтобы поклевать ольховые се-

режки, попить родниковой водицы, и все это в каком-нибудь одном логу или лесочке.

Другие птицы хотя бы ненадолго оставляют лес. Рябчик — его извечный отшельник. Ему нет надобности покидать его даже в ненастную погоду, когда остальные пернатые остерегаются намокнуть от капель с многочисленных веток. Рябчика как раз пугают открытые пространства, которые он норовит поскорее преодолеть, прочертив своим дымчато-пепельным силуэтом на одном дыхании, без единого взмаха. И все благодаря своей удивительной способности вспорхнуть, собраться и бесшумно перенестись на другой конец вырубки или делянки. Те, кто видел этот брейущий полет, не забудут его никогда, а про себя отметят удивительную сконцентрированность птицы и в то же время ее легкость.

Живя в лесу, рябчик большую часть времени проводит на земле. Он быстро бегаёт, легко взбирается на поваленные деревья, пни и свободно пробирается по самому дремучему валежнику. Такой старый еловый лес, всегда напоминающий сказку,— его исконная обитель, и он чувствует здесь себя полно-властным хозяином.

Никуда не торопясь и никому не мешая, держится так рябчик в нижнем пологе леса всю свою жизнь, а если поднимается на крыло, то летит на высоте в полдерева. Вспугнутый, он чаще усаживается на дерево и затаивается, взлетает же с большим шумом, который всегда приятно пугает. Полет рябчика удивительно маневренный: он ловко лавирует между ветвями, и оттого в густом хвойном лесу его бывает трудно увидеть. При этом рябчик никогда не садится на верхушки деревьев, и даже во время кормежки он обычно располагается в средних частях кроны.

Рябчика не просто разглядеть в частом переплетении ветвей, но уж если ты его обнаружил, наблюдение за ним доставляет немалое удовольствие. Вперевалочку, но очень проворно передвигается рябчик по ветвям, наклонив при этом переднюю часть туловища и вытянув хвост. Иногда он поднимает голову и чутко прислушивается, а потом опять осторожно ступает.

Рябчики никогда не бывают жирны, как, скажем, осенний вальдшнеп, но всегда именно упитанны и округлы. Мясо рябчиков немного пресновато, зато имеет изысканный вкус, отличающий его от другой дичи. Дело тут не в ягодах, до которых рябчики большие охотники, а в необыкновенном смолистом духе, пронизывающем их.

Знающий человек, войдя в красное лесье, непременно скажет: «Рябчиком пахнет!» Рябчики поднимаются с полу целыми выводками, веером разлетаются по близстоящим деревьям и, рассевшись, оглашают потаенную тишину своей песенкой. Это их дом, им здесь хорошо, и птицы будто радуются приволью и обилию вкусного корма.

Если захочется, можно поклевать ягоды черемухи, в достатке произрастающей по уремам лесных рек и ручьев, а то подсластиться мороженой рябиной. По весне рябчики набивают полный зоб подснежников: то ли лечатся, то ли гурманят после надоевших за зиму березовых почек и ольховых сережек. Летом они подклевывают землянику, не брезгают и малиной, устраивая в ее зарослях, посреди заросших гряд, пыльные порхалища... Особое же лакомство для птиц — муравьиные яйца, которые насекомые выкладывают на пенёк после дождя просушиться, и рябчики этим пользуются.

А еще нужно добавить ко всему ветер, дождь, снег и солнце, что окружают рябчика с момента рождения, и, конечно, мох с вкрапленными в него бусинками клюквы, брусники и морошки, от чего рябчик набирает особый запах. Все это вместе с удивительным ароматом воды и воздуха составляет его жизнь, без которой он — не рябчик. Природа кропотливо вкладывает в птицу только самое лучшее, а она незаметно вбирает ее дары и добреет.

В пищу у рябчика берут преимущественно грудку. Мясо у него мягкое, белое и несколько суховатое. На семью в три — пять человек лучше приготовить полдюжины рябчиков.

Отделенное от костей, мясо нарубается в деревянном корыте сечкой, слегка подсаливается и перемешивается с молоком, отчего сразу набухает, заметно увеличиваясь в объеме. Лучше всего из него стряпать пельмени, которые имеют вкус нежный и душистый. Но хороша и похлебка, сдобренная лавровым листом, луком и перцем. Приготовленная на костре в лесу, она будто впитывает все окружающие ароматы и становится еще наваристей, слаще.

Рябчик очень любит прятаться и потому мало заметен. Только когда ты долго, не двигаясь, находишься на одном месте, можно увидеть, как рябчик перебегает по земле и кормится на дереве. Находясь на ветке, он обычно вытягивается вдоль, очень напоминая толстый сучок или нарост, и его не так-то легко разглядеть. Зная эту способность птицы, часто подкрадываешься к какой-либо округлости, привлекая твоё внимание, и только в непосредственной близости понимаешь, что ошибся.

Хитер рябчик, сторожек, мастер маскироваться, но есть у него одна слабость. Это его неискоренимое стремление отзы-

ваться на пищик охотника. Как бы рябчик не был озабочен, и даже находясь уже в паре, он всегда с удовольствием откликнется на зов, и, возможно, прилетит, если манить его искусно и верно. Петушок по своей натуре доверчив, страстен, что часто его подводит, но отчего-то не идет ему впрок. Напуганный зарядом дроби, просвистевшей рядом, он вскоре забудет обо всем и будет с таким же желанием отзываться и подлетать. Этим пользуются охотники, но нелегко научиться подражать голосу птицы.

Бывает, свистишь в манок так же выразительно и тонко, как и сам петушок, но рябчик отзывается, а не летит. Вроде бы и укрыт ты надежно ветвями ели, под которой стоишь, и манок твой в полном порядке, и все же рябчик не трогается с места. Чего-то ему не хватает в твоём страстном призыве, и ты, начиная волноваться, опять, уже с непередаваемым томлением, издашь короткий тоненький посвист, но... тишина! Рябчик не желает реагировать на все твои ухищрения.

Когда рябчик отзывается, но не летит,— знай, что рядом с ним находится его подружка. Рябчик не прочь, из чисто товарищеского побуждения, пообщаться какое-то время с «приятелем», но не более того. Оставляя свою супружницу без внимания он не намерен и, отозвавшись несколько раз, вскоре обязательно замолкнет. В этом случае, чтобы добыть петушка, следует разогнать пару и опять попытаться подманить его, правда, уже голосом самочки... Тогда, возможно, успех будет на твоей стороне.

Еще смолоду запомнил я золотое правило: никогда не пользуйся пищиком часто, без особой на то необходимости. Следует сначала подать голос, выждать некоторое время после

отзыва рябчика и еще раз поманить, но без спешки, как бы сохраняя достоинство. Рябчик очень чуткая птица и способен по одному неверному позыву раскусить охотника, надолго замолчав. Когда рябчик откликается, а подлетать не спешит, надо дать ему пикнуть лишний раз без отзыва, чтобы раззадорить его, но самому вести себя сдержанно, никоим образом не выказывая слабость. Если и в этом случае рябчик никак себя не выявит, необходимо осторожно переменить место и, подав голос самца, тут же посвистеть самочкой, вызывая у упрямого рябчика ревность. Такая хитрость часто удается, и разгневанный рябок, забывая всякую осмотрительность, бросается к обидчику.

Манить рябчика пореже выгодно всегда, так как он не терпит суеты и тотчас улетит, если заслышит в твоём позыве страсти. От охотника требуется не торопиться, отвечать рябчику сдержанно, но в то же время восторженно, и петушок, если ты все делал правильно, непременно найдет тебя. Бегом или лётком он вскоре неожиданно обнаружит себя, и к этому надо быть готовым. Весь секрет в том, чтобы сохранять терпение, обладать достаточно музыкальным слухом и знанием жизни рябчика, умело пользуясь его слабостями.

Перехитрив и добыв рябчика, неспешно отправляйся дальше, ступай тихо и чутко прислушиваясь к песне других самцов, а пройдя метров сто, остановись и вновь воспользуйся пищиком. Не передать, как приятно идти по умиротворённому осеннему лесу и осторожно нарушать его покой проникновенным рябчиковым звучанием. Как только рябчик отзовется, радости твоей нет предела!

Необыкновенно нежен и мягок посвист рябчика в эту ти-

хую, задумчивую пору. Словно кто-то протяжно наигрывает на самых радостных струнках души, не давая им забыться перед долгой зимой. Вслушиваясь, конечно понимаешь, что даже с помощью отменного манка тебе никогда не добиться этой чистоты и мягкости звука, но тем не менее пропеваешь песенку, и оттого еще больше радуешься и становишься чище.

Вообще песенку рябчика чаще всего можно услышать утром, после рассвета, и ближе к вечеру, перед наступлением сумерек, но иногда она звучит и днем, если тому способствует погода. Песенка тоже удивительно сочетается с молодцеватым обликом этой птицы. Звонкая, задорная, она радостно пронизывает, кажется, весь лес, и будто наполняет его каким-то невидимым хрустальным светом.

Вывода своим голоском эту радостную и чистую трель, рябчик, несомненно, отображает в ней мир, в котором живет, потаенную мягкость тишины густых ельников и логов, откуда в то же время он стремится вырваться к солнцу и свету. На дне этих логов текут незамутненные ручьи, что переливчато струятся наподобие свирельного свиста, а рябчик слушает его, запоминает и непроизвольно передает в своей песенке. Он, наверное, тот тонкий голосок, через который темный дремучий лес общается с Богом, не позволяя истекать из себя чему-то большему. Только через вдохновенную тонкость рябчиковой свирельки возносятся к небу его душа и мысли.

Свист свирели, тоненькая дудочка, трепетная восторженность, чище которой невозможно себе представить... Как еще охарактеризовать песню рябца? И вот что еще очень важно: рябчик никогда не фальшивит. Не поет, говорят в народе про разочаровавшегося в чем-то певца, так свищет, не пляшет,

так прищелкивает; но это никак не относится к рябчику. У него и голос не пропадает, и душа всегда поет, а поется хорошо там, где и воля, и доля, чего у рябчика в лесу в достатке.

Заслышав в лесу рябца, всегда хочется остановиться и, замерев, послушать эту удивительную музыку. Прислонившись плечом к стволу березы, стоишь, не шелохнувшись, и чутко вслушиваешься в простые и в то же время волшебные звуки, которые сливаются в непередаваемую мелодию. Мягкий и певучий голосок рябчика достаточно протяжен, чтобы легко отличить его от других птиц.

Песня рябчика удивительно гармонирует со всем, что его окружает. Он как запевала, без которого в лесу не поется ни одна песня. Оставаясь по большей части невидимым, рябчик так же невидимо копит в себе свое мелодичное звучание и невозможно не поражаться: как это удастся такой небольшой, почти невидимой для многих птице?!

Бывало, слушаешь рябчика и думаешь: может быть, и нам доведется свою песенку спеть. Такую же светлую и радостную, которая никогда не сможет никому надоест. Ведь если с умом и душой живешь, такую и песню поешь, и, главное, петь ее, а не допевать.

Обычно принято думать, что свист — это пронзительный звук, прогоняемый сквозь губы, клюв, зубы или через какую-нибудь дудку, и это в общем-то верно, но что касается рябчика, то его свист следует воспринимать как звук, пропускаемый через его маленькую лесную душу, которая всегда чиста. Но не всякая птица в лесу свистит, иная чиркает, а вот сова только пыхтит да щелкает. Рябчик же именно свистит, свистит всем

своим лесным существом, как волшебная птица из сказки с серебряным голосом, и получается это у него неподражаемо.

Некоторые добычливые стрелки умеют звать рябчиков собственным свистом, но его ни в коей мере нельзя сравнить с рябчиковым. Встречаются и такие мастера, что совершенно виртуозно подражают рябчику пищиком или, как его чаще называют, манком, но и они не в силах соперничать с птицей, которая выражает душу самой природы. Лучшие из них лишь приближаются к наиболее верному звучанию рябчиковой песни, и в этом им помогают правильно изготовленный пищик и абсолютный музыкальный слух.

Про пищик, а точнее — про то, как и из чего его изготовить, в охотничьей литературе написано достаточно полно, и я не буду на этом останавливаться. Замечу лишь, что сам всю жизнь пользуюсь манком из эбонита, который имеет очень тонкое и мелодичное звучание в любое время года. Правда, в зимние морозы или холодную осеннюю пору манок забивается смерзшимися капельками влаги и звучит глуховато, но на то среди охотников существует масса советов, а наиболее приемлемый и безотказный предложен небезызвестным Л. П. Сабанеевым, который «на случай могущей быть порчи» советовал брать с собой в лес несколько пищиков.

Но для того чтобы безошибочно подманивать рябков, следует сначала научиться различать их песню, и в этом может помочь только частое общение с лесом. Идешь, бывало, по лесу, поглядываешь вокруг, и вдруг тишину его пронзает нечто, даже для леса удивительное и ни на что не похожее... То рябчик, потаенная лесная душа, потому как никакая другая птица петь так не может. Это даже не песня, не восторженный крик,

а провозвестие чистоты, которая никогда и ничем не будет замутнена.

Хрустальный перезвон ручейка не задевает так сердце, как пересвистывание рябчика, особенно весной, поутру. Ни флейта, ни свирель, ни дудочка-жалейка тоже не идут с ним ни в какое сравнение, ибо рябчик не убажает, а возносит. И не хочешь, но полетишь, вслушиваясь в рябчиковую песню, потому что никакие лесные звуки не вызывают столько света и радости. Пронизывая все, песня рябчика проникает и в тебя, заполняя каждый твой шаг, она — обаятельное продолжение его укромной жизни в таежных уремах, которое длится и не прекращается.

Исходя из своего собственного опыта и опыта охотников, с которыми мне приходилось бывать в лесу, я склонен предположить, что музыкальный слух, а, следовательно, и умение манить — либо есть, либо нет. Его невозможно освоить, если ты не в ладу с тем жизненным ритмом, в котором живут растения, птицы и звери. Но даже приоровившись к песенке рябчика и передавая ее на свой манер, рябчик, в лучшем случае, будет откликаться на твои призывы, но не подлетит. Голосу его должна сопутствовать особая мелодичность, что дается от Бога.

Голос в голос, то есть точь-в-точь,— именно такого сочетания звуков должен добиться охотник, чтобы рябок откликнулся, поверил ему и прилетел. Запоешь чуть не тем голосом, не тем тоном, рябчик тотчас тебя раскусит, вообще умолкнет. Пойдешь выглядывать птицу в узерку, обязательно ее подшу-мишь, после чего рябчик с грохотом сорвется и исчезнет, оставив в твоём воображении лишь еле уловимый образ дымчатого

облачка, в мгновение растворившегося среди шероховатых еловых стволов.

Особенно живо рябчик начинает лететь на призыв пищика к исходу сентября, когда еще не образуются пары; именно в это время охота на него становится наиболее удачлива и интересна. Порой достаточно одного позыва, чтобы откликнулось сразу несколько самцов, которые подлетают очень охотно. Тут важно не зевать и стрелять по рябчику, не раздумывая, пока он достаточно хорошо виден и еще не успел ничего разобрать. Короткий выстрел, как правило, не пугает остальных птиц, и через минуту они как ни в чем не бывало продолжают насвистывать свою разудалую песенку.

Случается, что рябчик подлетает чуть ли не вплотную, но подсаживается неудачно, оказавшись за стволом или скрываемый густой веткой, и тогда лучше немножко переждать, давая ему возможность как-то обозначить себя. Но терять времени тоже не стоит, и если ситуация позволяет без шума передвигаться, стараясь быстрее разглядеть птицу, следует тотчас это сделать. Ведь рябчик всегда сопровождает подлет коротким стрекотом, как бы давая понять, что он готов принять игру, а когда он не получает ответа, и птица, к которой он устремился, никак себя не проявляет, рябчик благоразумно исчезает, запоздравив подвох. Требуется большая артистичность, знание леса и удача, чтобы выиграть это единоборство.

Обычно среди охотников возникают расхождения во мнении относительно манеры подманивания рябчиков их же собственным призывом. Если быть достаточно внимательным, то вполне логичным представляется такое заключение: рябок, пока по непонятной причине, поет в разное время по-разному. То

есть песня его бывает неодинакова по продолжительности, чистоте выводимых им коленцев и сложности производимой мелодии. Конечно, неопытному охотнику легко спутать обычную песенку рябчика-самца с несколько глуховатым и непродолжительным пересвистом самочки, но и у самцов существуют значительные расхождения в выражении ими чувств, так как все оттенки голоса рябчика имеют, по-видимому, свое значение.

Может быть, все эти различия в большей мере зависят от погоды, времени суток и даже настроения самого рябчика, от того сидит ли он на месте или перелетает, чем-то обеспокоенный, кормится или защищает птенцов, но следует четко представлять себе отличие песни курочки от петушка, а также молодого рябчика от более опытного. Здесь вообще много тонкостей, требующих самого пристального исследования, и их существование объясняется скорее незнанием природы птицы, нежели приписываемым ей сложностям.

К примеру, многие охотники очень категорично полагают, что чем увереннее выводится призывная песня рябчика, тем лучше на это реагируют другие птицы. Однако нередко после воспроизведения охотником не совсем ловкого и чистого свиста рябчик все же отзывается, даже порой подлетает, а при классической, как говорится, трели — очень высокой, тонкой и радостной, — никоим образом не откликается. Вероятно, здесь тоже имеет место возраст рябчика, когда повидавший виды самец никак не выявляет себя или, отозвавшись раз-другой, умолкает, а молодой, лишь слышав песенку собрата и толком ничего не разобрав, опрометчиво кидается на зов и, естественно, подставляет себя под выстрел.

Конечно, удачнее всего рябчик идет на манок в ясные утра,

преисполненные нежнейшей бирюзы и звонкой лазури, но и в пасмурные дни, когда сеется мелкий, ненадоедливый дождик, рябчик охотно отзывается и скоро подлетает. Ноги твои неслышно утопают во влажном мху, и вязкий воздух поглощает в себе все шумы, так что рябчик чувствует себя даже более раскрепощенным, чем при солнце. В ненастную погоду удобнее скрыть свое лесное присутствие, свист разносится еще более чарующе и волнует необыкновенно.

Но самый дружный ход рябчиков происходит все же весной, когда почти стаивает снег. В это время рябчики поднимаются и идут на пищик особенно ярко: в большинстве случаев это самцы. Наилучший лёт происходит только после того, как самки сядут на яйца, и продолжается неделю-другую. Тогда необходимо манить уже не голосом самца, как это делалось до того времени, а голосом самки.

Наряду с призывным свистом, выражающим у рябчика нежные чувства к своей подруге, он изъясняет свою любовь и резкими трелями, что разнообразны в зависимости от его настроения. Порой оно бывает таким приподнятым, что рябчик, кажется, вот-вот захлебнется, когда пытается передать свои ощущения при помощи витиеватых звуков. Если самец сильно возбужден и уже обрел предмет своего обожания, он разливается без устали с утра до вечера, и совершенно невозможно передать его замысловатую мелодию.

Много споров ведется и по поводу того, что более пугает рябчика: какой бы то ни было шум, издаваемый человеком, вплоть до ружейного выстрела, или любое движение в непосредственной близости от птицы? Кстати, присутствие зверя никак не отражается на ее поведении, потому как она привык-



ла к звукам, которые несет в себе лес, ей они хорошо знакомы, и мне однажды даже пришлось наблюдать, как лось, пересекая поляну, проследовал рядом с двумя глухарками, кормящимися на земле, но они не обратили на него внимания.

А вот ружейный выстрел в большинстве случаев действительно не влияет на поведение птиц, находящихся неподалеку. Бывает, подстрелишь одного, двух и более рябков, но остальные птицы, сидящие рядом, никак не прореагируют на это. Может быть, причиной тому служит непродолжительность и скоротечность выстрела, который рябчик даже не успевает воспринять?

По-видимому, такова слуховая особенность рябчика, когда резкие и короткие звуковые эффекты оставляются им без внимания или оказываются совсем не слышанными. Но длительные шумы, непрекращающийся хруст веток под ногами, свист от стегających по одежде сучьев и различные продолжительные шорохи вызывают тревогу и заставляют скрываться. Что рябчика действительно настораживает, а к чему он относится равнодушно, лучше всего, наверное, каждому охотнику решить для себя лично, тем более что всякое передвижение по лесу в той или иной степени всегда сопровождается шумом.

Разбившись к концу осени на пары, рябчики теперь будут неразлучно ждать весну... Где-нибудь в феврале отправишься в лес и на краю укромного ложка повстречаешь аккуратные крестики-следы, протянувшиеся в глубь хвойной чащи параллельно друг другу. Это петушок с курочкой уже затевают свои ранние свадьбы: держатся только вместе, радуются предстоящей счастливой поре и в предвкушении ее звонко посви-

стывают. Впрочем, поют только самцы, самочки же держатся скромно и если подадут голос, то его не сразу услышишь, поскольку предназначается он только для петушка. Супруги определились, а обвенчают их в хвойном соборе расчудесница весна!

Песенка у самочки довольно невыразительная, слабенькая и даже несколько глуховатая. Когда она убегает или улетаёт, то издает особое посвистывание, которое начинается очень тонко и тихо, но постепенно делается все громче и громче, а кончается чрезвычайно быстро следующими друг за другом переливчатыми звуками «трю-и, трю-и, трю-и, ти-и, ти-и, кроук, кроук, кроу-к-к», которые как будто гложут. Но обычная песня самочки короткая и призвана, по-видимому, лишь обозначить для самца ее местонахождение: «пи-ить, пи-ить, пи-и-и-и-ть, куок...» Мол, я здесь, рядом, и никуда не собираюсь исчезать.

Кстати, молодые рябчики, когда они еще живут выводком, кричат очень просто: «пи-ить, пи-ить, пи-ить», причем самцы по голосу не отличаются от самок. В этом случае их легко перепутать в конце лета с курочками, и следует быть особенно осторожным, если тебе небезразлична судьба леса.

Молодых рябков лучше всего манить «на черк», то есть голосом того же неоперившегося рябца, выводя пищиком неполную песенку, с легкими промежутками и как бы с хрипотцой. Неопытные, с еще необузданным петушиным пылом, они стремятся бросаются на воображаемого соперника, и для настоящего охотника служат только забавой.

Весь первый год рябчики держатся выводками по опушкам лесов, в прогалинах, сечах и на ягодниках. Отысканный выво-

док с шумом поднимается с земли и тут же усаживается по деревьям, большей частью на нижние сучья. Если быть терпеливым и внимательным, то, не сходя с места, можно разглядеть всех рябчиков. Непуганые, они сидят смиренно и, вытянув узенькие головки, трепетно стрекочут.

А вообще рябчика чаще всего приходится бить именно сидячего, и хотя это неприемлемо для многих охотников, но такова особенность охоты на него. Влёт его стрелять сложно, для этого следует обладать отменной реакцией, чуткостью, зрением, потому как рябок обычно срывается с ветки молниеносно и, пропланировав стрелой, так же стремительно скрывается в чаще. Впрочем, будучи слабым на выстрел, он нередко оказывается добычей охотника, выстрелившего наудачу.

Стрелять рябчика можно «на почке», то есть во время утренней и вечерней кормежек. А еще — «с подхода», высматривая дичь, спугнутую с земли и поднявшуюся на деревья. Охота «в узерку» требует много выносливости и терпения, ибо действовать приходится скрытно, в постоянном напряжении, а рябчик, обладая удивительным слухом, в момент замечает малейшую оплошность.

Для кормежки рябчикам хороши свежие осенние утра с легким морозцем и серебристым инеем, а также необыкновенно приятные тихие вечера, когда птицы вылетают на окраины убранных полей поклевать оставшееся зерно. Наевшись, рябчики в удовлетворении прорезают насторожившуюся тишину задиристым свистом, и он разносится далеко, но на манок они летят уже не так охотно. Им просто лень растрчивать себя понапрасну, и они лишь изредка оповещают лес о своем присутствии хрустальными голосами.

В эти солнечные осенние дни рябчики находят свой скромный уют следующим образом: утром, после кормежки, когда солнце уже поднялось над лесом, они взлетают на крупные деревья со светлой корой — березы, осины — и садятся на сучки у самого ствола, обязательно на освещенной стороне. Светлая кора отражает солнечные лучи, и рябчик, притаившись около нее, улавливает тепло. Такие солнечные ванны вызывают у рябчика дремоту, и он может подпустить охотника достаточно близко.

А вот летом рябчики принимают пылевые ванны, тщательно ухаживая за своим оперением в специально устраиваемых для этого местах — «порхалищах». Птицы выкапывают в сухом грунте небольшие, меньше одного метра в диаметре, ямки и, двигаясь в них, забивают пыль между перьев, через некоторое время вытряхивая вместе с ней пухоедов. Весной же рябчики забираются на муравейники, где муравьи, защищаясь, обрызгивают перья птиц муравьиной кислотой, убивающей паразитов. Рябчики — удивительно опрятные птицы, и смотреть на них всегда приятно.

До конца сентября рябчики держатся обычно на рябине и черемухе, близ потаенных рек и ручьев, а с наступлением октября, когда многочисленные и вездесущие дрозды склевывают последние ягоды, перемещаются ближе к ольхам, сережки которых служат чуть ли не единственной их пищей до самой весны. В октябре, если лист совершенно опал, рябчик становится чрезвычайно осторожным, и к началу ноября выманить его на пищик почти невозможно. Вечерняя охота бывает не так добычлива, как на утренней заре, потому что рябчик, как и всякая другая дичь, к утру гораздо острее чувствует голод.

Днем рябчик, если можно так сказать, отдыхает, а вернее, ведет себя более замкнуто и тихо, нежели поутру. Он больше молчит и бегает по земле, собирая разные семена и ягодки, а потревоженный, усаживается на ближайшую ветку или исчезает в чаще. Рябчика в дневную пору как бы охватывает сонливость, и он выглядит несколько вялым, скрываясь в крепях. Там он лучше защищен от хищной птицы, на полу — мох с ягодой, по заросшим дикой смородиной ложкам текут чистые ручьи; именно в таких местах рябчики хоронятся и жируют.

Трудно себе вообразить, что на рябчиковой охоте, такой спокойной, лишенной каких-либо неожиданностей, порой случается и непредвиденное. Ведь само существование рябчика в лесу представляется неприхотливым и хорошо знакомым: пробуждение, звонкая песенка, возвещающая о начале нового дня, а затем размеренная кормежка у реки, в густом черемушнике или ольховнике. Днем птицы примолкают, как бы затаиваясь, но под вечер вновь оживляются и опять звонко пересвистываются, кормятся, и с сумерками умолкают. На первый взгляд, эта оседлая жизнь ничего необычного в себе не содержит, но тем не менее рябчик не так прост, как принято о нем думать. Как ни странно, по большей части именно с ним, а не с какими-либо другими лесными птицами связано множество самых невероятных случаев и историй.

Среди знатоков существует мнение, что птицы разной породы никогда не слетаются в одно место и уж, конечно, не летают в одной стае. В народе по этому поводу есть такая поговорка: «Знай сорока сороку, а ворона ворону». И действительно: какая корысть соединяться птицам, друг на друга

совсем не похожим, да еще порой и враждующим между собой?!

Но вот однажды, возвращаясь с охоты, я вдруг поднял неподалеку от реки, в маленькой ложбинке, вальдшнепа и... рябчика, которые сидели на земле рядом. За долгие годы моего общения с лесом это случилось впервые, причем именно с рябчиком. Птиц разделяла какая-нибудь пара метров, и они явно видели друг друга, хотя не тревожились и ничего не предпринимали. Им, кажется, было даже хорошо вдвоем. Но что могло их соединять?

Увиденное так и осталось для меня загадкой, и какие бы предположения я ни строил, ответа не находилось. То ли птицы случайно оказались вместе и просто не выказывали друг к другу недовольства, то ли их все-таки что-то заинтересовало, но дальше того, что они уже позволили себе, птицы не шли. Не могли они, по-видимому, и совокупляться, поскольку стояла глубокая осень и всякая любовная страсть среди птиц давно отсутствовала. В природе, впрочем, известны случаи соединения глухаря с тетеревом и тетерева с рябчиком, именуемые «межняком», но допустимо ли подобное в отношении рябчика с вальдшнепом?!

Рябчик сидит, вглядывается в окружающую его осеннюю жизнь и чего-то ждет, не улетает. Рядом находится вальдшнеп, по осени предпочитающий одиночество. Причем такое замкнутое и отрешенное, что подпускает к себе вплотную и человека, и зверя, как будто надеясь, что его не заметят, ждет до самого конца. А тут рядом птица, и именно рябчик, на соседство которого вальдшнеп никак не реагирует!

Не раз мне приходилось слышать почти неправдоподобные

рассказы о том, как рябчик садился на голову подманивающего его на манок охотника. По объяснениям его можно было лишь понять, что он сначала очень напугался, но потом обрадовался, якобы даже пытаясь ухватить рябчика рукой. Иной же охотник уверял, будто у него была какая-то необычная по форме и расцветке шляпа, которая понравилась петушку, и он выбрал ее в качестве присадки. Порой находились и вовсе безудержные болтуны, что усматривали в посадке рябчика на голову охотника озорство, кураж, который петушок, оказываясь, позволяет себе в пору весеннего оживления.

Совсем не казалось необычным, когда на охотника, подманивающего рябчика пищиком, неожиданно нападал ястреб, до такой степени воспроизведенный свист был верным. Со мной подобное случалось раз-другой, и в этом нет ничего удивительного, поскольку ястреб обладает отменным слухом и камнем падает именно в ту точку, откуда доносится призывная песня рябчика. Однажды я чуть было не поплатился глазом, и спас меня лишь длинный козырек ковбойки, которую хищник сбил с головы, напутав при этом меня до смерти. С тех пор, прежде чем подманить рябчика, я тщательно выбираю место, откуда бы открывался хороший просмотр, а сам бы я был никому не видим.

В охотничьей литературе много хвалебных слов уделено в адрес особо сообразительных зайцев, называемых в народе «профессорами», но вот года три назад, осенью, я удостоверился в наличии удивительной сметливости и у рябчика.

...Сентябрьский день выдался на редкость ясным и безоблачным, рябчик с самого утра очень охотно откликнулся и шел на манок. Был уже полдень, когда в прорехе ветвей, метрах в

шестидесяти, я углядел сидящего на елочке рябка, который тотчас отозвался на голос самочки и, ударив в свою лесную дудочку раз-другой, нырнул вниз. Это могло лишь означать, что рябчик прибежит ко мне по полу и нужно приготовиться и ждать его с минуты на минуту...

Обычно рябчик бежит к зовущей его рябушке молча, но с точным расчетом; у рябчика удивительный слух. Если ты просвистел ему голоском самочки, с нежным, чуть глуховатым придыханием, а затем неслышно перебежал да еще похлопал себя по бокам шапкой, изображая перелетевшую рябчиху, рябок непременно отзовется и устремится тебе навстречу. Причем присядет в точности над тем местом, откуда прозвучала ее песня, и будет в нетерпении выглядывать свою подружку, чуть слышно стрекоча и время от времени раздуваясь. Но даже когда он бежит к самочке полом, то ни за что не ошибется и окажется точно перед ней.

...Изготовившись к стрельбе, я стоял не шелохнувшись, ибо рябчик необыкновенно зорок и, углядев малейшее движение, мгновенно улетает. Но все было тихо, а петушок почему-то не появлялся. Выждав с минуту, я еще раз нежно поманил курочкой, и опять тишина. Рябчик или увидел меня, или что-то заподозрил.

Слегка переступив и немного поменяв позу, я тотчас пожалел об этом, услышав за спиной шорох. А обернувшись, вдруг увидел крупного, нахохлившегося рябчика, который стоял в трех метрах позади, чуть наклонив голову и скосив на меня востренький глазок. Он вот-вот готов был сорваться, но почему-то медлил, и я попытался осторожно повернуться к нему. Тут уж рябчик не стерпел, стремглав бросился в заросли папорот-

ника и исчез. Я же разочарованно присел на корточки и, улыбнувшись, наконец облегченно вздохнул: петушок обставил меня по всем статьям, да к тому же, кажется, посмеялся надо мной.

Выходило так, что рябчик сразу заподозрил неладное и, не желая рисковать, решил меня обойти. Либо он был достаточно старым и опытным, либо я, подманивая его, где-то сфальшивил. Рябчик не рискнул идти напрямик, пусть даже соблюдая осторожность, а заложил в обход такой круг, что я его даже не услышал. Причем он точно знал, где я стою, и обошел с запасом, чтобы посмотреть, кто это свистит.

Но больше всего поразило то, как рябчик смотрел на меня, подобравшись с самого тыла. Он, судя по всему, совершенно точно представлял, с кем имеет дело, и лишь удовлетворил свой интерес. В каком-нибудь километре от деревни рябчик чувствовал себя полным хозяином и перехитрить его, похоже, было невозможно.

Вообще рядом с деревней подманить рябчика на пищик может только настоящий мастер, поскольку птица здесь пуганая и ведет себя очень осторожно. А вот в отдалении, где рябчика много и он не так внимателен, манить его способен даже неопытный охотник без особого слуха. Рябчик тогда доверчиво реагирует на манок и скоро подлетает.

В азарте охоты очень легко и обознаться, приняв за рябчика человека. Со мной случалось такое, и я, помнится, получал огромное удовлетворение от того, что меня принимали за озабоченного страстью петушка. Когда я наблюдал из укрытия за тем, как ко мне крадется какой-нибудь обвешанный охотничьей амуницией мужичок, то больше всего поражало его лицо,

а не собственное мастерство подражания. Лицо человека совершенно очевидно отражало менее притягивающие тайны, чем замечательная тайна птицы.

Но может ли что-либо в природе тронуть человеческое сердце более, чем калека, когда птица или зверь, несмотря на несчастный случай, все же отстаивает свое право на жизнь?! Таких обычно подбирают хищники, незамедлительно пользуясь их слабостью и подтверждая тем самым незыблемый закон природы о поддержании ее чистоты и здоровья. Правда, некоторым обитателям леса удается избежать этой участи, и нередко человеку попадается хромой кабан, трехпалый колонок или канюк с переломленным и неправильно сросшимся крылом... А вот в дореволюционном журнале «Природа и охота» за 1881 год приводится рассказ неизвестного Н. Н. Е. о трехногом перелярке, более двух пудов весом, с целыми зубами, которого еле-еле загнали собаки и охотник на лошади. Мне однажды попались глухарь с огромным жилистым яйцом под крылом, образовавшимся, по-видимому, в результате вонзившегося в него сучка, и одноногий рябчик, которого подстрелил мой приятель...

...Мы шли по склону лога, поглядывали по сторонам и одновременно заметили рябчика, который как-то странно и коротко перелетал, в то же время не исчезая из поля зрения. Что-то будто держало его на одном месте и не позволяло в полной мере насладиться свободой. Подстреленный, он неловко, комом свалился под елку.

Спустившись вниз, я, к своему удивлению, не увидел там птицы, а обнаружил на снегу след, направляющийся прямо к ручью. Рябчик плавал в нем рывками, и сквозь прозрач-

ную воду я вдруг разглядел у него только одну лапку. Затем опять рассмотрел след — он оказался одноногий; рябчик допрыгал до ручья на одной лапе, плюхнулся туда обессиленный, и теперь плавал совершенно беззащитным серым комочком в холодной ноябрьской воде, и мне его было очень жалко. Не знаю, если бы он не был калекой, переживал бы я так из-за него?

В охоте на рябчика случается и такое, что невозможно даже предположить. Манишь, скажем, петушка, а поодаль отзывается еще один, но как бы нехотя, без всякой надежды на то, что подлетит. Ты терпеливо перекликаешься с тем, который поблизости, думаешь: вот сейчас он наконец-то припорхнет на соседнее дерево, не вытерпит, и тут вдруг совсем с другой стороны к тебе прилетает рябок, который, по-видимому, молчал, затем второй, и, стрекоча, прибегает по земле третий... И все это за какие-нибудь полминуты! А тот, что отзывался с самого начала, продолжает как ни в чем не бывало насвистывать.

Растеряешься, конечно, от неожиданности, застынешь как вкопанный, но рябчики — птицы осторожные, они, почуяв неладное, долго ждать не будут, и тотчас срываются в чашу. Ну разве возможно было предугадать подобное?! В следующий раз ты, кажется, готов ко всему: расположился так, чтобы тебя не было видно, да и пищик в полном порядке, но опять случается нечто непредсказуемое, и все идет насмарку. Рябчики, на первый взгляд такие простые и неприхотливые птицы, на деле оказываются как будто заколдованными и каждый раз преподносят какой-либо сюрприз.

Случается, на одно дерево, чаще всего это бывает береза,

присаживается целый выводок рябчиков, более десятка, и если ты такое увидишь, можно считать, что тебе тоже крупно повезло. Ну а если ты подсмотрел, как рябчики один за другим валяются с дерева в снег на ночевку, это уж совсем редкость, потому что жизнь рябчиков зимой наиболее скрытна и подглядеть в ней что-либо интересное очень непросто. Обычно все увиденное ограничивается вырвавшейся из-под снега птицей или пустыми лунками, в обилии попадающимися за день. Они издали вопросительно зияют в пуховой перине, и ты не сразу определишь, находятся ли рябчики в своем снежном доме или уже покинули его.

Стоит середина января, зима набрала самую силу, и птицы спасаются теперь только под снегом. Не успели еще отступить сердитые рождественские морозы, а уже подоспели не менее трескучие крещенские. Все замерло в лесу.

Совсем не слышен гулкий перестук большого пестрого дятла и куда-то подевались вездесущие гаички, обычно целыми днями пружинисто раскачивающиеся на иссохших травинках, одиноко торчащих из-под снега. Пропали даже надутые снегири, шумно перепархивающие в звонких ветвях берез. И только рябчикам, кажется, все нипочем.

С раннего утра, когда скупое зимнее солнце освещает лишь верхушки черных елей, рябчики уже проснулись и готовы превозносить родившийся день. Их нерастроченной энергии требуется только толчок, чтобы огласить лог призывным, веселым пением, и ты, будто чувствуя воцарившееся в воздухе напряжение, тоненько высвистываешь манком излюбленное колено рябчика-самца. Тут же в глубине леса отзывается один, затем второй, третий, и через пару минут в веселую переключ-

ку вступает по крайней мере полдюжины птиц, отчего утренний лес сразу преобразается, оживает, и на душе становится радостно.

Немного послушав птиц, ты отправляешься дальше, так как за день предстоит преодолеть немалое расстояние, а про себя отмечаешь: надо еще вернуться вечером к лого, чтобы понаблюдать, как птицы будут укладываться на ночлег. По всему видно, что рябчики в эти ясные морозные дни, после только что утихнувшей метели, предпочитают держаться поближе к опушкам, логом или пересечениям укромных просек, где намело достаточно снега, безопасно и преобладают березки. Их почки служат рябчикам главной пищей в зимнюю пору, поскольку снег давно скрыл землю, а бегать по рыхлому и достаточно глубокому покрову неловко. Место для птиц оказывается удобным еще и потому, что под боком пролегает глубокий лог с ручьем, в котором, при случае, всегда можно напиться.

К вечеру ты застаешь всех рябчиков на одной большой березе, поднимающейся из самого лого. Птицы дружно сидят на ветвях, по-видимому уже покормившись, и готовы к ночлегу. Им только остается с заходом солнца броситься с дерева вниз и, зарывшись в теплый снег, успокоиться там до утра.

В нетерпении поглядывая на садящееся солнце, вдруг замечаешь, как над горящим малиновым шаром прямо кверху поднимается радуга. Для зимы это необычно, и пораженный открывшейся картиной, на какое-то время забываешь о птицах. Безотчетно повернувшись, тем самым вспугиваешь рябчиков, и они, упруго захлопав крыльями, в мгновение исчезают под снегом, как будто их и не было. Густые синие тени

быстро вытягиваются по склону лого, и солнце уже наполовину за горизонтом: опять ты проворонил самое интересное!

А вот весной рябчик теряет всякую осторожность, и если вы подманите его тихой и нежной песенкой самочки, то не сомневайтесь: через какие-нибудь две-три минуты он усядется рядом, на ближайшем суку елового или лиственного дерева, начнет охорашиваться, встряхивать крылышками и, раздув перья по всему тельцу, смешно вытянет шейку, как бы давая понять своей воображаемой подружке: я здесь, весь в предвкушении ожидаемого таинства, и готов удовлетворить любое ваше желание! Затем напыжится и застрекочет так быстро и страстно, что, глядя на него, вы непременно улыбнетесь. Но при этом постарайтесь не подавать виду, будто заметили его, и терпеливо стойте под самой птицей, желая только одного: чтобы рябчик не встревожился и не улетел, лишив вас истинного наслаждения.

Очень занимательно, когда рябчик подлетит к тебе на манок именно весной, в любовном томлении наклоня туловище и гордо выпрямляясь. Он, кажется, вот-вот свалится с дерева, перышки на нем распушаются, и рябчик становится похож на большой серый шар. Даже не верится, что рябчик может достигать подобных размеров: таким внушительным он, наверное, желает показаться!

Рябчик выглядывает самочку, тужится, блаженным голоском стрекочет и топорщит хвост. Он вроде бы сделал все, чтобы самочка допустила его к себе, но она почему-то отсутствует, и рябчику становится обидно. Он вздрагивает всем телом, опускает крылья и в нетерпении пристанывает, а тебе

стыдно оттого, что обманул охваченную любовным порывом птицу...

Так рябчик обаятелен и мил, когда, ничего не боясь, стремится к своей любви и отдается ей без оглядки. Он — восхищенный лесной любовник в эту разомлелую весеннюю пору, что преображает его и возносит над открывающейся землей. Он готов не покладая сил заботиться о самочке и своих детях.

Рябчику, несмотря на весеннюю страсть, суждено вести оседлый образ жизни, а значит, обрести семейное счастье и уже никогда его не терять. Наверное, ему очень нравится сначала томиться и изнывать, потом с любовью обхаживать, заботиться и оберегать свою возлюбленную. Он по-настоящему маленький джентльмен леса, которому есть дело до всего, что связано с преданностью своей семье.

Рябчик счастлив от этой самозабвенной весенней жизни, и может быть именно поэтому он так добродушен ранней осенней порой. Рябчик будто находится в восторженном отдохновении; и пока не иссякла золотая пора, он свободен и весел: радуется жизни, копошится в пожухлой листве и неожиданно взмывая нежно-дымчатым облачком среди еловых ветвей, мгновенно растворяется в них. В лесу созрели черемуха и рябина, нет никакого повода для беспокойства, и рябчик готовится к грядущим заботам, что несет с собой зима.

Ты же благодарен птице за то, что она подарила тебе незабываемые минуты. Где-нибудь в середине января ты непременно вспомнишь этого забавного петушка и порадуешься. Рябчик вновь прилетит к тебе в твоих воспоминаниях, тронет сердце своей страстной песенкой, и ты позабудешь свои горести в нетерпеливом ожидании весны.

## *Ощущение зверя*

ла прямом участке лесной дороги протяженностью в несколько километров наблюдал я как-то след медведя. Стоял конец октября, совсем недавно выпал небольшой дождик, и мишка вышел на дорогу сразу после него. Следы были свежие и довольно крупные, с сочно отпечатавшимися в сыром грунте мякшами пальцев, глядя на которые невольно хотелось улыбнуться.

Так, до самого родника у заброшенной деревни, и тянулись его следы. Не сворачивая в лес, зверь исправно обходил все лужи, будто боялся замочить лапы.

Чуть раньше бы выйти мне на дорогу, и я бы увидел, как не спеша бредет медведь по своим делам. Увидел бы, как колышется на нем лоснящаяся от жира шкура, и как медведь, не поворачиваясь, чувствует чужое присутствие и не обращает на него своего звериного внимания. Мне было бы очень приятно вот так просто идти за ним и, позабыв обо всем, упиваться этой лесной жизнью. Я бы даже не захотел, наверное, прикоснуться к нему рукой, хотя медведь и не казался страшным...

Но лес разделил наши пути, одарив меня только ощущением близкого присутствия редкого зверя. Его было достаточно, чтобы почувствовать себя счастливым.

## *Лесная бабочка*

Совсем тихо стало в лесу, все как будто замерло в нем в ожидании первого снега. Листья с деревьев опали полностью и уже



успели выцвести и свернуться. Редко увидишь под ногами желтизну, пожухлая трава совсем бурая или темно-коричневая.

Неделю назад желтые трепетные листочки еще держались на самых верхушках берез и осин, но и их теперь не видать. Деревья, отмахав своими густыми ветвями, застыли в отрешенном молчании. Приготовившись принять на плечи пушистую кухту из снега, они оказались пока без дела.

Замечательная пора стоит для охоты... В под стыл ом остановившемся воздухе хорошо слышен любой звук. Всего лишь рябчик вспорхнул неподалеку, а чудится, будто взлетела тетёра. Зацокала пара играющих в вершинах елей белок, и ты спешешь на их оживленный крик, чтобы понаблюдать за увлекшимися зверьками. Режущий воздух свист над головой заставляет от неожиданности остановиться и посмотреть вверх, где стремительно исчезает между ветвями чернокрылый дятел-желна...

Ты идешь, радуешься всему увиденному и вспоминаешь, как совсем недавно, когда ты уже думал только о тетеревах, глухарях и рябчиках, в лесу тебя напугала птица, которую ты успел за лето просто позабыть. Это был вальдшнеп. Какое-то время ты ошарашенно провожал его взглядом, а про себя недоумевал, как мог упустить ты из памяти такую красоту.

Вальдшнеп обычно сидит крепко и всегда вылетает почти у самых ног. Наверное, он надеется на свою расцветку, которая осенью более богата, нежели весной. Оперение его очень удачно вплетается в опавшую листву и еще более оживает, когда птица, сорвавшись, зависает свечой среди уже оголившихся березовых верхушек. Лишь на миг вспыхивает она в воздухе скупым осенним цветком, и тотчас тает.

Не было случая, чтобы ты разглядел птицу в траве... Вальдшнеп словно укутан в опавший осенний лист, еще не успевший пожухнуть. Надежно скрывает вальдшнепа замирающая с каждым днем земля. Птица же, чувствуя уходящую в ее глубь силу, собирается в дальние страны. ^

Часто ловишь себя на мысли, что любишь не полетом исчезающей за деревьями птицы, а напугавшим\*тебя взрывом, когда вальдшнеп поднимается с земли. И еще его необыкновенно коротким присутствием в чудесном осеннем лесу... В полете это присутствие мгновенно истаивает, оставляя лишь горький привкус листа, сладостный запах перьев и какое-то тревожное ощущение от только что обретенного, но миг утерянного, которое в лесу почему-то всегда приятно и не вызывает никакого разочарования.

Осенью ты как-то незаметно обнаруживаешь, что любишь эту длинноносую птицу. Без вальдшнепа осенний день остался бы в памяти просто пегим. Вальдшнеп освещает его своим королевским оперением, словно диковинная лесная бабочка, что призвана еще раз порадовать человеческое восприятие перед скорым бесцветным ненастьем.

Думая о птице, ты вспоминаешь еще малонаезженные лесные дороги, обильно устланные листом, где в стоячих лужах таинственно темнеет затаившаяся летняя пора. На открытых местах немного наел ежено, но более обращаешь внимание на частые отверстия во влажной земле. Здесь вальдшнепы устроили себе кормежку, извлекая вкусных червяков.

Не замечаемые никем, они увлеченно перетаптываются, кричат, а осень тихо сыплет вокруг листом... Кажется, не будет ей конца, и между тем она незаметно сгорает. Где-то в глу-

бине своего крохотного понимания птицы, наверное, уже мечтают о теплом юге. Так грустно станет без них зимой...

Ты хорошо знаешь, как трогательно, перезревшими крупными смородинами, чернеют прекрасные глаза вальдшнепа. Держа упругую тушку в руке, тебе не верится, что они мертвы. Длинный клюв у подстреленной птицы иногда бывает широко разинут, перья же переливаются каким-то особенным светом, от которого на душе становится тепло.

Потом подкатывает грусть: опять ты не удержался от пагубного выстрела, который низвергнул к твоим ногам эту красоту! Подбитая птица почему-то всегда оказывается как живая...

Летом ты часто вспугиваешь вальдшнепов на порхалищах, располагающихся на вырубках. Где-нибудь в песчаной луже, укромно приютившейся между поросших малиной гряд, взорвет твое растопленное летним жаром сердце одинокая птица и тут же исчезнет. Сразу и не сообразишь, кто это был.

Сначала подумаешь на вездесущих дроздов, гурманствующих на сладкой малине, или еще на какую неведомую дичь, и примешься вновь за ягоду. Но мысль неотступно свербит в мозгу отчужденным холодком, и позабытое, было, беспокойство все-таки охватывает тебя. Ты силишься разобрать что-то знакомое в надвигающемся на тебя клубке воспоминаний, и вдруг очумело и просто восклицаешь про себя: так ведь это же вальдшнеп!

Где-то здесь, в прохладной малиновой тишине, устроил он для себя удобное пристанище. Когда еще не нагреется песок, вальдшнеп прилетает сюда чистить себе перышки. Он быстро присаживается, окуная круглую грудку в приятную прохладу, и зарывается как только может. Сидит так некоторое время,

не двигаясь, и впитывает своими большими глазами летнее довольство. Ничего не предпринимает, просто ждет, чтобы солнце коснулось своими лучами его перьев и слегка обогрело. Может быть, он даже ночует здесь, уютно устроившись в песчаном тепле.

Когда волны душистого воздуха освежат ему крылья и вальдшнеп вздохнет облегченно, как может вздыхать только птица,— в летнем дне словно что-то подвинется. Станет мягко, тепло и очень уютно. Птица встрепенется, привстанет и поначалу неловко захлопает крыльями. Никого в этот момент не окажется рядом, и вальдшнеп почувствует себя еще более свободным.

Закрыв глаза, он начнет прихлопывать чаще, подбрасывая песок под крылья. По тельцу его тотчас пробежит легкая дрожь, и вальдшнеп от удовольствия издаст восхищенный звук. Никто из лесных обитателей не обратит на него внимания. А летний день уже распростер свои объятия на всю землю и, конечно, захватил с собой позабывшуюся от удовольствия птицу.

Само слово «вальдшнеп», кажется, утопает в летнем жару, жаждая скорой осенней прохлады, но и убежать из разомленной сытости не желает. Живет вальдшнеп своей чудной лесной жизнью и наслаждается всем, что дарит ему это волшебное царство с запахом ягод, грибов и листьев,— вольным теплом и разнеженностью, возможностью никуда не торопиться... Что более нужно этой бурой, как зной, птице: осень, лето или весна?

Весной, охваченные неудержимой любовной страстью, вальдшнепы устремляются на север. Еще лежит в полях большими пятнами снег, но воздух полон пробуждающихся звуков. Он жаждет принять в себя перелетные стаи, в нетерпеливом ожидании беспокойно роится и может быть даже изнемогает.

С прилетом птиц в лесу начинается какая-то иная жизнь. Еще пронзительнее свистят в верхушках деревьев дрозды, более живо выпестовываются в бархатном небе звезды, а ароматная сырость из оврагов так резко ударяет в нос, что на глаза наворачиваются слезы.

Ждешь с нетерпением, с какой стороны раздастся неподражаемое «хор-хор, цвить-цвить», и незаметно задумаешься о своей жизни. Так хорошо становится переживать все в тихий весенний вечер! На какое-то время даже забудешь о вальдшнепе, но именно ему ты обязан своими сладкими думами.

И вот первый вальдшнеп, как всегда неожиданно, выплывает над заострившимися в алом небе осинками, и ты сразу приходишь в чувство. Уже зеленеют звезды, приятно холодит лицо пробирающийся над самой землей влажный воздух, и сердце отчего-то замирает... Восхищенно томясь в груди, оно не тяготит, и лишь изредка очарованно восклицает, будто в благодарность за этот весенний вечер, неподражаемые вскрикивания птиц и воздух, пронизанный самыми невероятными ароматами.

С головой отдаваясь этой захватывающей благодати, ты сам превращаешься в длинноносого провозвестника какого-то неведомого тепла, очень нужного для человека, важного, без которого он не смог бы никогда существовать: мечтать, любить, страдать.

Крик вальдшнепа — очень земной, близкий, даже родной. С его прилетом что-то тихо изменяется в тебе. Ты вроде бы должен стрелять в птицу, и вдруг обнаруживаешь, что не в силах это сделать. Тебе нравится смотреть на летящих птиц, встречать и провожать их неожиданное появление восхищенным взглядом.

А потом, опомнившись, радоваться чему-то в себе, в окружающей природе и жизни.

И все же тебе хочется сделать выстрел. Чтобы он непременно попал в цель, птица рухнула к твоим ногам и навсегда замерла. Тяжело отыскать ее в сгущающейся темноте, а прохладные лозины мягко трогают тебя за лицо, щекочут, тут же становясь неприкаянно твердыми и чужими.

Раздвигаешь их руками, спешишь, боишься потерять подбитого вальдшнепа. Веришь, что птица не пропадет зазря и ты найдешь ее, отрешенно замершую в пожухлой траве, и обретишь ее тайну. Но птицы не видать, и ты клянешь себя за очередную слабость: зачем опять позарился ты на судьбу, которая тебе не принадлежит?!

Весна течет и в тебе, и мимо, а ты не в силах найти ответа. Мчишься куда-то вместе с ней, желаешь неизвестно чего и изнемогаешь от любви к тому, что убиваешь. Как хорошо, если мы когда-нибудь преодолеем свое непонимание, потянемся, как эта замечательная птица, к самому лучшему в себе, и никто нас при этом не застрелит, просто восхищаясь!

Мы будем живы всю нашу оставшуюся жизнь, и будем мечтать о самом хорошем, что уносит нас к небесам. Там, в их восхитительной необъятности, тот самый простор, к которому мы всегда стремились. Вальдшнепы — его очарованные слуги, приносящие на своих крыльях только радость.

...Необыкновенной лесной бабочкой взмывает вальдшнеп над верхушками деревьев и тотчас околдовывает. Он как увядающий цветок из чудной осенней сказки, придуманной самим Господом. Вальдшнепу не хочется покидать ее, и он

впитывает своими темными глазами красоту северной земли, а унося ее в теплые края, не переставая печалиться: такие они у него грустные, большие... Лес же без него замирает и ждет, когда вальдшнеп вновь оживит его своим неподражаемым появлением.

## *Необычная сова*

Сживет в наших уральских лесах сова с необычным именем — ястребиная. Сова эта предпочитает старые, но еще не заросшие вырубки, где выбирает на день одиноко стоящие сушины. Далеко она в это время не улетает, крыльями машет, подобно зазевавшейся утке, а голова у нее, как и у всех сов, втянута в плечи. Полет же чуть рыхловатый, но уверенный.

Зимой ястребиная сова занимает верхушки высоких елей. Устроившись поудобнее и жмуря глаза от скупого розового солнца, она важно выпячивает серую в пестринах грудку, выламывает острые крылья и сильно надувается, так что ее легко можно спутать с неясью. Изредка перелетая с одного дерева на другое, сова повторяет по нескольку раз одни и те же движения и только потом успокаивается.

Застыв омертвелым сучком, она может просидеть не шелохнувшись очень долго, так что не сразу заметишь ее, идя по лесу. Но несмотря на свои незначительные размеры и спокойное поведение, сова всегда имеет грозный нахотленный вид и похищному загнутый книзу ястребиный клюв, что и послужило, наверное, поводом для ее названия. Ястребиная цепкость

проявляется в птице с наступлением темноты или когда ее настойчиво допекают.

Почувяв что-либо подозрительное, ястребиная сова открывает всегда настороженные веки и начинает беспрестанно мигать ими, время от времени покручивая по сторонам головой. Делает сова это так, словно у нее нет шеи, или по крайней мере она ей нисколько не мешает. При необходимости она может вращать головой вокруг своей оси, что, впрочем, присуще всем совам, но вот необычность ее проявляется именно в отсутствии боязни перед открытым пространством. С наступлением дня ястребиная сова как будто ищет возможность поскорее очутиться на вершине самой высокой березы, усесться там поудобнее и замереть. Филин, воробьиный сыч или неясью норвят держаться поближе к чаще, а ястребиная сова, наоборот, — на всеобщем обозрении.

С наступлением темноты она, как ястреб, сидит и остекленелым взглядом цепко высматривает свою добычу. Когти ее то и дело поджимаются, клюв напряженно вздрагивает; сова, несмотря на небольшие размеры, выглядит очень устрашающе. Однажды подстреленная мной для пополнения коллекции краеведческого музея, сова, не разжимая когтей, провисела вниз головой около двух часов, пока я не перестрелил ветку, в которую она вцепилась. Дал Бог сове когти, только б не нас драть!

Оживляясь под вечер, днем сова выглядит безобидной. К ней легко можно подойти на очень близкое расстояние, и ее никак не заинтересует чужое присутствие. Тем не менее сова не любит чьего-либо соседства и всегда держится обособленно, это касается и ее сородичей. Никогда мне не приходилось видеть двух или более сов вместе. словно эти загадочные птицы обречены на

вынужденное отшельничество, по-видимому вполне приятное им самим.

Это подтверждает и такая их черта, как неразговорчивость. Все совы — закоренелые молчуны, если не считать изредка доносящегося из темноты леса гулкового бубуканья, которым взрослые зачастую пугают непослушных детей. Для лесных обитателей подобное уханье может служить сигналом спасения от затаившегося в лесной глуши хищника, а для самой совы — определением места нахождения очередной жертвы. При обладании развитым лицевым диском и острым зрением ночной птице не составляет труда овладеть необходимой добычей.

В бесконечных хождениях по лесу я за свою жизнь встречал немало сов, и все они выглядели очень занятыми, но самой необычной оставалась ястребиная. Однажды осенью, в гущающихся вечерних сумерках, я набрел на такую сову, которая вела себя, можно сказать, вызывающе. Сова то и дело крутилась, смешно передвигалась по суку, прихлопывая себя по бокам крыльями, и издавала громогласный якающий звук, никогда не слышанный мной у сов. Я бы не смог его воспроизвести и, конечно, не запомнил, но впечатление от него осталось такое, будто сова выказывала недовольство по отношению ко мне и одновременно утверждала себя. По всему было видно, что это для нее очень важно.

Сова долго преследовала меня, и когда я отходил от нее достаточно далеко, она бесшумно срывалась мне вслед, догоняла и, залетая несколько вперед, усаживалась на ближайшей верхушке. Сова выглядела такой озабоченной, что я долго не мог двинуться с места и все стоял и смотрел, как она с каждым

мигом преображалась. Судя по ее виду, она готова была вот-вот вцепиться своими ястребиными когтями и клювом в то, что не подчинялось ее воле или оставалось непонятным, а может быть, просто играла. На правах полновластной лесной хозяйки сова вела себя самоуверенно еще и потому, что обладала удивительным слухом: оживающий к ночи лес полнился различными шорохами, и они будоражили ее разбушевавшееся воображение.

От переполнявшего сову возбуждения, оно, конечно, по-ястребиному обострялось, и, принимаясь за свое ночное дело, сова полностью преображалась, уже не напоминая замершие по дневным опушкам и пустошам неприметно-безмолвные столбики. Ночью лес обнажал свои скрытые тайны, а сова становилась самой собой: неподражаемой, удивительной и такой же таинственной.

Как-то зимой ястребиная сова даже угодила мне в руки... Сильно напуганная чьим-то неудачным выстрелом, она сидела, не мигая, в глубоком сугробе, и я сначала подумал, что сова неживая. В ней чудилось нечто колдовское, тогда как все окружающее воспринималось естественно: заснеженные ели, легкий розовый отсвет заходящего солнца, еле угадываемая суета клестов и дятлов в замороженных ветвях...

Даже в руках сова очнулась не сразу, а какое-то время еще оставалась недвижимой. Отрешенно выпуклые глаза нацелены в одну точку, клюва почти не видно в перьях надувшейся груди, но когти судорожно напряжены: мгновение — и вонзятся... Но не вонзились.

Сова моргнула раз, другой, и вдруг заклокотала. Тело ее встрепенулось, ожило, и птица так обезоруживающе открыто

глянула на меня своим остановившимся взглядом, что я на секунду отпрянул. Но в следующий миг уже был спокоен, да и сова тоже как-то быстро успокоилась и притихла, смешно наклонив голову набок.

И тогда я вспомнил древнее поверье: кому удастся заполучить живую сову, тому будет сопутствовать счастье. Мне хотелось как-то помочь этой сильной птице, сейчас оказавшейся слабой, но не примирившейся. При всем своем свирепом виде и недовольном клекотании, сова выглядела жалко, даже немножко забавно, и я, осторожно выпустив ее из рук, вдруг почувствовал, как после прикосновения к этой необычной птице и сам стал казаться себе необыкновенным.

## *Страх*

*Лес* по ночам наглел. Вернее, наглело в нем что-то неуловимое, так до конца каждый раз и не объяснимое, приходящее вместе с темнотой. Оно гуляло и порхало в непосредственной близости от меня, переносилось разорванными тенями между деревьев, исчезало и вновь появлялось, но всегда оставалось загадкой.

Маленькая избушка, робко притаившаяся среди леса, казалось, не защищала от этого наваждения. Трепещущий огонь в печке, с уверенным гулом вырывающийся из трубы наружу, сразу осекался, в мгновения поглощенный окутывающей чернотой. Где-то там, в холодной недосыгаемости леса, витали мириады нераспознанных диких существ...

Ощущение их присутствия было так остро, что приходилось то и дело приподниматься на нарах, с затаенным дыханием подолгу всматриваться в окошко и настороженно вслушиваться, не стоит ли кто за стеной.

Порой казалось, что посреди мятущегося ночного бытия, за монолитными, овеванными ветрами и временем бревнами, копошится непонятное возмездие, которое, между тем, нащупало в тебе уязвимое место. А может быть, это подбиралась твоя, все время поражаемая, но неистребимая судьба, или кто-то ни за что ни про что вдруг надумал тебя попугать, стараясь во чтобы то ни стало произвести впечатление твоего неминуемого поражения, как бы спокойно ты к этому ни относился. Во всяком случае, ощущение от кого-то, притаившегося за дверью, несомненно было.

Был необъяснимый страх, над которым никогда не приходилось долго задумываться, но который всегда подспудно присутствовал в ночном лесу. Без этого страха было почему-то менее приятно жить.

## *Незнакомый заяц*

*Ни* один зверь у нас в народе не пользуется такой популярностью, как заяц. Редкая сказка о русском лесе обходится без него. Всякому попадался он в руки, и всякий знает его по наружности, но несмотря на это, не многие хорошо себе представляют образ его жизни.

Зайца обычно воспринимают кротким, трусливым или просто неприкаянным простофилей, но иногда он выказывает со-

вершенно противоположные свойства. Говоря о его неприка-  
янности, забывают о смекалке; вспоминая робость, не учиты-  
вают задор. Очень часто приводят в пример бегство как явный  
признак трусости: мол, цена зайцу — две деньги, а бежать —  
сто рублей!

Да только бежит он не от страха, а к воле. Когда заяц убегает  
от своих преследователей, надо помнить, что у него нет другой  
возможности спастись. Но если все же кто-то настигает косо-  
го, то ему суждено испытать на себе силу заячьих лап. Заяц  
умудряется нанести серьезные раны человеку, взявшему его за  
уши, а отбиваясь от хищных птиц, он нередко падает на спину  
и, брыкаясь, когтями сильных задних лап выпускает внутрен-  
ности своему обидчику.

Охотников до зайца — не перечить: это и вечно голодный  
волк, и хитрая лисица, и коварная рысь. Гордо реющий в под-  
небесье ястреб высматривает себе добычу, бесчисленные совы  
только и ждут случая применить свои страшные когти, и пара-  
тые гончаки травят зайца в стремительном исступлении. А когда  
оказываются недостаточными выносливость и быстрота собак,  
чутье и лукавство лисиц, кровожадность волка и совы, дурная  
погода с дождями, холодом и разными стихийными бедствиями  
пощадят нашего горемыку, то за преследование косо-  
го принимается, со всей присущей ему изворотливостью ума, человек:  
ставит капканы и петли, строит облавы, догоняет выстрелом...  
Куда бедному зайке деваться?!

Вынужден он ото всех убегать и не терять при этом головы.  
Только минует беда, а он уже опять веселится, прыгает, играет,  
и дела ему нет до волка с его зубами, хитрой лисы или  
неустанного в своей злонамеренной изобретательности

человека. Нет зайцу равных среди зверей по отходчивости  
характера и природной простоте. Ровно медведь ему дядей в  
лесу, а медведица — теткой приходится!

Более всех зверей оказался приспособленным к жизни в  
лесах заяц. Зимой — белый мех и широкие мохнатые лапы,  
словно валенки, которые позволяют ему легко перемещаться по  
рыхлому снегу. Летом, — будто запеченная на солнце шляпка  
подберезовика, — шкурка, сливающаяся с корой деревьев и  
травой. К тому же заяц не боится воды, когда его вынуждает к  
этому обстановка. Он вообще очень быстрый и толковый зверь  
по части принятия единственно верного решения.

Пожалуй, никто так легко не чувствует и не понимает свою  
жизнь в лесу, как заяц. Неприхотливый с рождения, он рано  
научился прятаться, убегать и защищаться от лукавого зверя.  
Ему не надо объяснять, кто в лесу враг и кто друг. Он знает, где  
есть вкусные, сочные корни и свежая вода, глухие места и  
солнечные поляны с мягкой травой. Ему ведомы тайны дико-  
винных запахов. И еще он знает, что недолог заячий век, и  
нужно быть очень ловким, смелым и осторожным, чтобы как  
можно дольше продлить его и оставить после себя потомство.

Из всех органов чувств у зайца наиболее развит слух, что,  
впрочем, видно уже по его большим ушам. Трудно поверить,  
что зайца пугают знакомые с детства звуки: шум леса, треск  
проходящих мимо медведей, неожиданные взлеты рябчиков и  
глухарей. Его настораживают лишь незнакомые и странные  
шорохи, резко доносящиеся или чуть слышимые. И заяц, по-  
беждая страх, без конца изучает все звуки и запахи, чтобы, встре-  
тив их в другой раз, уже спокойно убежать от греха подальше  
или вообще не обращать внимания.

Каждый заяц, наверное, бывает по-своему отличен: один доверчив и обходителен, другой — неуживчив, злобен, третий — пуглив. Этот — умен и понятлив, а кто-то глуп и безрассуден. Иной всегда весел и доволен, да и без капризных никак не обойтись. Только все-таки не встретишь среди лесных жителей зверя более добродушного.

У каждого зверька — своя выгода, которая хоть кого-нибудь да потревожит, но заяц — сам по себе: не хитрит, не крадется, умысла тайного не вынашивает, на чужое не зарится, если только созорничает порой, на огород заберется, а чуть что — стремглав восвояси. Нет более простого и славного зверька в лесу, и как бы ни окрестили зайку, ему всё нипочем.

Есть у него и свой замечательный ум, проявляющийся в необыкновенной осторожности, внимательности ко всему окружающему, сметливости и быстроте, с которой он запутывает свои следы. Маленький, беленький, по лесочку прыг-прыг, по снежочку тык-тык, непринужденно ковыляет в своей жизни неунывающий зайчишка: всякому доступен, да не всяк достанет!

Заяц — удивительно своеобразный зверек. Даже убитый, он восхищает налитой тяжестью вытянувшейся тушки, когда держишь его за задние лапы, и все кажется, будто он вот-вот вырвется из рук и убежит... Отчего-то вспоминается такая интересная особенность из заячьей жизни, как способность рыть в мартовском плотном снегу глубокие ямки, что открывает в зайце нечто неизведанное.

Где-нибудь под охорашивающейся елочкой, в глубине леса, выбирает косою приглянувшееся ему место. Роет старательно, то и дело замирая и озираясь, по-смешному шевеля розовым влажным носом. Прислушавшись и ничего подозрительного не

приметив, вновь принимается усердно выбрасывать из-под себя передними лапками зернистый снег, чуть ли не ложась на живот и прижимая длинные уши к спине. Часто в такой ямке можно обнаружить обгрызенный им бок осинового поленца, до которого заяц удачливо докопался. Норки эти, должно быть, заменяют зверькам рыхлый снег, что к весне сменяется на прочный наст. В них можно укрыться от наступившей в природе твердости, которая откровенно оголяет и без того мало защищенную заячью жизнь.

Но вот зачем зайцу рыть подобные ямки в утрамбованном снегу, и не где-нибудь в поле или в лесу, а прямо на дороге, — остается полной загадкой. Неоднократно наткнулся я на такие углубления по накатанным до блеска обочинам, видно было, что зайцу рыть их очень трудно, но тем не менее он не оставлял свою затею и достигал значительной глубины. Лесовозы с небольшими интервалами снуют по дороге и днем, и ночью, а зайцы не прекращают своих усилий, и то там, то тут наткнешься на большие и маленькие ямки, как будто зверьки стремятся докопаться до чего-то, но что это — остается непонятным.

Заяц, кажется, никому не несет худа и даже не держит намека на это, но есть в его поведении черты, которые порой выявляют нам совершенно незнакомого зверя...

Ночуя как-то зимой у одного знакомого егеря, я, к немалому удивлению, обнаружил у него за печкой, в большой картонной коробке, живого зайца. Заяц какое-то время не хотел выходить, лишь изредка оттуда доносилась его возня, но вскоре он покинул свое укрытие, повел розовым носом и неуверенно проковылял к середине избы. Мы сидели и молча наблюдали,



что заяц предпримет, а он вдруг встал на задние лапы, оперся передними в мое колено и глянул в лицо. Сказать, что это был забавный пушистый зверек, каким мы знаем его из русских народных сказок, было бы неверным. Честно признаться, мне просто стало не по себе...

Тупой, застывший взгляд неожиданно обозначил в зайце его необъяснимую темноту, мало того, какую-то жуткую остекленелость, отсутствующую у других зверей: медведя, волка, рыси, лисы, в чьих глазах всегда чувствовалась осмысленность. Взгляд зайца вынудил посмотреть на него с опаской, после чего во мне уже не осталось той безотчетной легкости и благодушия, с которыми я совсем недавно воспринимал зверька. Душа зайца вдруг стала мне непонятна, загадочна, да и сам зверь уже не вызывал того чувства приподнятого восторга, что охватывал раньше.

Заяц показал себя с совершенно другой стороны, стал в моем представлении каким-то иным существом, дотоле неизведанным, и я уже начинал относиться к нему с оглядкой, не в силах забыть этот остановившийся, оцепеневший взгляд, отображающий неизведанную звериную душу. Заяц молниеносно потерял в моем воображении с детства укоренившиеся черты милого зайки, которого незаслуженно обижают все, кому не лень, и приобрел в своем образе нечто неизъяснимое, что скорее испугало, чем развеселило.

Отвратный запах, что оставляет после себя этот обаятельный с виду зверек, когда его держат в домашних условиях, тоже не идет ему на пользу, поскольку в народной молве он снискал себе славу заюшки-горностаюшки в уютной шубке, вычищенной снежком и морозом. На деле заяц оставляет после себя

совершенно непереносимый дух, отчего в самом скором времени теряет свою былую привлекательность, и как бы хорошо к нему не относились дети, от него приходится избавляться... Заяц хорош в лесу, где обретает свое лицо и, как ни странно, опять становится всем понятен. Но вот рядом с людьми он начинает казаться им нечистоплотным, злым и каким-то колченогим существом.

В обычное время осмотрительные, не показывающиеся на глаза, по весне зайцы словно теряют голову, забывая о какой-либо осторожности. Они так увлекаются в неудержимом стремлении показать себя с самой неожиданной стороны, что совершенно дуреют. Заяц, к примеру, начинают ошалело носиться по окраинам полей и в перелесках, силой и прыткостью хвалясь перед возлюбленной. Вся эта беготня сопровождается гомоном, писком, так что заяц в порыве страсти может в своей суеверности угодить человеку прямо под ноги, изрядно его напугав. Возбуждая себя подобным образом к любовным достижениям, он порой доводит себя до такого отчаянья, что уж ничего, кажется, не боится, а вернее, не замечает. И вот, бывало, если окажешься в этот момент с ним рядом да свистнешь изо всех сил чуть ли ему не в ухо, то зверь сначала оторопел, затем с него слетит вся эта весенняя спесь, и сделается он опять робким зверьком...

Так однажды выскочил мне навстречу заяц, когда я перешел огромную поляну. Заяц, конечно, видел меня, но почему-то не свернул и мчался во всю прыть прямо мне под ноги. Остановившись, я стал наблюдать, чем все это закончится, и заяц, чуть приподнявшись на задних лапах, тоже замер. Когда я шевельнулся, зверек как-то играючи ударил

передними лапами о землю, распрямился и припустил навораживать круги по поляне, словно и не замечая моего присутствия. Так он бегал минут пять, даже не пытаясь улизнуть в лес, время от времени приостанавливался и, в возбуждении подпрыгнув, вновь принимался без усталости носиться, а я никак не мог постигнуть: что вынуждает зайца вести себя совершенно свободно и почему он меня не боится?

Очень странное и двоякое чувство вызывает весной и линяющий заяц. Сверху еще белый, каким его все привыкли видеть зимой и полюбили, с черными глазами-пуговками и ушками, снизу он становится совсем неопрятным и жалким зверьком, у которого старая свалывшаяся шерсть свисает рваными клочьями. Даже походка у него меняется: из недавнего бойкого зайки, отчаянно гонящегося за длинноухой красавицей, он превращается в неловкого зайчишку-бедолагу, которому бы только проковылять незамеченным через распутицу-дорогу да поскорее скрыться от чужих глаз в хвойной чащобе. Грязновато-белый, как последний снег на темной земле, заяц в эту пору будто норовит задержаться и в то же время поскорее сбежать.

Вдобавок, по весне заяц проявляет, казалось бы, совершенно не присущую ему жестокость, когда остервенело обихаживает понравившуюся ему зайчиху. В приступе проснувшейся в нем страсти он способен доставить ей массу неприятных хлопот, выдирая когтями у нее со спины целые клочья шерсти, а то и хвост! Нелегко даются бедной зайчихе его весенние ухаживания, и разве не задумаешься после этого о том, так ли хорошо мы знаем зайца?!

Вот такой он, скорее незнакомый многим зайка-серые уши,

от которого поп за куницу отказался, дьякон — за лисицу, и только пономарь-горюн им не погнушался, да и тот больше по невысокому званию своему. А ведь и по заячьему следу, говорят, доходят до медведя!

## *Лесной архимандрит*

*Имена* многих зверей и птиц несут на себе отпечаток их характера, повадок и даже отражают суть зверя. Зачастую свое прозвище зверь получает лишь за какую-нибудь одну, совсем не выражающую его привычку: как медведь за любовь к меду, тогда как все остальные его склонности, может быть более предпочтительные, остаются в тени.

Если имя зверя при этом оказывается достаточно поэтичным, то оставленным без внимания достоинствам приходится потесниться. Ведь медведь, которого древние славяне именовали «ортоксом», может с таким же успехом называться «малиноедом» или «топтыгиным». Но они остановились именно на «медоуде» — звере, поедающем мед, впоследствии — «медведе», потому как видели в этом еще и забаву, некоторую симпатичную черту животного.

Медведю в народе дано много бранных, милых и почетных кличек: лесник, лапистый зверь, ломака, костоправ, Топтыгин, косолапый, куцый, мохнач, лешак, черная немочь, лесной черт, мишка, мишук, Потапыч, лесной архимандрит, сморгонский студент... В старину медведей учили плясать, да, продевши кольцо в ноздрю, на цепи по деревне на потеху водили. Дорого это

ученье медведям доставалось, хотя плоды от него не они получали: медведь пляшет, цыган деньги берет. Обучением медведей разным штукам в то время занимались преимущественно в местечке Сморгон Виленской губернии. Там был, как тогда его в шутку называли, медвежий Сморгонский университет, а отсюда прозвище — «сморгонский студент».

Но по благоволению лесного бога и благодаря приметливости людей медведю из всех этих имен более подходит «лесной архимандрит», потому как он — самый главный в лесу, нет ему равных по силе, уму и своеобразию, и только медведь ведает то, чего никакой другой зверь ведать не может. Ведает — значит, знает и, конечно, хранит в себе всю вековую мудрость леса, а если порой и не выявляет ее, то только потому, что благородного сана.

Народ относился к медведю всегда с уважением, считал его очень умным и величал почтительно — Михаил о Иваныч. По деревням бытовало убеждение, что даже думать о медведе худо не следует. Тем более хвастаться встречами с ним, ибо он все слышит, хотя его вблизи и нет, все помнит и не прощает. Верили, что медведь умен как человек, и если не говорит, то потому, что не хочет. Утверждение, будто медведь силен да не умен и только знай прет на рожон, верно лишь когда человек не оставляет ему выбора.

В просторечии ум нередко принимает значение воли, и это как нельзя лучше подходит к медведю. Она у него на свой лад устроена, так же, как и царь в голове. Медвежий ум — не односум: он обычно свое говорит, а хотение свое.

Быть всегда в полном уме для медведя скорее в тягость, но лишиться его совсем, даже при той недюжинной мощи, кото-

рой зверь обладает, он не в силах — лесной бог не позволяет. Выражение «взбрело на ум» удивительно точно отражает состояние именно медведя, когда его никто не тревожит и он предоставлен самому себе.

При всей своей необычайной силе и скрытом уме, медведь, однако, скорее трусливое животное, нежели нацеленное на вызов и бросок, как это заведено у волка или рыси. Врасплох, говорят, и медведь труслив. Но раненый или рассерженный, он становится очень опасен, и горе тому охотнику, который попадется ему в лапы. Если и удастся спастись, так долго будет помнить: кого медведь драл, тот и пня боится.

Особенно опасен, по поверьям охотников, сороковой медведь, на нем нередко и опытные таежники плошают, он, как известно, охотника калечит. С медведем встреча в лесу всегда возможна, даже тогда, когда вовсе не за ним идут, и по заячьему следу можно добраться до медведя. А бывает, что от волка бежишь — на медведе споткнешься.

Медведю в лесу дана крепкая власть надо всем, что сокрыто под его пологом. Он — владыка лесной, верховный настоятель птиц и зверей, и толочь воду на воеводу никому из них не пристало. Лесное дело не велико, да медведь-воевода крут: как придет, так и калачи привезут, а ежели кто послушаться вздумает, того он в один мах переваливает. Медведем быть, как говорится, без меду не жить.

Про медведя еще можно сказать и такое: не грешно, что дано, но что силою взято, то все равно не свято, ибо не в силе Бог, а в правде, которая заключена в том, что без медведя нет лесной чащи. Лес — сам медведь, который пугает своей темнотой и тем не менее манит. Знает сила в медведе правду, да не

любит сказывать: и сила и власть в нем покорны только мудрости леса.

Сила обычно все ломит, но уму уступает, которому из медведя не так просто выйти. Медведю нужно время, чтобы раскинуть своим потаенным умом, и оттого дума его рождается медленно, но крепко. Думает медведь, а за своей думкою никак не поспекает; взяв же, наконец, верное поведение, он уже не отступит от него, пока не исполнит, причем самым тщательным образом.

Неприкаянно бродит медведь по лесным дебрям, будто позабыл что-то важное про себя, а вспомнить не может. Порой силком отнимает у других то, что ему не принадлежит. Испугом да страхом в лесу воротит, потому как нет его сильней, и только при столкновении с человеком просыпается в медведе его дремучий ум: тут кто умнее, тот и правее, и медведь нередко оказывается прозорливее людей.

А еще медведь тем хорош, что никому нельзя, а ему можно. Только потому, что он медведь. Захочет — и в мгновение вырастет из неприметного животного в сильного зверя; не пожелает ничего изменять — останется неуклюжим и симпатичным недотепой. Главное, что из всего этого обычно выходит одна польза, и никому в лесу не бывает плохо.

Хищник по натуре, медведь все-таки более забавен, чем кровожаден. Всего того, что лисица старается достигнуть умом и изощренностью, а волк — решительной стремительностью, коварством, медведь добивается прямой, открытой силой, когда нет другого способа получить желаемое. Но прямолинеен он обаятельно, так что невозможно сдержать улыбку, и в этом, наверное, повинны внешний облик зверя и та неуклюжесть,

которую он выявляет, обладая недюжинной мощью. Больше всего медведь любит покой, и оттого он очень редко нападает, а чаще обороняется; лишь когда сдерживать себя оказывается невозможным, он разъяряется.

Благодушие медведя бывает оправдано, если его поменьше тревожить и у него в достатке корма. Пока у медведя растительная пища в изобилии, он довольствуется ею, но в случае ее отсутствия и раз попробовав животной пищи, он делается хищником в полном смысле этого слова. Добычу он высматривает и выслеживает с такой же изощренностью, с какой это выходит у волка, рыси и лисицы, а утомленный преследованием, свирепеет необыкновенно, открыто применяя свою ловкость, осторожность, предусмотрительность и силу. Куда девается недавнее обаяние зверя, его милая неуклюжесть и добронравие?

Несмотря на свои внушительные размеры, медведь бывает очень ловок. В случае опасности он в мгновение срывается с места и так же молниеносно исчезает, причем бесшумно, невзирая на захлавленную валежинами чашу. Однажды напуганный мною, он проскочил через сухие заросли маличника почти неслышно и затем, не издав ни звука, уходил старым заросшим болотом, которое протянулось на несколько сот метров.

Если медведь появляется на овсах, то каждую ночь в различных местах, а то его вообще нет несколько ночей, и даже взошедшая луна заставляет осторожного зверя уйти из освещенной полосы. Направляясь на кормежку, он не пропускает ни единого шороха, и лучше обойдет подозрительное место за километр, чем пренебрежет своей осмотрительностью, даже

будучи очень голодным. Тонкое чутье зверя подспудно оказывает ему услугу, и медведь лишь повинуется заложенному в нем голосу природы.

Оказавшись на овсах, хищник садится, подобно человеку, и срывает пастью сочные метелки, загребая при этом стебли одной, а то и двумя лапами. Изредка он поднимается на дыбы, прислушивается и уже затем ложится на брюхо или бок и, медленно передвигаясь, поедает овес, подминая его прямо под себя. Обычно слышно причмокивание и чавканье медведя, когда он чувствует свою безопасность, и так он кормится порой не по одному часу, если его ничто не пугает.

При явно выраженной непутевости и очень трогательном недотепстве, присущими этому зверю, он проявляет удивительную основательность, граничащую с еще более поразительной предусмотрительностью. Задавленную добычу медведь переносит на другое место, за сотни метров, и не по разу, а затем закидывает травой, мхом или хворостом. Потоптавшись на образовавшейся куче, заваливает ее ветвями ели и пихты, которые скусывает и притаскивает в зубах. Иногда выкапывает даже глубокие ямы, в которых целиком умещается загрызенный им лось.

Случается, что медведь (происходит это чаще в морозную погоду) не зарывает добычу, а лежит на ней несколько суток. Таким образом он «парит» мясо и, разлагаясь, оно меньше смерзается, отчего становится более привлекательным на вкус и доступным для медведя. Забравшись летом на черемуху, предусмотрительный зверь обламывает ветки, но не сбрасывает их на землю, а складывает под себя в развилке крупных сучьев. Вороха из наломанных веток сохраняются порой по несколько

лет. Яблоки же и груши медведь просто обтрясает и, спустившись вниз, поедает упавшие плоды.

Порой медведь проявляет чудеса изобретательности и, не в силах лишить себя желанного меда, часто заявляется на пасеки. Облюбовав улей, он старается зубами расширить отверстие, неумоимо трудится так с полчаса, отбиваясь от разозлившихся пчел, но не отступает. Пчелы немилосердно кусают его, медведь ворчит, безуспешно отмахиваясь лапами, и когда уже совладать с ними оказывается невозможно, тащит улей к речке, там сбивает крышку и, опустив в воду рамки с медом, в удовольствие лакомится ими.

Правда, в порыве охотничьей страсти, зверь, случается, совершенно теряет самоконтроль, подвергая свою жизнь опасности. Однажды во время лесного пожара медведь, размахивая большой корягой, пытался приостановить распространение огня. Его хотели отогнать струей из огнетушителя, но зверь не покинул пожарища. Оказалось, что неподалеку от этого места лежала туша лося, которая застряла в буреломе, когда медведь ее перетаскивал, и косолапый, несмотря ни на что, не желал оставлять свою добычу.

Медведь необыкновенно силен и способен в зубах унести взрослого кабана, прихватив его так, что тот не касается конечностями снега. Имеются сведения, что некоторые медведи относят задранную корову, держа ее передними лапами и передвигаясь на задних. Так же медведь утаскивает с пасеки ульи.

Кстати, в давние времена повадившихся на лесные пчелиные пасеки медведей ловили таким образом. Хозяин пасеки, зная о любви зверя к водке, ставил возле ульев корыто,

наливая в него четвертную водки, а медведь, выпив ее и опьянев, тут же засыпал. Утром из деревни приходили мужики и связывали пьяного медведя.

Про медведя существует множество самых невероятных историй, может быть даже больше, чем о других животных, и большинству из них почему-то веришь. Веришь в то, что он все-таки самый умный и сильный среди зверей, несмотря на свою видимую дурашливость и бесшабашность, в его способность оборачиваться в путника, который пугает селян, отказавших ему в гостеприимстве. Медведя из-за этого подозревают в родстве с нечистой силой, уверяя, будто он лешему родной брат, и местами опасаются называть его собственным именем, а только «хозяин», «он», «сам» или «зверь». Взрослый медведь в два счета догонит лося и одним ударом лапы переломит ему хребет. Если нужно, легко взберется на самое высокое дерево. Больше всего мишка любит лакомиться малиной и грушами, и плачет, когда они не уродились...

Еще издавна в народе бытовало убеждение, что старший медвежонок-пестун воспитывает младших, которых медведица не боится оставлять на него. Выбрав такого медвежонка, она подолгу не отпускает его от себя, пока он не вынырнет ей следующих медвежат. Находились счастливицы, которые будто бы видели, как молодой медведь-пестун ходит на задних лапах, а маленьких медвежат переносит в передних. Сама же медведица идет сзади и подгоняет его ударами своей могучей лапы.

По мнению старых таежников, медведь сродни самому человеку, и род человеческий, как считали многие племена и народы, ведет свое начало именно от медведя. Кто медведя без шкуры видел, тот сразу поймет, о чем разговор.

В России повсеместно было распространено убеждение, что медведь прежде был человеком, который обращен в медведя за тяжкие провинности перед Богом. Будто бы он провинился тем, что не хотел пустить к себе ночевать заблудившегося странника. Или еще уверяют, что в медведя был превращен мельник, за то, что когда Господь хотел зайти к нему в гости, мельник надел тулуп наизнанку и заревел, дабы Господа испугать. Тот и превратил его в медведя.

Доказательство тому, что медведь — человек, охотники видят в том, что собака на медведя и на человека лает будто бы совершенно одинаково, а на других зверей — по-другому. По этой причине медведю человека есть не показано, и человек медвежьего мяса пробовать не должен. В некоторых местах медведя до сих пор так боятся и почитают, что празднуют день накануне Благовещенья, когда, по народному поверью, медведь просыпается и выходит из берлоги.

Медведь, несомненно, взял всем: и силой, и ловкостью, и красотой. Он хорошо известен каждому, но выражение «Кто знает, что у него на уме» верно о нем всегда. Необъяснимый и цепкий ум медведя — это тоже его сила, с помощью которой он достигает всего, чего пожелает. А желает он, как известно, отнюдь немало: медведь сам себе на уме, который у него объемистый, глубокий и такой же темный, как лесная чаща.

Ночной тьмой налегает на тебя зверь, когда не разберешься в собственной душе, и уж куда как нелегко разобрать темную звериную душу. В темноте держит свою тайну самый дремучий зверь, не пуская к себе человека, свет которого стоит до медвежьей тьмы, медвежья тьма — до людского света, так что не перейти никогда эту таинственную черту. Темнится

ть в медвежьих глазах, а из них подымается таинственный лес.

Знакомый егерь рассказывал мне, что медведь в его хозяйстве так тщательно искал осенью место для берлоги, что вырыл их девять, пока не остановился на одной, в которой и провел всю зиму. В подобном поведении животного очень наглядно проявляется его темнота, и еще такая черта, как обаятельная непутевость огромного зверя, про которую в народе говорят: в медведе думы много, да вон нейдет. Не основательность и неутомимость, с которыми, казалось бы, медведь устраивает свое будущее лежбище, а именно какая-то недотепость, объедающая саму себя простота, что, как известно, хуже воровства.

Порядком не подумав, принимается мишка за работу, чтобы через некоторое время убедиться в ее никчемности. Горький опыт, видимо, ничуть не учит нашего лесного доброхота. Тем самым подтверждается сочиненная про него пословица: не дал Бог медведю волчьей сметливости, а волку медвежьей силы! И вот косолапый со всей своей негибимой мощью принимается за устройство лесного жилища: пыхтит, старается, что, на первый взгляд, создает впечатление истинного трудолюбия и сообразительности, мол, не зная, усердствовать просто так не стану, и рано или поздно добыюсь желаемого. И получается так, что ложится порой без всякой подготовки в какую-нибудь самую обычную ямку, завалив себя мхом и листьями, или прямо под корнями вывороченного в буран дерева, чем подтверждает свою непредсказуемость и милую неприхотливость.

А может быть, медведь просто привередлив, и в родном бору — он ровно хозяин в дому: что как хочет, так и ворочит!

Правда, не без здравого смысла. Но чаще все-таки берлогу устраивает по всем правилам, чтобы тепло и вольготно лежало ему зимой, чтобы, не дай Бог, не подтекла по весне раньше времени в берлогу вода, не подмочила шубу и не помешала выведению на свет малых своих зверенышей, чтобы не обнаружили его зимнее убежище охотники. О многом надлежит позаботиться медведю в лесу перед тем, как он уляжется почти на полгода в спячку, и зверь, несмотря ни на что, очень старается обустроить все наилучшим образом.

Неспроста у людей один из самых любимых мотивов зимы — сон медведя в берлоге. Наверное, ее воображаемый уют напоминает человеку его дом, и, представляя, как сладко сосет мишка лапу, как он переворачивается во сне с боку на бок, народ видит в этом что-то родное и немножко забавное, что скорее вызывает улыбку, а не опасение.

Медведь в таких представлениях всегда выглядит славным простаком, которого заботит только собственное забытие под завывание метелей да потрескивание мороза. Он сладко перебивает свое вынужденное бездействие, ни в чем не нуждаясь, и, наверное, желает только одного, чтобы его не беспокоили. Но большинство людей никогда и не задумываются, что где-то в таежном лесу в морозный январь медведицы рожают своих последышей, с которыми лежат под глубокими сугробами в мирном полусне и, кажется, совсем не помышляют о навалившейся на них зимушке-зиме. Всю зиму скрипят над их берлогой высокие старые ели, а сны медведей от этого становятся еще крепче.

Сон у медведя, должно быть, очень чуток. Чтобы вспугнуть медведя из берлоги, достаточно бывает простого свиста, по-

криквания и хлопанья в ладоши. Но иной раз охотники подходят вплотную к челу, всовывают в него заранее вырубленный батог, упираясь им в бок зверя, а он не подымается. И только после этого обматывают жердь паклей, поджигают и вытравливают зверя из берлоги удушливым дымом. Но даже когда зверь извлечен из берлоги, в ней может затаиться пестун, что терпеливо переносит тычки жердью, не издает ни звука и не двигается. Так нередко ведут себя и медвежата, оставаясь в темной берлоге незамеченными.

Старые охотники утверждают, что если проходить мимо медвежьей берлоги, не задерживаясь, спокойно, то зверь никогда не проснется. Всею в лесу свое время, человеку же в нем — место, которое он всегда выбирает сам и заслуженно, в зависимости от того, как жил, и если зверь восстанет из берлоги, надвинется на него грозовой тучей, то значит, так тому и быть, не нарушится медвежий сон — человек все равно впитает для себя необходимое знание и ту тишину, которая разбудит в нем недостающее чувство жизни.

А что медведь? Мучают ли его не покидающие видения, одолевают неразделенные переживания? Снится ли ему бессмертие или беззаботное щенячье детство? Видятся ли ему вообще сны?

В отличие от человека, они, наверное, не ложатся ему на сердце ровным тихим светом, а наваливаются темными глыбами или туманными наваждениями. Вряд ли сны медведя оказываются безмятежными. В них — ком невыразимых звериных смятений, и как чутко при этом должен повести себя человек, вплотную подступая к потаенной звериной судьбе!

Всю зиму живет в своей берлоге медведь — лесной вла-

дыка. Живет, не ведая, что был когда-то, по народному поверью, человеком, а обращен в медведя за тяжкие провинности перед Богом. Родство зверя с человеком народ видел в том, что медведь иногда нападает на баб, неосторожно забравшихся в лес, но не с тем, чтобы их съесть, а уводит к себе и живет с ними. Во снах своих зверь все это переживает, должно быть самому себе не доверяя. И проснувшись, он держится особняком.

Все в снах совершается не так, как в жизни, и потому медведица, на деле отгоняющая медведя от медвежат, во сне к нему остается благосклонна. Медведю снится, что он в услужении у Анисьи Петровны находится, на лапах ее любимых дитяток носит. Медведица за то его долго от себя не отпускает, пока он не вынянчит ей следующих медвежат, а ложатся они в берлогу, вопреки известной пословице, вместе.

Медведи-сеголетки, действительно, часто проводят свою первую зиму в берлоге с матерью, и чтобы начать самостоятельную жизнь, они должны покинуть ее. Но оставить медведицу сами медвежата не могут, а мать отогнать детей не в силах — вот природа и распорядилась по-своему. В мае-июне у медведей происходят «свадьбы», и к медведице присоединяется чужой медведь-самец. Своим присутствием и запахом, который передается медведице, он отпугивает медвежат напрочь, и повторное сближение, если оно происходит, завершается полным отходом их от матери к самостоятельной жизни.

А может, представляется во сне медведю, как, продевши кольцо в ноздрю, люди его на цепи по деревьям водят и потешаются оттого. Медведь в усладу им пляшет, а сам рычит и головой мотает. Хозяин за него деньги берет, медведю же мало



что перепадает. Досадно от этого Потапычу, но ничего не попишешь: судьба, видать, такая.

Или еще приснится, как ему от пчел достается. Жаркое лето обтекает зверя, дух желанного меда щекочет ноздри, липкая слюна западает в уголки пасти. Падок медведь до желанной сладости так, что не боится шкурой откупиться. Без оглядки разоряет пчелиные ульи, лишь бы полакомиться вволю!

Раззадорит пчел не на шутку, а уж потом — бежать. Даже глубокой зимой не дают ему покоя пчелы: он во сне от них лапой отмахивается, вздрагивает всем телом, посапывает. Сладко витать медведю в своих летних воспоминаниях...

Слышится ему, наверное, и запах достигнутой августом роскоши, в которой он с аппетитом лесные яблоки поедает. Сидя, как человек, в усыпанной ими траве, наслаждается медведь этим летним довольством, а теплый ветерок мягко ворошит его густую шкуру. Приятно медведю все это посреди зимы заново переживать, и так захочется ему опять лета, что застонет он во сне, губами зачмокает.

Интересно его в этот момент было бы подглядеть, простодушием медвежьим позабавиться. В таком настроении он в лесу и дуги гнет: гнет — не парит, переломит — не тужит. Рябинушка сочная от него под осень немало намается, а медведю до того заботы никакой: он ее аромат зимой вдыхает, снами рябиновыми утешается.

Спит медведь и видит свой любимый угор, рдеющий желанными ягодами, а еще лакомство неизменное — муравейники. Как вырастают они под древними елями невообразимыми кучами: будто ждут чьего-либо неизвестного внимания. Медведь его на свой интерес принаравливает.

Эдак запустит лапу неуклюжую, напустит страху на царство муравьиное и потешается. Любо ему, недотепе, возбуждение махонькое наблюдать и кисленьким при этом закусывать. Оттого, наверное, он всю зиму лапу в берлоге сосет, что на нее во снах муравьев и мед намазывает.

За зиму, бывает, целый воз сладостей поедает, да еще корову стрескает. Мало что сало с осени запасает. Так до весны сыт и живет.

В народе говорят, что одну половину зимы медведь спит на одном боку, другую — на другом, а когда просыпается и с боку на бок переворачивается, то только один палец пососет и опять засыпает. Старики даже уверяют, что медведь потому так долго может спать, что ест особый «сонный корешок». Одна баба будто бы случайно нашла и съела такой корешок, после чего тоже на всю зиму заснула.

Все это, конечно, замечательные сказки, без которых и медведь, и зима не были бы так интересны. Созданный Богом для дремучего звериного обаяния и неспешности внутренней лесной жизни, он им же в зиму от холода и голода оберегается: хоть и силен медведь, а воли в нем нет. Она выкована в волке. Поэтому косолапый и спать ложится, что не одолеть ему, даже со своими запасами, суровую зиму. Легче ему перележать ее в берлоге, чем перевозмозгать со своим весом в гибельных сугробах.

Лежит медведь зиму в берлоге не умываючись, и дела ему никакого нет до чистоты. Талая вода весной всю грязь со шкуры вымоет, травы молодые ее очистят, а ветерок просушит. Только бы не помешал никто сну сладкому прерваться.

Горазды бить забывшегося в берлоге зверя жадные до ост-

рых ощущений охотники. Никак им не унять разошедшегося желания во что бы то ни стало добыть его шкуру. С осени намечают они медвежьи тропы, что протаптывает зверь в поисках убежища.

Но без оглядки будить медведя опасно. С медведем, поговаривают бывалые люди, дружись, а за топор держись. Вставший из берлоги зверь бывает космат и черен и может разъяриться до неузнаваемости. Горе тогда нерадивому охотнику, вознамерившемуся нарушить покой лесного воеводы!

В самых глухих уголках леса устраивает медведь себе на зиму логовище. Непроходимый валежник и бурелом спасают его от непрошеного гостя. Правда, иной раз залегает зверь, чтобы было не так скучно, поближе к деревне и слушает, как петухи распевают. Лежит, дышит на свои стоптанные лапы да сквозь сон чему-то улыбается. Хорошо ему в берлоге, уютно, шуба и жир греют.

Трудно обнаружить берлогу зимой, но равнодушному к лесу человеку хоть однажды да выпадает такое счастье. Не ждешь и не ведаешь ты этой встречи, неспешно бредешь по окраинке какого-нибудь глухого лога. Лыжи глубоко проваливаются в рыхлом снегу, обильная испарина выступает на лбу и спине, а вязущий воздух обволакивает все тело. Тихо вокруг, затаенно, непробудно.

Отчего-то выбираешь на своем пути густой островок елок. То ли притягивает его неглубокий снежный покров, то ли таинственная темнота хвои, но ты жаждешь поскорее с ним соединиться. Когда рука касается шероховатого смолистого ствола, что-то входит в тебя вместе с укромной еловой темью, каким-то особым потаенным пространством.

Некоторое время ты еще не в силах постигнуть произошедшего, и только отверстие в снегу, затянутое куржавиной, приковывает твое внимание. С подступающей дурнотой вдруг понимаешь, что это чело. Здесь, в каких-нибудь восьми — десяти шагах от тебя, мирно лежит и дышит под снегом грозный лесной исполин.

Медведь — лешему родной брат, вместе они по лесам до зимы скитаются. С весны до осени часто можно с ним встретиться, но не дай Бог разбудить его зимой! Ведь по медвежьему хотению и зима студеная длится: как повернется он в своей берлоге на другой бок, так и зиме ровно половина пути до весны осталась.

Еще в раннем детстве виделся мне в зимних снах непостижимый тогда владыка лесов. Это был медведь-оборотень из русской народной сказки, который стал им из-за негостеприимства людей. Вся деревня не пустила путника к себе ночевать, и он, обернувшись медведем, ходил в нее пугать жителей.

Сердце заходило в сладкой истоме от приближающегося скрипа березовой ноги осерчавшего на людей медведя. Запах котлет из своего мяса будоражил зверя, рык его вынуждал содрогаться от страха, и я переживал его вместе с бабкой и дедом, что позарились на не принадлежащее им. Где-то в глубине души я благоволил к медведю и в то же время был повергнут его силой.

Тогда, во снах, он представлялся более непонятным, чем страшным. Огромное мохнатое чудовище, порожденное таким же неведомым лесом. Как в берлогу, залег зверь в меня, чтобы когда-нибудь проснуться.

Я носил его в себе долго, всю жизнь, пока не натолкнулся

вот так, в глухозимье, на занесенное снегом жилище лесного исполина. Но не разбудил, а только почувствовал тонкость его жизни, ее сказочность и красоту. Как в детстве, когда замирал под одеялом от бабушкиного рассказа, втайне надеясь, что меня-то зверь обойдет стороной. Уж больно много в нем было темного, неповоротливого, глухого.

И все же не он ко мне, а я к нему шел на протяжении долгого времени, чтобы дохнуло в лицо утробным звериным духом и пробудило в душе нечто неизведанное. Надо было встретиться зверю и человеку в заснеженном лесу для будущей жизни, чтобы две темноты сложили свет. Для такой вот смелой и замечательной тонкости отправился я однажды в самую глубь зимы, и не было, кажется, для меня тогда ничего более важного, чем это таинственное присутствие зверя.

Ощувив его хоть раз, потом по-настоящему хорошо живется, как будто ты открываешь для себя то, о чем даже не помышляют остальные люди. Внешне ничем не отличаясь, в глубине души ты чувствуешь нечто неповторимое, переживая при этом некую свою особенность. Так приятно сознавать, что ты стоял в нескольких шагах от лесной тайны и не нарушил ее.

Полузанесенные медвежьи следы вокруг берлоги были хорошо различимы, сломленные зверем верхушки елочек мягко гляделись подмороженной желтизной, а отверстие в снегу то и дело шевелилось. Казалось, что медведь вот-вот проснется. Сердце ошалело билось в груди, в висках неустанно барабанили невидимые кровяные молоточки и хотелось бежать без оглядки от этого снега, елей и тишины куда-нибудь подальше, в наполненную движением и звуками людскую жизнь. Но ноги не слушались.

И еще что-то во мне самом удерживало на месте, вынуждая неотрывно глядеть в это снежное отверстие. Словно в себя заглядывал я неотступно и зачарованно, может быть робко жалея о том, что только ели, звезды и небо всю зиму слушают крепкий звериный храп. Тебе же суждено лишь болеть, наслаждаться и представлять не раз в своей городской квартире это занесенное снегом обиталище великого лесного зверя, с которым ты однажды так близко соприкоснулся.

Добродушным кажется людям лесной боярин-топтыга, когда спит целую зиму в берлоге. Горами высятся над ним крупчатые сугробы, мерно поскрипывают величественные сосны. Не будит его даже мартовская капель. И вот однажды, когда день уже обогнал ночь и в потемках апрельской тишины скрипнул наст, поднимается из-под снега рассерженный на весь свет ворчун и, не разобрав поначалу открывающейся от снега лесной жизни, бредет куда глаза глядят, а легкий весенний ветерок доносит до него манящие ароматы.

Но еще не раз медведю придется вернуться к своему лежбищу, потому как лес полностью не оттаял, корма в нем еще мало, и медведь, до конца не проснувшись, укладывается опять на какое-то время, толком не спит, лишь дремлет и, наверное, мечтает в своих полуснах о сытой, довольной жизни. Часто он подымается, неприкаянно бродит неподалеку от берлоги и вновь возвращается — голодный, раздосадованный и злой. Скорей бы наступал долгожданный и теплый май, что наполнит его жизнь обильной свежей пищей и радостными ощущениями. И как только на южном склоне лога, под елью, закипит

муравейник, лесной воевода окончательно покидает свою берлогу.

У Пришвина, то ли в шутку, то ли всерьез, где-то замечено, что когда медведь ложится по осени в берлогу, он подымается на задние лапы, примеряется к первой попавшейся елочке и оставляет на ней загрыз. Делает медведь это якобы для того, чтобы посмотреть весной, насколько он за зиму подрастет. На самом деле зверь заламывает верхушки елочек у места, что подготовил себе на зимовку, и затем выкладывает ими стенки берлоги. То же самое медведь проделывает по весне, когда разрыгает муравейник и устраивается в нем, как в ванне, выводя с помощью муравьиной кислоты из густой шкуры паразитов, завешихся в ней за долгую зиму.

Многие птицы и звери в лесу используют подобные «лечебницы»: зайцы подолгу возятся в пыли, избавляясь от надоедливых клещей и блох, кабаны — в солевой грязи, залечивая раны, глухари и рябчики устраивают так называемые порхалища, которые помогают им умертвить пухоедов, а барсуки очень любят солнечные ванны, когда всей семьей покидают свои темные сырые убежища и наслаждаются прогретым воздухом, вдыхая всевозможные ароматы. Вот и медведь не отстает от других и, поднявшись из берлоги, в первую голову желает привести свое здоровье в надлежащий порядок. За долгую зиму жировой запас его давно иссяк, организму не хватает витаминов для восстановления сил, и находит их мишка у трудолюбивых насекомых: муравьиная кислота в пустом лесу как ничто другое быстро восполняет «съеденные» им за зиму запасы.

Мех его постепенно становится густым, шелковистым, и при этом огромному зверю нет дела до маленьких насекомых,

до того беспокойства, которое он доставляет им своим беспардонным хозяйничаньем. К тому же лесной боярин не прочь полакомиться редким по весне деликатесом, запуская лапу в муравейник и с удовольствием облизывая ее. И разве тут осерчаешь на медведя только оттого, что он наносит кому-то невосполнимый урон! В лесу, если на то звериная воля, не пропадает просто так ничего, и разворошенный по весне муравейник — не диво, когда хорошо знаком с повадками этого обаятельного зверя.

А повадок у него, как уже говорилось, не счесть, да все такие, что и не подумаешь именно на этого зверя. По крайней мере, не сразу догадаешься, поскольку они удивительно многообразны и все выражают его внутренний мир. Поваженный, говорят в народе, что наряженный, и это полностью можно отнести к медведю, который, как никто из зверей, удивляет своей неповторимостью. Никогда нельзя предугадать, как он поведет себя в следующее мгновение.

Обнаружив, к примеру, сухостойное дерево, расщепленное молнией или поверженное ураганом, медведь непременно ударяет по нему лапой и с удовольствием слушает. Эта добродушная черта совершенно подчиняет в нем дикого зверя. Медведю явно нравится то, что он делает, и он с еще большим самозабвением продолжает набрякивать на музыкальном суку. Увидев подобное в лесу, наверное, сравнишь зверя только с человеком и в то же время поразишься его темной звериной душе.

Нередко случалось мне встречать в лесу медведей, но ни один из них ни разу не повел себя враждебно и стремился поскорее избежать столкновения, оставляя о себе воспоминание лишь в

мелькающем среди стволов маленьком хвостике. При малейшем шуме, производимом человеком, медведь всегда бежит, потому что никогда не трогает зря, но не дай Бог помешать ему решительно, когда он занят чем-то неотложным, и зверь, несмотря ни на что, откровенно надвинется на тебя грозовой тучей и раздавит. Что же противопоставить зверю, когда неожиданно столкнулся с ним или потревожил, не желая того, а медведь повел себя агрессивно?

В первую голову не следует пристально смотреть зверю в глаза, потому как острый взгляд медведя быстро цепенит и вводит в состояние заторможенности, как будто сама лесная чаща взглядывает в тебя, вопрошает, и отпустит ли — неизвестно. В стае такой взгляд испокон веков выражал не дружеские чувства, а откровенную угрозу, демонстрацию своей неприязни и силы. Но глаза зверей почему-то всегда притягивают к себе и не отпускают, словно ты втайне давно ждешь этого общения и ничего не можешь с собой поделать.

Взгляд медведя говорит о нем всё. Недаром сучок в доске называли среди людей «медвежьим глазком». Вкрапленный природой в обычную и родную среду, он — спрессованное внимание, сгусток затаившейся мощи, затаившейся и подсматривающей за всем, что проходит мимо и происходит вокруг. Глаз медведя именно такой древесный сучок, неумолимо ввинчивающийся в каждого невидимым буравчиком и проникающий насквозь. Его нельзя миновать, углубившись в лесную чащу, его невозможно обмануть, представив себя лучше, чем ты есть на самом деле.

То, что обычно называют глазами, у медведя превращается именно во взгляд — глубинный, преодолевающий любые пре-

грады и выворачивающий тебя наизнанку. Он не смотрит, а пристально изучает твою суть, и очень скоро точно оценивает. Ничто не может его обмануть. Взгляд медведя — это всевидящее око самого леса.

Встретившись с медведем лоб в лоб, ты в первую очередь натолкнешься на острый, пронизывающий взгляд. Ни когти, ни мощь, ни утробное звериное дыхание околдуют тебя, а именно глаза. Даже не глаза, вернее — прорешки, через которые сквозит исступленная сила и древний опыт, провиденье самого таинственного лесного зверя. В один зирок, говорят, всего не окинешь, а медведь не только обзревает, но и под себя вмиг подминает.

С медведем, поучают опытные лесовики, гляди в оба, зри в три, а придет пора, наглядишься и в полтора! И хоть бытует среди людей непоколебимая вера, что человек рождается зрячим, а иные животные слепыми, медведь все видит. Предельно осторожным следует быть со зверем, который предугадывает любые поступки, направленные против него, и всегда знает: кто хвалит его в очи, а кто бранит за глаза. Как ни крути, но медвежье око видит далеко.

Вообще ни один хищник никогда не нападет, не предупредив своего противника. Угрожающим шипением, рыком или взглядом он попытается избежать схватки. Вот и медведь, если уж не ретировался, остался стоять перед тобой, пробуравливая своими маленькими глазками, значит, какое-то время он еще выжидает: что предпринять? В этот миг ты должен успеть что-либо ему противопоставить.

Взяв себя в руки, необходимо самому воздержаться от нападения, и если имеется ружье, лучше от него отказаться. Мож-

но, конечно, попробовать сделать устрашающий выстрел, но дать знать о себе зверю следует заранее, а не в последний момент. Если же вы решили применить оружие на поражение, то следует помнить: даже из карабина далеко не всегда удастся уложить зверя сразу, а раненый медведь очень опасен и чаще бросается на своего обидчика, чем убегает.

Вернее в такой ситуации прикинуться мертвым, улегшись на землю навзничь и как можно дольше не дышать. При этом нельзя показывать медведю своего лица, открытость которого вызывает в звере раздражение, и он стремится задрать его, чтобы, по-видимому, не видеть. Чаще всего медведь именно так и поступает: неспешно подойдя к замершему человеку, какое-то время обнюхивает его, переваливает лапами, может даже немного покусать и порвать, но все это надо мужественно стерпеть, по возможности никак себя не проявляя. Если нет мочи сдерживать дыхание, незаметно перевести дух и вновь затаиться. Тогда зверь быстро теряет интерес, в худшем случае завалит недвижимого человека мхом с землей или сучьями и удалится.

Бывалые лесовики подмечали за медведем и такую странность, как боязнь зверем того, кто превышает его по росту и возвышается над ним. С этой целью они советуют встать перед медведем повыше — на пень, поваленное дерево или какой-либо бугорок, — поднять руки и, расставив их пошире, медленно раскачиваться из стороны в сторону, будто надвигаясь на зверя. Медведь такого поведения якобы подолгу никогда не выдерживает и рано или поздно отступает. Но многие ли, даже самые опытные охотники, способны на такое хладнокровие? Впрочем, любое общение накоротке с этим

непредсказуемым зверем всегда предполагает решительность и отвагу.

А можно просто ласково поговорить со зверем, чтобы он почувствовал тебя и поверил, что ты не несешь ему зла. Не делая резких движений, выбрав правильный, предупредительный тон, нужно попытаться внушить медведю, насколько это будет возможно, свое уравновешенное состояние, при этом оставаясь безукоризненно честным и перед зверем, и перед вековой чашей. «Медведушко, хозяйушко... Не гневись, что потревожил твой покой. Нет во мне злого умысла, только благолепная радость от того, как все устроил батюшка-лес... Позволь пройти своею дорогою, а меня уж не трогай. Здравия и силы тебе, медведушко, века веков!»

И может быть, медведь внемлет добрым словам, не почувствовав никакой угрозы, уступит путь-дорогу и когда-нибудь обережет твою душу. Будет следить за тобой из леса пристально, цепко, и если только нарушишь святую заповедь держать себя достойно да в строгости, тотчас отлучит от леса, так что ты этого и не заметишь, растворившись в нем для тебя навсегда.

Когда ты чего-нибудь очень долго ищешь в лесу и не можешь найти, к тебе часто приходят звери и птицы. Наверное, их появление — это напоминание о том, что ты должен сделать сам как человек. Например, не уставать приобретать достойное знание природы и не быть к ней пренебрежительным. Медведь приходил в мою жизнь не раз, и я всегда старался выслушать его и понять.

В медведе, как ни странно, все кажется необыкновенно соизмеримым: неуклюжесть — с неведомой силой, видимая неодолимость — с удивительной прозорливостью, обаятельное доб-

родушие — с немилосердной мстительностью. Сочетание, на первый взгляд, противоречивых качеств есть на деле суть зверя, отгадать которую очень непросто. Может быть даже невозможно, в то же время хорошо представляя себе медведя, его образ жизни и удивительные встречи с ним.

Взять, скажем, обычный след медвежьей лапы, часто попадающийся по весне: тут тебе и поражающая мягкость, и воинственная когтистость, так что отделить одно от другого невозможно. Встретив однажды такой отпечаток, почему-то захочется его запомнить.

Всегда что-то вынудит склониться над следом, тщательно и с любовью рассмотреть его, и уж только тогда представишь себе таинственного зверя, который, кажется, совсем не таится. Просто бродит, где ему вздумается, ищет чего-то и, наверное, не каждый раз находит. Присутствие его в лесу так желанно, что забываешь о возможной угрозе, а думаешь только о его затаенной красоте и силе.

Переступы медведя прямые и неторопливые, даже подавляющие, вмятины же следов симпатично округлы. Так и чудится его громоздкость, ленивая неповоротливость. Нехотя переваливая свое тело, медведь как бы сразу забывает о том, что минуло, и ни о чем, кажется, не заботится: бредет себе куда-то, утопая в своей безмерной звериной мощи.

Некого ему страшиться в лесу, и оттого медведь горя не знает. Обремененный силой, он безбоязненно ходит неслышно ночами, а на день залегает в разрытый им муравейник или натасканный еловый лапник. Лежит и вроде бы ничего не чувствует, но вот пронесся по лесу легкий шепоток, и медведь уже весь на слуху.

Ни с чьим другим медвежий след спутать нельзя. Пухлую, широкую ступню с мякишами пальцев разберет всякий. К тому же след медведя очень большой, а подобные ему звери в наших лесах не водятся.

Иногда следы медведя вызывают улыбку, такими они кажутся непутевыми и косолапыми. Просто какой-то неловкий недотепа проковылял без всякой цели по лесной дороге и затерялся в чаще. Ровно зверь и сам не ведает, для чего он родился и что ему в жизни делать. Бестолково мотается по лесу, веселя всех своим неподражаемым обаянием.

Внутренняя лесная жизнь хорошо отражается именно в медвежьих переступах, потому как несет в себе сокровенность леса и его дремучесть. И тут не мудрено напугаться, неожиданно натолкнувшись на недавнее присутствие зверя. Особенно когда заметишь провалившиеся в сыром снегу следы медведя после зимней спячки. Следы утопают до самой земли, и ты невольно насторожишься и присядешь перед ними.

Восприятие медвежьей поступи наиболее цельно возникает именно ранней весной, когда снегу еще много, и зверь только поднялся из берлоги. В этих зияющих снежных пустотах затаилась непредсказуемость медведя, его неограниченная воля. Истратив за зиму все запасы, медведь бродит по еще не проснувшемуся лесу злой и голодный.

Любого могут устроить такие следы, грязно исчезающие в глубь леса. За каждым выворотнем видится опасность, а тяжелый пасмурный воздух только усугубляет это неприятное впечатление. Вмиг разыгравшееся воображение живо рисует яростного и хищного зверя, поднимающегося перед тобой на дыбы. Не сравнить его с тем косолапым недотепой, что впо-

пыхах убегают от человека, столкнувшись с ним летом в малиннике.

И все же хочется идти по этим следам, ступая прямо в них мокрыми сапогами. Крошащийся снег затупело холодит твои ноги, и в ноздри ударяет запах сырой хвои. Передвигаться так очень сложно, и вскоре ты сбиваешься с ритма, а затея идти по медвежьему следу представляется пустой и безнадежной. Как велик его лесной дом и как мал в нем человек, жаждущий легких открытий!

С бьющимся сердцем вглядываешься в удаляющиеся провалы, и на душе отчего-то становится хорошо и грустно, что не видал ты медведя, хотя он существует. Шел он прямо вот тут, лесной чащей, и в ней же сгинул. Как будто его и не было: ни ходу тебе, ни переступа. А следы остались приятным напоминанием о величественном звере, в котором так много темного, неповоротливого и живого.

Насмотревшись вволю на эту невиданную силу, и сам почувствуешь в себе удаль: любящему лес человеку много радости приносят увиденные следы медведя. Редок этот зверь, не всякому даже умелому следопыту доступен. Да и тайга, в которую ты забрался, уже не кажется такой пустячной. Лесной архимандрит словно освящает ее своим присутствием, привнося и крепость духа, и благодать, и невысказанную тайну.

Но человеку на него молиться не пристало. Лишь надлежит не трогать, восхищаться и не бояться встречи. Душою чистой постигать все секреты косолапого, но в жизнь медведя не вторгаться, и тогда зверь ответит тебе своей лесной заботой, а ты назовешь его с почтением — Михаил Иванович.

Встречи с медведем всегда волнительны, не похожи одна на

другую и, самое главное, незабываемы. Каждый раз зверь преподносит что-то новое, чего и не ожидал от него, и всякий такой случай — удивительный подарок. Медведь при этом ничего особого не делает, просто неспешно переходит лесную просеку или какой-нибудь старый заброшенный волок, но всё вокруг благодаря присутствию зверя так необыкновенно оживает, что кажется, будто это волшебный сон.

Усталые листья неслышно сыплются на мокрую землю, бледно-голубое небо отражается в зеркальных лужах, а вечерняя сырость стирает запахи. Царственная осень ненавязчиво располагается у самых твоих ног и тоже как будто задремывает. Но вдруг луч солнца высвечивает лоснящийся густым мехом бок зверя, и сразу все, всколыхнувшись, начинает двигаться и... просыпается. Маленькая осенняя картинка с бредущим по лесу медведем, вроде бы ничего особенного, но как радостно переживается увиденное, сколько в нем лесного обаяния!

Вспоминается еще одна осень, слякотная, с надоедливими нескончаемыми дождями. В тот день дождь зарядил с самого вечера, не прекращался всю ночь, и даже не знаю, зачем я тогда отправился в лес. Плащ-накидка вымокла насквозь, а покорбившийся и одеревеневший капюшон закрывал глаза так, что была видна только дорога под ногами. Ничто на ней не привлекало моего внимания, и тут я вдруг обнаружил совершенно свежие медвежьи отпечатки...

Мишка брел по дороге не просто как придется, а аккуратно обходя все лужи, по-видимому не желая лишней раз мочить лапы. Судя по тому, как отчетливо выглядели в сырой глине прорези от когтей, зверь прошествовал совсем недавно, но я почему-то не поднял головы и не посмотрел на дорогу. Шел



неспешно по медвежьим следам, рассматривал их и улыбался. Забыл даже про непрекращающийся дождь, и только когда поправил рукой съехавший на глаза козырек, увидел наконец медведя...

Зверь шагал вперевалочку в каких-нибудь двухстах метрах впереди, явно зная о моем присутствии, но никак не выказывал своего интереса. Круглый зад его смешно колыхался, ходил ходуном, а медведь не прибавлял ходу. Ему, похоже, было необходимо попасть куда-то в заданном направлении. Идти по дороге оказывалось гораздо легче, чем по лесу, и медведь не обращал внимания на мое соседство, догадываясь, что оно не принесет ему беспокойства.

Медведь изредка поворачивал голову то в одну, то в другую сторону, видимо контролируя обстановку, и продолжал свое неспешное шествие под морозящим дождем. Видно было, что он ничуть не тревожится, знает, куда и зачем направляется, и я его нисколько не занимаю. А может быть, медведь чувствовал меня на расстоянии, доверял и нисколько не остерегался.

Так мы преодолели около трех километров, и за все это время зверь ничего не предпринял против меня и не свернул с дороги. Я даже привык к нему, на всем дальнейшем пути воспринимал медведя спокойно, как нечто неотъемлемое в этот пасмурный осенний день, и если бы кто-то посмотрел на нас со стороны, он бы, наверное, немало удивился. Зато нам с медведем все происходящее представлялось вполне обычным: я тогда очень хорошо запомнил это щекочущее нервы, но радостное ощущение.

А как-то, по первоснежью, я шел лесной гранью и увидел поваленную через нее пихту. Присел отдохнуть, достал термос,

а взгляд остановился на стоящей напротив ели. Поначалу я в этом дереве ничего особенного не обнаружил: елка как елка, только почему-то вся в смоле, засохшей желто-белыми струями до самой земли. Долго я не сводил с нее глаз — просто потому, что она росла прямо передо мной, и только потом разглядел: под застывшим смоляным слоем почти отсутствует кора...

Кора оказалась содранной острыми медвежьими когтями, которые глубоко пропороли и саму древесину. Весь бок елки был исполосован этими ужасными ранами, а выбросив вверх руку и встав на цыпочки, я не дотянулся до начала борозд еще с полметра. Трудно было поверить, что медведь просто метил территорию, обходя свои обширные владения. Слишком жестокими показались нанесенные дереву повреждения, и я представил, как все это происходило.

Обойдя дерево, я вдруг обнаружил на уровне пояса гораздо меньшие по размеру углубления, сделанные, несомненно, небольшим медведем. Вероятно, это был пестун, а глубокие зарезы на противоположной стороне оставила его мать — огромная и сильная медведица. Что-то очень здорово разозлило ее, и она разделалась с деревом, которое первым попало под лапу разъяренному зверю.

Медведица долго не могла успокоиться, изуродовав страшными когтями весь ствол, но ель достойно выдержала этот животный натиск, не сломалась, и постепенно, незаметно для всех, залечила свои жестокие раны.

А вот другая ель проявила по отношению к медведю неожиданную мягкость и оголила на стволе под медвежьей лапой целый бок, так что содранная кора широким пластом свисала с дерева до самой земли. Эта ель, в отличие от своей предше-

ственницы, выглядела потерянной, в полной беспомощности перед грубым звериным натиском, который не случаен — это стремление медведя обозначить свою вотчину. Чем страшнее медведь все это проделает, то есть выше по стволу, глубже впишлись когтями в кору и как можно разъяреннее, тем быстрее и надолго изгонит соперника.

Медведь выбирает для своих затесов чаще всего хвойные деревья — пихту, лиственницу, ель и сосну, независимо от их размеров. Все эти деревья ближе медведю по его скрытному образу жизни, потому как более потаенны, чем береза, ольха и осина. Случается, что наталкиваешься в лесу на маленькую пихточку толщиной всего лишь в руку, но начисто исполосованную когтями, а бывает, тебя поразит непоколебимая твердость старой сосны.

Однажды в апрельском лесу, когда еще не сошел снег, я напоролся на след медведя, что протянулся вдоль глухого лога. Вскоре след вывел меня к одинокой огромной сосне, где медведь поднялся на дыбы и оставил когтями метку, означающую, что это его владения и он тут полноправный хозяин. Глубокие борозды лишь вспороли докрасна крепкую кору, но не поколебали гордости сосны. А медведь побрел дальше, обходя свою территорию и выискивая другие подходящие деревья, которые, наверное, принимали свою участь так же достойно.

На медведя можно натолкнуться летом, собирая ягоды, под осень он частый гость на овсах, где охотники безуспешно устраивают на него засидки. Но только в весеннюю пору он становится наиболее доступен, когда, поднявшись из берлоги, принимается за размеренное обследование своего лесного участка, который за долгую зимнюю спячку, наверное, порядком

подзабыл. Вот и мой очередной медведь намеревался спуститься в небольшой ложок, перейти дамбу и следовать далее, навстречу дремучей лесной судьбе, но на его пути появился я, и медведь тотчас встревожился. Он не хотел уступать, а идти напролом не решался. Ему необходимо было принять какое-то решение, и медведь стал мучительно его искать.

Сначала он попытался обойти расположенную справа от меня мочажинку, поросшую по берегам частым березняком, но что-то у него не получилось. Медведь вынужден был вернуться и, недовольно рыкнув, замер на какое-то время. Он не знал, что делать, а дороги своей бросать не желал. Видно, что-то важное влекло его по ней, то, чего он по-медвежьему неукоснительно и упрямо себе наметил.

Постояв так немного, медведь начал перетаптываться на месте, а затем вдруг ринулся налево, вниз по склону убегающего в глубь леса широкого распадка. По дну его неслышно струился полноводный ручей, и зверь решил его перейти. Всем своим весом медведь ухнул в талую воду, но она его так обожгла, что зверь тут же выскочил обратно. Он даже взревел от непривычного для него бессилия и еще несколько раз потом безуспешно пробовал лапой ледяную воду, не решаясь ее перейти.

Я же стоял какой-то занемелый и отрешенный в ожидании того, что еще предпримет не на шутку раздосадованный медведь. О глухаре, который вот-вот должен был начать токование, я уже не помышлял и только непроизвольно вслушивался в отдаленно доносящийся голос кукушки. Размеренно она проповедовала кому-то нескончаемые годы, и, обрадованный ее неожиданной поддержкой, я начинал принимать их на свой счет.

Потом медведь выбрался из лога и снова возвестил о себе недовольным рыканьем. Силуэт его к этому времени стал отчетливо просматриваться в свете возшедшей луны, и страх от ощущения зверя еще более усилился. Медведь, казалось, вот-вот сметет свою преграду одним броском, и я не знал, что делать... Я сидел на корточках у края просеки, напряженно всматривался в мятущиеся очертания зверя и ждал чего-то непоправимого, но, как ни странно, манящего!

Вскоре медведь все-таки удалился, так и не решившись выйти на меня, и я еще долго сидел под елкой, сжимая в руке небольшой охотничий нож, прислушивался к гулким ударам крови в висках и не верил, что зверь оставил попытки пройти через дамбу и больше не вернется. Ушел он, как ни странно, почти неслышно. Медведю, наверное, было досадно отказаться от намеченного, и у него, должно быть, испортилось настроение. У меня же еще долго стояли перед глазами его всклокоченный загривок, кудлатая голова и покатые плечи. Это была та редкая и в глубине души остро желаемая встреча, когда неподдельный интерес и жажда знания, несмотря ни на что, перебарывают животный страх.

Как-то так выходило, что чаще мне попадались в лесу медведи-самцы, более отрешенные и замкнутые в сравнении с медведицами. Особенно по весне, когда каждый из них предоставлен только самому себе, тогда как самку занимает забота о медвежатах, и из-за них она оказывается более заметной. Вынужденная то и дело вступаться за своих детенышей, медведица проявляет себя яростным рыком или заламыванием валежника, и встреча с ней не сулит ничего хорошего.

Часто медведицу обвиняют в отсутствии должной заботы о

своем потомстве. Дело в том, что медведица, когда ее сильно напугают в берлоге, обычно оставляет медвежат одних и уже не возвращается. Говорит ли это о ее бессердечии, в отличие от других зверей, чьи самки в опасности скорее предпочтут жизнь детей, нежели собственную?

Вероятнее всего, медведица ничего не понимает, просто срабатывает инстинкт самосохранения. Она как очумелая выскакивает из берлоги и убегает. До нее, наверное, даже не доходит, что она оставила детей на погибель, вряд ли и то, что медведица об этом вспомнит, поэтому осуждать ее бесполезно.

От зверя, который долгое время пребывал в спячке, когда жизнедеятельность организма приостановлена, невозможно требовать какой-либо преданности потомству. Медведица теряет зверенышей, и в этом почти всегда повинен человек, не способный наладить отношения с лесом. Медведица, находясь в полном сознании, никогда бы не оставила своих детенышей. В этом может убедиться каждый, если он хотя бы однажды столкнулся в лесу с медвежьим семейством.

Бродки — вот что всегда удивительно очаровывает меня в нашем лесу, особенно летом, когда рано поутру отправляешься к нему в гости и рад всему, что он великодушно дарит тебе. Это могут быть шишки и грибы, цветы и орехи, ягоды, родниковая вода и ароматный воздух, встречи со зверями. Но охотиться по бродкам — это значит находить следы птиц и зверей на росистой траве и по ним добирать схоронившуюся дичь. Одним июльским утром, собирая на знакомом покосе землянику, мне привелось наткнуться на бродки медведицы и медвежат.

Сначала я обратил внимание только на аккуратный следок,

напоминающий детскую ступню, и очень удивился: час был довольно ранний, да и от деревни изрядно, а тут ребенок... Откуда бы ему взяться? След убежал в глухой, непролазный ельник, и это меня насторожило.

Чуть поодаль пролегал еще один точно такой же след, и у меня подспудно, но без уверенности, зашевелилась догадка: это, должно быть, медвежата, которые не могут сейчас оставаться без матери одни и, значит, следует быть внимательнее. И только я об этом подумал, как взгляд мой упал на крупные продолговатые отметины в глубине травы, что почему-то сразу напомнили отпечатки лаптей. Будто деревенская баба с двумя малыши детьми отправилась рано поутру по ягоды в лес, невольно заплутала, но не растерялась и вывела своих малышей. Такая в этих следах чувствовалась уверенность и забота, хотя они и не пересекались.

Оглянувшись я вокруг, присел в растерянности на пенек и, глядя на быстро растворяющиеся под солнцем полосы в траве, вдруг с необыкновенной ясностью для себя ощутил, как неизмеримы запасы нежности в природе.

Свою нежность по отношению к этому забавному зверю я ощутил впервые не в уральском лесу, а на Сахалине, когда однажды натолкнулся на упавшего со скалы медвежонок, почти у самого моря. Медвежонок поднялся из берлоги голодный и на свой страх и риск попытался забраться в гнездо орлана-белохвоста, который, видимо, напугал неопытного зверя, и медвежонок сорвался. Скала возвышалась метров на восемьдесят недалеко от берега, и медвежонок упал прямо на прибрежную гальку. Вероятно, это был пестун — годовалый зверь, отчаявшийся отыскать себе весной пропитание.

Остров Сахалин, особенно на севере, изобилует медведями, встреча с которыми всегда по-страшному ожидаема и в то же время сладка. Идешь, бывало, и думаешь: а что, если попадетс я навстречу этот лесной сахалинский исполин, пользующийся таким уважением среди нивхов (небольшая местная народность)? И ты, конечно, постараться разговаривать с ним так же неслышно, как с морем, и медведь почувствует твоё отношение к себе, и ничего не предпримет. Для того чтобы медведь не тронул, опытные люди на острове советуют подвешивать к рюкзаку котелок с камешком, который мерно побрякивает в такт шагам и мыслям, и таким необычным способом отпугивает находящихся неподалеку медведей. Кто знает, что ждет тебя за открывающимся впереди распадком, и не поведет ли себя медведь агрессивно, когда неожиданно столкнется с тобой нос к носу. Если камешек постукивает за спиной, на душе становится как-то спокойнее.

Часто медведи действительно убежали, когда слышали постукивание моего камешка, и иногда мне удавалось это увидеть. Кто хоть раз наблюдал, как грациозно поднимаются по склону глубокого распадка отъевшиеся за лето медведи, тот никогда не забудет круглые колышущиеся зады зверей, их блестящие роскошные шкуры и ту поразительную игривость, с которой они передвигаются. Мне всегда было приятно смотреть на их удаляющийся бег, я с радостью сознавал, что оказался с ними рядом, невольно подглядел эту лесную тайну у моря и почему-то не чувствовал в себе страха, оставаясь благодарным медведям за их обаяние и силу. Но вот этот медвежонок, неудачно сорвавшийся со скалы, может быть впервые пробудил во мне жалость.

Непристойно распластанный для своего звериного положения, медведь неподвижно лежал на гальке неподалеку от воды и на него не хотелось смотреть. Когти глянцевыми крюками безжизненно впились в золотистый песок, кудлатая голова естественно вывернута. Только мех чуть заметно колыхнется от налетающего с моря легкого ветерка. Ты стоишь над медведем и не замечаешь, как тот же ветерок так же ласково ворошит волосы и на твоей голове. А на следующий день кто-то вырезал когти у мишки, и когда я это увидел, сердце мое сжалось и бешено застучало, а потом отпустило и только изредка вздрагивало, как тот бордовый камешек в котелке.

В устье речки Серебряной на материковом побережье Татарского пролива местный лесничий показал мне место на отвесной, поросшей черными елями горе, где лежала в леднике туша взрослого медведя. Как он попал туда — неизвестно. Вероятнее всего, сорвался со скалы, когда полез в гнездо к орлану. Эту гору так и прозвали — Медвежьей.

Взобравшись на нее, я долго смотрел на вмерзшего в лед медведя. Казалось, он забылся и от всего отдыхает. Густой мех топорщился, голова покоилась на лапе, все выглядело таким естественным.

Трудно было поверить, что медведь неживой. Голубоватый лед уже начинал подтаивать, глыба по краям становилась мутноватой и грязной. Почему-то захотелось, чтобы медведь лежал вот так вечно, лед никогда не таял и грязь не касалась его шкуры. Если бы все это могло исполниться, если бы я знал, что так оно и будет, мне, наверное, легче было бы жить.

...Пожалуй, не вспомнить все встречи с этим удивительным зверем, понять которого до конца также невозможно. Медведь

не зря редко показывается человеку на глаза, а очутившись все-таки неподалеку, поначалу только обозначает свое присутствие следом, отпечатавшимся на дороге, рыком или хрустом валежника, поскольку душа у него глубоко скрытая, может быть даже не понятная ему самому. Он тихо изливает ее сквозь глаза-щелочки и такой же, не понятый никем, бесцельно шатается по лесу. Самому ему эта душа, наверное, не доставляет ничего, кроме недоуменных снов, в которые он с головой погружается долгой зимой.

Глухо рявкнув где-нибудь поблизости, он замрет и будет ждать подходящего случая, чтобы напасть, уйти незаметно или переждать то, что его взбудоражило. Медвежья душа неприкаянна в большом сильном теле, и от ее неприкаянности зависит непоследовательность его поведения: из обаятельного косолапого недотепы он может через мгновение превратиться в разъяренного хищника. Но именно это привлекает тебя в нем — то, как он с угрюмой мрачностью принимает необходимость своей обыденной скитальческой жизни, а его темная душа неторопливо просачивается сквозь маленькие пронизывающие глазки и околдовывает.

Пройдут томительные мгновения, прежде чем медведь покажется, мотнет головой, и его могучая холка сразу оживет, задвигается, и зверя станет много. Присутствие рядом сильного зверя сразу утихомирит твое воображение. Его утробный дух обезоружит и наполнит диким возбуждением, так что захочется постичь эту дикость и сделать, неизвестно зачем, своей. Набравшись смелости, ты попросишь у лесного владыки дозволения приобщиться к его таинственной жизни.

И тогда медведь, вероятно, обратит к тебе свое внимание.

Повея мордой и чуть слышно пофыркивая, он как-то незаметно развернется и тотчас окажется в нескольких метрах. Низко прижимая голову к земле, зверь неожиданно взметнется на дыбы и, настороженно понюхав воздух, дохнёт в лицо.

Уже твое дикое прошлое всплывет, закопошится холодящим восхищением в душе, и медведь ровно услышит в тебе это пробуждение. Но так будет только когда ты его позовешь, и всегда с нетерпением будешь желать этой встречи, незаметно превращаясь при этом в зверя — сильного, загадочного и необыкновенно восприимчивого. Медведь же, несмотря на все обаяние, навсегда останется самим собой — грозным властелином тайги, ее законным архимандритом, освящающим своим присутствием долгие лесные века.

### *Ветер-бродяга*

иногда, если я нахожусь в лесу совсем один, ко мне как будто кто-то обращается. Это может быть ветер, луна или сам лес, вековой мощью поднимающийся перед моими глазами, но не зовущий за собой. Ты сам должен выбрать путь к нему, и происходит это всегда естественно, если ты, конечно, честен.

В такие моменты я чувствую, как какие-то силы словно наблюдают за мной и не остаются равнодушными. Время от времени они напоминают о себе, пытаются заговорить на своем языке, и я хорошо этот язык понимаю. Вернее, угадываю его и стараюсь продлить это вдумчивое и таинственное общение.

Но ни лес, ни ветер, ни луна не любят долгих разговоров, о главном они возвещают очень кратко и незабываемо красочно. Ветер всегда живой, и по нему, если чутко вслушиваться в его завывания и стараться понять, можно узнать, какая будет погода. Все зависит от его настроения и от того, как серьезно человек относится к мыслям ветра и его неуловимой душе.

Если ветер начинает дуть зимой с северной стороны — жди больших холодов, а юго-западный бывает теплый. Облака идут против ветра — это к неожиданному снегу, ветер задувает и нет инея — будет буран, когда же с севера потянул тихий ветерок и следом за ним на горизонте показались расплывчатые облака — быть обильному снегопаду. Слабая тяга в печи и дым из труб, который клубится и расплзается, без ветра клонясь к земле, тоже указывает на снег.

Восточный порывистый ветер — самый коварный, нелюбимый в народе, потому как появляется всегда заунывно, со свистом, предвещая обычно продолжительную непогоду. Кошка скребет пол, кидается на ковер и дергает его именно при этом худом ветре. Вороны рассаживаются на нижних ветках деревьев — вот-вот подойдут холода с севера или северо-запада, особо сильные ветра предвещает зимний гром, но уж если январским ветром подуло — зима, говорят, на весну повернула.

Бывает, ветер ходит туда-сюда, дурит, и это тоже свидетельствует о приближающейся непогоде. Ветер как бы распаляет себя, не желая сдерживать свой яростный порыв, и все сразу замечают, как он загадочен и силен. А ветер только сильнее усердствует в своих непостижимых устремлениях, и человек поддается на

его метания, не в силах что-либо им противопоставить. Втайне ветер, может быть, хочет избавиться от этой неприкаянности, но на самом деле никто его чаще всего не понимает, и ветер негодует и задувает еще пуще.

В ветре вроде бы нет ничего мудреного, и он возникает из-за того, что солнце греет неодинаково: всегда где-то теплее, а где-то холоднее. Теплый воздух легче, и он подымается высоко в небо, холодный же — тяжелей, и тотчас устремляется на его место. Вот и получается, что холодные массы, куда-то неистово переносясь, с ревом гнут деревья и срывают с них листья, но покажется солнце, и ветер вновь пропадает.

Именно поэтому, наверное, часто говорят, что ветер непостоянен, но вряд ли сыщешь что-либо более надежное в своей свободе. Просто временами ветер улетает туда, где в нем испытывают потребность, а как только почувствует в ком-нибудь еще большее устремление, тотчас возвращается. Никто не в силах превозмочь его неудержимую природу быть всегда в нужном месте.

Когда ветер летит над землей, никто его, конечно, не видит, но зато чувствует каждый. Все, что ни попадает ему навстречу, он толкает, бросает и кружит. А того, кто не поддается его устрашающим завываниям, ветер заставляет низко поклониться. Никому ветер не дает спуска, ибо суть его такова, что он дует и теплом, и холодом.

Редко кто из людей понимает ветер, так как по характеру он бывает ураганным и штормовым, ровным и порывистым, шквалистым и тихим, шатким и круговым. Направление ветра определяют по сторонам света, деля на тридцать две доли. Ветер различают также по временам года и времени суток. «Не верь

ветру в поле», — поучали старые люди, потому как угадать его душу очень непросто. Ветер многолик.

Из-за того что ветер непостоянен, люди меж собой прозвали непоседливого человека не иначе, как ветрогоном, делающим все как попало и опрометчиво. Слова такого человека тоже воспринимались брошенными на ветер, то есть попусту. Ветер ходит, дует повсюду, сквозит, но толку от него мало: с ветра пришло, как говорится, на ветер и пошло, и кто ветром служит, тому только дымом платят. Но так ли ветер непостоянен, если не носить выше его головы? Ведь не зря в народе замечали, что от хозяина должно пахнуть ветром, а от хозяйки — дымом, и стоит ли дуть против ветра, вместо того чтобы угадывать его настроение?

Обычно ветер живет в согласии со всем, к чему прикасается, и этими прикосновениями он может пробудить в скале, дереве или цветке их душу. Стоит только легкому ветерку пронестись над верхушками деревьев, как они начинают обе-спокоенно шуметь, переговариваться, и не успокоятся, пока ветер не пожелает им крепкого сна. Цветок на ветру стремится не озябнуть, закрыться, но иногда он и распускается, если почувствует в неудержимой стихии внимание к себе. Обычная вересковая веточка способна тонко благоухать только от одного его прикосновения. Что уж говорить о кусте сирени, аромат которого ветер подхватывает, повсюду разносит и, наверное, пьянеет от этой возможности преумножать и без того прекрасную жизнь!

Ветер дует зимой и весной, летом и осенью, и все, кажется, не может нарадоваться своей способности, безоглядно бросаясь с высоты и разбиваясь, в мгновение возрождаться. В разные времена года он, конечно, бывает неодинаков, и от этого

весна начинает казаться краше, лето — ароматней, осень — утонченней, а зима — глубже.

Ветер, несомненно, хорош собой, и когда он с силой гнет деревья, чувствуется, какими они тоже становятся сильными и солидарными, даже самые разобщенные. Не сдаваясь перед его мощью, они словно стараются убедить в чем-то ветер, как обычно отстаивают свое мнение гордые и правдивые люди. Правда, от холодного северного ветра крепкие ели иногда опускают свои нижние лапы к самой земле, но от этого образуется еловый шатер — уютное убежище для птицы, зверя и заплутавшего в лесу человека. А вот если такой ветер дует со снегом, хоть и колючим, — это как чье-то неясное душевное обращение, которое он доносит откуда-то сверху, с небес, и оно только радует и умиротворяет.

Когда начинает задувать весенний ветер, он проносит по небу легкие облака, и тогда такими же вольными рождаются тебе мысли. Задорный мартовский ветер и смел, и упруг, и норовист, а как до боли в глазах прозрачен и синь! Лишь ненароком коснется он твоей головы, как бы невзначай, но будь уверен: весенней порой этот ветер никогда не бывает случаен.

Благодаря именно весеннему ветру, солнцу и поблескивающему насту молодой березняк как бы отрывается от земли и плывет над ней нежно-розовым вздрагивающим облачком. Все приключения души по весне никогда не воспринимаются тяжкими, потому что всегда имеют свежесть молодой травы, обласканной самым чистым апрельским ветром. Перед скорым рассветом он мягко, по-кошачьи, прокрадывается над макушками деревьев и одну за другой задувает на небе зеленые, синие и белые звезды.

В начале лета вдруг уверуешь, что нет ничего прекрасней шелеста травы и листьев на ветру, но выдастся затишье, предшествующее ветру, и все в душе смутится от нерастратченного чувства к нему и тому, что его порождает. Преисполненный довольства августовский ветер, может быть уже от переизбытка радостных ощущений, сам однажды заводит с человеком тихую, задушевную беседу, в которой человеку достаточно просто слушать и мысленно отвечать ветру. Вот когда почувствуешь, как дорог тебе ветер, из всех стихий, пожалуй, самый любимый.

Осенний ветер необыкновенно музыкален. Выводя мелодию без слов, он, как и человек, поет давно известную им обоим песню: про возвышенные порывы живой души и ее тягость, про желание познать лучшую жизнь, чтобы когда-нибудь ее потерять и вновь возродиться. На многое способен ветер-бродяга, гораздый до перевоплощений.

Из обыкновенного воздуха ветер слагает такие песни, что по силе своей бывают ни с чем не сравнимы. Иногда их называют задушевными, идущими из самой его глубины, и они всегда приносят с собой тепло. Хорошо внимать им посреди зимы, когда ни о чем другом не хочется думать. Просто сидеть, прислонившись спиной к бревенчатой стене своего дома, и слушать, как не торопясь выражает ветер свои глубинные настроения.

В песнях этих никогда не услышишь опрометчивости, какого-либо непостоянства. Может быть, лишь поневоле затаившуюся непоседливость или невыразимую грусть, что поселилась в ветре изначально. С самых далеких времен его прошлой жизни, когда он витал над пустынной землей и чувствовал себя одиноким.



С тех пор мало что изменилось в его отношении к себе, но ветер стал петь, наверное, и для человека. Особенно зимой, когда белое безмолвие как бы сковывает восприятие, и кажется, что оно умирает. Еще ветер восполняет в зимнюю пору пение птиц, которые не прилетели, и тогда дуновения его становятся удивительно схожими с их переливами. Он так же, как и они, бывает трогателен и настойчив в достижении своих непревзойденных желаний. Иногда самые важные слова доносит до человека именно ветер, и тот вслушивается, потихоньку складывает из них недостающие мысли и сам становится, как ветер: плохо будет дуть, так ничего ему не дадут, а если хорошо дунет, то все у него будет!

Ветер чудесен по своему воздействию на человека и несет в себе порой много неизведанного. Ветер не ограничен во времени и пространстве, он волен быть там, где ему захочется. И разве может кто-либо сравниться с ним в обилии переживаемых впечатлений?! Ветер великодушно делится ими, если быть внимательным и вдумчивым, и еще он постоянно вселяет в человека веру, что все не напрасно, если не посчитать его таковым; человек же, со своей стороны, оказывается неутомимым, как ветер, только когда испытает на себе не одну бурю.

Ветер улыбается, когда у тебя что-то получается, и ни в чем не мешает, если поверил, что ты уже давно и по-настоящему захотел стать собой. Конечно, этого не увидишь, но почувствовать можно: главное — быть таким же внимательным, как ветер, равнодушным, и тогда многое из того, что доступно ему, станет доступным и для тебя.

Ветер, как настоящая женщина, ждет тебя, настоящего,

мучается, несмотря на свое могущество, и желает, чтобы ты принадлежал только... себе. Конечно, он жаждет поклонения, но в силу собственного достоинства и мудрости ветер великодушно предоставляет возможность и тебе хоть раз оторваться от земли.

Ветер никогда не ищет для себя выгоды, он может снизойти до любого человека, пав перед ним ниц, и будет долго ждать, пока человек не взглянет наконец-то на звезды и не возжелает взметнуться выше небес,— и все равно останется при этом самим собой. В нескончаемых завываниях ветра всегда угадывается, как он желает для человека лучшей доли, старается не покинуть его до самой последней минуты, и все это ради того, чтобы человек не угасал и помнил: он — человек, способный на все, чем обладают и ветер, и солнце, и даже огненная стихия.

Сказать, что ветер просто хорош, значит, не сказать ничего, ибо кто как не сам ветер, способный растревожить любую заблудшую душу, может открыто наслаждаться и своей пугающей темнотой, скорее глубиной, которой позавидует далеко не всякий, но вот захватит она по-настоящему каждого. А это уже нечто более возвышенное, присущее только тем, кто зажигает звезды.

При этом ветер никогда не предупреждает о своем появлении. Когда его долго нет, ты думаешь о нем и начинаешь приписывать ему то, чем он, может быть, даже не обладает, но если ветер вдруг появляется — все ненужное отпадает, и ты ясно осознаешь: быть ветром — это наивысшее состояние духа, к которому нужно всегда стремиться и быть к нему готовым.

Я не понимаю отсутствие ветра. Вернее, когда он долгое время не прилетает к человеку, как будто куда-то пропадает, и от этого становится пусто. Ветра не может не быть, он — воплощение любой человеческой мечты или поступка, обладающих хотя бы маломальской энергией.

Может быть, даже мысль человека свободнее и сильнее самого неукротимого ветра. Принимая ветер как брата и понимая работу мысли как самую свободную энергию, я однажды вдруг почувствовал, что ветер и есть, наверное, та сила, которую в первую очередь создает человеческое сознание.

Иногда ветер сам будто человек, который постоянно стонет о хорошем, когда он обделен им. Но разве можно допустить, что ветер может о чем-либо стонать или просить, желая для себя более достойной судьбы?! Нет, ветер не стонет и не просит, он неустанно убеждает всех в том, как восхитительна жизнь в своем приземленном парении и, несмотря на свою видимую легкость, относится к ней очень серьезно.

Порой ветер как будто разговаривает с кем-то, и ты не сразу понимаешь, что это он общается с самим собой, как часто бывает с любым человеком, доверившимся только собственной душе. Ветер задувает все сильнее и сильнее, будто не надеется на ответное чувство от кого-либо. Он, ветер, до такой степени горд в своем одиночестве, что готов дарить себя лишь избранным, и только избранные, как и ветер, готовы воспринимать его всеохватывающие притязания.

Но попробуй-ка отыскать родственную душу, да еще как у ветра! Правда, если очень желать, то встреча непременно случается, и ветер находит тебя, где бы ты ни был.

Однажды ветер отыскал меня в самых глубинах ноября, еще

не обремененного подступающей зимой, и предупредил о своем появлении отдаленным, но ясным завыванием. Вернее, это было нескрываемое приближение того, что может изменить судьбу, и я, помнится, насторожился, прислушался и отложил обломок карандаша, которым записывал кусочки лесной жизни. Пламя свечи тотчас дрогнуло, метнулось, и затерявшаяся в лесах избушка на мгновение озарилась тревожным светом.

Вселенский гул, какая-то необъяснимая и страшная сила наступала с ветром из осенней темноты, но я еще более подался всем своим существом к тому, что, несомненно, двигалось ко мне. Наверное, я просто проявил неподдельный интерес к ветру, как до этого к самому лесу, и он это почувствовал. Ветер не случайно вознамерился добраться до моей избушки, но страха не ощущалось, а было только стремление встретиться с этой силой лицом к лицу и подружиться, если она того пожелает.

Отойдя несколько шагов от избушки и очутившись в ночи, я присел на маленький чурбачок и оглянулся. Огонек свечи в окошке опять горел ровно и как будто подсказывал: ты все делаешь правильно, только отршись сейчас от моего тепла и обрати свой внутренний взор перед собой, в наполненную жизнью черноту, куда уже устремился свободный ветер. Он приближается именно к тебе, и ты должен быть готов к его встрече, иначе ты не жил.

Мне, конечно, не раз приходилось бывать в страшном ночном лесу, когда все в нем звенит от немоты невысказанного, но если и складываются какие-либо образы, то проплывают они перед тобой неясными видениями, шорохами, от которых хоть беги из леса без оглядки. Непременно в такой

момент засветятся зеленые светляки, то и дело вздрагивающие повсюду и вроде бы приближающиеся, как звериные глаза. А то вдруг пробежит по верхушкам деревьев таинственный шепоток, опалит своим стылым прикосновением так, что занемеют пальцы, и еще неприкаянней станет в лесу, но именно поэтому уже не посмотришь на него свысока: всякое, пусть даже самое жуткое происшествие, на деле всегда окажется преисполнено смыслом, и в нем можно будет угадать какое-либо предзнаменование.

Но еще страшней, когда случается вот такой всесокрушающий вой из запредельной пустоты и неприкаянности, где, наверное, еще не существует боли, а только утробное изрыгание своей необузданной дикой сути. Может быть, это Вселенная решила проверить тебя на прочность: выдержишь ли ты ее натиск, не дрогнешь? Не без восторженного содрогания при этом постигаешь: неужели подобное возможно?! Чтобы ветер или Вселенная чувствовали человека, разгульно и в то же время уверенно шли к нему навстречу, а человеку бы только оставалось ухватить и держать совершенно неповторимое ощущение слитности с этой великой бесконечностью.

Главное, чтобы ты сам чувствовал ветер, думал о его потрясающей негибкости, и тогда стихия принимает тебя, хотя временами будто и негодует или просто злобится, невольно выказывая свой необузданный характер. Но как бы ни был силен ветер, налетевший из неведомых чертогов Вселенной, не пытайся от него утаиться, встречай его душой, сливайся с ним всей своей сутью, и уже вскоре вы вместе будете сгибать столетние ели, а ты и не подумаешь этому удивляться. Сила ветра соединится с твоей силой, и вы навсегда станете едины.

Тогда, в ноябре, могучий вселенский позыв, вмиг обозначив свое присутствие и поняв, что человек ему полностью доверился, вдруг взметнулся будто от радости, затем бросился вниз, по логу, и это было непередаваемо! Все во мне перевернулось и замерло, и я в нетерпении ждал, когда ветер вновь вознесется над вырубкой, где приютилась избушка, а он все не показывался. Было только слышно, как ветер завывал в самой низине, и от этого голос его казался глухим, надтреснутым и недовольным, будто он с кем-то там ругался, но я чувствовал: ветер про меня не забыл и только отчего-то делает вид, что не замечает.

Если долго стоять на ветру, выйдя из обыкновенной охотничьей избушки, то тебе начинает казаться, что ты его во всем понимаешь. Ветер прилетает, вроде бы, только для тебя, думает о своем, не забывая тебя, и вершит свои права, конечно, не смотря на чувства человека, но и не без его участия. Когда ветер метит никому неведомые пути следования, то только затем, чтобы немного отдохнуть у земли от своих нескончаемых возвышенных дел и рано или поздно обратиться к ним твое внимание.

Ветер удивительно целен, замечательно бесконечен, и хотя принято думать, что он одинок, но поля, цветы, деревья и певчие птицы относятся к нему как к старшему брату. Ветер витает над ними, размножает, доносит до слуха всего живого их дивные голоса, будто приглашая заглянуть в свою душу, которую, впрочем, тотчас закрывает, но ощущение от этого мгновенного соприкосновения остается самое необыкновенное.

Ко мне ветер прилетел совершенно открытым. Да и чем мог

помешать ему человек, кроме как завязать с ним мысленную беседу, написать о нем рассказ, попытаться понять его непростую и восхитительную суть! Ветру же было подвластно все.

Он носился всю ночь напролет над долиной таежной реки, то исчезая, то оказываясь совсем рядом, и я верил всему, что он мог себе позволить и вообразить. Ветер увлекал меня в самые головокружительные высоты и я, безоглядно отдаваясь его потоку, чувствовал, как он почему-то заботится обо мне. Проявляя свое внимание где-то в необозримой вышине, он в мгновение, будто играя, появлялся поблизости, а я, наоборот, мечтал унести в ночное небо, и помочь мне в этом был способен лишь ноябрьский ветер. Удивительно, но только с ним оказывалось возможным прикоснуться к звездной жизни, быть там, сколько ты захочешь, и, пока все спят, беспрепятственно вернуться на землю.

Вот такой он, этот ветер, и ничего не поделаешь, когда он переворачивает в тебе душу, но в то же время обозначает судьбу. Ветер судьбы — это, несомненно, и ветер странствий, ветер-бродяга. За его неожиданным появлением всегда стоит долгий путь поисков и ошибок, когда ты еще не в состоянии определить, что представляешь в этом мире и что когда-нибудь из этого родится. Однажды налетая, он подхватывает мятущуюся душу, и душа вдруг обретает крылья, которые уносят ее вместе с надеждой за исчезающий горизонт.

*2000-2002 гг.*

## СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
Предзимье .....	6
Первый снег.....	7
Косой черт .....	11
Ночная электричка.....	13
Веселые кабаны.....	15
Войдя в морозный, зимний лес.....	18
Под Рождество .....	27
У полыньи .....	29
Синий вечер .....	31
Черный ворон.....	38
Заячья забава.....	50
Февраль-бокогрей .....	59
Большая Медведица.....	74
Линии леса .....	86
Господин дятел .....	91
Весенним днем.....	112
Заячьи свадьбы.....	117
Первый ток.....	122
Жизнь в лесу .....	128
«Красная горка».....	133
Дневник глухаря .....	145
Журавли .....	155
Дружные тетерева.....	173

Ночной гость.....	188
Голос природы.....	193
Весенние шарманки.....	195
Костер жизни.....	211
Зависть.....	219
Ночной переполох.....	220
Лесной бог.....	229
Как я узнал, что буду жить вечно.....	240
Почему зайчиху плохой матерью зовут?.....	241
Предвкушение тайны.....	243
Спящие лебеди.....	247
Кукушкины слезы.....	254
Чувства-птицы.....	258
Мужичок в армячке.....	260
Лесные усы.....	273
Трясогузкины причуды.....	279
Сердобольная птица.....	282
Старая береза.....	297
Взгляд из окна.....	298
Зяблик-интеллигент.....	300
Сны.....	313
Пни и ветер.....	317
«Трум-трум».....	318
Паутина.....	335
Птичий гений.....	336
Черника.....	355
Заповедь корней.....	358

Августовский лес.....	360
«Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей!».....	367
Быть человеком.....	396
Сорока на коньке.....	398
Темная звериная душа.....	416
Посорка.....	417
Милые лоси.....	425
Отчего волки воют?.....	439
Раз сторожка, два сторожка.....	440
Про сыча.....	463
Осенняя луна.....	464
Серый помещик.....	468
Поразительный тетерев.....	508
Еловое облачко.....	508
Ощущение зверя.....	545
Лесная бабочка.....	545
Необычная сова.....	552
Страх.....	556
Незнакомый зайка.....	557
Лесной архимандрит.....	565
Ветер-бродяга.....	604

Сдано в набор 12.02.03. Подписано в печать 01.07.03. Формат 60x70<sup>1</sup>/<sub>16</sub>.  
Бумага ВХИ. Гарнитура «Тайме». Печать офсетная. Усл. печ. л. 30,225.  
Тираж 500 экз. Заказ № 558.

Издательско-полиграфический комплекс «Звезда». 614990,

г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.